ПОД МАЯТНИКОМ СОЛНЦА

РОМАН О ФЕЯХ

ДЖАННЕТ ИНГ

ЛАУРЕАТ БРИТАНСКОЙ ПРЕМИИ ФЭНТЕЗИ

Под маятником солнца

Джаннет Инг

Аннотация
Джаннет Инг. Под маятником солнца
Часть первая. Гефсимания
  Глава 1. Прибытие «Безмолвного»
  Глава 2. Сестра в башне
  Глава 3. Солнце над горизонтом
  Глава 4. Птица в клетке
  Глава 5. Подменыш в часовне
  Глава 6. Полуночные мистерии
  Глава 7. Башня в саду
  Глава 8. Слова в книге
  Глава 9. Пес среди тумана
  Глава 10. Брат в холле
  Глава 11. Ива на портрете
  Глава 12. Тайны прошлого
  Глава 13. Королева в замке
Часть вторая. Галаад
  Глава 14. Бальзам для души
  Глава 15. Свет в стекле
  Глава 16. Женщина среди теней
  Глава 17. Сова на проповеди
  Глава 18. В силках

Глава 19. Взгляды в саду
Глава 20. Снег среди лета
Глава 21. Дар дерева
Глава 22. Бал внутри заводного механизма
Глава 23. Правда открывается в полночь
Глава 24. Красное утреннее небо
Глава 25. Гончие на охоте
Глава 26. Кролик в силках
Часть третья. Голгофа
Глава 27. Кровь на руках
Глава 28. Чужак под кожей
Глава 29. Мир за дверью
Глава 30. Во чреве чудовища
Глава 31. Слова в начале
Глава 32. Шествие сезонов
Глава 33. Расплата на рынке
Глава 34. Мотылек в банке
Глава 35. Записка на кровати
Глава 36. Правда между строк
Глава 37. Мотыльки в библиотеке
Глава 38. Безумная в мансарде
Глава 39. Хлеб на столе
Часть четвертая. Геенна
Глава 40. Пламя в кухне
Глава 41. Тайны в крови
Глава 42. Призыв в ночи

Глава 43. Дорога в ад Благодарности

Аннотация

Во время правления королевы Виктории английские путешественники впервые посетили бескрайнюю, неизведанную Аркадию, землю фейри, обитель невероятных чудес, не подвластных ни пониманию, ни законам человека. Туда приезжает преподобный Лаон Хелстон, чтобы обратить местных жителей в христианство. Миссионера, проповедовавшего здесь ранее, постигла печальная участь при загадочных обстоятельствах, а вскоре и Лаон исчезает без следа. Его сестра, Кэтрин Хелстон, отправляется в опасное путешествие на поиски брата, но в Аркадии ее ждет лишь одинокое ожидание в зловещей усадьбе под названием Гефсимания. А потом приходит известие: Лаон возвращается – и за ним по пятам следует королева Маб со своим безумным двором. Вскоре Кэтрин убедится, что существуют тайны, которые лучше не знать, а Аркадия куда страшнее, чем кажется на первый взгляд.

Джаннет Инг
Под маятником солнца

Jeannette Ng
Under The Pendulum Sun. A Novel of the Fae

Copyright © 2017 by Jeannette Ng
Cover illustration: © John Coulthart
© Мария Акимова, перевод, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

К сказочным историям нашего детства
Я добавляю этот апокриф

Часть первая. Гефсимания

Глава 1. Прибытие «Безмолвного»

Великие древние империи магометан и язычников содрогнулись перед доблестным британским оружием, мужество и силу которому придавал сам БОГ. Прочные и доселе неодолимые преграды рухнули, и Благой вести открылся путь в самые отдаленные уголки мира. Благодаря этому доступной стала Палестина, и теперь англичане могут свободно путешествовать по всей Святой земле. Продолжают шириться наши владения в Индии, и перед слугами Божьими открываются все новые и новые поприща. А Китай, чьи неприступные ворота распахнула война, взывает к истинно верующим.

Но именно земли фейри сильнее всего притягивают наши взгляды. Бескрайняя, неизведанная Аркадия, многие века закрытая и от нас, и от Слова Божьего, наконец сделалась ближе и понятней. А поскольку по чудесному замыслу Господа нашего именно Британия получила высокую и исключительную честь сокрушить препоны, то она и должна первой принести в эти края бальзам благословенного Слова Божьего.[1]

Преподобный Уильям Э. Мэтисон. Воззвание от имени Аркадии. Газета «Мировые новости», 5 декабря 1843 года

Мы с братом росли в мечтах о новых землях.

Библиотека у нас дома была довольно скромной, но наш отец выписывал все самые популярные журналы, которые с радостью проглатывались от корки до корки. Мы слонялись у ворот, поджидая почтальона, приносившего свежую пищу для нашего изголодавшегося воображения,

---

[1] Примечания: 1

Чуть видоизмененный отрывок «Воззвания от имени Китая» из книги Джейкоба Томлина «Миссионерские дневники и письма: написанные в течение одиннадцати лет проживания и путешествий среди китайцев, сиамцев, яванцев, хассиев и других восточных народов».

и от скуки рассказывали друг другу истории о том, что *могло бы* случиться. Помню, как-то мой брат Лаон нашел в глубине кармана одного из наших оловянных солдатиков. Красная краска на том почти стерлась, и бедняжка смотрел на меня с многострадальным выражением лица. Я выхватила солдатика у Лаона из рук, объявила его герцогом Веллингтоном и убежала, заявив, что мы отправляемся в путешествие. Как лорд Байрон или Марко Поло.

Мы придумывали для наших солдатиков целые миры: Гаалдин, Эксину, Алькону, Заморну. Узнав из отцовских книг о паломниках, миссионерах и исследователях, принялись сочинять истории о невероятных похождениях. Длинные и запутанные. Читая об открытии Америки, Дальнего Востока и удивительной Аркадии, добавляли похожие земли на наши становившиеся все более и более сложными карты. Подражая газетам и журналам, писали для наших оловянных солдатиков новости, где в мельчайших подробностях рассказывалось об их подвигах, политической жизни оловянных парламентов и светских скандалах.

Но, несмотря на все это, выдумки наши оставались скромными и провинциальными. Тропики и пустыни из детских небылиц наполнялись

теми же дубами и осинами, что росли в нашем саду. Причудливые сооружения, которые мы возводили на придуманных землях, были всего лишь приукрашенной белой церквушкой в Берд-форте. На неведомые края проливался тот же самый йоркширский дождь, что загонял нас домой, а там, вымокшие до нитки, мы стаскивали сырую одежду и сидели, словно привязанные, пережидая непогоду и отчаянно нуждаясь в развлечениях.

По существу, я так никогда и не смогла представить себе настоящую Аркадию.

И, заметьте, все истории о ней были мне известны. Первые путешественники по возвращении рассказывали ошеломительные вещи: «Я был слеп, пока не увидел Фейриленда, а нынче прозрел», «Ни красок, ни пышности, ни чудес не знал я до того, как не увидел берегов Аркадии». В дальнейшем слова путешественников становились прозаичней, но достойных описаний попрежнему никто из них не предлагал. Карт было мало, изображений — еще меньше, к тому же почти все они были объявлены фальшивками теми или иными исследователями.

О скольких бы противоречивых теориях я ни читала, но просвещеннее не становилась. По-

говаривали, что Фейриленд располагается под землей, но это было не так. Что он накладывается на наш мир, но снова нет. Что это какое-то иное место, но и это не было правдой.

Единственное, что было доподлинно мне известно, — наш корабль «Безмолвный» шесть недель ходил кругами по Северному морю. На рассвете первого дня седьмой недели дрожащая стрелка моего компаса сообщила, что мы направляемся прямиком обратно в окутанный смогом Лондон.

Я нервно стиснула компас. Его подарил мне брат, перед тем как отправиться миссионером в Аркадию. Брат стал одним из первых, кому доверили нести Слово Божье «чудесному народцу». Лаон провел у них уже три года и в своих письмах был исключительно скуп. И сейчас я пыталась подавить охватившее меня беспокойство, но оно лишь сильнее сжимало мое сердце.

Именно в тот момент я и увидела впервые Фейриленд.

Ослепительно-белые скалы вздымались из белоснежной морской пены. На мгновение я испугалась, что это Дувр и что корабль просто вернулся к самым обычным меловым утесам, а, значит, неведомые земли меня вовсе не ждут.

Но это не мог быть Дувр, слишком уж белыми и совершенными выглядели скалы.

Я ожидала разглядеть за ними родные холмы, но вместо этого увидела неровный горный пейзаж, который словно лезвие ножа выступал над поверхностью моря. Каждая деталь казалась до боли знакомой, но, собранные вместе, они противоречили друг другу. Я узнавала ухмыляющийся профиль холма и похожий на костяшки пальцев гребень горы, но стоило ветру и волнам перемениться, и все снова начинало казаться чем-то другим, а мои глаза от напряжения наполнялись слезами.

«Безмолвный» чайкой скользнул в широкое устье реки. На фоне зелено-серых берегов рассыпающимся строем раскинулись непривычные сооружения. Прищурившись, я разглядела узкие башенки, остроконечные крыши и причудливо склоненные стены. На мгновение город показался мне громадным драконом, который свернулся вокруг гавани и выдыхал дым из раздувающихся ноздрей. Он замерцал, черепичные крыши начали выглядеть чешуей, а затем город *шевельнулся*.

Я моргнула, и здания вернулись на прежнее место. Не было никакого дракона. Был всего лишь город с многолюдными улицами.

Палуба корабля вздымалась под нашими ногами, словно спина норовистого жеребца. Среди матросов раздавались окрики, которых я не понимала. Поднялась суета. Матросы карабкались вверх и вниз по тросам и таскали с места на место канаты, бормоча под нос защитные заклятия. Я хотела упрекнуть их за суеверие, но мы плыли в Аркадию, и мои возражения не имели никакого смысла.

Я старалась держаться в стороне, пока матросы богохульно крестились во имя соли, моря и суши.

Ветер, в котором чудилось что-то неестественное, закружил вокруг судна, заставляя его раскачиваться. Хлопали паруса, надуваясь и сдуваясь при каждом порыве. «Безмолвный», казалось, ожил. Юнга обнял нос корабля и принялся ласково с ним ворковать.

Прошло довольно много времени, прежде чем корабль приручили и доставили к берегу.

А затем я просто оказалась там, неуверенно ступив с палубы на покачивающийся причал. Извилистые улицы, наполненные похожими на людей созданиями, напомнили мне суетливый Лондон.

После морского путешествия непривычно было

ощутить под ногами неподвижную землю, и я покачнулась. Моя дорожная сумка и сундук присоединились ко мне на причале, я нащупала свои документы и оглядела толпу в поисках проводника, стараясь не замечать странностей, присущих каждой фигуре, — крыльев, рогов и необычного окраса. Когда вещи будут распакованы, а я найду брата, хватит времени и на чудеса Аркадии.

— Мисс Кэтрин Хелстон, я полагаю? Сестра миссионера?

Я обернулась. Женщина со вздернутым носом, округлым подбородком и ласковыми карими глазами была, наверное, одной из наименее возвышенных людей, которые когда-либо мне встречались. Ниже меня ростом, она казалась высокой и стройной из-за неподвижности ее длинных юбок, которую не нарушали ни шуршащие волны, ни складки. Одежда на женщине была унылых, мертвенных цветов — платье грязноватого темно-синего оттенка и скорее серая, чем белая, шаль.

Стоило мне кивнуть, и улыбка залила ее веснушчатое лицо.

— Я сразу поняла, что узнала вас, — произнесла женщина. — Вы очень похожи на своего брата.

— Разве?

Несмотря на одинаково темные волосы и внушительного размера носы, мало кто замечал наше с Лаоном сходство — привлекательные в мужчине черты, повторенные в теле женщины.

— Я — Ариэль Давенпорт, о чем, уверена, вы знаете. Ваш гид.

— Очень рада наконец-то с вами познакомиться, — ответила я. Приготавливаясь к путешествию, мы обменялись несколькими письмами через миссионерское общество.

Обеими руками она схватила мою ладонь, энергично встряхнула и, внезапно налетев, торопливо поцеловала в обе щеки. А затем добавила, улыбнувшись еще шире:

— Хотя я и не настоящая.

— Я… я не совсем понимаю.

— Видите ли, я не настоящая Ариэль Давенпорт, — в ее смехе звучала какая-то неприятная нотка, слишком уж он был ломким. — Я ее подменыш.

— Подменыш?

Поговаривали, что многие посредники между фейри и людьми были подменышами. По слухам, один из ботаников капитана Кука, прибыв в Аркадию, узнал о своем родстве с фейри и был привлечен к их делу. Несмотря на такие истории,

подменыши казались мне все-таки не вполне реальными. Но с другой стороны, при моей замкнутой жизни и французы казались не вполне реальными.

— Значит, вас растили, как ее…

Мое невежество заставило Ариэль Давенпорт раздраженно вздохнуть и закатить глаза:

— Она была человеческим дитятей, а я — волшебным подобием человеческого дитяти. Мы поменялись местами. Я выросла там, а она — здесь.

— И что с ней стало? — спросила я.

— Не по мне о таком рассказывать, — она обезоруживающе улыбнулась одним уголком рта и добавила, безупречно правильно выговаривая слова: — А спрашивать о таком едва ли пристойно.

— Простите… простите меня, — пробормотала я и опустила глаза.

Няня Тесси хранила возле наших с братом кроваток стальные ножницы, дабы отпугивать похитителей-фейри. Однажды от бессонницы и скуки я предложила Лаону закрыть ножницы, чтобы те перестали напоминать крест, и пригласить фейри в гости. Брат пришел в ужас. И поэтому я никогда больше подобных идей не

высказывала.

— Как бы то ни было, теперь я снова здесь. Потому что полезна и понимаю вас, людей, — сказала мисс Давенпорт. — Кстати говоря, я очень небрежно отношусь к своим обязанностям. Вряд ли стоит заставлять вас болтать тут целый день, — она махнула поджидавшему носильщику, чтобы тот поднял на плечи мой сундук. Желтоватая кожа носильщика отливала зеленым, когда на нее падал свет.

По дороге до нашего чуть скругленного по углам экипажа мисс Давенпорт что-то напевала под нос. Я старалась не засматриваться на яркие жабры носильщика, пока тот грузил мой сундук и сумки. Он привязал их к высохшему черенку, торчавшему посреди крыши кареты.

— Как далеко до Гефсимании? — спросила я, и стоило только прозвучать названию конечного пункта, как зловещая дрожь прошла у меня сквозь тело.

— Той, что миссионер зовет сумбуром? — уточнил кучер.

— Полагаю, что да, — ответила я. — Там живет преподобный Лаон Хелстон. Хотя, думаю, название этому месту дал его предшественник.

Кучер хмыкнул и отвернулся.

— Вы мне не ответили, — настаивала я. Возможно, предшественник Лаона слишком увлекся, заслуживая себе венец мученика. В конце концов, по какой еще причине можно назвать здание в честь сада, где Христос провел свои последние часы перед распятием? — Как далеко до Гефсимании?

Кучер что-то проворчал под нос, и кожа на его переносице сморщилась, точно меха аккордеона:

— Два откровения и одно прозрение? Нет, должен быть путь покороче… Два тягостных воспоминания и одна меч…

— Шестнадцать миль, — перебила его мисс Давенпорт, — это в шестнадцати милях отсюда. Мы прибудем задолго до темноты.

Я неуверенно кивнула.

— Он говорит так для приезжих, — добавила она, сверля взглядом бормочущего кучера.

Едва я забралась в экипаж, нестройный перезвон колоколов пробил полдень.

Все еще придерживая дверцу, я обернулась и посмотрела вверх. Дыхание перехватывало, сердце разрывалось от предвкушения. Я столько читала о маятниковом солнце Фейриленда и по своей глупости чуть ли не ждала, что оно кач-

нется в небе, прежде чем устремиться на восток. Точно кулон, с которым я экспериментировала, пытаясь понять, как это работает.

Разумеется, все оказалось совсем не так.

Солнце выглядело заметно больше того, которое сопровождало меня всю жизнь. Но в остальном казалось точно таким же и жгло глаза, пока я в него всматривалась.

— Оно не *настолько* быстро движется, — произнесла мисс Давенпорт. — Просто глянув вверх, ничего не увидишь. Даже в полдень.

Я опустила взгляд. Из-за яркого света перед глазами плыли белые пятна. Я прикрыла веки и прижала к ним прохладные пальцы. Конечно же, я знала, что ничего не увижу. Дни в Аркадии ничуть не длиннее обычных.

Однако искушение было слишком велико.

— Простите. Мне стоило догадаться, — пробормотала я, забираясь обратно в карету и усаживаясь на крапчатую обивку сиденья. Ведь знала, что нахожусь на самой окраине Фейриленда и многих странностей маятниковой траектории солнца отсюда не заметить.

— Когда ваш брат впервые приехал, он поступил точно так же, — сообщила мисс Давенпорт.

Я улыбнулась и, несмотря на разделявшее нас

с Лаоном расстояние, снова почувствовала близость с братом.

Мы с ним были неразлучны с той самой секунды, как я вернулась из школы для дочерей священников. Произошло это после смерти нашей сестры Агнесс. Мне было семь с половиной лет. Меня попросили коснуться губами холодной кожи мертвого тела, а я старалась не думать о стоявшем на столе гробе. О том, что покойница выглядит переодетой в платье сестры незнакомкой. О том, до чего пустым казалось тогда обещание жизни за пределами этого мира. Мои пальцы сплелись с пальцами брата, но я не чувствовала тепла его ладони, пока мы стояли и смотрели, как гроб глотает земля.

— Гефсимания не очень далеко, — прервала мои размышления мисс Давенпорт, — но за пределами Сезама, ну, вы понимаете, портового города. Немногие люди перебираются за его пределы. Почти всех остальных миссионеров мы разместили в Сезаме или в каком-нибудь из других портов. Там, знаете ли, все гораздо более мирское. Хотя, возможно, это не имеет значения. Вас вот карета не встревожила.

Я оглядела простое деревянное убранство экипажа и обивку из телячьей кожи, покрытую

сбивающим с толку узором царапин.

— Сиденья немного комковатые? — осмелилась предположить я, пересаживаясь на жесткую подушку.

— О, да. Ткань — это… Мы всего лишь *одолжили* шкуру у коров.

— Что? — Мое недоверие было вполне понятно.

— По правде сказать, это моя вина, — застенчиво произнесла мисс Давенпорт, почесывая вздернутый носик. — Мастера понятия не имели, что такое карета, поэтому пришлось ее описать. Я сделала это не совсем верно. Или, скорее, меня не совсем верно поняли. Стараюсь не совершать подобных ошибок, но тогда очень торопилась, а тамошние рыбьи мозги работают уж очень на свой манер. Им привычнее создавать животных. Дело в том, что я позабыла упомянуть, что обивку делают из кожи *мертвых* коров, поэтому здесь…

— Как он там? — перебила я.

Мне едва хватило смелости спросить о брате. Мысли о нем ледяными пальцами сдавливали горло. Якобы живая обивка шевелилась подо мной, карета грохотала, а я чувствовала себя крайне плохо. Долго, слишком долго я держала тревогу в узде, а теперь, когда на горизонте зама-

ячила новая отсрочка, владеть собой стало еще тяжелее.

— Лаон. Мой брат… То есть преподобный.

Мисс Давенпорт пожала плечами:

— По правде, и не знаю, что на это ответить. Он такой, каким я всегда его знала. Живой и здоровый. Думаю, вы об этом беспокоитесь? — Она нахмурилась, и высокий лоб покрылся морщинками.

— Я… Да, об этом. И очень сильно.

Я так крепко обхватила себя руками, что разболелись пальцы. Пришлось заставить ладони расслабиться. Брата я увижу уже совсем скоро.

— Ну и ну! Шутить-то куда сложнее, чем мне помнится, — из-под перчатки, прикрывшей лицо мисс Давенпорт, раздался похожий на пронзительное чириканье смех. — Все с ним в порядке. Лучше, чем с миссией, по правде говоря. Не стоит мне этого говорить, но в здешних краях нелегко быть миссионером. Он проводит службы, на которые никто не приходит, умоляет о доступе к остальной части Фейриленда и задает всем вопросы об их… — она прочистила горло и продолжила низким, тягучим голосом, — космологическом и метафизическом значении.

Я попыталась рассмеяться, но у меня не полу-

чилось.

— На него это не похоже.

— В том-то все и дело, — парировала она. — Это и веселит.

После непродолжительного молчания мисс Давенпорт заполнила тишину экипажа непринужденной светской болтовней. Она описывала мне свойства маятникового солнца и лунной рыбы. О многом из сказанного я уже читала, но было славно отвлечься на беззаботный щебет моей спутницы. Мне пришлось слишком долго оставаться наедине со своими мыслями на борту «Безмолвного».

Я поймала себя на том, что манеры мисс Давенпорт интересуют меня куда больше, чем ее слова. Разглядывая и изучая жесты этой женщины, я пыталась заметить ее родство с фейри. На первый взгляд из-за своих веснушек и кривой ухмылки она казалась таким же человеком, что и я. И все же была в ней та неуклюжесть, которую молва приписывает подменышам. Некоторый изъян в их подражании людям. Тесси как-то велела мне прекратить истерику и вести себя пристойно, чтобы доказать, что я не подменыш.

— Вы можете выглянуть, если желаете, мисс Хелстон. Окно открывается.

После некоторых усилий я справилась с задвижкой и высунулась наружу. Туман газовой вуалью окутывал колючие заросли, которые и являлись Сезамом. Мы были одни среди густой мглы, в которую убегала дорога. Нахмурившись, я разглядывала сгорбленные кроны покрытых шипами деревьев. Небо над нами затянули тяжелые грозовые тучи.

— Погода не всегда такая, — сказала мисс Давенпорт, — но, по крайней мере, вы почувствуете себя как дома. Можно претвориться, что там, за туманом, торфяные болота. Это прогонит вашу тоску по родным краям.

— Я не тоскую по родным краям.

— Это пока.

Взгляд мисс Давенпорт метнулся к окну. Она колебалась. Видимо, ее общительность была вызвана неким невысказанным чувством. Рассматривая свои затянутые в перчатки ладони, она произнесла тихим голосом, который совсем не вязался с ее прежними манерами:

— Я выросла в Лондоне. В Спиталфилдсе.

Я ждала, не желая навязываться, когда она столь уязвима, и через мгновение поняла, что затаила дыхание. Я старалась не смотреть на нее, но все же бросили взгляд на умолкнувшую

мисс Давенпорт и заметила нечто странное в выражении ее лица. Хотя и не могла сказать, связано ли это с какой-то тревогой или просто с ее внешностью.

Казалось, она взяла себя в руки — разгладила юбки и заправила за ухо выбившуюся прядь волос, тайком смахнув слезу.

— Я не плачу, — тихо произнесла мисс Давенпорт. — Не могу. А это всего лишь привычка.

— Я всего один раз была в Лондоне, — заметила я.

— Он просто великолепен, — оживляясь, с жаром подхватила она. — Нет другого такого места. Даже здесь. Ничего подобного.

Невозможно было сказать, небеса разверзлись над нами или это мы въехали в бурю, но едва первые капли упали на карету, мисс Давенпорт попросила закрыть окно. Дождь, коснувшийся моей руки, был до омерзения теплым. Но прежде чем я успела удивиться подобной странности, порыв ветра охладил брызги воды.

Наш экипаж замедлился, с чавканьем увязнув в грязи. Кучер спустился с козел на крыше, чтобы повести лошадь под уздцы.

Прошло несколько часов, прежде чем дождь ослаб настолько, что я смогла снова приоткрыть

окно и выглянуть наружу. Разумеется, совершенно напрасно, поскольку взгляд не мог проникнуть сквозь темные клубы тумана. Отчасти из любопытства я открыла крышку компаса. Ожидала, что увижу, как его стрелка в нерешительности вращается вокруг своей оси, но она указывала более или менее прямо.

Значит, север был *там*.

Похожий на саван туман застилал все, что находилось за пределами болезненно-желтого света фонаря. Создавалось странное ощущение пустоты. Привычный птичий гомон или шелест листьев, которые я столь часто принимала как должное, попросту исчезли. Я убеждала себя, что это ничем не отличается от того ощущения оторванности от мира, которое сопутствует любой буре. Что тишина — всего лишь непримечательная иллюзия, рожденная ветром и дождем, терзавшими экипаж.

В клубящейся пелене шевелились таинственные тени. Резкие линии, упиравшиеся в небо, наводили на мысль о суровых скалах и узких ущельях. Громады сменяли друг друга, и хотя я старалась не представлять их, мое воображение непроизвольно заполняло серый пейзаж, простиравшийся впереди. Полузабытые гравюры из

«Путешествий капитана Джеймса Кука» и экзотические видения из «Зарисовок Нового Мира» начали заселять все вокруг.

И вот я уже различала в клубах густого тумана бесплотные лица сильфов, глазеющих на меня, и силуэты резвящихся гномов, чья походка в моих фантазиях походила на важную поступь ланкаширских кур.

— Вон, теперь вы можете его увидеть! — Голос мисс Давенпорт вывел меня из задумчивости. Она указывала на дом моего брата.

Я моргнула. От звука ее голоса туман раздвинулся, словно занавес.

В своих редких письмах Лаон называл это место пансионом, и, несмотря на громкое имя — Гефсимания, — я не ждала ничего особенно грандиозного. Но сливавшийся с завесой дождя дом превзошел бы и куда более смелые ожидания. Это был не особняк, а скорее замок — переплетение шпилей и устремившихся к небу контрфорсов на вершине скалистой горы. Каждый камень причудливого здания выражал презрение к самой идее эстетической привлекательности и практической пользы. Безмолвное и одинокое, оно слишком напоминало скелет, чтобы называться живописным.

Огромное сооружение снова исчезло за густым туманом и кронами деревьев.

— Гефсимания, — пробормотала я.

Ее ворота с обеих сторон подпирали угловатые башни из темно-серого камня, смотревшие на, казалось, бездонную пропасть.

Мы остановились. Не было слышно ни шагов, ни голосов, ни других звуков, кроме громкого лязга тяжелых железных засовов. Я рассматривала заросшие мхом и белладонной стены. Под грохот цепей поднялась решетка, пропуская нас вперед. Затем со скрипом открылись ворота, и мы попали на внутренний двор.

Когда я наконец вышла из экипажа и огляну-лась на контуры осыпавшихся крепостных стен, на меня нахлынуло чувство тревоги, от которого было не избавиться.

Почему из всех мест, которые фейри могли пожаловать брату, они выбрали именно это?

Глава 2. Сестра в башне

Возможно, действительно существуют бесчисленные миры, которые вращаются вокруг бесчисленных светил, как описывала в своих стихах леди Кавендиш. И эти странствующие миры на самом деле могут быть сокрыты от нас ярким светом своих звезд.

Но Аркадия не из таких.

У Фейриленда нет солнца в том смысле, в каком мы его понимаем. Солнечный цикл с восходом на востоке и закатом на западе – зрелище совершенно чуждое для этих мест, ибо они не вращаются вокруг пылающего светила.

Представьте себе яркий фонарь, висящий на конце длинного шнура. Затем вообразите, что он, словно маятник, раскачивается над поверхностью, давая свет по очереди каждой из ее частей. Поверхность – это и есть Аркадия, а фонарь – ее солнце. Таким образом, на окраинах Фейриленда солнце достигает наивысшей точки, а затем начинает

обратный путь. Точка равновесия маятникового солнца находится вблизи центра Фейриленда, непосредственно над городом Пивот. Там почти никогда не бывает ночи, поскольку солнце расположено достаточно близко, чтобы давать хотя бы сумеречный свет.

Таким образом, периоды света и мрака – я не решаюсь использовать слово «день» – очень различны на всей протяженности Фейриленда и зависят от расположения места под маятником солнца. На два светлых периода и относительную темноту в городе Пивот идет один период в дальних пределах. Те же места, что расположены между ними, переживают длинный «день», за которым следует «день» короткий.

Это делает исчисление времени в Аркадии, мягко говоря, довольно сложным процессом. Предлагалось назвать «днем» одно полное колебание, независимо от того, сколько периодов света и мрака переживают те, кто находится под маятниковым солнцем. Непоследовательное насаждение этой идеи лишь вызвало

путаницу в дальнейшем. В Фейриленде есть нечто схожее со сменой времен года, когда дуга солнечного маятника уменьшается, но поскольку продолжительность колебания, как и у любого другого маятника, не зависит от дуги, она остается постоянной. Таким образом, на окраинах Фейриленда, которые получают меньше тепла и света, наступает период, напоминающий зиму. Кроме того, как мне говорили те, чьи слова заслуживают доверия, солнце – это фонарь в буквальном смысле слова.

***Адриен Гюйгенс. О хронометрической природе небес Фейриленда, в переводе сэра Томаса Раймера и Коппелиуса Уорнера, 1839 год*[2]**

---

[2] Примечания: 2

Адриен Гюйгенс — отсылка к Христиану Гюйгенсу (1629–1695), нидерландскому механику, физику, математику, астроному, изобретателю и одному из основоположников теоретической механики и теории вероятностей. Сэр *Томас Рай-мер* носит имя шотландского барда XIII века, персонажа кельтского фольклора Томаса Лермонта, также известного как Томас Рифмач (Thomas the Rhymer). В самой известной легенде о нем рассказывается, как Томас своей песней пленил сердце королевы эльфов, та отвезла его в волшебную страну и сделала своим возлюбленным.

Имя *Коппелиус* принадлежит песочнику из новеллы Гофмана «Песочный человек» — существу, усыпляющему детей и ответственному как за приятные сны, так и за кошмары.

В цитадель вели широкая, похожая на хищную пасть, арка и истертые ступени. За распахнувшейся красной дверью нас встретила темнота.

— Похоже, мы застали их врасплох, — сухо заметила мисс Давенпорт, проходя в дальний конец залы и раздвигая плотные шторы. Внутрь, прорезая тучи испуганной моли и танцующей пыли, резко и неожиданно хлынул свет.

Фойе, обшитое панелями темного дерева и окаймленное ажурными балконами, выглядело грандиозно. Изысканные деревянные панданы свисали с перекрестий арочных сводов, которые поддерживали потолок. Сплетение изящных изгибов напоминало птичью клетку. Мрачные лорды и леди взирали на меня с портретов, которым явно не подходили их рамы. Несмотря на вытянутые лица и пустые взгляды, нарисованные казались очень похожими на людей. Почти все поверхности покрывала собранная за несколько жизней коллекция потертых гобеленов и выцветших ковров.

Это была легендарная обитель, богатая история которой писалась на языке, понятном мне лишь наполовину. Однако швы в тех местах, где древняя каменная кладка встречалась с современной кирпичной, были заметны даже моему взгляду.

Лоскутное одеяло из разных стилей намекало на длинную череду предыдущих владельцев, каждый из которых проявлял собственный эксцентричный вкус. Каждая отметина в известковом растворе, каждое старое окно в еще более старой стене, каждое изменение и добавление кладки говорили о некоем великом прошлом.

В холле появился невысокий гоблиноид с крапчатой кожей цвета серебристой березовой коры. Он представился мистером Бенджамином Гудфеллоу [3], а затем низко и неуклюже поклонился.

— Я… я не ждал вас так скоро, — произнес он, запинаясь и щурясь на меня сквозь очки в проволочной оправе. — Преподобный в отъезде.

— Лаон уехал? — Я попыталась подавить вспыхнувшую тревогу, припомнив полученные письма. — Я думала…

— Уехал-уехал, — ответил гоблиноид, кивая. — Очень далеко. И так долго отсутствует. Скоро вернется. А мы делаем, что должны. Делаем, что можем. Делаем и суетимся. Для гостей всегда го-

---

[3] Примечания: 3

Фамилия персонажа (Goodfellow — славный малый) отсылает к древнегерманскому фольклору, который отчасти прижился в Англии, где существо, носящее это имя, из мрачного и пугающего стало веселым озорником. Так же его называют Паком. В «Сне в летнюю ночь» Шекспира Пак предстает слугой короля и королевы эльфов.

това комната в башне. — Его бормотание стихло, а лицо сморщилось от раздумий. — Вы ведь его сестра?

— Да, — ответила я, — но где же Лаон?

— В отъезде? — произнес он, и голос его прозвучал заливистой трелью.

— Разве вы не знаете наверняка?

— Комната в башне, — решительно заявил гоблиноид. На мгновение я растерялась, но потом поняла, что он просто проигнорировал мой вопрос. — Да, сестра в башне. И подменыш в зеленых покоях. Да, да. В этом есть смысл. Я провожу вас.

— Что ж, благодарю вас за старания, мистер Гудфеллоу.

— Мистер Бенджамин, если позволите, — в его акценте слышалось подражание оксфордскому выговору. — Такое имя мне дал преподобный.

Стоявшая рядом со мной мисс Давенпорт присела в реверансе:

— Я очарована, мистер Бенджамин.

Тот просиял от ее жеста, поэтому мне показалось уместным тоже сделать реверанс. Мисс Давенпорт одарила меня задумчивой улыбкой и подмигнула, хотя я не совсем понимала, что за этим крылось.

— Вам пора устраиваться, мисс Хелстон, — произнесла она, — или хотя бы осмотреть свою комнату. Я заплачу кучеру и позабочусь о багаже. Увидимся за ужином. Жду не дождусь, очень уж проголодалась.

Мистер Бенджамин, сунув под мышку мой саквояж, вел меня в башню, а по пути рассказывал свою историю. Как оказалось, он являлся гномом — что, как я знала из сочинений Парацельса, означало отношение к стихии земли, — причем первым и единственным, кого обратил в веру прежний миссионер, преподобный Джейкоб Рош.

— Преподобный всегда говорил, что мистер Бенджамин похож на самого младшего из библейских братьев [4], — сказал он. — Маленькое имя для маленького гнома.

— Вы имеете в виду Роша или моего брата? — спросила я.

— Первого, не последнего.

Кроме того, где-то в замке обитала экономка, которую мистер Бенджамин называл Саламандрой.

---

[4] Примечания: 4

Речь о Вениамине, младшем сыне библейского патриарха Иакова и его любимой жены — Рахили. Иаков в своем предсмертном благословении характеризовал его как «хищного волка, который утром будет есть добычу, и вечером будет делить добычу».

Прогулка по цитадели казалась мне путешествием назад во времени. Сравнительно современное фойе переходило в коридор, оклеенный флоковыми обоями, которые были невероятно модными почти сто лет назад. Буйные цветочные узоры в темно-зеленых и золотых тонах уступали место гобеленам, висевшим на шероховатых стенах, а затем наконец появилась и винтовая лестница из потертого камня.

Крутые ступени вели к одинокой деревянной двери. Открыв ее, я, пригнувшись, вошла внутрь.

— Вот и комната, — радостно объявил мистер Бенджамин, — пользуйтесь водой, а потом выплескивайте ее в окно.

Гном поставил саквояж и, принимая мою благодарность, изящно поклонился, уперев в пол узловатую руку.

Уже повернувшись, чтобы уйти, он вдруг вздрогнул, словно вспомнив что-то важное, и самым торжественным тоном произнес:

— Чуть не забыл. Запомните: не ходите по серебряному коридору, когда там темно. Не заглядывайте за изумрудный занавес. Не смотрите портретам в глаза. Не ешьте без соли. И не доверяйте Саламандре.

А потом мистер Бенджамин ушел, и дверь

захлопнулась, прежде чем я успела спросить о том, как узнаю Саламандру, с какой едой, по его мнению, столкнусь, или, что было куда более насущным вопросом, когда мне ждать ужина.

Комната оказалась круглой, и вся мебель — от гардероба до книжного шкафа и бюро — изгибалась вместе с ней. В толстой стене, сложенной из древних камней, было прорезано окно, но, увы, сквозь стекло и свинцовую решетку проникало очень мало света. Несколько подушек превращали нишу под окном в уютную банкетку. Тонкие лучи солнца, пробивающиеся сквозь узкие, точно лезвия, бойницы, разрезали тени.

Прямо передо мной оказалась небольшая дверца с огромным медным кольцом. Его держало во рту увитое металлической листвой лицо, неприветливо глядевшее на меня тремя парами глаз. Кольцо от времени сделалось зеленым, но там, где его касались руки, оставалось отполированным до блеска. Это напомнило мне хагодеи [5] на дверях соборов, прикоснувшись к которым любой в прежние времена мог получить убежище.

Гадая, в какой части замка нахожусь и какой цели служит эта круглая комната, я отперла двер-

---

[5] Примечания: 5

Хагодей — дверной молоток или дверное кольцо, которое имеет форму свирепого животного.

цу. Та бесшумно отворилась.

Меня окутали потоки холодного воздуха. В сердце словно вцепились ледяные когти. По-прежнему держась за кольцо, я вскрикнула и метнулась обратно, радуясь тому, что не успела необдуманно шагнуть вперед.

Дверь вела в пустоту. Возможно, когда-то здесь был балкон или даже что-нибудь вроде мостика. Мистер Бенджамин, в череде прочих своих предостережений, даже не подумал предупредить меня об этой опасности.

Когда я дрожащими руками заперла дверцу, сердце у меня все еще бешено колотилось.

Прошло время, прежде чем мое дыхание успокоилось и я смогла подняться на ноги.

Налив едва теплой воды из кувшина, стоявшего на буфете, я умылась в тазике. Наконец-то можно было облизнуть губы и не почувствовать легкого привкуса моря.

Большая часть моих вещей по-прежнему оставалась внизу, но в саквояже лежал бювар, а еще смена одежды, которой я тут же воспользовалась. После семи недель, проведенных на «Безмолвном», платье нельзя было назвать совершенно свежим, но оно и моя последняя чистая сорочка стали желанным избавлением от шерстяного

дорожного костюма.

Я подошла к гардеробу, запертому на задвижку в виде пары сцепленных рук, чтобы бросить внутрь свой саквояж, но вопреки ожиданиям шкаф оказался вовсе не пустым. Руки нащупали маслянистую мягкость шерсти, волны шелка и плотный и роскошный, словно мех горностая, бархат. Из глубин гардероба выпорхнула дюжина бледных мотыльков, пока я рассматривала тяжелые одежды.

Иные платья выглядели такими же древними, как и сам замок, они принадлежали миру гобеленов, паладинов и придворной романтики. Другим же было около шестидесяти лет — похожие творения из парчи я распарывала, когда ненадолго стала компаньонкой мисс Лусии Марч. Платья десятилетиями тлели на чердаке, но едва в моду снова вернулись плотные, богатые ткани, сменившие легкий муслин, на это великолепие прошлого совершился настоящий набег. В тех вещах было столько непрактичной красоты, что было грустно разрезать их на части даже ради того, чтобы перешить и вдохнуть в них новую жизнь.

Из всей одежды в гардеробе лишь одно платье — цвета слоновой кости — хотя бы отдаленно

походило на современное. Широкий вырез и многослойные кружева напомнили мне гравюры со свадебным нарядом королевы и последующие попытки его копировать, которые не прекращались в течение семи лет, прошедших с венчания августейшей четы.

Открыв бювар, я отыскала письмо от Лондонского миссионерского общества, села на кровать и заново перечитала это послание, хотя уже успела выучить наизусть его содержание. Вступление в основном посвящалось уверениям в том, что при всех многочисленных успехах католиков триумф их строится на трухлявом фундаменте пышных обрядов, а раз так, то мы не должны им завидовать.

Едко упомянув труды миссионерского общества в Африке и на Востоке, преподобный Джозеф Хейл, точно эхо, повторял мои собственные опасения. После двух лет почти полного молчания Лаона я написала в общество, интересуясь судьбой брата. У преподобного нашлось для меня не так много ответов. Он ни разу прямо не сказал, что, по его мнению, могло произойти в Фейриленде, но то, как старательно преподобный обходил этот вопрос, извинялся за то, что недостаточно подготовил Лаона, и туманно намекал на гибель

других миссионеров, выдавало его тревогу.

В письме, помимо прочего, содержалась просьба возвратить личные дневники и записи предыдущего миссионера, преподобного Джейкоба Роша.

В юности я разделяла беспокойный дух Лаона. Но если его амбиции университет лишь подпитывал и лелеял, то мои образование задушило. Меня учили укрощать необузданные порывы и желания, которые волновали меня до боли. Я загнала их в самые глубины души и научилась довольствоваться тем, что имею. Глотать покой, точно яд. Каплю за каплей, изо дня в день. Пока он не сделается терпимым.

Лаон безмятежность презирал и, как бы я ни старалась, не смог научиться моему ледяному спокойствию. Мне только-только исполнилось девятнадцать, я не имела никакого положения в обществе и лишь наблюдала, как брату тесно в облачении священника. Прихожанам хотелось иметь кроткого пастора, а у Лаона была душа солдата, государственного мужа, оратора. Он тосковал по тому, что лежало за пределами мелких забот его прихода, становился все молчаливей и угрюмей, чаще и чаще замыкался в себе.

Зима в тот год казалась нескончаемой.

А весной во взгляде у Лаона вновь появился блеск — брат решил стать миссионером.

Я ненавидела это его прозрение. Совершенно эгоистично считала себя покинутой. Ни на миг не ощущала жалости к тем несчастным, лишенным слова Спасителя, что томились в зловещих империях. Я понимала лишь то, что Лаон оставляет позади края нашего детства и в поисках приключений отдаляется от меня. Терзаясь страхом и завистью, я нашла себе место компаньонки, а позже — гувернантки.

Лишь распечатав первое письмо от брата, пахнущее сахаром и серой, я узнала, что Лаона отправили в Аркадию. Послания приходили, мягко говоря, нечасто и мало сообщали о здешней его жизни. Полагаю, он думал, что подробности меня взбудоражат, пробудят давно похороненную тягу к путешествиям.

Но, похоже, в переписке с Лондонским миссионерским обществом мой брат был столь же пугающе немногословен. И едва мне стала очевидна глубина его умалчиваний, я принялась планировать собственную поездку. Шквалом писем мне каким-то образом удалось убедить миссионерское общество: хотя для незамужней женщины путешествие за границу — поступок

неординарный, я тем не менее должна отправиться следом за братом. Никогда не считала себя особенно красноречивой, но, должно быть, сумела произвести на них впечатление, поскольку мне оплатили место на «Безмолвном».

И вот я здесь. Сжимаю в ладони забытый братом компас, а сердце мое затягивается тугим узлом под лучами маятникового солнца.

Глава 3. Солнце над горизонтом

Не тронь питья, не тронь еды
В краю чудесных фейри,
Без соли не вкушай плоды
В краю чудесных фейри,
А то не отведешь беды
В краю чудесных фейри.

А коли хочешь мирно спать
В краю чудесных фейри,
А коли хочешь не рыдать
В краю чудесных фейри,
Ты соль скорей сгреби в щепоть
И над едой тряхни,
А следом повторяй: «Господь,
Мне душу сохрани».

Стихи из сборника Дж. Ритсона[6] «Народные сказки и песни», ныне переизданном с двумя диссертациями – о

---

[6] Примечания: 6

Отсылка к Джозефу Ритсону (1752–1803) — английскому антиквару и собирателю народной поэзии.

пигмеях и о фейри

Всякое приношение твое хлебное соли солью и не оставляй жертвы твоей без соли завета Бога твоего: при всяком приношении твоем приноси соль.

Левит 2:13

Когда я проснулась, за окном был мутное зарево, ознаменовавшее приход сумерек. У двери обнаружился уставленный едой поднос и записка, которая сообщала, что меня хотели позвать к ужину, но застали спящей. Буквы окрасили мне пальцы черным. Прищурившись, я разглядела, что слова не написаны, а выжжены на пергаменте.

Густой аромат тушенного с можжевеловыми ягодами зайца напомнил мне о том, как сильно я проголодалась. Над медным горшочком все еще поднимался пар, а сам он на ощупь был почти обжигающим. Кучку обжаренной спаржи окружали чуть подгоревшие грибы. В корзинке лежала половина хрустящей буханки. Я принюхалась к маленькому кувшинчику и поняла, что тот наполнен кровью. Вероятно, заячьей. Ею следовало полить тушеное мясо, хотя обычно ее добавляли до того, как подать блюда, а никак не после.

На подносе возвышалась солонка, но я отыс-

кала на дне саквояжа собственную мельницу и намолола соли на край тарелки. Бросив по щепотке на тушеное мясо, грибы, спаржу и, наконец, на хлеб, я сложила ладони и пробормотала: «Аминь».

Кто-то отмахнулся бы от этого, как от суеверия, но соль защищает людей от пищи Фейриленда. Поговаривали, что капитан Кук и его команда — первые британские исследователи, достигшие Аркадии, — погибли именно из-за своих ошибок с солью.

Я добавила в рагу кровь и принялась за еду. Соскучившись за недели, проведенные на «Безмолвном», по такой пище, я не сразу разглядела, что сердцевина грибов имеет странный пурпурный оттенок. И тогда же заметила, что дверца, которая вела в пустоту, отперта. Недовольная собой, я встала и накрепко ее заперла. Мне-то казалось, что я задвинула засов после того, как случайно распахнула эту дверцу.

Тихий стук возвестил о приходе мисс Давенпорт, которая объявила, что мы «просто обязаны» посмотреть с крыши на закат. Сияя озорной улыбкой, она торжествующе звякнула большой связкой ключей.

— О, ваш ужин, — произнесла она, замерев

рядом с подносом, на котором высился котелок с недоеденным рагу. Зачарованная ароматом, мисс Давенпорт сделала глубокий вдох. — Вы ведь уже закончили?

Я кивнула.

— Знаю, что забегаю вперед, но позволите мне?

— Если желаете, — нерешительно ответила я. — Я думала, мы торопимся…

— Вы ведь не забыли посолить, верно?

Я снова кивнула, а затем лишь наблюдала, как она проглатывает остатки моего ужина. Мисс Давенпорт едва ли не облизала тарелку, жадными глотками допила подливку и руками сгребла грибы. Остатки рагу собрала кусочком хлеба. А сунув в рот последнюю веточку спаржи, улыбнулась в ответ на испуг на моем лице и изящным жестом поднесла к губам платок.

— Прощу прощения за свои манеры.

— Все в порядке, — сказала я, рассеянно размышляя, не станет ли это самым большим оскорблением моему чувству приличий.

— А теперь закат, — просияла она. — Я поела быстро, поэтому мы не должны опоздать. В Аркадии закаты недолго длятся. В конце концов, горизонта ведь нет.

Накинув на себя шаль, я с готовностью последовала за ней.

Я полагала, что моя комната расположена выше всех прочих, но мы поднялись еще на один лестничный пролет и подняли люк, который вел на чердак. Под пыльными простынями покоились призрачные реликвии ушедших эпох. Рулоны ковров и гобеленов притулились рядом с большими дорожными сундуками. Пока Мисс Давенпорт воевала с замком, я держала фонарь.

— Когда вернется ваш брат, вы должны попросить у него разрешения посмотреть на закат с арки ворот, — сказала она. — Там совсем другой вид.

— Даже так? — удивилась я, пытаясь развернуть фонарь так, чтобы мисс Давенпорт могла лучше разглядеть коллекцию ключей, которыми безуспешно царапала замок.

— Только он мог заставить Саламандру отдать эту связку… Ага! — воскликнула она, когда очередной ключ наконец повернулся.

Створка распахнулась. За ней оказался парапет северной, как назвала ее мисс Давенпорт, башни, которая прижималась к самой далекой от внешних стен замка куртине. В воздухе ощущался холод, и я плотнее закуталась в шаль.

Небо было затянуто серой дымкой, а ниже лежала окутанная туманами и тайнами Аркадия. Я могла вообразить себе поля и леса, но не считала их настоящими. Золотистый ореол окружал похожее на точку солнце и отбрасывал блики на обволакивавшие его облака. Сейчас оно оказалось заметно меньше, чем в полдень, и куда меньше нашего, мирского, солнца.

— Что же такое Аркадия? — пробормотала я едва слышно. — Как это место может существовать на самом деле?

Ответа не было. Мы следили за уходившим все дальше и дальше солнцем, но свет его не особенно менялся, поскольку светило не опускалось за линию горизонта и не погружалось в пучину моря. Напротив, оно оказалось гораздо выше, чем днем, когда сияло над самой головой.

— Я тоже спрашивала себя об этом, — произнесла мисс Давенпорт, — и вам ответ понравится не больше, чем мне.

— Что вы имеете в виду?..

— Ничего, — торопливо сказала она и отвела взгляд.

Я следила, как тускнеет этот странный, фальшивый свет и над землями сгущается тьма. А ведь были и такие, чья вера пошатнулась после

открытия Аркадии, страны, которая почти не упоминается в Писании. Однако в Библии не нашлось места и для английских берегов. Для здешней тишины наши туманные холмы и зеленые горы не менее обманчивы, чем пейзаж, расстилающийся передо мной. Но как я могу ограничить бесконечного Бога словами, у которых есть свой предел?

— А вот и луна, — произнесла мисс Давенпорт.

Проследив за ее взглядом, я повернулась туда, где уже сгустилась тьма. Ландшафт казался темным и плотным, точно сделанным из угля, а облака были лишь смягченным отражением его суровых громад.

Сначала луна была всего лишь призраком, который светился сквозь туман. Мелькнув на миг, она снова исчезала за облаками цвета сгоревшей лепешки. И тут внезапно выплыла яркая серебристая фигура. Тучи льнули к изгибам ее сверкающих плавников, за которыми тянулись тонкие нити мнимого света.

Я ахнула от удивления и втайне упрекнула саму себя в детстве за скудное воображение. Зрелище куда сильнее, чем пребывание в родных пустошах, ожидание отплытия в доках Лондона или блуждание по Северному морю, напомни-

ло, до чего же бедны прожитые мной двадцать пять лет. Пытливость ума, которую, казалось, я похоронила вместе с сестрой, вернулась с таким пылом, что у меня перехватило дыхание.

Луна оказалась рыбой.

Вернее, луна свисала с «удилища» огромной рыбы. И когда та подплыла ближе, я увидела свет, отражавшийся от длинных — очень длинных и кривых — зубов, которые торчали из ее пасти. Выпученные белесые глаза оставались неподвижны, а хвост хлестал из стороны в сторону и мерцал чешуей, переливавшейся в собственном свете.

Я бросила взгляд за пределы своих представлений о мире, и все сделалось размытым, отчего на глаза навернулись слезы. Но я жаждала узнать, что лежит там, за гранью. Один средневековый еретик когда-то написал о том, как он стоял на окружавших вселенную стенах и пускал вдаль стрелы. Разве стен и стрел не будет становиться только больше? Я никогда не смогу представить себе всех светил и всех миров. Мой разум не беспределен, в отличие от разума Бога. И все же мне хотелось заглянуть дальше, стать чем-то большим, чем-то, что едва ли выдержали бы мои хрупкие кости. С каждым вымученным вздохом

казалось, что вот-вот разорвется бумажная кожа, которая удерживает пылающие угли моей души. Прежде они теплились, сокрытые среди пепла, а теперь эти чужие края раздували их и подпитывали новое пламя.

Тело рыбы скрылось из виду, уплыв за облако, и луна затуманилась. На мгновение она показалась мне совсем обычной, висящей в небе благодаря промыслу Божьему, а не морским чудовищем, обитающим вне пучины.

— Нам стоит вернуться.

Голос мисс Давенпорт прозвучал неожиданно. Я повернулась к ней, разжимая кулаки и морщась от той боли, с которой мои ногти впились в ладони. Я напоминала себе сжатую пружину, лишенную всякой мысли.

— Здесь очень быстро становится прохладно.

Я кивнула, и мисс Давенпорт повела меня обратно в замок. Бросив последний взгляд на луну, я подумала о Лаоне и страстях, которые стремился сжечь и похоронить мой брат. Интересно, что подумал он, когда впервые увидел луну Аркадии? Пробудила ли она в нем такое же беспокойство, и знал ли он, как его погасить?

Писали, что после наступления темноты всё в Аркадии — даже ваши собственные глаза — на-

чинает лгать. Неудивительно, что я заблудилась, едва мисс Давенпорт меня оставила. Она уверяла, что моя комната находится в конце коридора, но отчего-то на стенах вместо портретов оказалась побелка и выцветшие гобелены.

Я вернулась назад и не обнаружила ни лестницы, ведущей на чердак, ни портретов с пронзительными взглядами, ни коридора с голыми каменными стенами. Должно быть, не туда свернула, ведь коридоры не меняются беспричинно.

Ветерок из неплотно прикрытого окна ерошил мои волосы. Фонарь дернулся в руке, и его стеклянная дверца распахнулась. Пламя внутри замерцало. Внутри поднялась волна паники, и я на ощупь захлопнула дверцу.

Пальцы соскользнули.

Фонарь с грохотом упал на пол и ударился о каменные плиты, брызнули воск и стекла. Мягкое свечение оплывшей свечи угасло. Я погрузилась во тьму.

Во мраке холод ощущался острее, и я слышала ровное, но неистовое биение своего сердца. И вглядывалась в чернильную темноту коридора, надеясь увидеть проблеск света, который бы меня направил. Почти ничего вокруг не различая, я зажмурилась. Нужно было привыкнуть к темноте.

От еще одного шумного порыва ледяного ветра по спине побежали мурашки. Во мне вспыхнул страх. Я сделала глубокий вдох и напомнила себе, что ночь не продлится вечно.

Когда я снова открыла глаза, все по-прежнему было погружено во мрак. Решив просто брести, пока не найду какое-нибудь освещенное и узнаваемое место, я двинулась вперед, ведя рукой по стене. За одним из гобеленов показалась приоткрытая дверь, и, вообразив, что вижу за ней слабое мерцание, я отважилась переступить порог.

Это оказался какой-то кабинет с бюро и книжным шкафом. Бóльшую часть мебели скрывали белые простыни, отчего казалось, что вокруг меня призраки из наших детских забав.

Мы с Лаоном часто играли в подобные игры, пугая друг друга из-под простыней. Нам тогда не хватало слов, чтобы выразить чувства, но сама мысль о привидениях одновременно и очаровывала, и вызывала отвращение. В юности мы столь многих похоронили. Я все еще помню, как прижималась к брату, и мы, сцепив пальцы, клялись под каждой меткой, которую считали священной: если один из нас умрет, то он вернется и станет преследовать другого.

Сияние рассыпалось на тускло мерцающие красные точки. Прищурившись, я почти сумела различить вокруг каждого огонька трепетание крылышек насекомых, которые вновь рассаживались в дальнем конце кабинета. Светлячки.

Луна выплыла из-за облака, и окна заблестели серебром. Витражи придавали свету мерцающий, подводный оттенок. Благодаря этому свету я обратила внимание на бюро.

Хотя его крышка была наполовину закрыта, все предметы внутри покрывала похожая на изморозь пыль. Сосульки паутины свисали с кончика похожего на птичий коготь ножа для писем, с краев чуть выдвинутых ящичков, с горлышка высохшей чернильницы, со склоненных перьев.

Краем глаза я мельком заметила тонкие, длинноногие тени. Вздрогнув, я обернулась и снова вспугнула алых светлячков, но ничего не увидела.

Мой взгляд пробежал по разбросанным бумагам, которые были заполнены какими-то каракулями. Я смахнула кружево пыли и прищурилась, стараясь разобрать выцветшие слова. Затем опустилась в скрипучее кресло и пролистала разложенные на столе документы.

По спине пробежала дрожь.

В языке, которым были исписаны бумаги, я не узнавала ни один из земных. Шрифт был угловатым, полным квадратов и точек. Многие символы оказались вычеркнуты. Другие объединены в списки. А иные обвивались вокруг странных спиралей, широко распахнутых глаз, извивающихся созданий и грубых угольных набросков мотыльков.

Ниже шла строчка на латыни: «In principio erat Verbum et Verbum erat apud Deum et Deus erat Verbum».

После незнакомых символов мне потребовалось целое мгновение, чтобы узнать эти слова. Я повторила их про себя: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».

Не столько перевод, сколько воспоминание о фразе из собственной Библии.

Я мимолетно подумала, что передо мной могут быть пропавшие дневники преподобного Джейкоба Роша. Но зачем тому было записывать эти странные символы? Преподобный Хейл предупреждал, что мне нельзя читать записей прежнего миссионера, но столь старые документы безо всякого сомнения были чем-то иным. На долгую историю замка намекал каждый его камень, так почему бы этим записям не принад-

лежать кому-то из прежних обитателей?

Однако такие предположения не давали мне ни единого ответа.

Я разгладила смятые, усеянные отверстиями листы. Взгляд пробегал по точкам и завиткам непонятных слов. Я перебирала таинственную бессмыслицу страница за страницей и находила все больше и больше изъеденных. Некоторые сделались настолько хрупкими, что рассыпались от прикосновения черным снегом.

Руки задрожали, я старалась действовать осторожнее. Сглотнула. Узнаваемые английские слова бродили по краям истрепанных страниц, но прока от них было немного.

Мое дыхание сделалось тяжелым, но я и сама не знала, от волнения это или от пыли. В самом нижнем слое моих раскопок обнаружился блокнот в кожаном переплете. Позолоченный корешок был холодным на ощупь. Кашляя от поднявшейся пыли, я перевернула страницу и прочла: «Перевод Библии на енохианский язык» [7].

Я нахмурилась. Енохианский. Я уже слышала это слово, но не могла вспомнить где. Оно словно

---

[7] Примечания: 7

Енохианский язык — язык, созданный оккультистом Джоном Ди для магических целей в ходе спиритических сеансов в конце XVI века в Англии.

дрожало где-то на самом краю памяти.

Голос, нестройно напевавший какой-то мотив, отвлек меня от исследований. Придя к выводу, что его обладатель может меня выручить, я крикнула:

— Эй! Помогите, пожалуйста, у меня фонарь разбился… — Я сложила разбросанные страницы и убрала их в бювар, стоявший рядом с бюро. Хотелось потом продолжить изучение записей.

Пение, казалось, становилось все тише. Я захлопнула бювар, подобрала юбки и, спотыкаясь, двинулась на звук.

— Эй? Там кто-то есть?

В ответ раздался слабый переливчатый звук, что-то среднее между звоном и смехом. Я почувствовала у своей шеи теплое дуновение, словно от погасшей свечи.

За пределами кабинета все превратилось в сплошные сумрачные тени. Полуослепшая, я вытянула руку и пошла вперед. Различив край стены и слабые очертания серебряного зеркала на ней, ощупью повернула за угол.

У меня защипало в глазах.

Старательно проморгавшись, я разглядела зажженный фонарь, который одиноко стоял посреди комнаты. До боли яркий свет принес с со-

бой облегчение. Рядом оказалась арка, за которой виднелась истертая каменная лестница, которая вела к моей комнате.

Я обернулась, пытаясь хоть мельком увидеть того, кто оставил здесь фонарь, но даже не услышала звука шагов.

Уже в комнате, поставив фонарь, я заметила на пальцах угольное пятнышко и принялась гадать, кто же мне помог.

Глава 4. Птица в клетке

Дискуссии в Королевском обществе в 1767-м и начале 1768 года, поддержанные либерально настроенным правительством, дали весьма интересный для нашего мореплавателя результат, открыв его гению новые и обширные сферы, где ему предначертано было блистать. В тот период, а также за несколько лет до этих событий британское правительство имело честь организовать исследовательские экспедиции, которые очень отличались от тех, что совершали мореплаватели в более ранние эпохи. Тогда экспедиции формально снаряжали ради завоевания, приобретения земель и богатств. Но теперь в анналах мореплавания наступила новая эра – первооткрыватели отправлялись в экспедиции в интересах науки, ради приобретения знаний о морях, континентах и островах нашего земного шара и ради улучшения положения диких племен, которые могли быть обнаружены.

С момента триумфального наблюдения за прохождением Венеры над солнечным диском в июне 1769 года и до составления подробных карт Южного моря, пересечения Южного полярного круга и дальнейшего описания Северо-Западного прохода Кук показал себя непревзойденным мореплавателем и прославился по всей империи.

Но все же четвертое и самое фантастическое путешествие нашего капитана оказалось вне расчетов и прогнозов любой из заинтересованных сторон. Величайший из умов, когда-либо бороздивших моря, невероятным образом заблудился и невероятным же образом открыл совершенно иной мир. Без сомнения, многие терялись в открытом море и приводили свои корабли к побережью Аркадии, но только Кук смог понять, что сбиться с пути – это неотъемлемая часть такого путешествия.

Преподобный Джордж Янг[8]. «Жизнь и путешествия капитана Джеймса Кука, почерпнутые из его дневников и других подлинных документов и содержащие много исходных данных»

После первой ночи в Гефсимании я больше не терялась. Жизнь в замке моего брата — как ни странно было думать так об этом месте — худо-бедно вошла в ритм. Лаон по-прежнему не возвращался из своего таинственного путешествия, а мистер Бенджамин и мисс Давенпорт не слишком помогали разобраться в том, куда же он отправился.

— Вернется, когда вернется, — прервав на миг вязание, произнесла мисс Давенпорт и чуть пожала плечами.

— Разве ему не нужно находиться здесь? — спросила я.

— Думаю, в конце концов у него закончится соль, — задумчиво сказала она.

Я подавила волнение, охватившее меня при

---

[8] Примечания: 8

Преподобный *Джордж Янг* (1777–1848) был шотландским богословом, ученым и приверженцем дилювиальной геологии, которая являлась попыткой интерпретировать геологические особенности Земли в соответствии с буквальной верой во Всемирный потоп. Написал двадцать две книги по многим темам, в том числе о великом солнечном затмении 1836 года и биографию капитана Джеймса Кука.

мысли об этом. Поверья предупреждали, что Аркадия заявляет права на любого, кто попробует ее пищи. Такой человек окажется навеки заперт под странным солнцем. Я не отступала:

— Я имела в виду миссию. Разве у него нет прихода?

Она рассмеялась. Ее беззаботный смех звучал чуть более хриплым и высоким, чем голос во время беседы.

— Святые небеса, мисс Хелстон. Нет здесь никакого прихода.

— Я думала…

— В настоящее время миссия в Аркадию успехом не увенчалась. «Мы призываем вас, дорогой читатель, раскрыть кошелек и молиться усерднее, дабы побудить лишенных души обратить свои безбожные умы к небесам», — процитировала она в гротескно-насмешливой манере.

— Мисс Давенпорт! — совершенно потрясенная, воскликнула я.

Недели, проведенные на «Безмолвном», приучили меня держать язык за зубами, услышав проявления некоторого богохульства, но подтрунивания мисс Давенпорт задевали за живое.

— Не считая мистера Бенджамина, разумеется, — добавила она. Широкая безмятежная

усмешка на ее лице ясно давала понять, что мисс Давенпорт самым очевидным образом получает неуместное удовольствие от моего страдания. — Единственный оглушительный успех. Пусть и не принадлежащий вашему брату.

Тут она и на самом деле была права. Хотя гном казался странным персонажем, с его страстной верой могли соперничать лишь древние старики, корпевшие над своими Библиями и ничего так не любившие, как ворчливо забрасывать цитатами пастыря, когда тот находил нужным перефразировать Священное Писание.

Чем лучше я узнавала мистера Бенджамина, тем меньше он меня обескураживал. От этого гнома исходило ощущение грубоватой фамильярности, которое не позволяло смотреть на него слишком долго, но его сердечность была самой искренней. Он даже слегка приоткрыл свое прошлое, рассказав о временах, когда был рудокопом в азотных шахтах на окраинах Аркадии.

— Там очень, очень холодно. Солнце слишком далеко, чтобы давать тепло, поэтому из азота и обычного воздуха, что для дыхания, получаются моря и горы. Мы добываем его и везем обратно в Пивот.

– *Азот* везете?

— Воздух, — ответил он, не обращая внимания на мое недоверие. — Ветра летят за пределы, понимаете? Вот и замерзают по краям. Твердый ветер и твердый воздух. А мы его взрываем и везем назад. Но Железная леди закрыла шахты, — лицо гнома поникло, но вновь прояснилось, когда он сказал: — А потом я пришел сюда.

Он не вдавался в подробности своего обращения в христианство, но порой упоминал товарищей по шахтерским временам. Выглядело так, будто они все вместе пришли поговорить с прежним преподобным, но остался лишь мистер Бенджамин. Он гордился тем, что был единственным новообращенным в миссии, и часто приходил ко мне с довольно странными вопросами.

— Я тут думал, мисс Хелстон, — начал мистер Бенджамин, — можно мне задать вопрос?

— Слушаю вас.

— Итак, Иисус Христос, помазанный Сын Божий, да святится имя Его… — голос его затих, гном снял очки и взволнованно их протер. — Я хочу спросить, мисс Хелстон, почему важно происхождение Святого Рогоносца, если он — Святой Рогоносец?

— Простите?

Я не сразу поняла, что он имеет в виду Иосифа,

но прежде чем успела поправить, мистер Бенджамин заговорил снова:

— Родословная Иисуса дважды повторяется в книге, которую преподобный дал мистеру Бенджамину. Два автора… их имена… — Он замолчал, прищелкнул языком и задумался, почесывая выступающий подбородок. — Лука и Матфей, да, да. Так и есть. Два автора говорят, что Иисус принадлежал к роду Давида через Иосифа, то есть Святого Рогоносца. Я это помню. Лука писал: «Иисусу было около тридцати лет, когда Он начал Свое служение. Он был, как все думали, сыном Иосифа, предками которого были Илия» [9], а у Матфея: «Иаков родил Иосифа, мужа Марии, от Которой родился Иисус, называемый Христос» [10], — от такого шквала слов Мистер Бенджамин задыхался. — Понимаете, о чем я?

— Понимаю.

Я и сама задавала похожий вопрос в школе для дочерей священников. После чего мои отхлестанные за дерзость ладони ныли несколько дней. Когда я, стискивая зубы от боли, писала о произошедшем Лаону, завитки букв выходили

---

[9] Примечания: 9
Лук. 3:23.

[10] Примечания: 10
Матф. 1:16.

совсем кривыми. Оглядываясь назад, можно сказать, что боль и раненое чувство справедливости отвлекли меня от этого вопроса. Ответ на него я так и не нашла.

— Так… так почему же настолько важно происхождение Иосифа?

— Что ж, — я сглотнула, смущенная внезапностью темы, — вопрос очень интересный.

Ответы, которыми я забавлялась в детстве, принялись шуметь и ссориться у меня в голове, точно стадо гусей. Быть может, Матфей и Лука ошибались, и именно Мария была в родстве с Давидом (но если они ошибались в этой детали, то в чем еще могли оказаться неправы?). Быть может, усыновив, так сказать, Иисуса, Иосиф присоединил Его к своему роду (но даже тогда две родословные значительно расходились, а это подразумевало, что один из авторов все-таки заблуждался). Быть может, Матфей и Лука старались в интересах тех, кто считал, что Мессия должен происходить из дома Давида (и если так, то насколько дурна ложь, сказанная ради поддержки чего-то истинного?).

Я вспомнила ответное письмо Лаона, полное сочувствия и ободрения. Его рука тоже дрожала, однако я понимала, что это от гнева, а не от

боли.

Мои мысли вернулись к оконной розе в обшитой деревянными панелями и напоминавшей изогнутый трюм корабля часовне Уайтхеда. Она была построена в честь миссионеров-мучеников. Я всегда считала, что именно там у Лаона случилось озарение, хотя он никогда об этом не рассказывал. Однако витраж над дверями не имел отношения к миссионерам. На нем была изображена родословная Иисуса — в центре Давид, а в лепестках каждый из предков. Их имена были выписаны черным — и едва читаемым — готическим шрифтом. Но все это яркое великолепие тоже не давало ответов.

— Мисс Хелстон?

Мистер Бенджамин смотрел на меня своими большими карими глазами. Взгляд его полнился тем доверием и надеждой, которые присущи собакам.

Склонив голову набок, он ждал моих слов.

— Я… я думаю, вы должны спросить Лаона, когда он вернется.

— Весьма мудро. Я спрошу преподобного! — Гном кивнул и побрел прочь, словно ответ его устроил.

Но сама я была недовольна. Вопрос продолжал

меня преследовать. Я задумалась о том, где могли бы храниться книги моего брата. У него был свой экземпляр «Симфонии» Крудена [11]. Но мне не удалось найти не только кабинет брата или какую-нибудь домашнюю библиотеку, но даже ту комнату, в которой я обнаружила покрытые пылью бумаги.

Оставалось лишь штудировать собственную Библию, погружаясь в главы Заветов. Но прежде чем у меня появилось достаточно времени, чтобы разобраться во всех хитросплетениях двух родов Иосифа, мистер Бенджамин приковылял с очередной богословской проблемой.

— Мисс Хелстон, можно ли искупить грехи, в которых не раскаиваешься?

— А разве смоковница была прощена Иисусом? Должны ли мы вовсе перестать есть инжир, или проклято было лишь одно дерево?

— Если Иисус, Господь наш, был рожден человеком, чтобы взять на себя грехи людей, то должен ли был Он родиться фейри, чтобы взять на себя

---

[11] Примечания: 11

Симфония, или *конкорданс, конкорданция* (от лат. concordia «согласие»), — книга, в которой собраны из одного или нескольких сочинений места, состоящие из одних и тех же слов.

Александр Круден (1699–1770) в одиночку создал «Полную симфонию Священных Писаний Ветхого и Нового Заветов», первый полный труд подобного рода, который называли просто — «Симфония» Крудена.

наши грехи? Или Божественный Завет простирается и на людей, и на фейри, раз он охватывает не только потомков Авра-ама?

Дом брата стал для меня местом с вопросами без ответов. Со временем родословная Искупителя превратилась просто в одну из множества загадок, которые преследовали меня во снах.

Мисс Давенпорт появлялась ежедневно и составляла мне компанию. Первые несколько дней я вежливо потакала ее желанию сидеть в верхней комнате со спицами, беседуя об особенностях петель и обучая ее вывязывать пятку на носке.

— Так славно делать иногда все своими руками, — произносила она, — другие способы просто не могут доставлять столь чувственное удовольствие.

Пряжа, которую она приносила, была невесомой и под щелканье спиц превращалась в легкую пену рядов. Каждый стежок был для меня шагом назад — к Йоркширу и моему прежнему бесправному заточению. Я вспоминала, как, будучи компаньонкой, так же сиживала с мисс Лусией Марч, а позже, несмотря на звание гувернантки, проводила столько же времени за штопкой носков, сколько за воспитанием юных умов.

Верхняя комната была светлой. Если бы замок

находился в мире смертных, я предположила бы, что изогнутые стены служат доказательством того, что раньше тут располагалась часовня, но это было совсем не так. Прерывавшие монотонность камня витражи были явно более поздним добавлением. На одном из них мрачные средневековые краски закручивались в спирали, из-за чего полный танцующих пылинок свет разбивался на темно-красные пятна. На другом был изображен рыцарь, сражающийся с клубком змей. Учитывая разнообразие стилей и форм, витражи были, вероятно, взяты из какого-то иного места и установлены здесь одним из предыдущих хозяев замка. Интересно, кто жил здесь до Лаона и преподобного Роша? И как тогда называлось это место?

— Эти окна немного напоминают мне дом Ариэль Давенпорт в Спиталфилдсе, — сказала мисс Давенпорт. — У нас там были, конечно, не витражи, но по всему фасаду шли окна со свинцовыми переплетами. Поэтому хватало света, чтобы ткать. У нас было три станка, и наши руки никогда не знали праздности.

Быть может, из простого желания избегать других тем, но она частенько рассказывала о своем прошлом в мире смертных. Иногда я думала,

что это всего лишь способ отвлечься, но порой мне действительно казалось, что ей хочется большего.

— Что же вы ткали? — спросила я, чувствуя себя провинциалкой. Мне, выросшей в далеком от всего мира крошечном Бердфорте, и Спиталфилдс, и сам Лондон казались невообразимыми.

— Шелк. В тех краях все занимались торговлей шелком. Малыши его сматывали и собирали. А мне так хотелось быть полезной. Я просила и умоляла научить меня ткать пораньше. Помню, что приступила к обучению, едва руки начали дотягиваться до края станка.

— Должно быть, они гордились вами.

Мисс Давенпорт коротко рассмеялась:

— Мне доставались одни тумаки. Мастерица я никудышная. Столько хорошего шелка было потрачено впустую.

Я улыбнулась ее шутке, но мягко добавила:

— Я тоже училась не слишком быстро.

— Отец Ариэль Давенпорт постоянно рассуждал о четвертом станке, но я так и не приноровилась к работе. Со всеми этими окнами в комнатах было холодно, зато всегда светло. — Ее глаза смотрели уже не на меня, а на стаю темных пичуг на витраже. — Мы работали под пение птиц. Видите ли,

у нас на крыше расставлялись силки.

— Силки? — Ее слова сбили меня с толку.

— Думаю, у ткачей хорошо получается мастерить силки. Проворные пальцы и все прочее. Отец Ариэль Давенпорт любил слушать пение птиц, пока мы работали.

— И что же вы делали со всеми этими птицами? — Я перевернула вязанье и, взглянув на законченную строчку, пересчитала просвечивавшие ряды.

— Продавали. Певчие птицы стоят немалых денег, особенно если хорошенькие. Хотя я больше дорожила теми, у кого были красивые голоса. Думаю, лондонская знать любит держать у себя таких. Мы так же поступали, и дом наш наполняло пение. Все ссоры забывались, едва начинала петь подходящая птица.

— Звучит прекрасно.

— Я не очень хорошо умела плести силки, но могла обучать птиц. И тогда одна из наших принималась приманивать других. А мне казалось, что эта-то песня и есть самая красивая. Когда птица обманывает своих родичей.

— Вы… вы, должно быть, поймали много птиц, — запинаясь, произнесла я. Не будучи наивной по части ловушек (в конце концов, кроты

— это вечная напасть), я тем не менее не могла не вспомнить предостережение из мемуаров капитана Кука о том, что фейри двуличны по своей природе.

— Мне это не очень нравилось, но с красотой не поспоришь. А они пели прекраснее всех. — Ариэль погрузилась в воспоминания, тяжело вздохнула и провела рукой по вязанью. Пальцы с нежностью поглаживали каждый стежок. — Матери Ариэль Давенпорт всегда хотелось, чтобы я научилась плести кружева на коклюшках. Она лгала мне, что это проще, чем ткать. И постоянно повторяла, что за кружева получше платят. «Никогда не будешь голодать, если владеешь нужным ремеслом».

— Мне знакомо это чувство, — пробормотала я и горько усмехнулась, глядя на свои собственные руки.

Дочери священника достает благородства, чтобы быть воспитанной и образованной, но ей никогда не стать полезной. Застряв между миром труда и миром книг, я в комнате у брата сетовала на отсутствие работы. Это были долгие месяцы угнетающей праздности.

— Я бы ответила, что вы тоже можете плести кружево, но боюсь получить за это оплеуху. Вы

ведь не умеете плести шелк. — Мисс Давенпорт поднесла вязанье к свету и прищурилась от солнечных лучей, которые пробивались сквозь замысловатый узор. — А у меня просто руки неподходящие. Слишком уж много там коклюшек.

— Меня никогда не учили плести кружево.

— Там целая сотня коклюшек. А еще валик. Потому-то и нет ничего более ценного, чем наполовину сделанные кружева, ведь для каждого кусочка нужен собственный валик, — она фыркнула. — Ужасное искусство.

— Вы, должно быть, страшно по ним скучаете.

— Что, простите? — растерянно и удивленно переспросила она, выбираясь из своих воспоминаний.

— По вашей… то есть по семье Ариэль Давенпорт. Вы, должно быть, по ним скучаете.

— Вовсе нет, — покачала головой она, — вовсе не скучаю.

— Но вы так часто о них говорите.

— Славно, что вы подумали, будто я могу по ним скучать. Мне это нравится, — мисс Давенпорт слабо улыбнулась. — Немногие здесь понимают, отчего бы мне по ним скучать. Как я вообще могу скучать? Другие — они просто созданы такими.

Как и мои руки. Я бы могла попытаться притвориться, пропускать нити друг над другом, и иногда даже получалось бы что-нибудь похожее на кружево. Но это не совсем одно и то же. Само собой не выйдет.

Несмотря на все мои тревоги, покинуть замок я не могла и уже начинала жалеть, что не осмотрела порт в первый же день. Хотя странные картины, которые я тогда увидела, и подпитывали мои грезы, те быстро превращались в выдумки.

В качестве некоторого утешения мисс Давенпорт повела меня прогуляться по внутреннему двору замка. Сады ей, похоже, были не по нраву. Мисс Давенпорт объяснила, что до возвращения Лаона покровительство, которое не позволяло жителям Фейриленда причинить ему вред, на меня не распространяется.

— Кровь связывается кровью, — несколько чопорно произнесла она, — и кровь узнает кровь. Не стоит ждать, что всю работу сделает соль из мира смертных. Вы и сами должны держаться подальше от опасности.

Я поморщилась. У мисс Давенпорт появилась привычка отчитывать меня за беспечное отношение ко всем этим мрачным предупреждениям

и странным табу.

— Есть гейс, которому о вас известно.

Гейс [12]?

— Запрет, хотя некоторые называют его участью. Он оберегает вашего брата и тех, кто одной с ним крови. Бледная королева обещала, что ни преподобный, ни его родичи не умрут в этих стенах, и пока вы остаетесь здесь, вас защищает ее слово. Тут вас и тронуть не посмеют, как бы им этого ни хотелось. Так что в самом деле не стоит вам бродить снаружи в одиночестве, мисс Хелстон.

— Кого вы имеете в виду? Кто не посмеет меня тронуть? — Я остановилась и, обернувшись, посмотрела на нее в упор, надеясь что-нибудь прочесть в до крайности человеческих глазах мисс Давенпорт.

Избегая моего взгляда, она лишь слегка пожала плечами:

— То, что находится за пределами замка.

— И что же там находится? — от досады мой голос сделался громче. — Чего мне бояться?

— Не уверена, что могу, то есть должна…

---

[12] Примечания: 12

Гейс — распространенная в древности разновидность запрета-табу в Ирландии. Гейсы назначались для того, чтобы уравновесить какой-либо дар и не вызывать гнева высших сил.

— Я видела лица, — призналась я, а когда ее брови нахмурились, торопливо добавила — В тумане. В день своего приезда. В тумане виднелись какие-то лица, фигуры.

— Возможно, у вас просто воображение разыгралось. Вам… вам не стоит быть такой любопытной, — ответила она. — Вспомните, что произошло с первым миссионером.

— Мне никто не рассказывал, что случилось с Ро-шем.

Она остановилась, покатала невысказанные слова на языке, точно леденец, и проглотила. Затем откашлялась и без тени смущения произнесла:

— Лучше вам и не знать.

— А я бы предпочла узнать, мисс Давенпорт, — упрямо выпятила подбородок я.

— Может и так, мисс Хелстон. И я предпочла бы рассказать вам, но, боюсь, не смогу.

— Вы даже не говорите, кому Лаон подал прошение или чего хотите добиться вы, удерживая меня здесь.

— Тайны вас защищают.

Мне хотелось начать с ней спор и вынудить сказать правду, но учитывая, что у меня было лишь двое знакомых в Аркадии, перечить одному

из них казалось поступком недальновидным.

Некоторое время мы шли в молчании. Между нами веяло холодом, хотя маятниковое солнце висело довольно низко.

Первой заговорила мисс Давенпорт. Я посмотрела на нее и заметила смущающую, обманчивую человечность в ее глазах. На губах моей спутницы мелькнула улыбка, и голос прозвучал довольно мягко, словно в словах ее и на самом деле заключалось примирение:

— Не всякое знание приносит радость.

Мисс Давенпорт ободряюще протянула мне руку. Я пожала ее, кивнула и улыбнулась, стараясь скрыть досаду.

Внезапно ее взгляд сделался рассеянным, и она добавила:

— Есть вещи, которых мне хотелось бы не знать.

Поскольку мир между нами только-только восстановился, я простила ей столь загадочное замечание, хотя и пообещала себе, что однажды получу все ответы.

— Вы очень похожи на своего брата, — произнесла мисс Давенпорт, — его тоже переполняли вопросы. Он не мог просто принять здешний порядок вещей.

В первые дни своего пребывания за границей Лаон особенно отдалился.

— Кажется, что вы с ним очень хорошо знакомы, — сказала я и поинтересовалась, не была ли она и для него гидом и компаньонкой.

— С вашим братом все было иначе, — раздалось в ответ. Она никогда не называла Лаона по имени или по сану, а говорила исключительно «ваш брат». — Быть компаньонкой для мужчины — не то же самое, что быть компаньонкой для женщины.

У меня хватило скромности покраснеть, но, при всей спутанности моих переживаний, лишь позже я поняла, насколько туманно прозвучали ее слова. На вопрос она на самом деле так и не ответила. Разумеется, любое умалчивание было сродни опровержению.

Когда я вновь задумалась над дерзостью своего вопроса, то осознала удивительную вещь. Несмотря на все проявления человеческой сущности мисс Давенпорт — та даже солила еду и питье, — я ни на миг не забывала, что она — фейри. А поэтому и женщиной ее вовсе не считала.

Однако воображение вероломно, и после нашего разговора потребовалось прилагать усилия, чтобы не представлять ее с братом. Возмож-

но, чтобы подразнить меня, мисс Давенпорт заговаривала о нем все чаще. И всегда-всегда использовала выражение «ваш брат». Но все же эти крохи, эти намеки на Лаона неспособны были удовлетворить мое любопытство.

Всякий раз, когда мы сидели вместе, она упоминала Лаона и при этом держала свое вязанье между нами, точно вуаль. Мисс Давенпорт в совершенстве овладела искусством сыпать словами, лишенными всякого смысла. Мимоходом она рассказывала, как мой брат в свой первый день проявил неосторожность или как он заблудился в синем крыле, но такие подробности не позволяли мне ощутить Лаона целиком. Я продолжала тревожиться о нем и его кратких письмах, и во мне эхом отзывались собственные резкие слова по поводу его решения стать миссионером.

Теперь я не смогла бы объяснить, какие надежды питала, поднимаясь на борт «Безмолвного» в Дувре. Но тогда я и не думала, что буду просто сидеть и ждать за рукодельем и пустыми разговорами в залитой солнцем комнате.

Глава 5. Подменыш в часовне

Гимн 47. Тируччираппалли[13] (7-я и 6-я строки повторяются)

От снежных гор Гренландии
До Индии брегов,
От диких чащ туманных
До золотых песков
К нам голоса доносит
Со всех концов земли,
И голоса те просят
Избавить их от тьмы.

В загадочном Эльфане[14],
От взоров, что укрыт
Народ чудной и странный,
Им Божий свет забыт.
О слава! О спасенье!

---

[13] Примечания: 13

Чуть измененный подлинный гимн Реджинальда Хибера (1783–1826) — английского епископа, писателя и автора гимнов, который в том числе служил епископом Калькутты.

[14] Примечания: 14

Еще одно название страны фейри.

Весть голоса несут,
Что и в заблудших землях
Известен стал Иисус.

Увы, хоть свежи ветры,
Лист зелен, чуден брег
И все прекрасны земли,
Но мерзок человек.
Напрасно расточает
Господь свои дары,
Язычников прельщают
Кумиры из коры.

Несите ж, ветры, Слово,
Пой песнь Ему, волна,
Быть повсеместной слава
Спасителя должна —
Ведь Тот, кто всех дороже,
За нас на смерть пошел.
Вещайте, и Сын Божий
Вернется на престол».

Из сборника преподобного Джона Сэнфорда «Псалмы, парафразы и гимны, адаптированные для Англиканской

церкви»

Было воскресенье, и после недель невнятных богослужений капитана «Безмолвного» я страстно желала вновь услышать проповедь брата. Под размеренностью его голоса всегда пряталась бурная страсть. И хуже того, я уже начала скучать по его немелодичному пению.

Зайдя в обеденный зал, я застала там мистера Бенджамина в воскресном костюме, который отличался от повседневного большой соломенной шляпой, грязным носовым платком в нагрудном кармане и ярким лиловым папоротником на лацкане.

— Доброе утро, мисс Хелстон, — поклонился он, снимая шляпу, — с нетерпением жду вашей сегодняшней проповеди. Мы сегодня пропоем «Иерусалим»? Мне очень нравится этот гимн.

— Прошу прощения?

— Вы ведь выступите с речью? — Его глаза, казалось, стали больше и смотрели на меня с надеждой. — Да?

Я покачала головой, ошеломленная таким предположением.

— Но сестра за брата — это честная сделка, — произнес гном. — А брат так долго отсутствует. Часовня пустует и…

— Как же долго Лаон в отъезде? — Меня охватило беспокойство. — Вы сказали, что он вернется…

— Долго! Целую вечность и один день!

— Что…

— Он скоро вернется. У вас есть вера. Мы все верим, что он вернется, — он глубоко вздохнул. — Всех прихожан так взволновало то, что появились вы. Они решили, что у нас есть Хелстон про запас.

– *Всех прихожан?* Я полагала, вы — единственный новообращенный.

— Я и есть все. Все значит мы. Мы значит я, — гном принялся жонглировать словами, и его голос угас до едва различимого бормотания. Каламбуры с легкостью приводили мистера Бенджамина в восторг.

— Но я не могу ни проповедовать, ни совершать таинства. Увы, я служу вере не так, как мой брат. Я не священник, — меня тронула очевидная нужда гнома. Я всегда была робким существом, и даже в детстве доверяла Лаону говорить вместо меня, поэтому едва поверила ушам, когда мой собственный голос добавил: — Но я могу помолиться с вами.

Несмотря на мысли о приключениях, я не за-

была миссионерской цели брата. Он — вернее, мы — здесь ради того, чтобы обратить даже подобие души, которое есть у фейри, к служению Господу.

Великий труд, хотя я и не мыслила себя его частью.

Но вот я в Аркадии, и гном ведет меня в часовню.

— Часовня в саду, — произнес он, оглядываясь. — Так пожелал преподобный Рош.

Следуя за мистером Бенджамином, я могла думать лишь о том, что он еще ниже ростом, чем казалось поначалу. И что подошвы его босых ног невероятно грязные.

Гном провел меня через полдюжины коридоров, от которых уже начинала кружиться голова. Они словно закручивались в спираль. Наконец мы достигли просторного внутреннего двора.

Подняв взгляд, я увидела голубое небо, окруженное высокими каменными стенами. На меня взирала вся история оконного мастерства — от крошечных витражей до искусно выкованных решеток.

К дальней стене была пристроена небольшая кирпичная часовня. Приземистая и совсем неэлегантная, она чем-то напоминала церковь моего

отца в Бердфорте. В углу двора притулилась колокольня, которая казалась совсем маленькой по сравнению с окружавшими ее стенами.

— Мисс Давенпорт присоединится к нам? — После рассказов той о проведенном в Лондоне детстве я посчитала, что она, по крайней мере, отчасти набожна. Но сейчас не сумела припомнить, чтобы она хоть раз упомянула церковь.

Мистер Бенджамин энергично поскреб голову:

— Думаю, нет, хотя ваш брат всегда ждал.

— Тогда и мы должны поступить так же.

Гном пожал плечами:

— Подменыши. Их пальцы сгибаются наружу, а не вовнутрь.

— Не могли бы вы объяснить?

— Подменышам жуть как необходимо быть не такими, как люди. Немного странными, чуток не на своем месте. Просто у них такой способ существования — быть неправильными. Натура такая.

— Это… — я сглотнула, — это кажется довольно печальным.

— Нет-нет. Вот такое как раз не в их натуре.

Я отперла двойные двери, ожидая увидеть за ними строгость беленых стен, среди которых росла сама, пустую и гулкую оболочку здания,

очищенную Реформацией от средневековой избыточности.

Но это место оказалось совсем непохожим на церковь моего отца.

В часовню заглядывал ряд изысканных готических эркеров. Кто бы ни пристроил ее к стене замка, он не позаботился о том, чтобы заложить эти окна. Их богато украшенная кладка выглядела много лучше простоты кирпичной часовни. Каждое окно обрамляли каменные виноградные лозы и розетки. На панно по соседству толпились фигуры с истершимися лицами и руками. Изображенные сюжеты ни о чем мне не говорили.

Когда я зажгла свечи и поставила их в деревянные подсвечники, свет отразился от толстого и неровного «лунного стекла». Круглые плашки взирали на нас из решетчатой рамы, словно выпученные глаза рыб.

Перед алтарем и кафедрой стояло четыре ряда запыленных скамей.

— Мне ударить в колокол? — спросил мистер Бенджамин.

Я кивнула. Затем вынула носовой платок и, кашляя от пыли, протерла скамьи.

Раздался одинокий удар колокола, чистый и очень громкий. Привычный звук, который очень

походил на перезвон в церкви Бердфорта. Он должен был вознести мои мысли к небесам, но лишь напомнил, насколько я далека от дома.

Я изо всех сил старалась представить, что в часовне полно фейри. Попыталась заполнить ее теми странными лицами и фигурами, которые успела заметить в порту в день приезда. Увы, шанс изучить их внимательнее я упустила и чувствовала теперь, что никогда больше не увижу тех созданий. Старалась вообразить у алтаря своего брата. Стихарь викария, который всегда казался коротковатым для его рослой фигуры. Вспоминала улыбку Лаона.

А затем встряхнула носовой платок, и глаза защипало от пыли. Тыльной стороной ладони я смахнула влагу.

Мне не хватало Лаона. Того, как щекоткой я не давала ему засыпать в церкви. Того, как мы хихикали, спорили вполголоса и умолкали, едва отец со своей кафедры бросал на нас суровый взгляд. Но я все равно продолжала стискивать брату ладонь, без моих острых ноготков он неминуемо задремал бы.

— Начинаем? — вернувшись, спросил мистер Бенджамин.

— Колокола призывают верующих, — сказала

я. — Мы должны подождать. Если так делает мой брат, то и мы должны.

Возможно, все миссионеры думают, что именно их края подвергают набожную душу самым тяжелым испытаниям. Но где еще местные жители столь привычны английскому разуму и в то же время столь чужды ему? Несмотря на все странные и удивительные рассказы капитана Кука, я понятия не имела, что ожидает меня за этими стенами.

— А что находится за пределами замка? — спросила я.

Мистер Бенджамин оторвался от псалтыря, который держал в руках, и нахмурил широкие брови:

— За пределами?

— Да. Я хочу узнать, что снаружи. Пока ехала в карете, не видела ничего, кроме тумана. А мисс Давенпорт говорит, что мне не следует выходить.

— Вам не следует выходить.

— Но что же снаружи?

— Ничего особенного, особе ничегобенного. — Гном ощутил, как эта словесная неразбериха приятно перекатывается у него во рту и усмехнулся, отчего морщины на его лице сделались

глубже. Он смаковал ее, точно леденец или кусочек шоколада. — Особе ничегобенного, ничего особенного.

— Не слишком хороший ответ, мистер Бенджамин, — упрекнула я.

Он пожал плечами:

— Это не слишком хорошее место.

Его ответ не мог не напомнить об отчетах миссионеров, которые я изучала, предвкушая свое путешествие. Насколько иначе они описывали дальние берега, полные дикарей и людоедов. Темные племена в конце концов приходили к вере благодаря красноречию и добрым делам миссионеров. Однако это была не просто словесная баталия, поскольку для многих взращивание веры подобно взращиванию вереска. В отчетах внешний мир описывался как бескрайняя дикая пустыня, ждущая семян наставления, из которых проклюнутся верные слова Откровения.

Я всегда гадала, настолько ли дикая эта пустыня, как увядшие вересковые пустоши у нас дома.

В детстве, гуляя по ним вместе с Лаоном, я не могла представить себе более заброшенное и отданное природе место. Холод пронизывал наши лица, а над бесконечными голыми долинами висел туман. Мы гонялись друг за другом по

колыхавшемуся на ветру вереску. Бегали по разрушенным фермам. Притворялись, что во всем мире не осталось никого, кроме нас, и мы одиноки под этим бездонным йоркширским небом.

Но даже те мнимые пустоши кто-то старательно возделывал. Вереск, молодые деревца и прочие растения выжигали, чтобы расчистить пространство для куропаток и овец.

До сих пор помню, как в первый раз увидела пламя, морскими волнами накатывавшее на вересковую отмель. Прилив, который, казалось, готов поглотить все вокруг. Помню, с каким жаром я схватила Лаона за руку и принялась растолковывать ему то, что объяснила мне в то утро наша няня Тесси: вот так оно все и делается. Пустоши должны оставаться пустошами. Это все равно что подстригать ногти.

Уступая эти земли природе, мы все же предпочитали видеть их пустыми.

Поэтому мой разум просто не мог вообразить понастоящему заброшенные края. А что, если дикие пустыни, о которых писали нам благородные миссионеры, тоже были старательно кем-то возделаны? Что, если кто-то нарочно решил оставить их голыми?

Тем не менее здесь ни один урок тех давних

историй не казался уместным.

Мы прождали мисс Давенпорт целый час, а тем временем мистер Бенджамин задавал все новые вопросы, которые возникли у него после прочтения Завета. Спрашивал он самым мрачным тоном, но некоторые из его фраз заставили меня улыбнуться. Я решила отправить его за ответами к брату, но увлеченность гнома была заразительна. Его весьма заинтересовали значение жертвоприношения и важность расплаты. Он пояснил, что фейри любят цифры и издержки.

— Это как долг, за который Иисус в полной мере расплатился своей смертью. Своей жертвой, — ответила я. — Дань, искупившая первородный грех, ослушание в райском саду, запретный плод.

— Но это же человеческий грех? Или тот грех лег на всех? Мы все пали или только Человек?

У мистера Бенджамина была привычка называть Адама буквальным значением его имени на древнееврейском — «Человек».

— Я бы сказала, что тот грех разделен, по крайней мере, с той, кто первой вкусила плод.

— Запретную пищу есть опасно, — гном нахмурился и сморщил нос, пытаясь вспомнить. — Это ведь из Псалмов? «Вот, я в беззаконии зачат, и во

грехе родила меня мать моя» [15]?

Я кивнула:

— Да, это часто цитируют, ссылаясь на оригинал…

— Тут речь о фейри. Я думаю. Наверное. Но мы созданы такими. Так это про нас, да?

— Даже не знаю, — следующий вопрос я задала, заранее страшась ответа. — А как вы… как вы создаетесь?

— Как и написано. Там все верно сказано.

Тут он принялся настаивать, чтобы я подробнее объяснила ему теологию искупления и первородный грех. Но вскоре мы отклонились от темы и заговорили о древних чудовищах, и вот уже оживленно обсуждали апокрифы и то, как архиепископ однажды постановил, что любой, кто публикует Библию, должен сохранить апокрифы, иначе будет заключен в тюрьму на год.

— А что в них?

— Безумные истории, — сказала я, сумев припомнить их лишь наполовину. — Кое-что из детства Иисуса, о том, как он оживил глиняных птиц. Юдифь и Олоферн — это, конечно, апокриф.

---

[15] Примечания: 15
Пс. 50:7.

Еще «Книга стражей» [16] про падших ангелов и нефилимов.

— Безумные слова — это сорняки, — произнес мистер Бенджамин. — Они прорастают, даже если их выполоть. Не место им в садах.

— Так же считало Библейское общество Шотландии. И обратилось к Британскому и Зарубежному библейским обществам с просьбой не печатать этих текстов. До сих пор помню, как мой отец метался по кабинету.

— От злости?

— Он был упрям, но все же терзался. И скорее не хотел изучать эти апокрифы с нами, чем полностью их искоренять.

— Сорняки — обычное дело. От них до конца не избавишься. Я садовник, я знаю. — Он так глубокомысленно кивнул, что я не смогла удержаться от смеха.

Наши многочисленные разногласия с мисс Давенпорт только усилили мое нежелание сообщать ей о найденных бумагах. Всерьез их изучить мне удалось лишь спустя несколько дней.

Я дождалась краткого промежутка настоящей ночи, когда рыба-луна выплыла из-за темных

---

[16] Примечания: 16
Иное название «Первой книги Еноха».

облаков. Ее свет навевал воспоминания о том, как посреди зимы я стояла у лестницы, которая вела в подвал, и смотрела на мерцавшие внизу куски ломкого угля. Открыв бювар, я благоговейно вынула по очереди каждый листок. Осторожно перебрала их и разложила на потертом ковре.

На мгновение я позволила себе ощутить красоту незатейливой тайны, прежде чем в нее погрузиться.

Бумаги сильно различались по размеру, форме и текстуре. У некоторых были рваные края, другие были грубо обрезаны, а иные отражали свет, будто их вырвали из книги с золотым обрезом. Большинство страниц оказались исписаны все теми же загадочными символами.

Енохианский.

С этим названием я уже сталкивалась, но никак не могла вспомнить, где именно. Может быть, у средневековых гностиков? Или в домыслах Нострадамуса? Его книг у моего отца не было, но в одном из томов нашей библиотеки приводились цитаты предсказателя. Ради того, чтобы их опровергнуть.

Я перешла к тетради в кожаном переплете, которую нашла в первую ночь. И, полистав ее, заметила, что страницы исписаны разными по-

черками. Слова толкались и наседали друг на друга, стараясь найти свободное пространство.

«…Кое-чего они мне недоговаривают. Я чувствую это всем своим существом. Дом, в котором меня держат, неправильный, здесь все неправильно. Можно было догадаться. Они двуличны по своей природе, более того, у них есть секреты, это я могу сказать со всей уверенностью. И все же их оружие — правда. Как я могу разговорить их? Меня переполняет страх, но еще меня переполняет надежда…»

«…Они едва умеют говорить на нашем языке и скорее насмехаются над ним. Мне не удается держать соль достаточно близко. Слово Божье защитит меня…»

«…Теперь я знаю больше, чем можно и должно знать. То, чего нельзя записывать…»

Передо мной был личный дневник преподобного Джейкоба Роша. Первого миссионера.

Я захлопнула тетрадь.

Сердце бешено колотилось. Всего этого не следовало читать. Преподобный Хейл меня предупреждал, он ясно дал понять, что записи нужно найти и вернуть нетронутыми.

И все же.

Пальцы ласкали потертый кожаный корешок. В конце концов, изучать обложку преподобный мне не запретил.

Дневник был переплетен в такую тонкую кожу, что она напоминала пергамент. Свет от свечей излишне подчеркивал грубость ее выделки, однако разглядеть шрамы животного было трудно.

На задней странице обложки виднелись выжженные посередине полумесяцы, которые располагались чуть изогнутой линией. Удивленная, я прижала кончики пальцев к каждому из них. Под большим оказалась пятая метка, угольно-черная на фоне бледной кожи. Прищурившись, я разглядела в одном из полумесяцев намек на завивающиеся узоры и выемки в каждом из остальных.

Вертя в руках тетрадь, я рассуждала так: преподобный Хейл просил ее не читать; тем самым он, вероятно, давал понять: не стоит признаваться в том, что просьба не была исполнена. Не мог же он ожидать, что я обуздаю свое любопытство.

Я так мало знала об Аркадии, но после таинственных намеков мисс Давенпорт относительно судьбы предыдущего миссионера не могла не задаться вопросом: что, если разгадка содержится в его дневниках?

Я решительно отложила тетрадь и снова занялась бумагами.

«Перевод Библии на енохианский язык».

Эта фраза, написанная на безукоризненном английском, и стала моим ключом. Если предположить, что передо мной труды того, кто изучал странные символы «енохианского», то строки на латыни могут быть только переводами. Тот же вывод подходил и для заполненных однообразными, неуклюжими каракулями листов бумаги. Их вид напоминал о том, как мы с Лаоном в детстве тренировались выводить свои имена, заполняя ими страницу за страницей.

Я прекрасно владела французским и немецким, которым меня выучили ради поэтических переводов и прочих благовоспитанных занятий. Зато мои познания в латыни и греческом были довольно скудными и, так сказать, заимствованными из книг Лаона.

Тем не менее этого казалось достаточно, чтобы начать сравнивать стихи. Я не думала, что по разрозненным фрагментам сумею собрать воедино целый язык, но узнать несколько повторяющихся слов было мне вполне по силам.

Карты существуют не только для тела, но и для

духа. Пусть я и была заперта в Гефсимании, моя душа пела от исследовательского азарта. Я просто не могла не вообразить, что стою на одной из границ нашего познания и вглядываюсь в темную бездну человеческого невежества.

Наверное, глупо было так думать, но последние дни я не находила себе места, а моим душе и разуму для поддержки не хватало одного лишь хлеба. Получив теперь нечто большее, я с нетерпением погрузилась в тайну.

Мои пальцы зудели от желания записать какие-нибудь из моих предположений. Не стоит пытаться немедленно осмыслять и опровергать случайные догадки, лучше отложить это на потом. Сжимая в руках дюжину разрозненных страниц, слишком легко прийти к поспешным выводам, а опыт научил меня, насколько в подобных делах важна методичность.

Я отвлеклась от работы и заметила, что дверца, ведущая в пустоту, не заперта. Прошлые несколько раз я относила подобное на счет собственной небрежности или забывчивости, но теперь во мне начало расти подозрение. Стараясь не придавать этому значения, я накрепко заперла засов.

Это всего лишь дверь. Бояться тут нечего.

Взглянув на замок, я заметила, что на нем вы-

гравированы маленькие заостренные символы. А поднеся свечу ближе, увидела, что они похожи на те, которыми были исписаны найденные мной бумаги. Это даже могло оказаться слово, которое я сумела бы перевести. Предвкушая триумф, я улыбнулась.

Смутно припоминая, что в сундуке должен быть письменный прибор, я откинула крышку и пошарила на дне. Там и в самом деле отыскался пузырек с чернилами и древняя ручка со стеклянным наконечником. Ощутив под пальцами что-то еще, я вынула из сундука сложенный пополам обрывок страницы.

За спиной раздался громкий, протяжный вой.

Я испуганно обернулась. Звук шел из-за дверцы в пустоту.

Это был просто ветер. Я понимала, что это всего лишь ветер, достаточно сильный, чтобы загремели петли тяжелой створки. Он стенал среди башен замка. Вдалеке стучала оконная ставня.

Я шарила на полу в поисках выскользнувшего из пальцев обрывка. Длинные тени расползались от дрожащего света свечи. Мои руки замерзли, пока я искала страницу на холодных камнях.

Развернув ее, я увидела напечатанный типографским шрифтом текст. Судя по торопливой

приписке на полях, страница была из «Правдивого и достоверного рассказа о том, что много лет происходило между доктором Джоном Ди и духами» Мерика Касобона [17]. И хотя читать готический шрифт оказалось непросто, я начала отчасти понимать завуалированную историю енохианского языка.

Той ночью мне почти не удалось поспать.

[17] Примечания: 17

Мерик Касобон (1599–1671) — англо-французский доктор богословия. В 1659 году он написал книгу о спиритических практиках известного в 17 веке оккультиста и математика Джона Ди.

Глава 6. Полуночные мистерии

Подобно тому как повеления приводят в движение разум человеческий и тот легко уверяется в истинности вещей, так и Создания Божьи приходят в волнение, заслышав слова, с которыми они были принесены в мир. Ибо неспособно двигаться то, что не убеждено, а тем, что неизвестно, убедить нельзя. Создания Божьи не понимают вас; вы не из их Городов. Вы сделались врагами, поскольку невежество разлучило вас с Тем, кто правит Городом. Среди прочих Его Творений, Адам, сотворенный невинным, все же не стал причастником Силы и Духа Божьего. Он не только знал все Его Создания и говорил о них верно, раздавая имена, но и участвовал в появлении нас самих и нашего братства. Да, он говорил о Божьих таинствах. Да, говорил с Самим Богом. И хотя слова его были наивны, он общался с Всевышним и нами, Его добрыми ангелами. И тем самым был Адам возвышен.

На языке, которому я научу вас, нельзя говорить ни о чем другом, нельзя общаться с воображением человеческим. Ибо сие есть Труд и Дар Господа, в коем заключена всякая сила, и раскрывает Он ее в языке силы, дабы сама собой установилась гармония. Ибо было написано: «Мудрость восседает на холме, созерцая четыре ветра и подпоясывая себя сиянием утра, но приходят к ней немногие, и живет она одиноко, точно вдова». Поэтому вы понимаете надобность этого языка.

Мерик Касобон, «Правдивый и достоверный рассказ о том, что много лет происходило между доктором Джоном Ди и духами», 1659 год

Тайны увлекли меня, взбудоражили разум и, наконец, прокрались в мои сны бессмысленной мешаниной образов. Их смысл от меня ускользал. Я ворочалась во сне, преследуя мрачные тайны по извилистым коридорам Гефсимании.

Когда рассвет наполнил сиянием мою комнату, я проснулась с перепачканными чернилами руками на груде заляпанных бумаг. Сон сморил меня прямо на полу.

Я потерла глаза, и их защипало от засохших на пальцах чернил. С трудом я поднялась на ноги.

Мой взгляд непроизвольно метнулся в сторону дверцы, ведшей в никуда. Еще ничего не успев разглядеть, я шагнула к ней, чтобы запереть. Впрочем, предположение оказалось верным, и я решительно задвинула засов. Уже в который раз… Вероятно, тот разболтался. Я убеждала себя, что его сдвинул ночной ветер, но холодок все равно бежал по спине.

Я терла над умывальником руки и лицо, пока кожа из чернильно-черной не сделалась красной. Разум попрежнему занимало все то, что мне удалось узнать о енохианском — божественном языке, названном в честь Еноха, последнего человека, который его понимал. Страницы содержали громкие заявления о том, что именно эти изломанные, угловатые символы использовал Сам Всевышний, создавая мир, а затем передал Адаму, чтобы тот мог дать имена всем существам и предметам в райском саду. Страницы уверяли, что в языке ангелов заключены всевозможные тайны, что в знании первых, истинных, имен всех вещей сокрыта сила.

Мое сердце бешено колотилось. Я убеждала себя, что все из-за выплеснутой в лицо ледяной

воды.

И все-таки, зачем кому-то — преподобному Рошу? — пытаться переводить Библию на енохианский? Возможно, ему виделся в этом некий акт восстановления — Слово Божье, записанное на языке Бога. Или тут было что-то еще?

У меня разболелись глаза. Я закрыла их и прижала к векам излишне горячие пальцы.

Меня по-прежнему терзали вопросы: было ли это орудие Благой вести, и если да, то он ли настоящий язык фейри? Правдива ли старая теория о том, что фейри и есть ангелы? Или они просто помнят енохианский со времен Адама?

Я переоделась, нащупывая на одежде крошечные обтянутые тканью пуговицы. Вопросы метались у меня в голове, сплетались друг с другом в бесконечном извивающемся хороводе. Я составила список неповторяющихся символов и принялась сравнивать слова. Бессмысленное занятие, но своего рода прогресс в нем все же был — на скале неведения появилась точка опоры.

Сейчас мне, как никогда, не хватало Лаона. Хотелось рассказать ему обо всем, прижаться лбом ко лбу и прошептать то, что я знала, будто секреты, которыми делятся, лежа в темноте под пледами и покрывалами из овчины.

Интересно, как бы он поступил с подобными откровениями — пренебрег обрывками документов, найденных в случайной комнате его замка, или вопросы стали бы преследовать его точно так же, как меня? А что, если он уже знает о содержимом этих бумаг, и именно знание заставляло его молчать?

Весь тот день, когда Лаон, оставив меня в одиночестве, начал изучать латынь, я проплакала. Он предлагал научить меня, разделить с ним книги. Обещал, что мы останемся такими же, как раньше, и он будет относиться ко мне по-прежнему, даже если другие откажутся это понимать.

Тайны всегда заставляли меня чувствовать себя одинокой.

Я попыталась представить себе голос брата. Вспоминала изгиб его уха возле моих губ, тепло его ладоней. Наши пальцы очень давно не переплетались. Даже уезжая, он не пожал моей руки.

Но все это казалось слишком взрослым для перешептываний и сплетенных ладошек. Я чувствовала себя слишком взрослой.

Неужели так много времени прошло с тех пор, как мы бегали друг за другом по вересковым пустошам и прятались среди разрушенных ферм?

Я вспоминала, как близки мы были с Лаоном,

и внезапно осознала, что такого, возможно, никогда больше не будет. В чем же причина? В расстоянии, что пролегло между нами, когда меня отправили в школу? Но ведь я писала ему всякий день, подмечала для него каждое мгновение, и он так же добросовестно отвечал мне. Или все произошло позже? Однако и тогда мы продолжали обмениваться письмами, хотя работа и не позволяла ни одному из нас оставаться столь же прилежным в переписке. А потом, оставшись без места, я вернулась и нашла брата…

Это не важно. Он по-прежнему был моим братом. И ничто не могло этого изменить.

В дверь постучали, следом раздался вопрошающий голос мисс Давенпорт.

Мой испуганный взгляд метнулся к записям, все еще разбросанным по комнате.

— Минуточку, пожалуйста!

Я постаралась ответить как можно спокойнее, а сама торопливо собирала бумаги и прятала их среди своих собственных. Задела аккуратную стопку книг, которые привезла с собой, те рассыпались по письменному столу и с глухим стуком упали на пол.

Тихий скрип оповестил о вторжении мисс Давенпорт. Я попыталась унять дрожь в руках и

успокоить дыхание.

— Вас не было за завтраком, — весело произнесла она, придерживая дверь бедром, и внесла большой и тяжелый поднос. По комнате разнесся аппетитный запах бекона и смазанных маслом тостов. — Вот я и решила принести его сюда. Не думаю, что стоит доверить заботу о вас Саламандре. Пусть даже она экономка.

С тихим звоном она поставила поднос и, пританцовывая, приблизилась ко мне:

— Что там у вас?

— Уч-учебники, — ответила я, захлопывая бювар и с несколько излишней решительностью запирая его. — Я их разбирала.

— Учебники? — Она наклонилась и подняла одну из книг.

— Их прислали из Общества.

Раскрыв книгу, мисс Давенпорт, запинаясь, прочитала на титульном листе:

— Право… писание… учебник для… начинающих или… первая книга для… детей…

— Полагаю, Общество хотело найти мне достойное применение.

Она рассмеялась, и на сей раз насмешка у нее в голосе угадывалась безошибочно. Он сделался пронзительным, точно у плохо настроенной

скрипки.

— У меня есть кое-какой опыт учительницы, — уязвленно произнесла я.

— Неужели они полагали, что здесь не будет отбоя от жаждущих учиться детей безбожников? — Ее рот растянулся в широкой улыбке. — Чумазые брауни[18] и очаровательные маленькие пикси[19] соберутся вокруг мисс Хелстон и попросят научить их благороднейшему английскому языку?

— Не думаю, что у меня были какие-то особые ожидания.

— О, но вы же наверняка хотели учить их, рассевшихся на шляпках грибов и попивавших из лютиков крапивный чай. — Заливаясь смехом, она обхватила пальцами воображаемую чашечку и притворилась, что изящно пьет из нее. — Мы бы делали вам реверансы в своих изысканных платьицах из лепестков ромашки и приподнимали шапочки из руты. И были бы до того благодарны за переданные вами знания…

— Я ожидала, что познакомлюсь больше чем с

---

[18] Примечания: 18

Брауни — домашние духи в мифологии Шотландии и Северной Англии, небольшие человечки ростом около 90 сантиметров с нечёсаными коричневыми волосами и ярко-голубыми глазами.

[19] Примечания: 19

Пикси — небольшие создания из английской мифологии, считаются разновидностью эльфов или фей.

двумя фейри. И отправлюсь дальше дома своего брата. — Я скрестила руки на груди. — Я ожидала каких-нибудь ответов.

Смех мисс Давенпорт резко оборвался.

— Вам нет нужды…

— Простите, — непроизвольно произнесла я, заметив ее беспокойство. Слишком легко было увидеть в мисс Давенпорт моего тюремщика.

— Нам надо поесть, — объявила она, и в ее голосе снова зазвучали радостные нотки. — Я весьма проголодалась.

Я кивнула, желая поскорей заключить между нами перемирие. Затем помогла ей переставить предметы в круглой комнатке, чтобы тут смогли пообедать двое. Мисс Давенпорт накрыла скатертью мой сундук и выгрузила на него все то, что принесла на подносе.

Почистив целую дюжину вареных яиц, она удовлетворенно вздохнула. Затем сунула их мне под нос и протянула соль.

— Посыпьте для меня, — попросила она.

— Прошу прощения?

— «Ты соль скорей сгреби в щепоть и над едой тряхни, — процитировала она народный стишок. — А следом повторяй: Господь, мне душу сохрани».

При слове «душу» в ее голосе появился саркастический оттенок.

— О, конечно, — сказала я и посыпала солью яйца. Всякий раз во время наших совместных трапез она настойчиво просила меня об этом, но мне не удавалось спросить зачем. Расспросы о подменышах казались немного навязчивыми, особенно учитывая то, как она избегала церковных служб. — А что вы делаете, когда меня нет?

— Не ем.

— О, — сказала я, смягчаясь. Интересно, как долго она голодала после отъезда моего брата? — Разве вы не…

— Можно снова вас попросить? — перебила она. — Я очень голодна.

Я кивнула и, выполняя ее просьбу, посолила фруктовые пироги, кекс, сливочное масло и шоколадный кофе в чайничке. Клубника на лимонно-желтом корже отливала зеленым, но от прикосновения соли сделалась розовой. Кекс словно выдохнул и опустился на тарелке плотной влажной массой.

— Есть ли новости о моем брате? — спросила я, заранее зная ответ. Этот вопрос я задавала почти каждый день.

Мисс Давенпорт покачала головой:

— Боюсь, что нет, он все еще… я не знаю, где именно. В глубине страны. Там же, где двор.

— Двор?

Прежде она рассказывала куда меньше. Я пригубила пряный шоколад и добавила еще одну ложку сахара. Никак не удавалось привыкнуть к привкусу соли во всем, что я ела.

Под моим пристальным взглядом мисс Давенпорт заерзала:

— Я в самом деле не знаю. Политическая жизнь Фейриленда не так проста.

— Но вы, по крайней мере, признаете, что она есть. А значит, есть и политики, — я отставила шоколад и внимательно посмотрела на нее, надеясь, что она вздрогнет, если мои слова окажутся близки к правде. — Двор ведь подразумевает кого-то или что-то во главе? К примеру, монарха. Получается, единственное, чего мне недостает, это титул…

— Умоляю, не пытайтесь выманить у меня ответы.

— Если не хотите отвечать на этот вопрос, — произнесла я, рассудив, что фейри, как никто другой, любят сделки, — то расскажите хотя бы, как Рош исполнял свои обязанности.

— Что вы имеете в виду?

— Прозелитизм [20], — ответила я. — Знаю, вам нельзя говорить о том, как он… как он заслужил свой мученический венец. Но, безусловно, можете рассказать, как он здесь трудился. Как он нес Слово?

Она перестала намазывать кекс маслом. Отложила нож.

— Здесь так уединенно. Не могу представить, с кем ему было тут говорить. — Я с отвращением заметила, что в мой голос прокралась умоляющая нота. — Не могли бы вы рассказать?

Мисс Давенпорт молчала.

— Мне ведь почти ничего не известно. Лишь то, что он обратил мистера Бенджамина и исчез. Даже не знаю, вернули ли его тело. Кто еще был здесь? Вы подшучиваете над моими детскими фантазиями, и все же не хотите… — я осеклась. Сделала глубокий вдох. — Простите.

Пришлось заставить себя обратить внимание на разложенный передо мной завтрак. Я взяла ломтик хлеба и, несмотря на то, что тот уже остыл, масло растаяло, едва коснувшись темного мякиша. Кекс оказался роскошным и очень сладким, больше похожим на пудинг. Шероховатый

---

[20] Примечания: 20

Прозелитизм — стремление обратить других в свою веру, а также деятельность, направленная на достижение этой цели.

от кристаллов сахара, он таял во рту.

— К нему приходили гости, — очень медленно и осторожно произнесла мисс Давенпорт. В том, как она себя сдерживала, чувствовался трепет. — Было не так много мест, куда бы он мог пойти.

— Спасибо вам…

— А мистер Бенджамин… он не всегда был садовником и смотрителем. Легко дать надежду тем, кто заблудился. Отчаялся. Они искали. Он нашел.

— Что это зна…

— Мы должны прогуляться по саду, — сверкнув улыбкой, перебила она.

Мисс Давенпорт проглотила последний кусочек кекса, и от прежнего напряжения не осталось и следа. Затем осушила чашку шоколадного кофе и посмотрела на меня. На ее молчаливое предложение допить свой кофе я лишь покачала головой.

— Вы уже водили меня по внутренним дворам замка, мисс Давенпорт.

— По дворам, конечно, но не в сады. Уверена, потом вы согласитесь, что они могли бы соперни-

чать с садами Кью [21].

— Не посмею утверждать, что была в Королевском ботаническом саду.

— Что ж, я тоже, — мисс Давенпорт наигранно подмигнула и резко захихикала, — но в таких вещах скромничать не стоит. Хотя я слышала, у их юного истопника настоящий талант к садоводству.

— У истопника?

— Джона Смита [22], который приглядывает за садами. У него верный подход к растениям, — натянутая улыбка расколола ее лицо, и мисс Давенпорт многозначительно постучала себя по носу. — Иногда я говорю слишком много, слишком много.

---

[21] Примечания: 21

Королевские ботанические сады Кью, или *сады Кью*, — комплекс ботанических садов и оранжерей площадью 132 гектара в юго-западной части Лондона между Ричмондом и Кью, исторический парковый ландшафт XVIII–XX веков. Сады созданы в 1759 году.

[22] Примечания: 22

Джон Смит (1798–1888) — английский ботаник, первый куратор Королевского ботанического сада Кью. Начал работу в садах с того, что топил печи для обогрева теплиц.

Глава 7. Башня в саду

Balaenoptera wickeris, часто называемый «морским китом» благодаря своеобразному юмору фейри, считается самым громадным среди прочих животных, поскольку он в два раза больше самого крупного из тех китов, которые действительно обитают в морях. В отличие от них, это животное, по слухам, плавает в почве. Следует различать его с такими животными, как «заморский кит» – невидимой рыбой, которая скрывается в морях возле портов Аркадии, – и «мирской кит», которое имеет более привычное для нас название Balaena sinistris. По словам Сиббальда, жители Аркадии считают, что морской кит сделан из прутьев. Он описывал странные верфи в Фишфорте, на которых строили этих животных. Говорят, внутри кита, когда тот проглотит достаточно «моря», способны существовать целые экосистемы. Деревянные китовые «кости» часто встречаются на базаре гоблинов.

Все это, разумеется, противоречит здравому смыслу. Хотя морской кит – существо реальное, его присутствие на суше – всего лишь форма фата-морганы, превосходный мираж, результат отражения и преломления, благодаря которым изображение кита переносится из его родного моря внутрь континента, как правило, в наиболее окутанные туманом части Аркадии. Туман является ключом к пониманию этого естественного оптического явления, поскольку иллюзии обеспечивают капли воды. Как фата-моргана может создать видимость корабля, находящегося внутри волн, так же она заставляет кита появиться внутри земли.

Роберт Уолтон[23]. Естественная история китов с добавленным к ней очерком о китобойном плаванье по Южному морю

Я не ждала, что сад в замке, окруженном высокими стенами и рвом, окажется каким-нибудь

---

[23] Примечания: 23

Роберт Уолтон — персонаж романа Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей», капитан корабля, исследователь.

особенным. Прогулки с мисс Давенпорт уже познакомили меня с непримечательной растительностью внутренних дворов.

Когда моя спутница проходила мимо часовни, я вспомнила ее замечание о мальчике-истопнике с талантом к садоводству.

— Вы хотели сказать, что он подменыш? — спросила я.

— Я ведь не совсем так выразилась, правда? — нараспев произнесла она и раздвинула заросли плюща на дальней стене двора.

Листья и лозы были до того густыми, что казались тяжелым зеленым занавесом. Я вспомнила предупреждение мистера Бенджамина.

Мисс Давенпорт отцепила от браслета ключ и подмигнула мне:

— Не рассказывайте Саламандре, что он у меня есть.

— Не расскажу, потому что не смогу, — ответила я. — Я не встречалась с Саламандрой.

— И это к лучшему.

Она улыбнулась, будто совершила нечто остроумное, и отперла окованную железом дверь, которая пряталась за плющом.

С другой стороны ощерившейся бойницами стены оказался наполовину одичавший, живо-

писно заросший сад.

Окаймленный руинами римских арок и колоннад, он выглядел так, словно давно забытый лорд из прихоти запечатал разрушенную виллу и превратил ее в место для увеселений. Шпалеры придавали розам форму элегантного навеса, укрытого в тени высоких кедров. Сад благоухал, точно церковь. Четыре тропинки рассекали лужайки и приводили к оливковой роще в центре.

Я словно вошла в средневековую рукопись, в освещенный hortus conclusus [24].

— Мило, правда? — спросила мисс Давенпорт, с интересом заглядывая мне в лицо. — Я же говорила, что так и будет.

— Говорили… — пробормотала я.

Посреди оливковой рощи, сразу позади закрученных в спираль стволов деревьев располагался поросший водяными лилиями каменный фонтан. Труба была перекрыта, поэтому прохладная вода оставалась совершенно неподвижной.

Я опустила в нее руку и погладила лепестки лилий. Улыбнулась всей этой красоте. В отличие от

---

[24] Примечания: 24

Hortus conclusus (с лат. «закрытый сад, хортус конклюсус») — латинское выражение, восходящее к цитате из библейской Песни Песней: «Запертый сад — сестра моя, невеста, заключенный колодезь, запечатанный источник» (Песн. 4:12). Является символическим обозначением Девы Марии.

блеклой помпезности замка, обнесенный стеной сад превратили в нечто большее. Создавалась иллюзия возвышенной бесконечности, не до конца пойманной и скованной. Точно радуга на воде.

— Какова история Гефсимании? — спросила я.

— Гефсимании? Имеете в виду это место?

— Историю этого замка, этого сада. Он явно старинный. Кто жил здесь до, ну… нас?

Подменышка пожала плечами:

— Никто.

— Но…

— Никто, кого бы я знала, — поспешно добавила она. — Был, конечно, предыдущий миссионер, Рош, но о других мне неизвестно. В конце концов, это место построено на тайнах.

— Слишком уж много тайн, — пробормотала под нос я, но настаивать не стала. Ее первый ответ был многозначительным, хотя и вырвался невольно. Наша словесная баталия слишком напоминала выманивание ответов у школьных учителей, когда ловушки работают лучше, чем упрямые расспросы. И все же кое-что приходилось выторговывать.

Мисс Давенпорт прогуливалась у розовых кустов. Сорвав бутон, она осторожно, один за другим, отрывала у него лепестки, и это занятие

полностью ее поглотило.

Ветер шелестел ветвями и доносил сильный аромат мяты, который увлек меня дальше в кедры. Мы с Лаоном любили растирать мяту в ладонях, пока те не пропитывались ее запахом. Разыскивали ее по всей округе или крали из сада Тесси. Смеясь, я напускала на себя важный вид и, провозгласив себя леди из Лондона, мазала мятой за ушами.

Среди деревьев стояла круглая башня, слишком маленькая, чтобы вместить больше одной комнаты.

Висевший над головой маятник солнца придавал камням цвета слоновой кости теплое сияние. Часть башни соединялась с замком узким крытым мостиком. Тот был не из белых камней, а из красного кирпича. Курьезно, конечно, но, пожалуй, не страннее остальной части сада. И, как и весь он, башня казалась застывшим мгновением, которое создала фантазия давно умершего монаха. Я представила, как тень его дрожащих рук ложится на крышку колодца и гладкие бледные камни.

Дверь была слишком велика для башни. Оскаленный молоток позеленел от времени и запачкал мне руки.

Я заглянула внутрь.

— Эй! — мой голос эхом отозвался в каменной зале.

Я осторожно толкнула дверь, и та тихонько скрипнула.

В неподвижном воздухе ощущался привкус меди. Я чувствовала себя так, словно вскрыла древнюю гробницу и вдохнула затхлый дух прошлого.

Солнечный свет лился в окна и пронзал висевшую в этом мнимом безвременье пыль. В дальнем конце залы, за сломанными скамьями и опрокинутыми канделябрами, располагался слегка утопленный в стену алтарь. На нем стоял запрестольный образ — тройная рама из потускневшего золота казалась пустой, цвета панно размыло рекой времени. Их поверхность покрывала многолетняя сажа и грязь от свечей и ладана. Тени укрыли все, кроме позолоченных нимбов над ликами.

Лишь их святость уцелела.

Я медленно двинулась к алтарю, зачарованная разрушением, которое претерпела часовня. На опрокинутых скамьях остались шрамы от тяжелого лезвия. Наверное, от топора.

Меня пробрал озноб, когда я задумалась о том,

кто способен был осквернить это место. Быть может, папист? Не верилось, что руки, сотворившие подобное, могли предвещать мне и брату что-нибудь, кроме беды.

На полу, рядом с чашей для причастия, темнело зловещее пятно. Возле опрокинутого престола на голых камнях валялись потрепанная Библия, серебряное блюдо, облатки и подсвечники.

«Делайте это в воспоминание обо Мне» [25].

Я была не настолько очарована новыми веяниями в богословии, чтобы считать облатки сакральными вне обряда, но все же оставлять их в пыли и грязи выглядело неправильным. Может, они и не плоть Христа в буквальном смысле, но на них Его прикосновение. Они больше, чем просто хлеб.

Я подобрала Библию. Из нее были вырваны страницы. Ледяные пальцы страха вновь сжали мне сердце.

Шагнув ближе к сиротливо стоявшему запрестольному образу, я подумала, что могу разглядеть на центральном панно распятого Христа, а у его ног фигуры трех Марий, прижавшихся друг к другу. На левом панно окруженный

---

[25] Примечания: 25
Лук. 22:19.

ореолом Христос в Гефсиманском саду на коленях умолял Отца Небесного избавить его от чаши страданий. Апостолы за его спиной преграждали путь мрачному Иуде. Я ожидала, что на правом панно окажется Мария, баюкающая мертвое тело Иисуса, но расположение фигур было неверным: одинокая крупная фигура, сияя, стояла перед чем-то наподобие красной двери, а другая — маленькая и бледная — то ли выбиралась из нее, то ли наоборот. Небо на заднем плане было полно огромными птицами.

Я осторожно протерла панно носовым платком. Грязь прилипла накрепко и лишь сильнее размазалась. Нахмурившись, я плюнула на платок и принялась тереть еще старательнее.

Это была вовсе не красная дверь, а зияющая пасть чудовища. Маленькие бледные фигурки бежали прочь от нее, а похожий на хлыст раздвоенный язык зверя обвивался вокруг одной из них. Птицами, от которых чернело небо, оказались демоны.

Меня постепенно осенило. Я не была уверена, изображение ли становится чище или это знакомые, хоть и едва различимые цвета поблекшего панно вызывают в памяти подходящие для понимания детали.

И все же ответ был только один — передо мной предстало Сошествие в ад.

Стиль его отличался от двух других панно, композиция была лишена изящества. По тому, как кричали и хватались друг за друга люди в клетках, я догадалась, что картина куда более старинная, возможно средневековая, а в запрестольный образ ее добавили позже из какого-то чудачества. В конце концов, Сошествие в ад нечасто изображалось на алтарях.

— Вот вы где, — послышался голос мисс Давенпорт. — Я не хотела, чтобы вы сюда заходили.

Я услышала, как она вошла в часовню.

— Что это за место? — спросила я, разглядывая белую решетку ребер в пасти адского чудовища.

— Другая часовня.

— Другая?

— По правде, это не важно. Просто еще одно старое место в месте, полном старых мест, — она нервно рассмеялась. — К тому же все это ненастоящее.

— Кем был…

Она покачала головой:

— Мне не следовало приводить вас сюда. Все это должно было оставаться запертым.

— Вы должны объясниться. Нельзя показать

мне тайную часовню со следами прерванного причастия и ожидать, что я промолчу, мисс Давенпорт.

— Нам пора идти, — она бросала взгляды на темные углы часовни, на алтарь.

— Нет.

— Нам не стоит здесь находиться.

— По ответу за каждый шаг. — Сделка была глупая, но я стояла на своем.

— Я расскажу, как только мы уйдем.

— Рассказывайте сейчас.

Прежде чем заговорить, мисс Давенпорт сглотнула:

— Это просто шалость. Фейри их все время устраивают. Как вы, например, могли бы расставить в лесу чашки, чтобы разыграть детей, а те стали бы думать, будто фейри устраивали там чаепитие. Или расставили бы игрушечных солдатиков так, словно они пытаются сбежать из своей жестянки. Это игра.

— Но кто должен был это увидеть? Если есть игра, то должен быть игрок.

Она дрожала, но голос ее оставался ровным:

— Пока никто. Игра еще не готова.

Я переждала еще один удар сердца, а руки мисс Давенпорт продолжали взволнованно сжиматься

и разжиматься у ее лица. Смягчившись, я шагнула к двери, принимая ответ, хотя все еще не доверяя ему.

На лице моей спутницы немедленно появилось облегчение.

Когда мы вышли из часовни, я пробормотала слова извинения. Это успокоило мою совесть, хотя мисс Давенпорт и не расслышала ничего. Оставалось лишь надеяться, что ее ответ стоил моего чувства вины.

Мы возвращались в молчании. У подножия лестницы, ведущей в мою комнату, мисс Давенпорт извинилась за то, что повела меня в сад.

— Я не подумала. Прошу прощения, — произнесла она, избегая моего взгляда. — Не следовало приводить вас туда. Это была моя ошибка.

— Но вы не откажетесь, по крайней мере, поесть вместе со мной. — Я вспомнила, что она говорила этим утром о соли.

— На самом деле подменыши не нуждаются в пище. При всем чувстве голода, нам она просто нравится. А вот несоленая нет… — она глубоко вздохнула.

— Тогда почему же вы просите меня, ссылаясь на соляной уговор?

Она долго изучала пол:

— Вам лучше забыть сад за завесой из плюща.

С этими словами она пожелала мне хорошего дня и повернулась, чтобы уйти. Часть меня хотела попросить ее остаться и рассказать, что́ так давит на нее, но я понимала, что не должна этого делать. Несмотря на все ее слова о моей защите и время, проведенное вместе, мы почти не говорили ни о чем важном. А из-за моих предыдущих расспросов между нами уже возникла напряженность. Мисс Давенпорт лишь сильнее отдалится, если я снова переступлю черту.

Стоило руке чуть задержаться на ручке двери, как меня охватило чувство, что за мной наблюдают. Волосы на затылке встали дыбом, пристальный взгляд тысячи глаз был таким же осязаемым, как волна жара, коснувшаяся пальцев, когда они храбро проходят сквозь пламя.

Послышался шорох — то ли хлопки крыльев, то ли шелест листьев.

Я обернулась. Но за спиной была лишь моя собственная тень.

— Это же вы, Саламандра? Не правда ли? — крикнула я. — В тот раз вы мне помогли…

Я услышала высокий, похожий на звон колокольчика, смех. Или, возможно, это были колокольчики, которые звучали, как смех.

— В темноте. С фонарем. Я помню.

Я пошла на звук, но в замке, как всегда, никого не было. В незнакомом коридоре я оступилась.

— Не хотите со мной поговорить?

Звон колокольчиков становился все тише и тише, пока я не уверилась в том, что осталась одна.

Я вздохнула и поднялась к себе в комнату. Меня тревожила уклончивая мисс Давенпорт и еще больше тревожила неуловимая Саламандра.

Из всех обитателей миссии именно вышеупомянутую Саламандру мне еще только предстояло встретить. Мистер Бенджамин, когда его спрашивали об экономке, лишь мрачно бормотал об опасности изменчивого огня и, резко меняя тему, заговаривал о погоде.

Я собрала воедино некоторые представления об этой фейри, надо полагать, огненного толка. В конце концов, мне были хорошо знакомы воззрения Парацельса, который считал, что все фейри по своей сути относятся к природным стихиям, а в настоящее время не было причин думать, что он ошибался. Саламандра предположительно отвечала за домашнее хозяйство, а мистер Бенджамин всего лишь присматривал за домом, но труды экономки особых следов не оставляли.

Вздохнув, я извлекла бумаги, которые утром

спрятала от мисс Давенпорт. Вся эта история, по крайней мере, давала мне время поработать над енохианской рукописью.

Очертания символов ускользали из головы. Из-за их непривычности отличать один от другого оказалось непросто. А поскольку я неспособна была и предположить, как звучал енохианский, то даже мысленно не могла их произносить. И все ограничивалось сравнением глифов друг с другом. Каждое слово требовалось скрупулезно занести в каталог. Это напоминало мои попытки выучить греческий по учебникам брата, тогда глаза восставали против чуждого алфавита. Теперь же меня смешили те искренние жалобы на несуразность греческого. Енохианский был намного, намного хуже.

Я представила себя Жаном-Франсуа Шампольоном [26], впервые разбирающим иероглифы. Мы с Лаоном читали про его открытие в журналах отца.

Списки слов были, мягко говоря, неполными, а их написание — не всегда понятным и пред-

---

[26] Примечания: 26

Жан-Франсуа Шампольон — французский востоковед, основатель египтологии. Благодаря проведенной им расшифровке текста Розеттского камня 14 сентября 1822 года стало возможным чтение египетских иероглифов.

сказуемым. Да и бóльшая часть оказалась не на английском, а на латыни, и я проклинала женское образование.

Это было какое-то безумие.

Одна из поразивших меня странностей заключалась в том, что некая группа символов появлялась лишь сама по себе. И нигде в записях больше не повторялась. Это заставляло усомниться в своих предположениях. Не было никаких причин ожидать, что передо мной алфавит, схожий с кириллицей или даже рунами. Не было никаких причин ожидать, что тексты, написанные одними и тем же буквами, будут написаны на одном и том же языке. Для иноземца страница на французском и страница на английском, без сомнения, выглядят довольно похожими.

Разум пребывал в панике, пока я изучала огромный перечень слов. Их повторяющийся рисунок позволял допустить, что это все-таки один и тот же язык.

Впрочем, оставалось еще слово с уникальным написанием.

Оно было в первой фразе на енохианском, которую я прочла благодаря шедшему следом переводу на латынь.

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и

Слово было Бог».

Ну, разумеется.

Я рассмеялась про себя, настолько очевидным все оказалось — эти символы означали Бога.

Я посмотрела на лежавшую передо мной страницу, увидела, что слово повторяется, и поняла, что не ошиблась. Это было Евангелие на енохианском языке. Наверное, чья-то попытка перевода Библии.

И все же, почему в этом языке для Бога придумано отдельное слово? При всем нашем благоговении, на английском оно состоит из самых обычных букв. Да святится имя Его, но в написании этого имени нет ничего исключительного. Еще до того, как я выучила алфавит, Агнесс рассказала мне, что слова «God» и «dog» являются зеркальными отражениями друг друга. Тогда этот факт поразил мой крошечный ум. Я полагала, что анаграммы — своего рода магия, которая способна превращать одни вещи в другие.

Я представила Шампольона, узнавшего в картуше имя Клеопатры. Возможно, то, что первым мне посчастливилось прочесть на енохианском именно это слово, было весьма уместно.

Существовали ведь те, кто и вовсе не записывал имен Бога, а на их произнесение накладывал

табу. А также те, кто запрещал Его изображения. Возможно, это было сродни тому, чтобы писать Его имя способом, чуждым всей остальной рукописи.

Но мне хотелось видеть в этом нечто большее. Хотелось, чтобы подтвердились мои безумные теории о том, что енохианский — это язык ангелов, который похитили и сберегли фейри. Хотелось, чтобы он оказался тем самым сакральным первым языком, на котором говорил Бог, создавая мир. Которому Он научил Адама и который разделил в Вавилоне.

А потому я продолжала упорствовать, стараясь разобраться с остальным текстом. И хотя отрывки не обретали смысла, иные повторяющиеся короткие слова начали задерживаться в голове несколько дольше.

За работой мне снова вспомнился ответ мисс Давенпорт по поводу сцены в часовне. Я могла бы поверить, что все эти приготовления — ловкая проделка и не было никакого прерванного причастия, лишь чье-то страстное желание создать его видимость. Но подобные диорамы создаются для того, чтобы их увидели. И если все это предназначалось не для моих глаз, то, должно быть, для чьих-то еще.

Но чьих?

Свеча оплыла. Мои сбивчивые мысли уже не следовали друг за другом, их заволакивало дремотой. Глаза не могли больше сосредотачиваться на словах.

Крайне утомленная, я, спотыкаясь, подошла к умывальнику и плеснула водой в лицо. Ее прохлада успокаивала, но усталости не смывала. До постели было всего несколько мучительных шагов.

Едва мои веки закрылись и я растворилась среди простыней, как в глубинах разума что-то всколыхнулось. Беспокоило, точно ноющий зуб. Дергало ускользающие мысли… Я о чем-то позабыла.

Той ночью мне приснился Лаон.

Он лежал в саду под ивой, положив голову на колени бледной, очень бледной женщины. Та обнимала его и гладила по лицу, а он вздыхал от ее прикосновений. Коричневые и цвета белого золота локоны женщины ниспадали на его черные волосы.

Длинные, тонкие ветви ивы обрамляли эту идиллию, а я казалась там непрошеной гостьей.

Лаон и женщина едва слышно перешептывались друг с другом. Нежные, ласковые слова

касались их ушей, словно поцелуи. Интимные и тайные.

Внезапно у меня перехватило дыхание.

Заостренное и странное лицо женщины было мне незнакомо. Она обернулась и взглянула прямо на меня пронзительными янтарными глазами. Попавшись в них, словно в ловушку, я увидела собственное отражение. Увидела себя такой, какой меня видела она — жалкой и никчемной. Насекомым. Долговязым, нескладным и серым, точно моль перед бабочкой.

Я отпрянула было, но взгляд этой женщины пригвоздил меня к месту. Меня изучали, будто только что вынутого из банки и разложенного на доске мотылька. Все мои изъяны были выставлены напоказ.

Женщина рассмеялась. Мой брат смотрел на нее с благоговением, а меня совсем не видел. Он выхватил из воздуха ярко-алую ленту и перевил ею волосы незнакомки. Его длинные красивые пальцы ловили ее легкие, похожие на облака, локоны.

Мне хотелось окликнуть брата, заставить Лаона меня заметить. Хотелось сказать, что я ждала его, что проделала весь этот путь, надеясь его увидеть, но голос пропал.

Я бежала к ним изо всех сил, но пара под ивами лишь оказывалась все дальше и дальше. Расстояние между их телами сократилось, кожа коснулась кожи, и мне было не отвести взгляд.

Сон продолжался еще некоторое время, а когда я наконец проснулась, глаза покраснели и ныли от непролитых слез, а сердце болело.

Глава 8. Слова в книге

Железо или сталь, в форме игл, ключа, ножа, пары щипцов, открытых ножниц или в любом другом виде, будучи помещенными в люльку, обеспечивают желаемый результат. В Болгарии для той же цели в углу комнаты ставят серп. Я не буду здесь останавливаться и обсуждать причины, по которым сверхъестественные существа страшатся и не любят железа. Однако следует заметить, что открытые ножницы обладают удвоенной силой, поскольку они не только сделаны из ненавистного для этих созданий металла, но и имеют форму креста.

Эдгар Шелли Хартленд. «Тайны стали»[27], еженедельный иллюстрированный журнал «Железо», напечатанный и изданный Джеймсом Бонсаллом в типографии журнала «Механика»,

---

[27] Примечания: 27

Прямая цитата из книги фольклориста Эдвина Сидни Хартленда (1848–1927) «Наука о сказках: исследование сказочной мифологии» (The Science of Fairy Tales: An Inquiry into Fairy Mythology).

1846 г.

Ноги болели. Я не знала, как долго кружила по своей комнате.

Дни ожидания превратились в недели, и мое заточение в стенах Гефсимании сделалось невыносимым. События мало отличались друг от друга: мистер Бенджамин по-прежнему был сверх всякой меры любезен и непредсказуем в своих расспросах; мисс Давенпорт занимала меня шитьем и вязанием под долгие вздохи и рассказы о ее человеческой семье. А Саламандры, разумеется, нигде не было видно.

Времена года, насколько их можно было принять за таковые, шли своим чередом, а маятник солнца продолжал свое странное движение. Его колебания все уменьшались, и светило уже не проплывало над головой. Полдни сделались чуть темнее, а полночи — чуть светлее. Сами дни, конечно, не становились короче, поскольку время, необходимое маятнику для завершения движения, оставалось постоянным — это я помнила из своих уроков.

Однако спала я все меньше и меньше, окруженная вопросами, которые появлялись благодаря записям, мистеру Бенджамину и моему собственному разуму.

Дневник преподобного продолжал надо мной насмехаться, и как-то поздно ночью я наконец сдалась. Хотя и знала, что не должна его открывать. Но сказала себе, что просто взгляну на почерк Роша, чтобы определить, написан ли какой-нибудь из других документов рукой преподобного.

И пусть я не вполне верила собственным словам, этого оправдания было достаточно, чтобы позволить себе вынуть тетрадь и подержать ее в руке.

Вцепившись пальцами в жесткую ткань юбки, я решительно развернулась. Стараясь глубоко дышать и не останавливаться, отчаянно искала успокоение в привычных движениях.

Я вертела в руках дневник, не решаясь к нему подступиться, но он выскользнул у меня из рук и раскрылся:

«Стены, окна, стены. В них нет смысла. У этого места есть история, но я не могу ее прочесть. Это история, рассказанная безумцем.

Их обещания, их клятвы, их гейсы должны стеснить тебя, сковать тебя, сокрыть тебя. Они здесь, чтобы ослепить тебя и опутать.

Их правда — это не наша правда. Для них она — не более чем оружие».

Я еще ничего не успела понять, а глаза уже скользили по строчкам. Сердце сжалось.

Миссионер, разумеется, пропал, и не было ни малейшей причины считать его безумную писанину правдой. Не было ни малейшей причины думать, что он имел на это право.

Но именно таких слов боялась моя беспокойная душа, и именно на них надеялась.

Мои пальцы терли уставшие глаза, до того сухие, что их даже жгло. Ногти впивались в кожу, и болезненные уколы лишь напоминали, что мне тесно внутри самой себя. Хотелось быть одновременно повсюду. Везде, где угодно, только не здесь.

Семя сомнения упало в землю. Мне не следовало читать эту тетрадь. Предупреждение преподобного Хейла оказалось более пророческим, чем тот мог себе представить.

Раздался стук, и в дверях комнаты появилась мисс Давенпорт. Она, как всегда, раскраснелась и казалась слегка запыхавшейся, будто только что вернулась с долгой прогулки. Я уже знала, что, даже простояв на месте несколько часов, она будет выглядеть точно так же.

— Догадывалась, что найду вас здесь, мисс Хелстон, — весело сказала она. — Погода просто

божественная, и я подумала, что мы должны провести день за вязанием в верхней комнате. Моя шаль почти закончена и, полагаю, чтобы приступить к носкам, мне потребуется ваш совет.

С минуту я молчала, стараясь придумать ответ, а мои ладони без устали терлись друг о друга. Я начинала воспринимать мисс Давенпорт как свою тюремщицу, что было жестоко и в конечном счете несправедливо, но ее кажущаяся свобода вызывала у меня лишь горечь.

— Мне нужно выйти, — сказала я. — Я… Я уже слишком давно здесь.

— Можем прогуляться по саду.

Обрамленное стенами небо не могло принести мне облегчения. Я покачала головой.

— Или по крыше?

Я снова покачала головой. Мелькавшие в тумане и за его пределами дали стали бы для меня сейчас жестокой насмешкой.

Я обернулась и посмотрела ей в глаза.

Мисс Давенпорт не отвела взгляда, как это обычно случалось. У нее была неприятная привычка смотреть чуть мимо меня.

— Постарайтесь успокоиться, — сказала она. — Пожалуйста, Кэти.

Собственное имя обожгло меня, словно поще-

чина. Я отпрянула, а в глазах мисс Давенпорт не появилось и проблеска удивления.

— Вы не имеете права обращаться ко мне подобным образом, — произнесла я. — Мы с вами не друзья.

— Но, Кэтрин…

— Вы мне ничего не рассказываете. Мы без конца разговариваем, но вы продолжаете держать меня во мраке и неведении. Все время твердите, что замок построен на тайнах, но мы не можем строить на них друж…

— Вам стоит успокоиться.

Ее рука потянулась ко мне. Возможно, мисс Давенпорт хотелось, чтобы это выглядело приветливо, но перед ней была непугливая лошадь, которую можно обмануть уверенным голосом и ласковым жестом.

Я сделала шаг назад:

— Не прикасайтесь ко мне.

— Пойдемте со мной.

— Нет.

— Успокойтесь, и мы поговорим. Обещаю.

Я покачала головой:

— Мне нужно выбраться.

Именно в тот момент я поняла, что, расхаживая по комнате, оказалась между мисс Давенпорт и

дверью. Створка позади меня была приоткрыта.

Я развернулась и побежала.

Глава 9. Пес среди тумана

По большому счету, волшебный народец обладает всеми основными чертами людей. У них те же части тела, из которых состоит человек, – два глаза, два уха, две руки и две ноги. Они смеются, когда веселы, и плачут, когда грустны; спят, если устали, и едят, если голодны; радуются своим успехам и скорбят о своих потерях так же, как и люди.

Однако тот, кто долго общался с ними и ближе прочих знаком с их нравом и привычками, не ждет, что кто-нибудь из волшебного народца станет говорить правду, если есть возможность солгать. Хотя согласно своим же законам и собственными же устами (коих, как правило, два) они скажут вам, что ложь и обман – это гнусный грех.[28]

Уильям Финкл и Хильдегард Фосснайм.

---

[28] Примечания: 28

Чуть измененная цитата из книги Уильяма Дина «Миссия в Китай» (The China Mission), изданной в 1859 году, в оригинале вместо «волшебный народец» написано «китайцы».

Наверное, я заблудилась.

Я выбежала из дома, едва натянув перчатки. Мне нужно было оказаться подальше от этих стен.

Сердце металось в груди, словно подхваченный штормом корабль. И каждый хрип, каждый сдавленный выдох только сильнее волновал это судно.

Мысленно я твердила: выходя за эти стены, я лишь доказываю самой себе, что способна на подобное. Что камни не могут меня удержать. Повторяла, что хочу только встать за решеткой ворот и оглянуться на свою недавнюю тюрьму. Убеждала себя, что просто хочу побыть снаружи.

Но вскоре забрела слишком далеко.

Из Гефсимании вела грунтовая дорога, постепенно исчезавшая под ногами, и уже в пяти шагах от стен я едва могла ее различить. Дорога спускалась с кручи, на которой стоял замок, и шаг за шагом любопытство увлекало меня в море клубящегося тумана.

Пока я все шла и шла вперед, было прохладно, но холод не жалил, а теплый белый пар моего

дыхания сплетался с серой мглой.

С каждым шагом под ногами сгущался туман, а я воображала себе пушистый мягкий подлесок. Чувствовала, как трепещут на моих юбках побеги, касаясь меня похожими на пальцы листьями. Разворачиваясь подобно крыльям, они разлетались одуванчиками.

Из тумана возникали беззаботные лица. Как и прежде, они казались мне диковинными и волшебными. Сначала проступали улыбки, которые становились все шире и шире, а тем временем вокруг них сплетались остальные черты. В воздухе, скручиваясь друг с другом, повисали странные извивающиеся существа. Капельки тумана орошали причудливые конечности. Распахивалось множество глаз цвета лунного камня, внимательных и немигающих.

Одно из крошечных лиц улыбнулось мне. Оно выглядело таким простодушным, таким детским в своем порыве, что я улыбнулась в ответ.

Существо протянуло ко мне тонкую трехпалую руку.

Вдалеке раздался звук, похожий на выстрел.

Вздрогнув, наполовину оформившееся создание подернулось рябью и начало таять с выражением безграничного ужаса на лице. Мо-

лочно-белые лунные камни глаз продержались еще мгновение после того, как все прочее исчезло.

Я отшатнулась и обвела туман взглядом.

Звук раздался снова, и только тогда я поняла, что это собачий лай.

Туман закружился вокруг меня, небо потемнело. Призрачные создания раскрыли бледные пасти и беззвучно закричали. Их перекошенные лица все сильнее и сильнее проступали из дымки, порываясь вселить страх, но кругом стояла лишь оглушительная тишина. Раскидистые тени папоротников стали похожими на руки, тянулись от серой земли, старались схватить и удержать. До подола моей юбки они не дотягивались, но попыток не оставляли.

Сквозь туман прорвался черный пес. Мои уши наполнил его неожиданный, резкий лай. В отличие от созданий мглы, что клубились матовым эфирным туманом, собака, казалось, пылала подобно адскому пламени. Туман отпрянул от нее, а там, где все-таки успел коснуться, его щупальца превращались в клочья дыма.

Призрачный пес с горящим взглядом выскочил прямиком из тех историй, что рассказывают вечерами у камина. Кухарка пугала нас подоб-

ными выдумками — Гитрашем [29], Баргестом[30] и прочими порождениями теней, что бродят по бескрайним болотам. Некоторые из них — потерявшиеся собаки, которые дожидаются своих давно умерших хозяев, но большинство просто устраивает засады на одиноких путников.

Что-то пронеслось мимо меня. Черная и слишком плотная тень. Я услышала низкое, гулкое рычание, которое словно окружило меня со всех сторон. От этого глубокого, раскатистого звука кровь застывала в жилах, а по спине бежали мурашки.

Я обернулась, пытаясь разглядеть виновника своего ужаса.

Черный пес стоял позади меня. Он развернулся и одним прыжком сократил расстояние между нами.

Грудь сдавил ледяной страх. Чудовищные размеры зверя ошеломляли. Он повернул ко мне огромную, точно у льва, голову, и его тлеющий

---

[29] Примечания: 29

Гитраш — в фольклоре Йоркшира призрачное существо, способное принимать форму собаки, лошади или козла, встреча с которым сулит смерть.

[30] Примечания: 30

Баргест — мифическое существо из английского фольклора, чаще всего принимает вид черного пса с горящими глазами, огромными когтями и клыками. Считается злым духом, приносящим несчастье и горе.

взгляд опалил мне душу. Я отшатнулась и почувствовала, как рассыпаются хрупкие пальцы туманного подлеска, старавшиеся схватить и оцарапать меня. Они хрустели под ногами, точно кости.

Туман кишел извивающимися существами. Словно отражение моих беспокойных мыслей, они все наползали и наползали одна на другую, гонялись, кусали за хвосты. Пожирали друг друга в змеящемся месиве.

Сквозь клубы тумана мчался всадник на огромном, похожем на коня существе. Он прорезал дымку, точно вуаль.

Я охнула.

Чутье подвело. Слишком потрясенная, чтобы двинуться с места, я наблюдала, как всадник летит на меня.

Зверь поднялся на дыбы, кожистые крылья развернулись, а острые копыта ударили по воздуху. Всадник скатился со спины скакуна, а тот, встряхнув гривой, прогарцевал дальше.

Услышав стон, я пришла в себя. Этот звук был таким привычным, таким человеческим.

Я приблизилась.

На меня снизошло ледяное спокойствие. Теперь я смотрела на свою панику со стороны, словно

через зеркало.

— Вам очень больно? — спросила я.

Всадник попытался подняться на ноги, но снова упал.

— Я могу позвать на помощь. Я живу совсем… — Я запнулась и подумала об изменчивом тумане и своей размолвке с мисс Давенпорт.

Клубящаяся тьма между нами удушающе сгустилась вокруг всадника, но и сквозь нее я смутно различала очертания серых рук, смыкавшихся на незнакомце. И они сжимались кулак за кулаком.

— Оставайтесь на месте, — произнесла я с гораздо большей уверенностью, чем на самом деле ощущала, — я приведу вашу лошадь.

Ужас грохотал у меня в жилах. Я побежала успокоить перепуганного зверя. Тот казался вихрем из копыт и крыльев.

И лишь когда моя рука уже коснулась мягкого чешуйчатого носа, я задумалась, отличаются ли животные Фейриленда от тех, что мне привычны.

Схватила поводья и, бормоча какую-то ласковую чепуху, погладила скакуна по гриве, хотя та и вспыхивала пламенем под моей ладонью. Зверь пританцовывал, постепенно успокаиваясь. Его крылья в последний раз хлопнули и сложились.

Под моими пальцами раздувались перистые жабры. Можно было на ощупь почувствовать это спокойное дыхание. И свой страх я видела таким же золотоглазым зверем, как тот, которого касались мои руки. Я гладила и гладила диковинного скакуна, и вместе с ним постепенно успокаивался мой собственный ужас. Золотистые глаза, взглянув на меня, казалось, смягчились, а затем внезапно моргнули и стали синими.

Я повела зверя к упавшему всаднику.

— Кэти?

Голос звучал недоверчиво. Но был очень и очень знакомым.

— Нет, этого не может быть, — теперь в словах слышался испуг. — И именно сегодня… Кто ты?

Туман окутывал всадника, скрывая черты, но я его узнала. Сердце затянулось узлом. Я знала этот голос, это движение плечами, этот поворот головы. Знала руку, которая тянулась ко мне. Знала как свою собственную.

— Лаон?

Услышав мой голос, он на миг дрогнул и отвел руку.

— Что ты за иллюзия?

— Это я. Никаких иллюзий.

— Туман становится все коварней, — пробор-

мотал он скорее для себя, чем для меня. — Если пытаешься соблазнить меня, дух, то, боюсь, сейчас я для этого совершенно негоден.

— Я… Я — твоя Кэти. Твоя сестра.

Он хмыкнул и едва слышно выругался. Мука, прозвучавшая в его голосе, отразилась и во мне. Я поняла, что мне не верят.

— Не важно. Мне нужно кое-что… — Он снова болезненно сморщился.

— Ты сможешь двигаться?

— Наверное. Но я не могу ступать на лодыжку. Упал на нее. — Он огляделся по сторонам: — Диоген! Что с моим псом?

— Я не знаю, где он.

Лаон пронзительно свистнул, и огромный черный зверь примчался назад. Пес кружил вокруг нас, исчезая в тумане и появляясь вновь.

Я сглотнула, чувствуя, как по шее пробежал холодок, когда собака скрылась за спиной. Она затаилась где-то там, среди теней.

— Зато я привела твою… лошадь.

— С этим мне понадобится помощь, — с усталостью и недоверием он взглянул на протянутую мной руку. — Могу я надеяться, что ты не растаешь, когда я на тебя обопрусь?

Я кивнула, хоть и понимала, что он не видит

меня в тумане, и добавила:

— Можешь мне довериться.

Его ладонь — надежная, словно якорь в туманном море, — сжала мою. Я чувствовала тепло брата. Его дыхание касалось моей кожи.

Лаон стиснул зубы и попробовал с моей помощью подняться. После двух неудачных попыток ему это удалось, и он положил руку мне на плечо. От напряжения дыхание брата сделалось неровным.

Он тяжело оперся на меня, и мы вдвоем, пошатываясь, направились к лошади.

— Я не смогу поехать с тобой, — сказала я.

— Конечно же, нет.

— Ты направляешься в Гефсиманию?

Он невесело рассмеялся.

— А разве не все мы туда направляемся?

— Что ж, я — да.

Опираясь на меня, он взобрался в седло и, перебрасывая ногу, зашипел от боли.

— Может быть, там тебя и увижу.

— Мо… Может быть. — Я не была уверена, стоит ли его поправлять. Лаон не поверил бы, им, казалось, завладел туман.

— Тем не менее спасибо.

Он вздохнул и пришпорил скакуна. Кожа зверя

перекатывалась при ходьбе, мышцы под ней шевелились, точно змеи. Лаон снова свистнул псу. Тот не появился, но я почувствовала, как шевельнулись тени.

Наблюдая, как брат растворяется во мгле, я не смогла сдержать слез. Казалось, Лаон все еще рядом. Возможно, дело было в тумане, который сбивал с толку, заволакивая и делая неясным все вокруг. Я дрожала, но уже не из-за страха.

Не оглядываясь, Лаон бросил:

— Хотя я бы предпочел, чтобы ты не мучила меня, принимая облик моей сестры.

Сумрачная темно-серая мгла сомкнулась вокруг меня. Она поднималась и опадала, точно волны. По всей долине разносилось грохочущее эхо. Туман завивался водоворотами, а над ним скользили огромные тени.

У меня подломились колени. Я опустилась на землю и закрыла лицо ладонями. Надо мной сгустилась тьма. Подняв взгляд, я увидела, как странная громада тумана распалась надвое. Его осколки, такие же бесплотные, как и все прочие фантомы этого места, дождем сыпались вокруг. Я попыталась утереть слезы. От шерстяных перчаток защипало глаза. Горячая влага пропитывала ткань и остывала на ней.

Сняв перчатки, я неожиданно увидела, что долина вокруг меня усеяна призраками затонувших кораблей. Несмотря на туман, я разглядела показавшуюся бесконечной равнину, полную разорванных парусов, разбитых корпусов и погнутых мачт. Над ними кружили полупрозрачные змеевидные твари, обвиваясь вокруг белых обшивок кораблей. По судам в отдалении стекали похожие на слезы рыбы, а среди обломков в безумном исступлении плясали русалки и рвали на себе волосы.

В здание миссии я вернулась далеко не сразу.

Глава 10. Брат в холле

Беспокойство, которое постепенно охватывает того, кто вошел в жилище фейри, вызвано не грубостью или скудостью обстановки, а также не отличием ее от более привычной для посетителя. Это скорее результат безотчетного ощущения чего-то недостающего. Того, что не сможет восполнить даже королевское великолепие. Здесь отсутствует то, что придает обаяние любому дому; то, что способно даже бедность облачить в одежды красоты и безмерного счастья; то, что среди уныния способно наполнить дом бесконечной радостью. И это – дух любви.

Отсутствие тех таинственных уз любящего единения, которые неразрывно связывают сердца христианских семей, печально проявляется почти в каждом языческом доме, который мы посещаем. Тоска и нехватка той искренней взаимной симпатии, которая является самой основой семейного счастья, способна вызвать в памяти родные английские края и дать более глубокое понимание благодати христианства.

Уильям Финкл и Хильдегард Фосснайм. Аркадские путешествия, включающие разнообразные рассказы первопроходцев, заметки о культуре и климате

Когда я наконец вернулась в Гефсиманию, замок был наполнен светом и маяком возвышался над туманом. Я разглядела его задолго до того, как добралась до ворот. Призрачные существа роились вокруг, словно зачарованные этим ярким сиянием. Именно тогда я заметила, что большинство из них не отбрасывает тени. На фоне каменной стены замка они казались бледными и нереальными.

При моем приближении поднялась решетка. Я услышала торопливые шаги, но никого не

увидела.

Ворота следовали одни за другими, брусчатка давила на мои израненные ноги. Очень хотелось снять обувь. В дальнем конце двора виднелись каменные арки главной башни. Я устало поднялась по ступеням, которые на миг показались мне невероятно высокими.

Свисавшие с арок деревянные панданы казались еще более острыми и похожими на зубы, чем прежде. Я налегла плечом на окованную железом дверь. Та была очень тяжелой. Уши наполнил скрип петель.

Едва я вошла, как дверь со скрежетом захлопнулась и по холлу разнеслось эхо — слишком громкое, несмотря на мириады гобеленов и ковров, покрывавших пол и стены.

Изящные стропила уже не казались далекими и прекрасными. Когда-то я считала, что они напоминают птичью клетку, но теперь могла думать лишь о вздымающихся ребрах огромного зверя, который меня поглотил. Ветер пронесся через холл и с воем умчался в верхние коридоры. Посеревшие портьеры и гобелены затрепетали и снова замерли. На три торопливых удара сердца все застыло.

В тумане я уже успела пасть духом, и те слезы

только-только высохли. Я сказала себе, что больше не заплачу.

А затем все снова ожило и задышало. По залу заструился воздух. Я услышала дребезжание ставен и низкий стон деревянных украшений потолка. Весь холл, казалось, вздрогнул, прежде чем снова стихнуть.

Раздались прихрамывающие шаги. Стукнула дверь.

— Что ты здесь делаешь?

Я подняла голову и на одном из балконов, обрамленных богато украшенными арками, увидела брата. Он тяжело опирался на трость. Каменные выступы отбрасывали неровные тени на его лицо, но мне не нужно было отчетливо видеть Лаона, чтобы понять — он взбешен.

Застигнутая врасплох, я могла лишь смотреть. Ведь мне казалось, стоит нам выбраться из тумана, и он меня узнает.

Ко мне подбежала его собака, черная как смоль и куда более заурядная при свете. Она с видимым удовольствием завиляла хвостом и громко залаяла.

— Прочь, дух! — велел Лаон, ковыляя с одного края длинного балкона к другому.

Незнакомый, сбивчивый ритм его походки

сбивал с толку и беспокоил меня. Зубчатые арки отбрасывали на лицо брата темные тени. Он захромал вниз по лестнице к холлу, ковер которого казался алым языком на фоне мрачных цветов.

— Почему ты мучаешь меня? Тебе приятно видеть меня таким? Разве ты недостаточно терзал меня?

Он был высок, выше, чем я его помнила. Возможно, дело было в тенях и лестнице, но Лаон прямо-таки нависал надо мной.

— Я твоя сестра, — я расправила плечи. — Лаон, брат…

— Не называй меня этим именем! Ты не имеешь права, дух. Не притворяйся, что обладаешь плотью, и не порти мне пса! Разве не достаточно, что…

— Нет, это ты права не имеешь! — я швырнула обратно его ядовитые слова. Во мне запылал гнев. Крепко сжав кулаки, я встретилась со взглядом Лаона. Пес отпрянул и сжался от моего возгласа. — Я без конца писала письма, молила позволить сюда приехать, встать рядом с тобой, помогать тебе. И не для того, чтобы ты меня бранил и унижал. Я так далеко зашла, а меня принимают за какого-то глупого духа? Я-то надеялась, что брат меня узнает. — Меня трясло, я чувствовала, что

едва держусь на ногах. Глаза грозили разразиться слезами, но я упрямо отказывалась закрыть их. Мои ноздри раздувались. — Или я ошиблась в том, кого люблю?

Словно громом пораженный, он уставился на меня, его ясные голубые глаза почти смягчились. У него не было слов. Я видела, что причинила ему боль. Не хотела говорить настолько резко, но, увы, вышло совсем иначе.

— Если нет иного способа, можешь задать мне какой-нибудь вопрос. Спросить о тайне, которую знаем только мы вдвоем. Раз уж Аркадия и вправду настолько коварна. — Я попыталась улыбнуться, но поняла, что моя улыбка похожа скорее на гримасу. Я так долго ждала встречи с ним, терпела заточение в его доме, и вот он здесь и отказывает мне даже в моем собственном «я». — Неужели так невероятно, что перед тобой на самом деле твоя сестра? Неужели ты не веришь, что я смогла и последовала за тобой? Неужели не веришь, что моих сил и любви достаточно, чтобы приехать? Неужели не веришь, что мне не безразлично…

— Кэтрин!

Его трость со стуком упала на пол.

Сильные руки обхватили меня и не позволили

продолжить. Я тотчас узнала запах брата и растаяла в его объятиях. Это был скорее порыв, чем что-либо еще. Я вдыхала его страх, гнев и напряжение. И не могла вспомнить, когда в последний раз мы были так близки.

— Лаон…

Он тяжело оперся на меня. Всем весом. Конечно же, он ведь ранен.

— Твоя лодыжка… — начала было я.

Брат рассмеялся, уткнувшись лицом в мое плечо. Я догадалась, насколько неуверенно он держит равновесие, однако было уже слишком поздно. Его руки сгребли меня, и мы упали на каменный пол. Я взвизгнула, но мы не расцепили объятий.

Мои нижние юбки смягчили падение. Прильнув друг к другу и дрожа, мы хохотали и катались по полу.

Время словно замерло. Я не осмеливалась взглянуть на Лаона и могла лишь гадать, чувствует ли он то же самое. Его лицо, уткнувшееся мне в плечо. Его приглушенный голос. Прошло много лет, и мы оба изменились, но в тот миг я снова ощутила себя маленькой девочкой, играющей с братом среди вереска.

— Ты удивительно тяжелый, — пробормота-

ла я.

Все же была в нем какая-то надежность, позволявшая верить, что он меня не бросит. Я закрыла глаза. Было так легко забыть, где мы, и снова представить бескрайнее небо над вересковыми пустошами.

— Преподобный Хелстон? — раздался откуда-то голос мистера Бенджамина.

Мы отпрянули друг от друга. Краска стыда залила мне лицо, обжигая и клеймя. Я поднялась на ноги и разгладила юбки, наблюдая, с каким трудом встает Лаон. Протянула ему руку, но он предпочел ей трость.

— Ваша комната готова. Где желаете поужинать сегодня вечером? И знаете ли вы, что ваша сестра вернулась из… — В зал вошел веселый, как и всегда, гном. — А! Мисс Хелстон! Рад, что вы пережили свою прогулку.

Я кивнула в ответ на его приветствие. Мистер Бенджамин поправил очки в проволочной оправе и улыбнулся нам с удивительно отеческой теплотой.

— Вы будете ужинать с мисс Хелстон, преподобный? Я могу устроить, не беспокоя… — Он замолчал, прищелкнул языком, а в его глазах промелькнуло сомнение. — Ну, вы понимаете,

Саламандру.

Лаон, нахмурив брови, пристально смотрел на меня:

— Твое лицо выглядит иначе.

— Я не изменилась. — И с этими словами я чуть выше подняла подбородок.

Отступив на шаг, брат продолжал меня рассматривать. С вызовом взглянув на него в ответ, я неожиданно для себя тоже начала замечать перемены. Лаон казался чуть постаревшим и более усталым. Обрамленное темными волосами лицо было бледнее, чем я помнила его по дням, проведенным под пасмурным йоркширским небом. Я заметила тонкие морщинки в уголках его глаз, которые не исчезали даже тогда, когда брат не улыбался.

А сейчас Лаон не улыбался.

— Почему ты здесь? — требовательно спросил он.

— Лондонское миссионерское общество, — произнесла я, вновь задетая его тоном. — У меня письмо оттуда.

— Что? От самого преподобного Джозефа Хейла? — даже морщась от боли и все сильнее опираясь на трость, он продолжал насмехаться. — Тебя здесь быть не должно, Кэти. Здесь не

стоит находиться. Это… это ужасное место.

Краем глаза я заметила мисс Давенпорт, которая появилась на верхней ступеньке лестницы. Она выглядела не так, как обычно. Ее волосы обвивала алая лента. Я отчаянно пыталась изгнать из головы воспоминания о растревожившем меня сне.

— Зачем ты вообще приехала? Это место тебе не подходит. Я же велел не приезжать, не преследовать меня. Говорил же, что все в порядке. Я жив, занимаюсь делом. Хорошо или нет, но исполняю свой долг пред Небесным Престолом. Что еще можно от меня требовать? Мне нужно получить доступ в города, нужно вырваться из этого места, нужно…

— Ты не писал, — слабым голосом произнесла я.

— Я писал. Писал, пока пальцы не начали кровоточить…

— Вот только не мне.

— Они должны понимать. В Обществе. Они не могут…

— Несколько месяцев, Лаон. Без единой весточки.

— Это не игра, Кэтрин.

— Я знаю, Лаон. Поэтому и приехала.

— Тебе следует вернуться в Англию, в Йоркшир. Здесь тебе не место. Здесь небезопасно.

— Я остаюсь, — ответила я.

— Как ты вообще можешь… — Он запнулся посреди своей тирады. — Нет, это не имеет значения. Важно то, что ты уезжаешь. Можете передать преподобному, что я совершенно здоров и прекрасно собой владею. Ему не стоит присылать ко мне нянек.

— Я нужна тебе, — сказала я, — и здесь я в безопасности.

— Нет здесь никакой безопасности.

— Мисс Давенпорт сказала, что гейс, который защищает тебя, защитит и меня. Кровь связывает кровь. Тебе не нужно волноваться.

Мой голос звучал все громче. Лаон всегда был склонен к непредсказуемым переменам настроения, но сейчас это казалось еще более заметным. Узел у меня в груди затягивался, и это напряжение, каким бы слабым оно ни было, слышалось в моем голосе.

Волосы упали брату на глаза, и он их откинул. Упрямая линия его подбородка была зеркальным отражением моей.

— Две недели. Ты уедешь через две недели.

— Нет, я остаюсь.

— Ты не можешь остаться, Кэти. У меня нет времени на споры. Все вот-вот случится, на карту поставлено больше, чем…

— Может быть, нам лучше удалиться в гостиную? — откашлявшись, предложила мисс Давенпорт.

Мы оба повернулись на звук ее голоса, Лаон явно удивился, увидев ее. А она ласково почесывала собаку, которая самозабвенно стучала хвостом по полу. Мисс Давенпорт, улыбаясь своей обычной сияющей улыбкой, не проявляла ни малейшего признака неловкости из-за спора, свидетельницей которого только что стала.

— Я думал, вы уехали, Ариэль, — сказал Лаон.

— Вовсе нет. Я составляю компанию вашей сестре с момента ее приезда. — Она поднесла руку к своей длинной белой шее и улыбнулась еще более ласково. — Пойдемте, нас ждет чай. А мы с вашей сестрой очень хотим послушать о вашем путешествии. Разве не так, Кэтрин?

Я выразила согласие несколько неопределенным звуком. Мое имя в устах мисс Давенпорт звучало скорее оскорблением, чем выражением привязанности.

— А вы, Лаон, наверное, просто устали после всего этого.

— Не столько устал, сколько ранен, — сухо отметил он. — Я очень торопился.

Мисс Давенпорт залилась все тем же пронзительным, очаровательным и крайне раздражающим смехом.

— Отчего же, мой дорогой? Неужели чай при дворе настолько ужасен?

— Мне пришлось торопиться, чтобы успеть подготовиться к приезду королевы Маб.

Мисс Давенпорт запнулась, какое-то беспокойство мелькнуло в ее взгляде. Она заметно сглотнула, прежде чем взять Лаона под руку. А тот не стал отстраняться.

— В гостиную, — решительно произнесла она, — нам в любом случае понадобится чай.

Держа моего брата под руку, мисс Давенпорт направилась в гостиную. Стараясь не слишком давить на нее своим весом, он опирался на трость. Я колебалась, не зная, следует ли мне отправляться за ним.

— Маб? — продолжал звучать голос мисс Давенпорт. Она выдавила из себя звонкий смешок, пытаясь изобразить натужное любопытство.

— И ее двор, разумеется. Никто не ждет, что Бледная Королева станет путешествовать в одиночестве. Мы должны оповестить Саламанд-

ру, — ответил Лаон.

— Конечно… конечно.

Пес моего брата долго смотрел на меня, прежде чем последовать за ними.

Когда парочка уже собиралась скрыться в коридоре, я вновь услышала голос мисс Давенпорт:

— Вы ведь идете с нами, не так ли, Кэтрин?

Я не пошла пить чай.

Мне по-прежнему казалось странным называть послеобеденную трапезу, состоящую из булочек и сэндвичей, «чаепитием», как бы модно это ни было в Лондоне. Хотя их общество я покинула по иной причине.

Я понимала, что мне нужно побыть одной и успокоиться. Непрошеные образы из того дьявольского сна вползали в мои мысли и обвивали их алой лентой. Я вспомнила, как мисс Давенпорт принималась отнекиваться при малейшем намеке на то, что была компаньонкой моего брата, и как интимно говорила о нем. От моего внимания не ускользнуло и то, что Лаон называет мисс Давенпорт по имени.

Где-то вдалеке раздавались распоряжения брата относительно приезда таинственной королевы и ее двора, и я гадала, к какой из стихий отнес бы ее Парацельс.

Не хотелось возвращаться в мою странную круглую комнату, полную своих собственных тайн. Там ждал меня дневник Роша — искушение, которому я не только успела поддаться, но и которое принесло мне куда больше неприятностей, чем можно было полагать.

«Их обещания, их клятвы, их гейсы должны стеснить тебя, сковать тебя, сокрыть тебя. Они здесь, чтобы ослепить тебя и опутать.

Их правда — это не наша правда. Она служит им лишь оружием».

Но ответов по-прежнему было очень мало, и мне отчаянно хотелось вновь открыть ту запретную тетрадь. Однако блуждание среди тумана научило меня тому, к каким последствиям это может привести, и я понимала, что не должна прикасаться к дневнику.

Не было никаких оснований думать, что ныне покойный преподобный написал правду. А Мисс Давенпорт говорила, что Рош чуть ли не сам стал причиной собственной смерти.

Некоторым образом.

Из древних изрытых оспинами каменных коридоров я перешла в современное крыло с его грандиозной лепниной и флоковыми обоями.

Бывали дни, когда я пыталась представить

себе тех, кто жил в этом замке, наполняла его игрушечными солдатиками и куклами, которые делила с Лаоном в детстве. Бывали дни, когда я заглядывала под каждую пыльную простыню и восхищалась красотой старинной мебели. Вглядывалась в затертые имена на парадных портретах и старалась разгадать прошлых обитателей этого места.

Сегодня был не такой день.

Я равнодушно бродила, пока не оказалась возле укрытой плющом калитки в сад. Учитывая то, чем сейчас была занята мисс Давенпорт, мне, казалось, выпала возможность изучить вторую часовню. Интересно, сохранилась ли там сцена прерванного причастия и найду ли я когда-нибудь ответ тому, для чьих глаз она предназначалась?

— Привет.

Моя рука замерла на щеколде. Раздавшийся за спиной голос был незнакомым.

Я обернулась и увидела лысую женщину с пепельно-белым лицом. Поверх ее старомодного платья была накинута длинная черная шаль.

— Вы ведь Саламандра, не так ли? — спросила я.

Прищурившись, она смотрела на меня. Чуть

приподняв юбку — так, что я заметила извивающийся белый хвост, — женщина плавно скользнула ко мне.

— Я… я понимаю, что нас друг другу не представили, — отважилась произнести я, — но спасибо, что заботитесь обо мне. Еда и замок… и фонарь той ночью. Спасибо.

Ее безгубый рот растянулся огненно-красной улыбкой, а лицо просияло. На мгновение у женщины появились брови и пылающие волосы. Те заструились по ее телу от лысой головы до извивающегося хвоста. От пламени кожа ее почернела, а после снова покрылась белой чешуей.

— Формально мы действительно незнакомы, — произнесла женщина.

— Тогда следует это исправить. — Я понимала, что меня от чего-то отвлекают, но то была сделка: незнакомка предлагала себя в обмен на то, что было в саду. — Меня зовут Кэтрин Хелстон. Я — сестра миссионера.

Ее улыбка стала шире, обнажив угольно-черную полость рта.

— Можете называть меня Саламандрой.

— Почему вы прячетесь, Саламандра?

— Я не прячусь.

— Тогда почему я раньше вас не видела? — Мне

нужны были ответы.

— Чтобы ухаживать за вами, не обязательно быть видимой, — сказала она, сверкая чешуей. — Мне вполне достаточно приказов Бледной Королевы, вполне достаточно ее двора. Я делаю то, что обязана. То, что должна ей. И только.

— Но вы были здесь и во времена Роша? Другого миссионера.

— Изначального я помню.

— Как он умер?

— Этого я вам сказать не могу.

— У него был план. Он хотел что-то сделать, чему-то научиться. Что это было? Что же он узнал? Что такое енохианский?

Она покачала головой.

— Я все еще могу выйти в сад, — напомнила я, протягивая руку к двери, — и знаю, что вы этого не хотите.

— Рош страстно желал докопаться до истины. Он думал, что все это зеркало, и был прав. В каком-то смысле. Он думал, что все это сад. Отчасти. А еще он считал все это аллегорией.

— Он ошибался?

— Нет. Но он жаждал знаний, жаждал постичь то, что не должно быть постигнуто.

— Что же он хотел узнать?

— Не спрашивайте меня больше. — Из ее черных глаз потекли огненные капли. — Мой язык еще менее свободен, чем мои руки.

— Почему же?

— Вы здесь не единственная, кто связан. Я дала множество клятв и несу на себе множество проклятий, и то — о прахе и хождении на чреве своем, — возможно, было первым, но не последним, — склонив голову набок, она умолкла. — А теперь можете открывать.

Я тут же схватила ручку, повернула ее и распахнула калитку. Там, конечно же, ничего особенного не оказалось, а когда я вернулась, исчезла и Саламандра.

Я понимала, какую сделку заключила, однако, блуждая по совершенно заурядному саду, продолжала размышлять о том, был ли мой выбор правильным. Шарады, которые публикуются в журналах, лучше всего разгадывать, начиная с того, что можешь с некоторой уверенностью предположить. Начинаешь со знакомого и двигаешься за его пределы.

Но годится ли такой подход для расспросов об Аркадии?

Глава 11. Ива на портрете

Tineola arcanofera (моль семиотическая)– 2–2,7 дюйма

Это редкий полосатокрылый мотылек – снежно-белый, с золотыми костальными жилками и бахромой, с прерывистой окантовкой бледно-желтого цвета.

Уроженец Аркадии, который иногда встречается в мирских библиотеках, этот вредитель, как часто утверждают, питается записанными словами. Он якобы поглощает секреты и переваривает их в менее содержательный, обрывочный шепот.

Однако правда куда более прозаична. Семиотическую моль всего лишь привлекает запах железных чернил, использовавшихся в старинных рукописях, а разрушение этих документов связано со слабокислой природой самих чернил, которые со временем разъедают пергамент. «Пыльца» с крыльев мотылька обладает галлюциногенными свойствами, тем и объясняется шепот, который

слышит человек среди клубов моли и пыли старых библиотек.
Личинки не описаны.

Генри Даблдэй[31]. Естественная история британских бабочек. Приложение IV: Агрессивные виды из Фейриленда

Вскоре после возвращения в свою комнату, когда я держала в руках дневник преподобного Роша, в дверь постучал мистер Бенджамин, чтобы сообщить об обеде.

Я неохотно отложила полную секретов тетрадь. А ведь мне так хотелось сравнить рассказ Саламандры с записями самого Роша. Таинственные слова экономки почти ничего мне не дали, но я надеялась, что они все же смогут что-нибудь прояснить. Почему Рош считал это место аллегорией?

Мистер Бенджамин поначалу казался таким же, как обычно, его движения были, как и всегда, неторопливы, однако причуды сделались не такими явственными. Гном ссутулился, словно ему на плечи тяжелым грузом легло уныние.

— Ваш брат и подменыш ожидают вас за обе-

---

[31] Примечания: 31

Генри Даблдэй (1808–1875) — английский энтомолог и орнитолог, автор первого каталога британских бабочек и мотыльков.

дом, мисс Хелстон, — сказал он. — Если желаете, конечно.

— Спасибо, что сообщили, мистер Бенджамин, — ответила я самым учтивым тоном, надеясь успокоить взволнованного гнома. Его взгляд метался из стороны в сторону. — Я с удовольствием к ним присоединюсь.

— Прошу вас следовать за мной, мисс Хелстон. Сегодня они ужинают в большом зале, который, мне кажется, вы еще не видели, — продолжая дрожать, он низко поклонился.

Мистер Бенджамин повел меня вниз по винтовой лестнице, а затем через галерею, полную прекраснейших пейзажей. Картины притягивали взгляд тревожным сочетанием привычных холмов, деревьев и рек с необычными небесами и диковинным колоритом.

— Все эти места расположены в Аркадии, мистер Бенджамин? — спросила я, чуть замедлив шаг перед горной грядой, которая вцепилась в землю, точно огромный шестипалый кулак.

— Да, — ответил мистер Бенджамин. Затем нахмурился, и его глаза вновь забегали. — И нет.

— Одни из них реальны, а другие нет?

— Нет, — он облизнул губы черным языком и сглотнул, — но и да.

— Боюсь, это не ответ, мистер Бенджамин.

— Реальность в этих краях — странная, очень странная вещь, мисс Хелстон.

Я остановилась. Мое беззаботное любопытство улетучилось, едва взгляд упал на последнюю в длинной галерее картину. При виде открывшегося глазам пейзажа во рту пересохло. Передо мной была прибрежная поляна, поросшая плакучими ивами. Река немыслимым образом завивалась вокруг заросшего деревьями острова, как бы беря его под защиту своей тугой спирали. Все это казалось до боли знакомым.

Ивы любовно склонялись к реке и ласкали воду перешептывающейся листвой. Я подумала о тайнах, которыми они делились, и странная дрожь пробежала по моей спине.

— Мисс Хелстон?

Раздались шаги возвращавшегося гнома, который до того момента пребывал в уверенности, что я все еще следую за ним. А мне было не оторвать взгляда от хоровода ив.

— Это место реально? — услышала я собственный вопрос, но голос мой звучал как будто издалека.

— И реально, и нет.

— Значит, я могу туда отправиться?

— Обойдется недешево, — пожал плечами гном, но его сердце явно не лежало к этому разговору.

Я глубоко вздохнула, отбросила воспоминания, которые болезненным узлом завязывались в груди, и заставила себя посмотреть на спутника:

— Вы опять излишне загадочны, мистер Бенджамин.

— Приношу свои извинения. Это было очень грубо с моей стороны.

Он старался произносить слова гораздо четче, чем обычно, даже чрезмерно, отчего движения его губ превращали оксфордский выговор в пародию. Гном снова оглянулся с видом ребенка, который задумал стянуть что-нибудь из кладовой.

— С вами все в порядке, мистер Бенджамин?

— Нет, нет, совсем нет. Нет, — еще один воровато взгляд через плечо. Затем гном снял очки и протер их о свой драный жилет. — Я очень боюсь Бледной Королевы.

— Маб?

Он съежился:

— Лучше не называйте ее по имени, мисс ‘элстоун.

Я не смогла определить акцент, проскользнувший в его хриплом голосе, но когда мистер

Бенджамин, нахмурив брови, встретился со мной взглядом, всякие сравнения с детской робостью исчезли. В его глазах стоял неподдельный ужас.

— Тому есть причина?

Он покачал головой, опустил затуманившийся взгляд и снова дрожащими руками надел очки. Его акцент вернулся, но в этом чувствовалась некая приземленность. Мистер Бенджамин отчего-то стал казаться более реальным.

— Некоторыми вещами в этих краях учишься не рисковать.

— Рисковать?

— Имена обладают древней силой, мисс Хелстон. Я бы обратил на это внимание.

— Я… я так и поступлю, — я одарила его, как сама надеялась, храброй и ободряющей улыбкой.

— Поговаривают, что Воющий Герцог и Властитель Ветров самые жестокие. Поговаривают, что Повелевающий Страхом самый сильный и могущественный. Хранитель Торжища самый расчетливый. Цветастый Король, Та, Что Спит За Горами, и Потерянные Императоры самые непредсказуемые и непостоянные… Все это правда, вы должны понимать, — он сглотнул. — Но осмелюсь сказать, больше всего я боюсь Бледной Королевы.

— Почему же?

В ответ губы мистера Бенджамина растянулись так сильно, что стали видны его скругленные коричневые зубы. Это была улыбка, но без малейшей капли веселья.

— Потому что она самая человечная.

Большой зал располагался в сердце самой старой, как я сочла, части замка. Здесь оказались украшенные геометрическими узорами каменные арки и огромный пустой камин. На овечьих шкурах чернильной лужей растекся пес. Сверху на нас взирала открытая галерея для певчих.

Лаон одиноко сидел во главе длинного, обставленного стульями стола. Мой брат развалился на позолоченном троне, держа в руке широкий бокал с вином. Взгляд Лаона блуждал где-то очень далеко, и, когда я вошла, он на меня даже не посмотрел.

На другом конце стола было приготовлено еще одно место, куда меня и загнал мистер Бенджамин.

Меня дожидалась супница в форме притаившегося кролика. Тот был сделан из фарфора, а ручкой служили его длинные уложенные вдоль спины уши.

— Мы можем приступать к обеду. Ариэль к нам

не присоединится, — произнес Лаон.

Ее имя. Снова.

Должно быть, они сблизились, когда он, приехав сюда впервые, отметил ее дружелюбное, почти человеческое лицо среди прочих фейри. Наверное, она стала для него желанным напоминанием о мире людей, тихой гаванью.

— Понятно, — пробормотала я, благодарная ей за отсутствие, о причинах которого не было желания спрашивать. — С ней все в порядке?

— Вполне. Она просто испортила аппетит печеньем и сэндвичами с огурцом.

— Не знала, что она так любит пить чай.

Я подняла крышку, под ней оказался сладкий морковный суп. Пурпурный и темный, точно синяк, чуть отсвечивающий свекольно-красным, он прилипал к ложке.

— Не забудь про соль, — сказал Лаон.

— Знаю, — отозвалась я, посыпая суп солью, — я здесь уже довольно давно. Жду тебя.

Брат ничего не ответил, и мы начали трапезу в молчании.

Несмотря на обескураживающий цвет супа, вкус его был насыщенным и сладким, а пикантная нотка заставляла гадать: не на кролике ли сварен бульон?

— Где ты был, Лаон? — спросила я.

— Я… я был… — Он замялся, поднес к губам бокал, но пить не стал.

— Можешь мне рассказать.

— Письма, — бокал тихонько звякнул, когда брат поставил его на стол. — Они до меня не добрались. Расстояния в Аркадии — вещь ненадежная.

— Это не ответ на мой вопрос.

— Иногда им нравится притворяться, будто исчислять их можно милями или часами, проведенными в пути, но все куда менее предсказуемо. Я проезжал расстояния, которые измерялись мечтаниями и откровениями, словно проехать их можно лишь после прозрения или…

— Нет, — прервала я, — Лаон, я спрашивала и мисс Давенпорт, и мистера Бенджамина, но прямого ответа так и не получила. Я беспокоилась о тебе.

— Я был при дворе Бледной Королевы.

— Маб?

Он кивнул:

— Я ходатайствовал перед Бледной Королевой о доступе в земли, находящиеся под ее контролем, то есть — я не уверен пока, правильный ли это термин, — во внутреннюю Аркадию. Чтобы

добиться настоящего прогресса, мне нужно отправиться в глубь страны, подальше от торгующих с людьми портов, подальше от этого кукольного театра. Они поместили нас сюда и намеренно отрезали от своих городов и поселений, чтобы мы не могли выполнять наш священный труд. Именно поэтому за все проведенное здесь время Рош обратил лишь одного…

— Мистера Бенджамина, — краем глаза я заметила, как гном махнул мне рукой, и ответила тем же.

— Да, его.

— А она сопротивляется?

— Мягко сказать.

— Неужели больше некому подать прошение? В конце концов, Аркадия — не единственная страна здесь.

— Пока Бледная Королева доступнее всех и симпатизирует делам людей. В конце концов, у нее даже есть лицо.

— Это хорошо?

Лаон протяжно и подавленно вздохнул:

— Договоры, давшие миссионерскому обществу право здесь находиться, составлены крайне плохо. Вернее, по ним мы не получаем никаких преимуществ. О нас словно вспомнили в послед-

нюю очередь и сделали довеском. К торговцам с их весами, к политикам с их ложью, к картографам с их границами. — Не скрывая сарказма, он поднял бокал, словно произнес тост, и сделал большой глоток. — Без их жадности не было бы новых стран.

— Мне дали книги, чтобы учить местных детей, — сказала я, потягивая пряный имбирный чай, — карты и… сказки. Так странно, что я вообще считала, будто они смогут оказаться полезны.

— Да, Миссионерское общество многое продумывает, — сказал он. — Но правда в том, что мне остается лишь молить о возможности исполнять свой долг. После всех проведенных здесь месяцев мне нечего рассказать тебе о жизни фейри, помимо легкомыслия их придворной жизни и обмена, который процветает у них на ярмарках. У меня нет прихожан, нет даже любопытствующих. С разговором о вере к ним и подступиться невозможно.

Следующим блюдом была рыба, густо приправленная мятой и укропом. Она слегка светилась, хотя это и постарались скрыть мерцающими свечами и широкими листьями мяты.

— Я миссионер только на словах, — продолжил Лаон, — мы окружены стеной густого тумана

вовсе не ради защиты.

— Возможно, они нас боятся.

Он пожал плечами:

— Возможно.

— Я читала, что фейри по своей сути природные стихии. Это ведь, если не ошибаюсь, Парацельс выдвинул такое мнение? — Соль, казалось, заставила рыбу потускнеть, и когда мой нож в нее вонзился, та выглядела скорее серой, чем серебряной. — Разве нельзя использовать это для предугадывания их характеров? Говоря о божественном, мы могли бы обращаться к их стихийным порывам.

Избегая моего взгляда, брат покрутил вино в бокале. Было заметно, что он старается осторожнее подбирать слова. Исчезла та наша задушевная небрежность, что позволяла легко высказывать друг другу любые мысли. В былые времена мы, лежа под яблоней, не могли разобрать, какие слова сказали, а какие только подумали. Все они переплетались и свивались в единое целое. Как и мы сами.

— Что ж, — начал брат, — с ундинами я говорил бы о том, что Всевышний — источник живых вод и что Он разделил Красное море?

— Да, а с гномами о том, что Он — краеугольный

камень нашего спасения. Сильфов, возможно, потрясла бы мысль о Его власти над небесами.

— В этом есть определенная риторическая простота, но, признаюсь, доводы Парацельса о природе фейри меня не убедили.

— Понятно… — я смутилась. — А на то есть причины?

— Это буквально средневековый взгляд, вызванный скорее суеверием, чем разумом, — ответил Лаон. — Здесь же не просто группы фейри, которых можно постичь через их стихии. Речь идет о понимании самой Аркадии, а не только ее жителей. И в основе всего лежит идея о том, что Аркадия беспрестанно разделяет свои стихии. Они неуравновешенны, и чем ближе мы к краю известных нам земель, тем сильнее разрушается единство мира.

— И поскольку отдельные стихии выходят на первый план, это влияет на климат и нравы Аркадии?

— Если мы начнем так рассуждать, то придется признать, что засуха в Сахаре и муссоны в Индии не только равнозначны по своему стихийному составу — что бы это ни значило, — но и то, что они как-то лучше перемешаны, чем здесь.

— Но Аркадия другая. Все это, — я обвела зал

взмахом руки, отчего Диоген заскулил, — не Йоркшир, не наш дом.

— Другая, но таковой ее делает не алхимический состав мира. Мистер Бенджамин связан с землей не больше, чем ты или я.

— Это место странное не оттого, что в нем просто живет странный народ, — огрызнулась я, разочарованная объяснениями брата. — Есть что-то глубже.

— Это значит, что Парацельс прав.

— Я не утверждаю, что его теория верна. Я говорю, что ты не пытаешься разобраться.

— Но даже в примитивном и упрощенном виде эта теория все равно остается неверной, — продолжал настаивать Лаон. — Хотя отдельные фейри или даже разновидности фейри внешне следуют порывам своих стихий, управляют ими они не больше, чем ты или я. Это лишь иллюзия связи одного с другим. Все равно что сказать: шотландцы принадлежат к огню, а валлийцы — к земле.

— А я не могу этого знать. Нельзя ограничить мои знания, а потом отчитывать за невежество. — К щекам прилил жар, хотя было не понять, от гнева это или от стыда. Я бросила взгляд на тарелку с серебряной рыбой. Мое дыхание стало

тяжелым, пульс участился. Лаон всегда делился со мной книгами, наставлял, тайком передавал конспекты. Пусть обучали нас по-разному, но я думала, что между нами существует негласный договор. Думала, что мы похожи. — Я не могу знать то, что знаешь ты. Мне не разрешили…

— И все же я встретил тебя блуждающей в тумане, — он насмехался.

— Прошли недели. Я ждала тебя. Неделями, — оправдываясь, я стала жалкой. Голос мой походил на скулеж. Я себя ненавидела. — Мне нужно было…

— Нет, ты приехала сюда. Требовала. Излила свой гнев на Ариэль…

— Да, но…

— Ты покинула стены замка.

Он не смотрел мне в глаза, но я смогла разглядеть, как в его отведенном взгляде закипает ярость. И тут осознала свой собственный гнев. Я думала, что вцепилась в столешницу, пытаясь успокоиться, но внезапно поняла, что просто не позволяю себе встать, подойти к нему и отвесить пощечину.

— Там очень опасно, Кэти. В тумане. Что угодно… я не могу…

— Чего ты не можешь, Лаон? — Я почувство-

вала, как немеют мои пальцы. — Разве все это сделал не ты? Разве не ты учился в университете? Не ты покинул Англию? Не ты сделал из себя великого исследователя, победоносного завоевателя и…

Мои слова жалили. Я это знала.

— Не вини меня в своем заточении, — произнес он очень холодно и очень медленно. — Я не твой тюремщик.

— Не стыди меня за знания, в которых мне было отказано. Не смотри на меня свысока из-за положения, в котором я родилась. — Я увидела, как он вздрогнул, но продолжила. — Я-то считала, что твое уважение принадлежит мне по праву как сестре и равной, а оно, выходит, даровано из прихоти, и я должна его вымаливать, зарабатывать — пусть и лаской.

— Кэти, я не хотел…

— Быть может, ты и не мой тюремщик, Лаон, но ты и не лучше.

— Ты должна понять, что я такой же пленник.

— Значит, твоя клетка больше.

— И все же это клетка.

— Но ты хочешь, чтобы я умоляла тебя ею поделиться. Чтобы пыталась заслужить место рядом с тобой. Чтобы зависела от твоей любви. — Я сде-

лала глубокий вдох. — Я здесь не для того, чтобы просить милостыню, Лаон.

На это он ничего не ответил. В зал проскользнул мистер Бенджамин с последней переменой блюд.

Остальная часть трапезы прошла в тишине, прерываемой лишь звоном столовых приборов. Мой гнев рассеялся так же быстро, как и вспыхнул, но брат оставался непреклонен. И все же он не смотрел на меня. Наш спор, каким бы бурным он ни был, не стал тем целительным бальзамом, на который я мимолетно понадеялась.

Глава 12. Тайны прошлого

Всякое миссионерское общество должно подготовить и иметь возможность передать в руки каждого нового миссионера краткий справочник по языку, обычаям, взглядам и религиозным воззрениям провинции или страны, в которую он направляется; включая несколько правил или советов, касающихся климата, одежды, здоровья, питания и прочее. Все это миссионер должен выучить наизусть и знать досконально к тому времени, когда достигнет места своего назначения.

При такой действенной подготовке пусть каждый миссионер по прибытии стремится как можно глубже проникнуть в народ. Чтобы досконально изучить язык, пусть он каждый день посвящает немалое время его усвоению.

Пусть гуляет повсюду, и даже если не сможет особенно разговаривать, пусть смотрит и знакомится со всеми внешними проявлениями туземной жизни. В течение первых двух лет главное внимание он должен уделять языку и книгам о туземцах.[32]

Грегори Дэй. Полезные практики, журнал «Религиозный эмиссар» за год, предшествующий маю 1834 г.

Той ночью я читала дневник преподобного Роша.

Сначала руки застенчиво танцевали по корешку и по кожаной обложке с выжженными на ней странными полумесяцами. Мне вспоминались предостережения преподобного Хейла, его сдержанные недомолвки подогревали мой страх куда лучше, чем любые преувеличения.

Отметив свою нерешительность, я отсчитала десять ударов сердца, собралась с духом и открыла тетрадь.

Ничего не произошло. Не ударила молния,

---

[32] Примечания: 32

Из сборника материалов Конференции христианских миссионеров, прошедшей в 1860 году в Ливерпуле (Conference on Missions held in 1860 at Liverpool: including the papers read, the deliberations, and the conclusions reached: with a comprehensive index shewing the various matters brought under review).

случайный сквозняк не коснулся моей спины холодными пальцами, невидимая рука не выхватила дневник из моих ладоней. Тот просто лежал — открытый и готовый поделиться своими тайнами.

Первые страницы оказались довольно прозаичными, по большей части на них был отчет о путешествии преподобного в Аркадию. Я сглотнула, все еще не в силах избавиться от застрявшего в горле страха, и продолжила читать.

«21 октября 1839 года. Я намеревался покинуть Плимут в сопровождении капитана Питера Кенсингтона и его семьи, отплывавших на юг, но меня сразила лихорадка. Чтобы избавиться от нее, я принял более восьмидесяти гранов ртути и большое количество опиума.

29 октября. Я покинул семью капитана Питера Кенсингтона и начал свое морское путешествие в Аркадию, иногда называемую Эльфан. Ее тайны совсем уже близко.

1 ноября. Я нахожу моря неподходящими для своего здоровья. Капитан Самсон Фурно уверяет, что его штурман поистине ужасен и мы вот-вот заблудимся достаточно, чтобы Фейриленд оказался в пределах видимости.

13 декабря. Я прибыл в порт Маскелайн, где был

очень любезно и радушно принят полковником Станнерсом, государственным представителем достопочтенной Компании Южных морей, и остальными британскими подданными. Мне сказали, что отсюда путь до Эльфана должен быть скорым».

Над записями трудились три разные руки. Первая, безусловно, принадлежала самому преподобному. У него был размашистый, ровный почерк, выработанный, несомненно, за долгие годы строгой дисциплины. Я улыбнулась, вспомнив, как бился над своим почерком мой брат. Мы делали для наших солдатиков крошечные журналы и газеты, и Лаону никак не удавалось писать так же аккуратно и мелко, как я.

Откуда в дневнике Роша взялись две другие руки, я догадаться не смогла, но один почерк был убористый и плотный, а другой — из-за торопливости его обладателя — наклонный и стремительный. Первый человек сделал несколько записей, второй, казалось, ограничивался главным образом заметками на полях.

Первые несколько месяцев преподобного в Аркадии выглядели довольно прозаично. Рош прибыл и был встречен некоторым числом фейри, многие из которых носили экстравагантные

титулы, вроде Астролога Крови или Герцогини Времени. Преподобный описывал различные злоключения, связанные с наймом экономки, хотя ни одна из претенденток не походила на неуловимую Саламандру. После того как Рош получил замок, ему не разрешалось покидать это место, зато фейри наведывались к нему регулярно. Они вовлекали его в споры о богословии, которые расстраивали миссионера, поскольку тот был убежден, что своей риторикой и логикой победил всех и каждого, однако ни одной души ко Христу не обратил.

«23 мая 1840 года. Сила всех безбожников — начинать рассуждения с вопроса „Почему?“. И этот вопрос сразу же показывает, что они, при всей своей учености и мудрости, ничего не знают, ибо если бы они что-нибудь знали, то не стали бы излагать свои доводы с вопроса „Почему?“. Ибо „Почему?“ указывает на то, что мы не знаем причин вещей — что мы невежественны; а невежество ничего не доказывает — оно доказывает только то, что вы невежественны».

Обладатель наклонного почерка насмехался над словами Роша. Я подозревала, что эти приписки на полях добавлены гораздо позже, без ведома

преподобного, но наверняка сказать не могла.

Среди прочих посетителей я узнала описание мистера Бенджамина: он пришел в компании тех, кто сам себя называл рудокопами, и был подавлен отсутствием работы. Хотя никто из них не обратился в христианство, Рош нанял нескольких следить за порядком в саду. Они уходили один за другим, пока не остался только мистер Бенджамин.

Чем дольше длилось пребывание в Фейриленде, тем неуверенней становился почерк Роша. Его тон приобрел оттенок паранойи — преподобный тревожился о том, что кто-то читает его дневник. И неоднократно упоминал о промахах в подборе слуг. Учитывая присутствие записей, сделанных двумя другими руками, его опасения не были такими уж необоснованными. Рош начал сокращать слова, в заметки прокрались мелкие символы, зачатки кода. Была даже одна фраза, записанная зеркально.

Собственное дыхание окутывало меня извивающимися клубами болотного тумана. Замерзнув, я плотнее закуталась в шаль.

Подробностей в дневнике становилось все меньше, но я догадывалась, что в голове у преподобного зрел какой-то план. Его усилия по

обращению в веру, вероятно, были сведены на нет — по той же причине, с которой столкнулся мой брат, а именно из-за отсутствия доступа к «внутренней» Аркадии. Рош страшился своего плана, боялся расплаты, жертв. Он писал как человек, которого преследуют, и подсчитывал стоимость своей души.

Пожалуй, в такие минуты никто не смог бы выглядеть храбрым.

Я перевернула страницу, и та на моих глазах рассыпалась легким конфетти. Бумага оказалась до хрупкости тонкой. Я прищурилась и заметила, что чернила каким-то образом проели страницу насквозь, оставив в ней лакуны в форме слов.

Через несколько месяцев записи в дневнике возобновились. Рош снова был в Англии. После долгих раздумий он женился на своей невесте и решил вернуться в Аркадию. Преподобный мало писал о молодой жене, даже не называл ее по имени, только мисс Клей, а затем миссис Рош. Я могла лишь гадать, что осталось на утраченных страницах, но, как полагала, там описывались страхи, кульминацией которых стало возвращение домой, и перемена в сердце после женитьбы. Возможно, невеста пробудила в нем некое сокрытое рвение или просто хватило ее одной, чтобы

он захотел покинуть английскую землю.

На полях торопливая рука осыпала его бранью. Осуждала страхи за их глупость и заявляла, что слова преподобного — ложь. Временами там было нацарапано: «Лжец!», «Трус!», «Предатель!», безо всякого разнообразия или объяснений.

Снова и снова Рош заявлял о желании вернуться в Аркадию, посвятить свою единственную краткую жизнь великим трудам в стране тьмы. Это казалось мантрой, как будто он пытался убедить себя, избавиться от сомнений. Он и сам был готов поверить в свой порыв. В отличие от прежних отрывков, эти его записи отличал не страх, а глубокий самообман.

Вложенные между страниц письма завершали портрет неуверенного человека, хватавшегося за чужие ободрения.

Снова лакуна.

Начались записи, сделанные другим, убористым, почерком, и я не могла разобрать их смысл. Сплошь туманные намеки на яд, страхи и боль. Там писалось о грандиозных замыслах, противостоящих опасениям и неудобным истинам. Упоминались испытания Иова и страдания Ионы.

А затем — ничего. Последние страницы были

вырваны.

Я не помнила, как заснула, но когда открыла глаза, мне на плечи была накинута шаль, а на столе лежала стопка книг. Когда я по очереди брала их в руки, то узнавала почерк на полях. Книги принадлежали брату.

Это были рассказы о путешествии Кука в Аркадию, общее руководство миссионера и серия опубликованных дискуссий о теологической и биологической природе фейри. Хотя я и считала себя достаточно начитанной в этой области, бóльшая часть этих работ оказалась мне незнакома.

В тонком, усеянном цитатами томе утверждалось, что фейри — потерянное колено Израилево, а Аркадия — пустыня, на которую их обрекли. В опровержении Парацельса доказывалось, что Аркадия — страна странствий к востоку от Эдема, куда был изгнан Каин, а фейри — его дети, зачатые с сестрой, навеки проклятые за то, что родились от греховного союза. Многословная, скучная статья объявляла миссию в Аркадию столь же бесполезной, сколь бездушны сами фейри, падшие ангелы.

В трактате доктора Иммануила Кэмпбелла для Эдинбургского общества изучения фейри обсуж-

далась работа мистера Гоббса из Малмсбери и утверждалось, что его работу следует читать как описание фейри, а не природных инстинктов человека.[33]

«Безгранично порочные звери, которые жестоко угнетают и терзают друг друга из бесконечной чистой злобы своей, — это вовсе не люди в своем естественном состоянии, предшествующем цивилизованному влиянию общества. Образ Левиафана — не изображение земного владыки, как это якобы утверждает мистер Гоббс. Гигантский зверь, созданный из множества других, не является метафорой. Мощь и преданность, которые он внушает, не касаются абстрактных качеств мирского политического общества. Страшные предупреждения о хаосе, кровопролитии и гибели старательно увязаны с контекстом в Трактате о правильной организации политической жизни».

Я читала о Чезаре, средневековом священнике, которого обвиняли в том, что он подменыш. Неясно, являлся ли Чезаре настоящим человеком,

---

[33] Примечания: 33

Томас Гоббс (1588–1679) — английский философ-материалист, один из основателей теории общественного договора и теории государственного суверенитета. Его сочинение «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» посвящено проблемам государства.

но то, что бродячие священники могут втайне быть бездушными подменышами и обманывать жителей деревень пародией на обряды, которые связывают их с Аркадией, безмерно меня пугало.

На волне такой паранойи возникла идея, что важен сам обряд и его получатель, а не священник, исполняющий таинство. Обряд священен сам по себе. Таким образом ложные священники дают истинное причастие.

В конце концов, когда Иисус впервые совершил этот обряд для Иуды на Тайной вечере, в падшего ученика вошел враг рода человеческого. Тот затаил предательство в сердце своем, а это, утверждали праотцы Церкви, испортило обряд.

Все это казалось безнадежно суеверным, но заставило меня задуматься о фейри и их душах. Существовало негласное мнение о том, что у них действительно есть души, которые являются зеркальным отражением человеческих, но каждая теория об их истинной природе не обходила вниманием этот вопрос.

Интересно, Роша тоже мучили подобные мысли? Он так часто писал о миссионерах, которые отправлялись в плавание, а после годами просили Папу благословить уже совершенное путешествие. Преподобный завидовал этой убеж-

денности и жаждал ее.

Глава 13. Королева в замке

Вот колесница Королевы Фей!
Копыта скакунов рвут непокорный воздух;
Но госпожи приказу повинуясь,
Сложили кони призрачные крылья
И встали, подчинясь поводьям света,
Натянутых рукой Царицы Чар.
Она, явившись в блеске и сиянии,
Склонилась грациозно и смотрела
На деву спящую.

О! И в мечтах не представлял поэт,
Когда кипели думы облаками,
И всякий странный, но прекрасный вид
Пленял, ввысь возносил и пора-

жал,
Нет, не было в фантазиях его
Столь дикого и дивного создания,
Как та, что, растревожив небеса,
Теперь свой взгляд чудесный изливала
На сон девичий.

Перси Шелли. Королева Маб

Когда я проснулась второй раз, небеса, казалось, объяло пламя.

Я выбралась из постели, раздвинула занавески и с колотящимся сердцем выглянула наружу. Земли, окружавшие замок, пылали. Туман выгорел дотла. Цветные кусочки оконного стекла превращали бескрайнее пламя в беспокойное море. Мертвенно-бледное и ярко-алое, каким и был витраж с изображением воскресшего Христа в кроваво-красных одеждах.

Закутавшись в шаль, я побежала вниз по лестнице, вспомнив, что посмотреть наружу можно из большого зала. По-прежнему босая, я, кашляя от пыли, распахнула длинные портьеры.

Но и оттуда было ничего не разглядеть, слиш-

ком уж далеко, и я, доковыляв извилистыми коридорами до люка, который вел на чердак, выбралась на крышу. А оттуда уже увидела это: потоки и вихри неистового огня, клубы дыма и чад. Пожар все полыхал, а я не могла вспомнить, чем он может подпитываться на этих равнинах. Пока бродила там, натыкалась лишь на туман и мороки. Что могло поддерживать такие высокие столбы пламени?

Огонь окрашивал небо в зловещие оранжево-красные цвета, чуждые этому пейзажу. Маятниковое солнце никогда не придавало небесам подобных оттенков.

Тогда-то на меня, напуганную этим зрелищем, и наткнулся Лаон. Диоген крадущейся черной тенью следовал за хозяином.

— Что там происходит? — едва взглянув на брата, спросила я и нарушила повисшее жуткое молчание. Спор прошлой ночи все еще лежал между нами, но сейчас можно было не обращать внимания на его останки. — Лаон?

— Саламандра расчищает пустоши, — ответил он, — я говорил с ней сегодня утром. Это для визита Бледной Королевы.

— Пустоши?

— Болота снаружи, — в его голосе звучал хо-

лод. Я продолжала смотреть на пожар, а Лаон не сводил с меня глаз. Я чувствовала его взгляд на своей коже, и мне снова до боли захотелось прикоснуться к брату. — Ты ведь не думала, что такое происходит естественным путем?

— Я не знаю, что для этих мест естественно, — ответила я.

— Фейри любят сохранять эту землю… невозделанной. Аморфной.

— Что ты имеешь в виду?

— Она заросла, так что ее заново выжигают и превращают обратно в туман.

— Но что же там снаружи, когда… когда не туман?

— Сны. Мысли. Вещи, которым наш разум придает форму, — ответил он, чуть взмахнув длинными пальцами. — Туманы весьма податливы, именно по этой причине фейри хотят, чтобы все так и оставалось. Полагаю, что это своего рода запасы, которые время от времени собирают. Наверное, продают на Базаре гоблинов или что-то в таком роде. Но из-за нашего сознания все начинает зарастать быстрее, и расчищать приходится чаще.

— Значит, человеческий разум что-то делает с туманами?

— Да, он придает им форму. Каким-то образом.

— Я… я думаю, что понимаю. — Ветер уносил черный дым прочь от Гефсимании, но я все еще ощущала в воздухе едкий сернистый привкус. — Это как с настоящими вересковыми пустошами? Они решили оставить их в первозданной пустоте.

Он кивнул и повернулся, чтобы смотреть в окно вместе со мной. Некогда покрытые туманом болота казались огромной печью, но ее пламя не давало света, лишь густую, всепоглощающую тьму. Мои глаза заболели от подобного зрелища, и я вообразила себе плясавшее по равнине пламя, за которым тянулся шлейф гаснущих искр.

Жар на лице напомнил о том, как я впервые увидела охваченные огнем вересковые пустоши Йоркшира. Тогда я в ужасе прижималась к Лаону, а в голове эхом отдавались слова Тесси: «Так все и делается. Пустошь должна оставаться пустошью. Это все равно, что подстригать ногти».

До того момента я всегда считала их неприрученной, первобытной землей, которую сжимает в своих языческих объятиях бескрайнее небо. И вот у меня на глазах природу поставили на колени. Как всякий наивный простак, я ошиблась, приняв сломленное цирковое животное за дикое.

— Книги… — начала я; было радостно их получить, но после нашей ссоры благодарить не хотелось. — Это был ты?

— Я у тебя в долгу, — ответил Лаон. — Я же обещал.

Земля задрожала и разверзлась. Пляшущие языки пламени раздавило тяжестью взрыхленной почвы, откуда вынырнуло огромное существо, поднялось, точно волна, и снова исчезло в серо-черной грязи. Пока оно описывало дугу, я успела разглядеть гигантскую морду, широкие плавники и, наконец, огромный изогнутый хвост.

— Что это? — выдохнула я. — Это ведь не…

— Кит.

— Кит?

— Да, его называют морским китом.

— Которого я, несомненно, уже видела… — Я посмотрела на Лаона, и наши взгляды встретились. В его бледно-голубых глазах отразилась едва заметная улыбка. Точно так же в детстве мы оба притворялись, что все знаем, и кивали словам друг друга, как бы нелепо те ни звучали, отчаянно стараясь не показать своего невежества. — Я читала о них. Они называются так не потому… что живут в море, а потому что… *едят* его?

— Близко.

— Что значит «близко»?

— Они наполнены соленой водой и песком, — ответил Лаон, — мне рассказывали, что в них живут рыбы.

— О, — удивленно пробормотала я.

Из земли вынырнуло еще одно огромное существо. Оно оказалось ближе, и я смогла разглядеть кожу, походившую на толстый ковер из папоротника и прутьев. Комья грязи и капли пламени льнули к ней, добавляя черноты, но не сжигая морского кита. Пустой взгляд голубых глаз проглядывал из вихря потрескивающих веток. Веером развернулся хвост, и на фоне ярких всполохов огня я увидела его переплетающийся узор.

Из спины одного из существ забила струя воды. Жар испарял капли, и хотя полный гари ветер дул прочь от замка, в воздухе все же чувствовалась соль.

— Море, — изумленно произнесла я. Этот густой и скверный запах нельзя было ни с чем спутать. Мне тут же вспомнились дни, проведенные на палубе «Безмолвного», и неумолкающие крики чаек в порту. — Я понимаю, что это Аркадия, но… как?

Лаон нерешительно пожал плечами:

— Полагаю, прознали о раковинах и увлек-

лись.

— О том, что в раковинах можно услышать шум моря?

— О том, что в них заключена частичка океана.

Сначала я почувствовала этот звук в собственных костях. Низкий и скорбный, он, точно гул колокола, отдавался от земли эхом. Долгий, нечеловеческий стон, больше похожий на шепот в раковине или завывание ветра в пещерах, где мы играли, чем на тот, что мог родиться в горле живого существа.

Вздрогнув, я шагнула к Лаону. Он взял меня за руку, и мы сплели пальцы, как делали это в детстве.

— Это всего лишь киты, — сказал брат. — Огонь привлекает их, и они, будто дождевые черви, поднимаются на поверхность.

— Но почему не загораются?

— Полагаю, благодаря морю у них внутри.

— А можно… заглянуть в одного? Какая рыба способна жить в ките?

— Я… я не знаю.

— Мы должны это выяснить.

— Не думаю, что об этом есть в отцовской энциклопедии, — ответил он, криво усмехнув-

шись. — Впрочем, там вообще немногое можно найти.

— Пусть так, — резко возразила я, возвращаясь к нашему давнишнему спору. С восхитительной привычностью я наклонилась к брату, наслаждаясь неуловимой близостью между нами. — Но нам не хватает половины томов. Насколько мы знаем, киты могут быть в легендарном томе под литерой «К».

— Не глупи, морской кит был бы на букву «М», а этот том у нас как раз есть.

— Быть не может, там не озаботились тем, чтобы делать отдельные записи для каждого вида животных.

— Но это не животное, а местность. Как пустыня или…

Его прервал жуткий клич китов. Он прозвучал громче, чем в первый раз, и казался ответом, который эхом отозвался в моих костях и зубах.

Лаон внезапно отпустил мою руку и отвернулся.

— Здесь нет ни одной из тех книг. Мы от них очень далеко, — произнес он, уходя прочь. — Завтрак остывает.

Бой башенных часов и звон колоколов разнеслись по Гефсимании, и мне показалось, что

звучали они даже громче обычного.

Лаон, мисс Давенпорт и я стояли во дворе и ждали прибытия Королевы. Пес брата превратился в тихо скулящий комок. Саламандра, как всегда, отсутствовала, и мистер Бенджамин ушел, отговорившись тем, что надо бы поднять решетку и открыть ворота.

Все было готово настолько, насколько возможно. Я сняла с мебели пыльные простыни и вместе с Лаоном сложила их. Под щебет мисс Давенпорт, которая развешивала яркие занавески, расставила высокие вазы с цветами. Мы даже вытащили несколько ковров и выбили их во дворе, и мне удалось подслушать, как мистер Бенджамин шепчется с растениями в саду, сообщая им о приезде Королевы. Вычищенный замок сиял, перила и ступени были отполированы до зеркального блеска, и все это, по-видимому, было делом рук неуловимой Саламандры.

Маб должна была появиться, когда часы пробьют полдень.

Едва затих последний удар колокола, из теней выступили люди с песочно-коричневой кожей. Не успела я удивиться, как они хриплыми голосами объявили о прибытии Королевы и низко поклонились мне, роняя с тел песчинки. Те сте-

кали на землю размеренно и плавно, словно в песочных часах.

Лаон заверил песочных людей, что мы готовы, и они молча кивнули.

И тут внезапно сквозь дальние ворота бесшумно хлынула свита Королевы. Ни обувь, ни одежды не издавали ни единого звука.

Это вновь напомнило о границах моего ничтожного воображения, поскольку свита Бледной Королевы мало походила на процессии, которые я наколдовала в тумане. Разве только своим абсолютным безмолвием. Но передо мной было вовсе не изысканное шествие лордов и леди на сурово гарцующих лошадях и под развевающимися знаменами.

Во двор ввалились существа в черных плащах и припали к земле вдоль дорожки. Из темноты их плащей виднелись лишь длинные узловатые пальцы, словно созданные для удушения. Следом плавным движением, будто у них совсем не было костей, ворвались дамы в платьях из перьев. Каждая несла пару длинных окровавленных ножниц и иглу со вдетой ниткой, а с ожерелий из языков на белые платья лениво капала черная кровь. Другие члены свиты выглядели почти людьми, но от их ног тянулись тени, которые отбрасывали

вовсе не человеческие фигуры, а беспокойные, бьющие копытами кони.

Во двор вкатилась карета из рога и слоновой кости, запряженная существами, которые были созданы из частей различных животных. Химерами в самом классическом понимании этого слова: полосатая лапа тигра оканчивалась копытом быка; с морды льва тянулся слоновий хобот; над козлиными задними ногами нависал клубок змей.

Один из песочных людей подошел к экипажу и за ослепительно-белую руку вывел женщину. Та даже не вышла, а словно раскрылась клейкими створками мухоловки, распустилась осьминогом в темном углу каменного бассейна, разомкнулась ломтиками очищенного апельсина.

Это была *она*.

Женщина из моего сна.

У нее была та же белоснежная кожа и круглые янтарные глаза. Я все еще могла видеть, как длинные, красивые пальцы моего брата касаются этой кожи, поглаживают щеку, проводят по изгибу подбородка. Каждая упавшая на нее тень напоминала мне о кронах ив.

Та же прядь цвета белого золота тянулась от вдовьего пика в ее каштановых волосах. Красной

ленты в них не было, но я по-прежнему видела, как, расчесывая эти пряди, путается в них рука Лаона.

Во рту у меня пересохло, словно я наглоталась песка, а в жилах застыла кровь.

Женщина посмотрела прямо на меня, и я вновь разглядела в ее желтых глазах свое отражение. Все еще маленькая и жалкая, на этот раз я не казалась себе молью перед бабочкой. Плоский, широкий нос женщины и ее лицо в форме сердца напомнили о совах.

Я ощутила благодарность, когда она наконец отвела взгляд.

— Ну и ну! — заговорила женщина, и голос ее прозвучал одновременно и шепотом, и длинной, пронзительной птичьей трелью. Он бросал вызов человеческому горлу и человеческим ушам. — До чего же не изменилось это место.

Лаон поклонился, и я безотчетно повторила за ним, прежде чем догадалась неуклюже присесть в торопливом реверансе.

— Ведь не может быть, что это все твои домочадцы, Лаон? — Похожие на крылья рукава королевы Маб волочились по земле, ее юбки ниспадали легкими белыми и коричневыми складками. — Хотя вижу, что пес твой верен до

последнего.

— Бенджамин Гудфеллоу ждал вашего приезда. Он в надвратной башне. А Саламандра…

— Здесь.

По двору пронеслась струя пламени, оставляя за собой черный шлейф из дыма и сажи. Огонь вспыхнул так, словно в него плеснули виски, и слился в фигуру со змеиным хвостом. Сначала Саламандра казалась черным фитилем, но когда пламя потускнело, ее кожа стала пепельно-белой.

— Я здесь.

— Прошло много времени, дитя мое, — сказала Бледная Королева.

Саламандра низко поклонилась, ее влажная чешуя заблестела.

— Прошло столько времени, сколько нужно, чтобы рассказать сказку, что не будет ни длинной, ни короткой.

— Время идет так, как я его считаю, — ответила Бледная Королева. — И подменыш?

— Да, ваше величество, — мисс Давенпорт вместо реверанса низко поклонилась.

— Надеюсь, ты хорошо выполняешь свои обязанности.

— Да, ваше величество.

— Великолепно, — сказала Маб и вновь обвела взглядом двор. — Но где же последний человек?

— Больше никого нет, — нахмурился Лаон, — здесь только моя сестра и я.

— О, сестра? — Маб обратила внимание на меня.

Взволнованная, я снова сделала реверанс.

— Кэтрин Хелстон, ваше величество.

— Вижу, — произнесла она, оглядывая меня с ног до головы.

Я попыталась встретиться с ней глазами, выпрямиться, дерзко вздернуть подбородок. Но не смогла, увяла под ее взглядом, а мучительный узел в груди сделался еще более тугим и невыносимым.

Она улыбнулась, и мне снова вспомнилось, как эти губы касались ушей моего брата. Королева поджала губы, отчего те стали похожими на клюв, и сказала:

— Как и следовало ожидать.

— Следовало ожидать? — с некоторым подозрением в голосе уточнил мой брат.

— У меня должны были возникнуть некоторые ожидания, раз ты говорил о ней.

— Редко говорил.

— Тебе стоило бы знать, что я слышу больше,

чем просто слова.

Ее придворные тихо переговаривались между собой. Хоть я и не слышала голосов, но видела, как щелкают и фыркают их изогнутые, точно совиные клювы, губы. Резкими движениями придворные поворачивали головы, смотрели и ухмылялись.

— Я ждала встречи с тобой, Кэтрин Хелстон. Рада, что ты заблудилась и мы смогли тебя найти, — в глазах Бледной Королевы сверкнула хищная угроза. — Но мне интересно зачем.

— Я приехала позаботиться о своем брате.

— Совершенно очевидно, что он тебе очень дорог, — ее улыбка стала едкой, — уверена, для ран своего брата ты окажешься тем самым Галаадским бальзамом.

Часть вторая. Галаад

Глава 14. Бальзам для души

«Вещий, – я вскричал, – зачем он прибыл, птица или демон

Искусителем ли послан, бурей пригнан ли сюда?

Я не пал, хоть полн уныний! В этой заклятой пустыне,

Здесь, где правит ужас ныне, отвечай, молю, когда

В Галааде мир найду я? обрету бальзам когда?»

Ворон: «Больше никогда!»

***Эдгар Аллан По. Ворон*[34]**

Стоило нагрянуть двору Бледной Королевы, как замок ожил.

Раньше, под всеми этими пыльными чехлами и портьерами, закрытая ставнями и запертая на замки Гефсимания дремала. Теперь же она забурлила.

Прежде пустые и сумрачные коридоры кишели

---

[34] Примечания: 34
Пер. В Брюсова.

придворными Маб. Тех мало заботили понятия «вверх» или «низ», казалось, они так же страстно желают передвигаться по стенам и потолку, как и по полу. Они собирались вокруг портретов, прижимались лицами к холстам и шептали что-то в нарисованные уши.

Наши гости танцевали и флиртовали друг с другом, и все же не раздавалось ни единого шороха шагов. Фейри двигались под музыку, которую лишь сами и могли слышать, и пели, беззвучно хлопая в ладоши. Они оживленно переговаривались, но их клювы, губы и морды оставались неподвижными.

В отсутствие нашей экономки мне, как сестре преподобного, а следовательно хозяйке дома, пришлось проводить гостей в их комнаты. Меня не предупредили, кто приедет и как их разместить, но я сделала все, что могла. Хотя рядом с совершенно бесшумными гостями мне было не избавиться от чувства неловкости, но все же, лучше знакомая с громадным замком, я сумела поселить каждого из прибывших фейри в отдельную комнату.

Маб, разумеется, отдали лучшие покои, совсем недавно освобожденные от вещей моего брата. Его отказ от комнат не был особенно неохотным,

и это послужило напоминанием о том, кто являлся новой хозяйкой Гефсимании.

Первой среди развлечений Бледной Королевы должна была стать изысканная сценка из домашней жизни в английском стиле. Прежде чем удалиться в свои покои, высокая гостья объявила, что желает шить и пить чай в соларе [35], как это принято в Лондоне.

Понадобилась некоторая оркестровка, поскольку материалы для рукоделия нашлись весьма разнообразные. Чай, однако, пришлось оставить на попечение свиты Маб. Та привела с собой огромнее множество слуг с призрачными руками, которые оставляли за собой песчаные следы. Но, несмотря на экзотический внешний вид, хлопотали они вполне привычным образом.

— Предоставьте это им, — сказал мистер Бенджамин, дергая меня за подол юбки, — я бы не стал им мешать.

— Если ничего не делать, то это выглядит негостеприимно, — беспокоилась я.

— Может быть, может быть.

— Я хозяйка этого дома.

---

[35] Примечания: 35

Хорошо освещенная комната на верхнем этаже английского особняка, усадьбы или замка.

— В таком случае это не ваша обязанность, — с торжествующей усмешкой произнес гном, — а работа Саламандры. В этом доме есть хранительница.

— Вы просто стараетесь не путаться под ногами.

— Верно, верно. — Он одернул жилет, еще сильнее испачкав лацканы. — Я боюсь Бледной Королевы. И вам стоит ее бояться.

Произнося ее имя, он невольно содрогнулся.

— Я не боюсь, — солгала я.

— Не связывайтесь с двором, мисс Хелстон. Гейсы крови не во всем могут защитить вас.

Обеспокоенная своим нарядом, я одевалась слишком долго. Руки медленно перебирали оставшиеся в гардеробе платья, а в голове кружился вопрос: стоит ли потакать тщеславию, которое побуждает меня их носить?

Едва слышно прозвучали фанфары, и мисс Давенпорт, невнятно бормоча что-то о приказах королевы, загнала меня в ярко освещенную верхнюю комнату.

— Представляю вам мисс Кэтрин Хелстон, ваше величество, — мисс Давенпорт сделала реверанс, и я последовала ее примеру.

— Присаживайтесь, — сказала Маб.

Она сидела на софе у одного из самых больших окон. Широкий черный пояс бесчеловечно стягивал ее узкую талию. Вниз от нее тянулись мириады невероятно тонких, усеянных черными прожилками крылышек насекомых и, наслаиваясь друг на друга, образовывали то, что можно было бы назвать юбкой.

— Я читала, что осиная талия — это весьма модно, — произнесла Маб, заметив, что я разглядываю ее наряд.

— Я… я понимаю. — Не в первый раз за время пребывания в Аркадии меня застигли врасплох. Черно-золотой лиф платья действительно походил на окраску осы. — Так и есть.

— Конечно, модно, — добавила мисс Давенпорт, стремясь сгладить нашу беседу. — Я как раз рассказывала Кэти о том, как сильно жаждала платья с осиной талией с гравюры…

— Подменыш, я хочу послушать другую… — Бледная Королева, не сводя с меня глаз, сделала паузу, — из вас.

Мисс Давенпорт склонила голову, пробормотав извинения, которые не осмелилась произнести в полный голос, опустилась в одно из кресел и достала вязанье.

— Подойди и сядь рядом, — велела Бледная

Королева.

Я повиновалась.

— И как же работает это… шитье? — спросила она. — Слышала, здесь замешаны иглы.

Я кивнула, выдавив нервную улыбку:

— Да, так и есть.

Со столь близкого расстояния я различала шорох каждой пары крыльев, который походил на подергивание прихлопнутой осы в тот момент, когда сомневаешься, полетит она снова или нет.

— О, прекрасно, — произнесла Маб с преувеличенным облегчением. Затем слегка откинулась назад, разгладила крылышки на своей юбке, а в уголках ее рта появилась лукавая улыбка.

Я вынула носовой платок, который без особого пыла вышивала последние четыре года. Намеревалась сделать подарок брату до его отъезда, но так и не завершила. Большая часть работы была проделана в соларе под беседы с мисс Давенпорт.

— Итак, тут у меня почти готовая роза. — Я показала Бледной Королеве свою вышивку и начала накладывать стежки. Взгляд Маб следил за каждым движением иглы. — И я как раз собираюсь ее закончить.

— Она красная. Это означает что-то особенное?

— Это всего лишь нитка, которая была под

рукой.

— Такие розы растут в моем саду.

— Красные?

— Когда я им об этом напоминаю.

Протянув иголку сквозь последний стежок, я закончила вышивать.

— Ах, теперь тебе понадобятся ножницы! — воскликнула Маб. — У меня есть.

Длинными, будто лапки паука, пальцами она вытащила из складок юбки пару ножниц с фигурными ручками.

— С-спасибо, — сказала я.

Бледная Королева открыла ножницы и бросила их в мою протянутую руку. Те оказались тяжелее, чем я ожидала.

— А разве не я должна тебя за них поблагодарить? — поинтересовалась Бледная Королева. — В конце концов, это подарок, а благодарить людей за подарки — это хорошо. Я помню.

— Подарок? — переспросила я, стараясь выглядеть не слишком удивленной.

— Самым заботливым образом оставленный у меня в постели. Я была этим весьма довольна. Это ведь подарок, не так ли?

— Бо… боюсь, что не от меня, — ответила я.

— Ну, должна же я кого-то поблагодарить, —

рассудила Бледная Королева. — Мне захотелось поблагодарить тебя. Это всего лишь вежливость.

Я с любопытством поднесла холодные ножницы к свету. Тусклая сталь ничего не отражала. Ручки представляли собой перевитые цветущие виноградные лозы с сидящими на них крошечными бабочками. Прищурившись, я смогла разобрать слова «Уильям Уайтли и сыновья. Шеффилд», выгравированные на одном из лезвий. На другом стояли инициалы «Э. К.».

— Как странно, что вам оставили… подобный подарок, — произнесла я.

Раскрытые ножницы грубоватым распятьем лежали в моих ладонях. Маб нарочно передала их именно так — хотела дать понять, что сталь не способна причинить ей вреда и что сама она гораздо могущественнее, чем заставляют думать народные суеверия. Это была такая же демонстрация силы, как оскал хищника.

— И я так решила, — сказала бледная Королева. — Но не могу сказать, что полностью понимаю людей. Хотя мне говорили, что их можно наставлять. Даже если это займет целую жизнь, — она взглянула на молчаливо вязавшую мисс Давенпорт. — Во всяком случае, некоторых.

Я отрезала нитку и передала ножницы Бледной

Королеве.

— Вы поняли основной принцип? — спросила я.

— Принципы — это из мира людей. Подобных вещей мы с тобой никогда до конца не поймем, будучи теми, кто мы есть.

Фейри бросила на меня долгий многозначительный взгляд. В ее пугающе больших глазах сияли тысячи светлых точек. Созвездия, которые никогда не появятся в зеркальном отражении. Я отвела взгляд.

— И все же, — ее смех зазвенел серебряными колокольчиками, Маб хлопнула в ладоши, — я думаю, что могу попытаться к этому приблизиться.

Из углов и щелей комнаты появились дюжины пауков и заползли к ней на колени. Один из них вскарабкался Королеве на палец, оставляя на ее коже бледно-голубые точки. Она жестом велела мне наклониться ближе, и я увидела, что у пауков блестящие, похожие на иглы лапки, каждая из которых заканчивается пустой проушиной. Каждая точка на коже Бледной Королевы была булавочным уколом, наполненным голубой кровью.

— Их лапы… у вас идет кровь, — встревоженно произнесла я, — вам…

— Вряд ли это имеет значение, — пожала пле-

чами она. — Скоро они переберутся на ткань.

Пауки осторожно ползли по холсту, туго натянутому на пяльцы. Один из них выплюнул мерцающий шелк, до того тонкий, что я едва ли смогла бы его разглядеть, если бы не отразившийся на нем свет. Другой паук продел шелковую нить в свои лапки и изящно заплясал по ткани. По обратной ее стороне пробежала тень, и я увидела, как крошечные иголочки начали пробивать поверхность.

Наполовину зачарованно и наполовину испуганно я наблюдала, как остальные пауки присоединяются к работе. Вскоре виднелась одна лишь сплошная толкающаяся масса.

На позвякивающих серебряных подносах прибыл чай. Мне не стоило волноваться, поскольку подносы представляли собой безупречные копии того, что можно найти на страницах светской хроники. На многоярусных блюдах были искусно расставлены маленькие пирожные и крошечные сэндвичи с огурцом.

Некоторое время мы суетились с сахаром, молоком и чаем. Я заботливо спросила у Бледной Королевы, что та предпочитает, и она с восторгом дала церемонный ответ. Я добавила себе в чашку молока, вспомнила, до чего не любит его мисс

Давенпорт, и позаботилась о том, чтобы посолить для нее побольше сэндвичей. Хотя присутствие Маб несколько умерило обычный голод мисс Давенпорт. Было очень странно видеть ее такой тихой и неуверенной.

Пока мы ели, пауки продолжали свою суетливую работу. И только после того как была смахнута последняя крошка, Бледная Королева приказала им отойти:

— Дайте посмотреть на мою розу.

Пауки расступились, шмыгнув к краям пяльцев.

Но на картине оказалась вовсе не роза. Мне потребовалось мгновение, чтобы узнать распахнутую пасть чудовища, убегающие обнаженные души, адское пламя и алые одежды Воскресшего Христа. Каждая фигура была окаймлена черной нитью. Кроме Христа, от него исходили вышитые золотом лучи. Все лица смотрели чуть искоса, тем взглядом лани, что столь часто встречается на средневековых миниатюрах. Даже адский зверь, если не считать зубов и пылающей пасти, выглядел почти мило.

— Это… Это Сошествие во ад, — я дотронулась до каждого замысловатого стежка. Маленькие красные узелки на руках и ногах Христа симво-

лизировали Его раны. — Оно… оно прекрасно.

— Так ведь вышивают, верно? Иголкой и ниткой? Разве нет?

— Это не единственная причина моего удивления, — сказала я, — Тема… она…

— Замечательный выбор, — произнесла мисс Давенпорт, прежде чем я успела закончить, и засмеялась под стать Бледной Королеве. От звука ее смеха я лишь почувствовала себя еще более неловко.

— Тогда нам стоит продолжить, — сказала Маб, и ее улыбка сделалась шире.

Глава 15. Свет в стекле

У меня лишь одна свеча жизни, и я предпочту сжечь ее в землях, наполненных тьмой, а не в землях, залитых светом.

Из личной переписки преподобного Джейкоба Роша, март 1843 г.

Я балансирую на грани вечности. Среди этих униженных, презираемых и все же любимых теней я – последний осколок реальности.

Когда я вкладывал хлеб и вино в руки, некогда запятнанные хтонической магией, а теперь протянутые, чтобы принять символы и обеты любви Искупителя, у меня появилось предчувствие славы небесной, от которого сердце мое разбилось, словно стекло. Блаженства более глубокого не испытать мне до той поры, пока не увижу прославляемый лик Божий, когда меня поглотит темная земля и я заслужу свой мученический венец.

Из личных дневников преподобного Джейкоба Роша, ноябрь 1843 г.

Они хотят нагадать мою судьбу по крови, но говорят, что звезды молчат. То, Что Внутри, не может связать меня, даже если сами они связаны истиной. Я думаю, что понимаю.
Они никогда не станут лгать, если правда может ранить сильнее. А правда всегда способна ранить сильнее.

Из личных дневников преподобного Джейкоба Роша, без даты

Как раз перед ужином, самым старомодным из всех приемов пищи, брат застал меня, когда я спускалась из башни. После совета мисс Давенпорт и колких замечаний Маб я переоделась к столу. На мне было лучшее платье, сшитое к свадьбе мисс Лусии Марч и с тех пор ни разу не надетое. Когда-то я была о нем высокого мнения, но теперь серебристо-серая тафта скорее напоминала о паутине и пятнистом брюхе лунной рыбы.

— Она отменила ужин.

Я ничего не ответила.

— Сказала, что хватит с нее на сегодня человеческих обычаев. Что больше чем одно застолье в день — это просто скучная рутина. Кроме того, мне действительно нужно поговорить с… — в

голосе Лаона прозвучала нотка неуверенности, и он умолк.

Я повернулась и встретилась с братом взглядом. Тот вздрогнул.

— С кем-нибудь, — закончил он и тяжело оперся на трость, глядя в сторону, — мне нужно поговорить с человеком.

— Сейчас?

— Пожалуйста.

— Здесь?

— Нет, в часовне. Они туда не ходят.

Петляя по шумному замку, я следовала за братом в часовню. Его хромота задавала темп, и путь наш казался длиннее, чем когда-либо. Я поймала себя на том, что изучаю ритм его походки, стиснутые челюсти и усталые плечи.

Столь многое между нами осталось невысказанным, и мне было недостаточно того, что я могла прочесть в его движениях и манере держаться.

Мы прошли через двор, где притаилась пара призрачных птичьих родичей Бледной Королевы. При нашем приближении они сложили длинные, похожие на веера хвосты. Днем я мельком видела, как эти витражные хвосты поднимаются к маятниковому солнцу, и дивилась их ярким цветным вспышкам. Они напомнили лепестки

окон-розеток, в которых каждый всполох света изгибался в форме пламени.

Теперь же они волочились по грязи и выглядели не такими вычурными.

Брат отпер и распахнул настежь двери часовни.

Внутри все было залито светом множества свечей, но вместо нестерпимого жара кругом стоял пронизывающий холод.

— Я не хочу… — Лаон вздохнул и провел рукой по непослушным завиткам волос. Нервная привычка. На его манжете я заметила пятно от вина. — То есть я не знаю, о чем говорить завтра.

— Завтра… Ах, конечно же, воскресенье. У тебя проповедь, — сказала я.

Диоген опрокинулся на спину, желая привлечь к себе внимание, и через мгновение я уступила и торопливо почесала пса за ушами.

Лаон кивнул и, снова вздохнув, растянулся на одной из скамей, а его трость со стуком упала на пол. Знакомый жест вызывал в памяти грязные после долгих прогулок сапоги. Я не стала отчитывать брата.

— Даже не знаю, будут ли слушатели, и я не дал надлежащего… — Он резко замолчал, проглотив окончание фразы. И отвернулся, изучая окно

моей комнаты. Как бы Лаон ни старался скрыть, но в его голосе звучало отчаяние. — Просто было не так много… признаюсь, я слегка заржавел.

Я хотела спросить, что же он делал при дворе Маб, если не проповедовал. Хотела, чтобы он опроверг мои сны.

И все же чувствовала его нужду, поэтому улыбнулась. Хотя он и не смотрел на меня, я знала, что брат услышит улыбку в моем голосе.

— Ты всегда знал, что сказать. Все любили твои проповеди. Ты говорил прекрасно. Четко и блистательно. Тебе стоит только заговорить, и они тебя выслушают…

Я старалась, чтобы слова звучали тепло и ободряюще, но выходило фальшиво. Я больше не могла притворяться, что моя вера в брата неколебима.

— Кэти, — с болью произнес Лаон, — не нужно…

И все же мне удалось сказать правду:

— Я скучаю по твоим проповедям.

— Спасибо, — он слегка улыбнулся.

Отогнав воспоминания о сне про него и Маб, я устроилась рядом на скамье и оказалась достаточно близко, чтобы заметить исходящий от брата запах вина, густой и крепкий. Оставалось

только гадать: пытался он избавиться от боли в ноге или хотел набраться мужества, чтобы встретить завтрашний день.

Некоторое время мы пребывали в задумчивом молчании. Я слишком остро ощущала трепет своего пульса, теплоту дыхания, хрупкость момента.

Однако это продолжалось недолго. Не осталось и следа того пыла, с которым Лаон бросился на скамью, теперь он уже ерзал на ее твердой поверхности. Брат казался скорее капризным ребенком, чем затравленным миссионером. Я улыбнулась. На этот раз чуть более искренне.

— Ты надо мной смеешься, — это было не столько обвинение, сколько констатация факта.

— Совсем чуть-чуть, — поддразнила я, — и только тогда, когда ты этого заслуживаешь.

Он коротко фыркнул и сел. Затем смущенно расправил плечи.

— Я по-прежнему не знаю, что сказать завтра.

— А что говорится в «Книге общих молитв» [36]? Ты всегда можешь обратиться к ней за советом.

---

[36] Примечания: 36

Книга общественного богослужения, или *Книга общих молитв* (англ. The Book of Common Prayer), — краткое название нескольких взаимосвязанных теологических документов церквей Англиканского сообщества. Книга содержит в себе последование литургии, а также собрание молитв при других богослужебных обрядах.

— Я посмотрел перечень наставлений, но все они так далеки от того, что здесь происходит. Какое дело фейри до страданий Иова? Или до преданности Руфи? — Он поморщился. — Разделяют ли они хотя бы грех Евы?

— Ты не обратишь их в веру за одну-единственную службу, Лаон, — мягко сказала я.

— Они так смеялись, когда я рассказывал им про Иону и кита. Тогда-то мне и поведали о тех созданиях на пустошах, у которых внутри море. Здесь ничто не имеет смысла. Притчи пусты, если все утратило смысл.

— Тебе необязательно говорить притчами.

— С тем же успехом ты могла бы велеть мне перестать быть священником. — Лаон откинулся назад и уставился на расписанный потолок часовни. Танцующий свет свечей отбрасывал тени на изогнутые своды. — «Отверзу в притчах уста Мои; изреку сокровенное от создания мира» [37].

— Необязательно говорить только цитатами, Лаон. Я тоже читала Евангелие от Матфея.

— Знаешь, это называют Библией для бедняков, — он обвел жестом часовню. — Витражи, статуи, картины. Думаю, это из одного из «Окс-

---

[37] Примечания: 37
Матф. 13:35.

фордских трактатов» [38], где утверждалось, что нам нужно вернуть всю эту обрядность, все это папское убранство. Мы оголили свои алтари и больше не понимаем, как восхищать народ.

— Вера не в восхищении, — довольно чопорно возразила я.

Брат рассмеялся:

— Я пытаюсь объяснить идеи, которые больше, чем просто слова, существам, которые не связывают себя словами. Что я вообще могу им сказать?

— Слова. Ты будешь произносить слова, и они не смогут просить большего.

— Но я вспоминаю жития святых, жизнь Христа. Все это вокруг цветом и светом записано на витражах, камнях и картинах. — Он вскинул руку, словно хотел ухватиться за окна часовни, поймать пальцами луч света и завязать его, точно падающую ленту. — Там есть чудо. Возвышенное ощущение вечности в линиях здания, в лике святого. У меня так же восхитительно не получится. Здесь говорит каждый камень, каждый луч света, а я не смогу, как они.

— Такое красноречие никому не под силу.

---

[38] Примечания: 38

Публикации Оксфордского движения, которое выступало за восстановление традиционных аспектов христианской веры, впоследствии утерянных, и их включение в англиканскую литургию и богословие.

— Но если бы я только нашел верные слова…

— Они станут верными, как только ты их произнесешь.

— Это ничего не значит. — Он сложил ладонь в кулак и крепко его сжал. Очень крепко.

— Однако, звучит неплохо, — сказала я. — Ты всегда говорил, что рассчитываешь на большее.

Уголки его рта изогнулись в красивой, пусть и кривой, улыбке:

— Не цитируй меня, сестренка.

— Завтра тебе нужно прочесть проповедь. Об этом мы и поговорим. Одна проповедь. Ее будет достаточно.

— Я все еще не знаю, что сказать.

— Сегодня она вышила Сошествие во ад. Наверно, сможешь поговорить об этом.

— Фейри иногда до того буквальные, — он тяжело и протяжно вздохнул. — Я пытался объяснить боль от разлуки с Господом. Объяснить ад как разлуку, пустоту, забвение. Изгнание за пределы Божественного присутствия, за пределы сияния Его силы…

— А она хотела слушать о неугасающей сере? — я закатила глаза. В нашем детстве подобные проповеди происходили каждое второе воскресе-

нье, ведь отец любил Мильтона[39] так же, как и Кальвина [40]. — Как там… «Где мира и покоя нет, куда надежде, близкой всем, заказан путь [41]»?

— Да, тот самый «Потерянный рай». Но потом мы заговорили о Сошествии во ад, и я признался, что этот сюжет изображают реже, поскольку некоторые считают, что мы, зная об искуплении, которое получим после смерти, становимся беспечными. Глупо было такое говорить.

Я издала поддразнивающий смешок:

— Богослов из тебя лучше, чем миссионер.

— Ее это тоже позабавило.

— Но раз ты говорил об аде, то должен был упомянуть и о рае, — сказала я. — Ты всегда можешь просто рассказать притчу. Взять тот отрывок из Матфея. О Царстве Небесном.

---

[39] Примечания: 39

Джон Мильтон — английский поэт, политический деятель и мыслитель; автор политических памфлетов и религиозных трактатов. Его убеждения были близки к арминианству — направлению в протестантском богословии, утверждающем решающую роль свободы воли в деле спасения.

[40] Примечания: 40

Жан Кальвин — французский богослов, реформатор церкви, основатель кальвинизма, центральная доктрина которого — суверенитет Бога, то есть верховная власть Бога во всем. Все, в том числе и спасение, зависит от Промысла Божия и лежит вне волеизъявления человека, его образа мыслей и жизни.

[41] Примечания: 41

Джон Мильтон «Потерянный рай» (пер. А. Штейнберг).

— Я сам его толком не понимаю.

— А у меня ощущение смутное, но более неотложное, — решительно произнесла я, — мы должны поесть. После станет легче думать. Мне ли не знать, я почти ничего не ела за чаем.

Я встала и подняла с пола трость. Взгляд ее гранатовых глаза впился в меня, когда я протянула руку, чтобы помочь ему встать. Он покачал головой, отказываясь от моей помощи, но трость взял и, кряхтя, поднялся. Лаон держался на ногах до того нетвердо, что я даже подумала: «Не пьян ли?»

Я распахнула дверь часовни и прямо на пороге обнаружила тяжелый от жареного мяса и пирога поднос.

— Саламандра, разумеется, — пробормотал Лаон, читая записку. — Как всегда.

Мы устроились в крошечном притворе часовни, превратив заваленный бумагами письменный стол в обеденный. Учитывая непродуманность этого сооружения, я гадала, не располагалась ли здесь келья отшельника, в которой замуровали какую-нибудь средневековую даму, давшую обет провести жизнь в одиночестве и непрестанно молиться. В нашей старой церкви была стена, которую отец, поддразнивая нас, называл останками такой вот варварской тюрьмы и спрашивал,

не желает ли кто-нибудь вкусить уединения.

— По крайней мере, здесь нас не подслушают, — сказал Лаон.

— А те птицы снаружи, — вспомнила я призрачных созданий с волочившимися по земле длинными хвостами, — разве они не слушают?

— О, птицы хуже прочих, но они не… — он нахмурился.

— Совсем рядом. Во дворе.

Лаон пожал плечами, потом вздохнул, потер глаза тыльной стороной ладони и сдался:

— Неважно. Я, наверное, не обратил внимания.

Мясо остыло, но комковатый студенистый соус все еще хранил тепло. Посыпанные травами клецки блестели от жира, обещая соответствующую тяжесть в животе. Жареные овощи бесформенной оранжево-желтой массой лежали рядом с толстой коркой пирога. От такой еды невольно почувствуешь тоску по дому.

Брат посыпал все солью, бормоча молитву и крестясь.

— Лаон, — сказала я, набивая рот клецками и подливкой. Хотелось задать вопрос как можно небрежнее, — а что случилось с Рошем?

— Что ты имеешь в виду?

— Именно это — что с ним случилось? Никто

мне не говорит. Давенпорт только повторяет, что мне опасно это знать и…

— И я не знаю.

— Не знаешь?

Он вздохнул:

— Есть много вещей, о которых мне неизвестно, Кэти. Мне не рассказывали, что случилось с моим предшественником. Первое время я полагал, что он просто умер от какой-то экзотической болезни, как это случается с миссионерами. До сих пор предпочитаю так считать. Это самый простой ответ.

— Но ведь это не так, верно? — спросила я. — Ответ простой, но не правдивый.

Брат покачал головой, хотя я и не поняла, на что.

— А как же его вдова, Лаон? Какой же ответ дали ей, пока она спокойно ждет в Англии? Она хотя бы знает, что ее муж мертв?

— Я не знаю, что сказали Элизабет Рош.

Элизабет Рош. Так вот как ее звали. Я старалась не показывать брату, что он нечаянно дал мне еще одну подсказку.

— Аркадия полна тайн, Кэти. Я, правда, не в силах сейчас возмущаться из-за чего-то еще, — он выглядел таким разбитым. Несмотря на сталь во

взгляде и упрямо сжатые челюсти, Лаон устал. — Сейчас у меня есть более неотложные дела.

Вместе с холодным пряным чаем я проглотила и свой ответ. Хотелось рассказать брату о найденном дневнике Роша, о зловещих бреднях, оставленных там рукой безумца. О енохианском и откровениях, которые тот сулил. Но сейчас время было совсем неподходящее.

Вот нисколько не подходящее.

— Я нашла дневник Роша, — произнесла я.

— Не надо, Кэти.

— Что не надо?

— Не пытайся разгадать это место, — взмолился он, — добром это не закончится.

— Но не могу же я ничего не делать, Лаон.

— Не хочу, чтобы ты пострадала.

Боль, написанная на его лице, не оставила у меня ни малейшего желания настаивать. Я уступила, сняла с полки Библию и положила ее между нами. Ширина книги — вот расстояние, которое я предлагала ему в этом перемирии. Грань, которую я не стала бы переступать.

Когда я открыла Библию, от запахов плесени и моли запершило в горле. Глаза заслезились, и я провела по ним ладонью. Их всего лишь щипало от пыли. Не более.

Взгляд скользнул по странице, и я прочитала первое, на чем он остановился:

— «И взяла Фамарь лепешки, которые приготовила, и принесла их своему брату Амнону в его спальню. Но когда она поднесла их к нему, чтобы он поел, он схватил ее и сказал: Сестра, иди ложись со мной!..»[42]

— Тебе бы лучше прочесть что-нибудь другое, — сказал Лаон. — Мне хочется послушать твой голос, но пусть это будет другая глава. Пожалуйста.

— А что бы ты предпочел? — Я полистала старенький том со слипавшимися страницами. — Тебе всегда нравилась молитва Агари.

Лаон кивнул, и я прочла о том, как ангел велел Агари повернуть назад и возвратиться к Аврааму и Сарре, и о том, как она взывала в пустыне к Богу, называя Его «видящий меня».

— «Господу, Который говорил с ней, она дала имя: «Бог, видящий меня», — потому что она сказала: — Сейчас я видела Того, Кто видит меня» [43].

Мы обсуждали этот отрывок через понимание

---

[42] Примечания: 42
2 Цар. 13:10.

[43] Примечания: 43
Быт. 16:13.

божественного провидения и различных способов, которыми Взор Божий скрепляет вселенную и наблюдает за всем сущим.

Я позволила снова воцариться покою. В нашем с братом молчаливом перемирии была какая-то сладость, напоминавшая о прежних временах, хотя и речи, которые мы тогда писали, и доводы, которые приводили, не имели особого значения. Однако каким бы серьезным ни было теперешнее положение, оно не смогло помешать легкомысленным богословским рассуждениям.

— Я думал, у нас серьезный разговор, — сказал Лаон, и уголки его рта задрожали, грозя изогнуться в улыбке. — Нельзя же просто указать, что «взирать» рифмуется с «сиять» и назвать это доказательством.

— Это был риторический прием! — запротестовала я. — А Бытие начинается именно с сотворения Света. Без него взирать невозможно.

— Нет, по этой логике Бог в темноте слеп.

— Но тьма до сотворения мира — это не обычная тьма. И я цитирую твои слова о том, что Бог слеп к будущему.

— Ну нельзя же ссылаться на меня, чтобы меня же и опровергнуть. Мы определенно это уже установили, — рассмеявшись, Лаон повернул

к себе Библию и принялся листать, отыскивая какую-нибудь превосходную цитату. — Дальше читаю я.

Позже брат настоял, что проводит меня до комнаты, несмотря на свою хромоту и крутую лестницу.

— По окончании двух недель ты должна уехать, — произнес он у двери.

— Я нужна тебе здесь, Лаон.

Я положила руку ему на плечо, но брат вздрогнул и отстранился.

— Нет. Кэти, пожалуйста, — его тело дрожало, словно натянутая тетива, — я хочу… я думал, что смогу, но нет. Я…

— Но, Лаон! Во всяком случае, сегодняшний вечер доказал…

— Сегодняшний вечер лишь подтвердил мои подозрения. Тебе небезопасно здесь находиться, — он бросил на меня взгляд, а затем снова отвел глаза. — Дело не в том… дело не в том, что ты мне нужна, а в том, что я хочу…

Его голос звучал так, словно вот-вот сорвется. Лаон замолчал. А затем развернулся и просто ушел.

Той ночью мне приснился сон.

Мы с Лаоном снова дети, и его руки не крупнее моих.

Мы бегаем и кувыркаемся среди вереска.

Но солнце над головами чужое. Отполированным медным диском оно висит на конце длинной нити. И кажется таким близким, что занимает полнеба.

Солнце-маятник совершенно неподвижно.

Я вдыхаю запах смятого вереска и свежей травы.

Чулки на наших коленях протерлись, исцарапанная кожа покрыта синяками. Я бегаю босой, и между пальцами щекотно от прикосновений травы. Юбки мне слишком коротки. Я из них выросла, и мои беззащитные лодыжки мерзнут.

Мы с братом играем, и я хватаю его за бледные запястья. Лаон тоже вырос из своей одежды, и рубашка ему мала.

Из-за яркого солнца луна видна лишь в тени облаков. Со своими незрячими глазами и пастью, полной кривых зубов, она выглядит неуклюжей и ничтожной. И мечется кругами, отчаянно пытаясь отыскать темноту.

Солнце висит совершенно неподвижно. Мое сердце все бьется и бьется, отсчитывая бесчисленные секунды в этом безвременье. Так странно

представлять их порознь. Мне вспоминаются рассказы о пяти египетских днях, которые не принадлежали ни к какому году. О временах, когда ложные боги нарушали свои же законы и грешили против собственной крови.[44]

Скоро небесные часы запустят заново. Маятник отведут к самому дальнему краю Фейриленда, а здесь наступит тьма.

Солнце-маятник стоит на месте. Аркадия затаила дыхание. Еще немного.

Я шагаю к брату. Лаон сжимает мою ладонь, улыбается, затем наклоняется, и его губы касаются моего уха, будто желая поделиться тайной.

Я смеюсь.

Он отпускает мою руку и убегает. Новый рост ему непривычен, но длинные ноги позволяют набрать скорость. Я мчусь следом, вытянув вперед руки, словно ребенок, который по-прежнему играет в салки. Мое дыхание сбивается, я жадно глотаю воздух, ощущая его вересковый привкус.

Оступаюсь, но снова вскакиваю на ноги. Брат останавливается и оборачивается. Он ждет тем-

---

[44] Примечания: 44

Имеется в виду легенда о египетской богине неба Нут, которая вышла замуж за брата и была наказана тем, что не могла зачать детей ни в один из дней года. Пожалевший ее бог Тот обошел это — выиграл у луны в шашки пять дней, не принадлежавших ни к одному году.

ным, красивым силуэтом на фоне маятникового солнца. Лаон протягивает руку, и наши пальцы снова сплетаются.

И тут внезапно наступает кромешная тьма.

Часы начинают идти.

Глава 16. Женщина среди теней

Это похоже на яд. Вы пьете его медленно и долго, надеясь привыкнуть. Мелкими глотками. Изо дня в день, пока ваше тело не привыкнет понемногу умирать, пока оно не перестанет ощущать боль болью, пока не перестанет ее узнавать, поскольку та прекрасно умеет скрываться, притворяться. Все мы медленно умираем, и еще немного боли мало что изменит. Каждый день – крошечный глоток смерти. Его обнимают и смакуют, будто жизнь, будто реальность, будто истину, будто все хорошее, достойное и прекрасное. Это словно пить осколки стекла, обрывки мечты, чего-то настолько дивного и прежде настоящего, а теперь разбитого и просто разрезающего изнутри.

Но вы поступаете так, потому что должны, потому что однажды сможете выпить яд разбитого стекла и не почувствовать его, не почувствовать боли, не почувствовать ничего. Сможете

сказать: «Я забыл, и это больше не боль, поскольку я уже не ощущаю ее так сильно. Поскольку она стала для меня второй натурой, такой же естественной, как дыхание. И мне не вспомнить, чем она была для меня прежде, до того, как разбилась и потекла внутри».

И из ваших вен потечет битое стекло, яд, но только не кровь, поскольку вы так привыкли кровоточить изнутри, что уже этого не чувствуете.

И тогда, только тогда вы станете сильнее.

Написано почерком неизвестного в дневниках преподобного Джейкоба Роша, без даты

Проснувшись, я решила, что забыла задернуть шторы или закрыть ставни, поскольку комнату заливал лунный свет. Холодный, ясный, серебристо-белый. Казалось, он заполнил собой всю башню, и было в нем что-то странное, почти подводное. Сонное колыхание занавесок лишь усиливало эту иллюзию. Захотелось дышать медленнее и парить в воздухе, словно пылинка.

Из-за того что луна Аркадии была шаром, свисавшим с плавника рыбы-удильщика, она

не росла и не убывала, как обычная луна. Ее неизменная округлость создавала обманчивое ощущение неподвижности времени, как будто мир затаил дыхание. Чем короче становилась дуга маятникового солнца, тем ярче делались полуночи и темнее — полудни. Легко было поверить, что скоро мои дни превратятся в сплошные бесцветные сумерки.

Я потерла глаза, которые после сна словно засыпало песком. Очертания комнаты стали четче. И сердце мое замерло. Дремоту разрезал порыв холодного воздуха, и я почувствовала, что вспотела от страха.

Дверца в пустоту была открыта.

Именно сквозь нее и лился серебристый свет луны, проплывавшей совсем близко. Теперь я смогла рассмотреть, что плавник-удочка изогнутый и мясистый. Разглядела пеструю окраску луны — крапчатую с белым, точно брюхо рыбы. Увидела отражавшие свет зубы, кривые и коричневые, словно ржавые серпы.

Рыба колыхнулась и проплыла вперед. Я мельком заметила пристальный взгляд ее круглого глаза. Тот моргнул, прежде чем рыба взмахнула хвостом и сдвинулась с места. Напуганная этими слепыми глазами, я чувствовала, как в кожу иг-

лами вонзается холод.

Прошло несколько долгих мгновений, прежде чем удалось заставить себя закрыть и запереть на задвижку дверь. Я прислонилась к дубовой створке. Сердце дятлом стучало в груди. Мне даже начало казаться, что оно расколется, разлетится вдребезги, будто дерево под клювом упрямой птицы.

И тут я услышала шум. Взгляд метнулся к письменному столу.

Возле него стояла женщина в черном. Вуаль и тени скрывали от меня ее лицо.

— Подождите, — произнесла я.

Взгляд ее красных, точно пламя, глаз устремился к двери. Затянутые в перчатки руки схватили дневник Роша, и женщина бросилась прочь.

Я вскочила и помчалась следом, волоча за собой шаль. Вниз по ступенькам, и дальше по коридорам. Пробежав через весь замок, я уже не понимала, где мы находимся, как вдруг женщина свернула за угол, отодвинула тяжелые портьеры и распахнула дверь.

Мы оказались на крыше. Но я не помнила, чтобы поднималась по лестнице.

Ночь перестала быть тихой. Поднявшийся ветер разогнал облака, и больше ничто не мешало

луне сиять. Она проплывала совсем близко.

— Пожалуйста, не убегайте! — безо всякой надежды крикнула я. — Вернитесь.

Но женщина продолжала карабкаться вверх по крыше. Вуаль ее билась запертым в клетке зверем, в руках развевались длинные ленты, точно у танцора, исполняющего моррис [45].

Ветер поймал вуаль и сорвал ее с головы женщины. Та протянула руку, но было слишком поздно. Ветер присвоил себе кружевную накидку, и она, развеваясь, полетела прочь.

Женщина повернулась к луне, и я рассмотрела тонкие английские черты ее лица. Ветер трепал прическу незнакомки, пока темные кудри не рассыпались по ее плечам. С губ у женщины сорвалось проклятье, которого я не смогла расслышать, и она отбросила от лица пряди волос. У нее был прямой длинный нос и округлый подбородок. Я не сомневалась, что узнала ее по одному из портретов в длинной галерее, хотя у женщины и была рассечена губа.

— Мне нужна эта тетрадь. Пожалуйста, я хочу с вами поговорить. Мне нужна тетрадь…

Я знала, что она меня не услышит из-за ветра.

---

[45] Примечания: 45

Моррис — английский народный танец, который исполняется с платками или лентами.

Тот заполнил легкие, стоило только заговорить, и загнал мой голос обратно.

Женщина нагнулась и исчезла в открытом окне.

Не глядя вниз, поскольку вид земли лишь вселил бы в меня страх, я плотнее закуталась в шаль и под вой ветра отправилась следом за женщиной. В конце концов, Лаон всегда говорил, что мне удается стоять на ногах так же твердо, как горной козе.

Радовало, что на ногах у меня домашние туфли, их мягкость позволяла лучше понимать, следует ли доверять следующему шагу. Одна из деревянных пластин треснула под моим весом и сдвинулась. Бешено бившееся сердце пропустило удар. Сглотнув, я переставила ногу и попробовала еще раз.

Внутри нарастала паника. Язык распух от страха. Я знала, что должна спешить, ведь женщина, несомненно, уже бесследно исчезла.

Ветер подхватил шаль, и та начала выскальзывать у меня из рук. Я сжала ее крепче, но потеряла равновесие. Кровельная дранка хрустнула, сместилась и, съехав вниз, с грохотом разбилась о плиты двора.

Однако мне удалось упасть вперед и удержать-

ся на крыше. Всю тяжесть удара приняли на себя руки. Я расцарапала их о кровлю, и от ветра порезы саднило. Во рту ощущался привкус крови.

Но окно было совсем близко. Женщина в черном не стала его закрывать. Стараясь не всхлипывать от боли, я поползла вперед. Разодранные колени жаловались на то, что им приходится выдерживать мой вес.

Без особого изящества я забралась внутрь.

И оказалась в крошечной, тесной комнатке, где были лишь неубранная кровать и дорожный сундук с кожаными ручками. Последний выглядел совсем новым, его украшала пара медных инициалов.

Отсюда женщина могла уйти только через дверь. За ней обнаружилась лестница, до того узкая, что мой подол задевал сразу обе стены. Вообразив, что они вот-вот сомкнутся и раздавят меня, я перепугалась. Мне начало казаться, что проход сужается.

Спускаясь, я услышала низкий, заунывный звук, нечто среднее между стоном и криком.

В голове эхом отозвалось предупреждение брата. «Не пытайся разгадать это место, — умолял Лаон, и мне вспомнилась боль, написанная на его лице, — добром это не закончится».

Женщина в черном стояла перед небольшим зажженным камином. Я узнала в нем один из тех, в которых выпекают облатки. Проникавший сквозь витражную розу свет алыми бликами плясал на скамьях и высоком алтаре. Разбросанные подсвечники и чаши казались мне знакомыми.

Мы были во второй часовне. Той, что находилась в белой башне.

Дальняя дверь, ведущая в сад, до сих пор была заперта на задвижку. Наверное, поэтому женщине и пришлось проникать в башню через окно.

— Эй! — я шагнула к ней.

Женщина была примерно моего роста и возраста. Ее веки опухли, а разбитая губа снова кровоточила. Бóльшую часть не скрытой под одеждой кожи покрывала паутина заживших и заживающих царапин. Во впадинке на шее поблескивал серебряный крест. Запястья были перевязаны, и теперь я поняла, что принимала за ленты бинты на ее руках.

Мы были прямо у алтаря. Над нами нависал, наблюдая, позолоченный запрестольный образ с нимбами, под которыми не было ликов.

Женщина в черном, жадно вглядываясь в огонь, запускала пальцы в пламя и вынимала обратно.

Перчатки она сбросила. Ее горло дрожало от этого низкого стона.

Под ногами у женщины валялись скрученные свитки и сложенные листы бумаги. Среди них я заметила темный корешок дневника.

Стоны смолкли, и женщина подняла взгляд. Она посмотрела мимо меня, на миг замерла и снова повернулась к огню.

— Кто вы? — спросила я. — Зачем вы взяли дневник?

Не ответив на мои вопросы, женщина закрыла лицо руками. Ее грудь сотрясалась от рыданий, но ни единый звук не нарушил тишину.

Не обращая внимания на страх, гулко стучащий в жилах, я сделала еще один шаг. Вид чужих страданий причинял мне боль. Я подумывала попытаться ее утешить, но шорох от моего движения заставил женщину резко вскинуть голову. Глаза ее были сухими.

Она подняла одну из бумаг, оперлась о стену и, чтобы прочесть написанное, чуть повернула листок к свету. А затем снова протяжно и надтреснуто завыла. Я смотрела, как ее сломанные ногти царапают каменную кладку. Женщина потянула за окровавленные бинты на запястье и впилась ногтями в собственную кожу.

— Не надо! Вы навредите себе.

Она обернулась, посмотрела на меня стеклянным взглядом и наконец заговорила:

— Это не по-настоящему. Ему тебя не увидеть, так что это не по-настоящему.

— Не причиняйте себе боль. — Я облизнула обветренные губы и попыталась проглотить застрявший в горле страх. Мне хотелось достучаться до нее, но я не знала как. — Пожалуйста.

— Разве это важно? — прошептала женщина хриплым от долгого молчания голосом. — Он никого из нас не видит.

— Конечно, важно.

— Это все нереально, разве ты не понимаешь? Здесь нет ничего реального.

— Нереально? Как же так?

— Я стою здесь и думаю об этом месте, как о настоящем. Но оно не более чем раскрашенная ширма кукольного театра. Всего лишь лоскутный занавес. Разве что марионетки здесь — это мы, — с рассеянным видом она опустила взгляд, ее голубые глаза следили за торопливо постукивающими друг о друга кончиками пальцев. — И что все создано по слову его, я верую и принимаю.

— Что вы принимаете? Пойдемте со мной…

— И что сказано было словом Его. Я верю. И что

взял хлеб и преломил его. В это я тоже верю.

— Пойдемте со мной, — я протянула ей руку, — я могу промыть ваши раны и принести вам немного…

— Нет! — перебивая, огрызнулась она. — Ничего не нужно. Меня больше не украдут. Покрытая рука нанесет удар, в ней заключена сила. То, что внутри, будет говорить правду, а я боюсь, я не должна бояться.

— Я могу вам помочь? Вы ранены.

— Огонь заботится обо мне. Огонь любит меня. Но даже он нереален. На самом деле здесь ничего нет.

— Я не понимаю.

— Никто не понимает. Они построили все это за один день и одну ночь. Ты не знаешь, где находишься. Ты не видишь, потому что слепа. А я не вижу, потому что у меня нет глаз.

Она подняла с пола ворох бумаг и начала бросать их в пламя листок за листком. Я узнала на страницах почерк Роша. Это были письма. Нужно было ее остановить, но не могла же я вырвать их у нее из рук.

— Но тогда ты не ошибся, — она прижала одно из писем к губам в благоговейном поцелуе. — Самая худшая ложь, — еще один поцелуй, — самая

лучшая ложь, — и еще один, — выдающаяся ложь… это всегда правда.

— Зачем вы все это сжигаете?

— Я не могу убить себя быстро, поэтому просто должна сделать это медленно. Медленно, медленно. Очень медленно, — произнесла женщина. — Но ее я не стану убивать медленно. Ее. Приносящую сны. Ненавижу. Ненавижу.

— Могу я… могу я взять письма? Раз уж вам они, похоже, не нужны…

Я присела и потянулась к одному из ближайших листков. Нащупала знакомый корешок дневника и придвинулась ближе.

— Он ушел быстро. Выскочил через дверь в сны. — Она снова смотрела в огонь и, казалось, не замечала меня. — Быстро и медленно. Быстро и медленно. Он ушел очень быстро. Но я не могу пойти тем же путем… они мне мешают. Говорят, что я не могу уйти. Говорят, я должна остаться здесь. — Она обхватила себя руками, ее голос стих до шепота: — Потерянная, но найденная. Украденная, но сохраненная.

— Вы пленница? Кто вас здесь держит? Кто вы?

— Подлинник, — прошептала она. — Я — настоящая.

По часовне эхом разнесся стук в дверь. Я услышала, как поворачивается ручка. Женщина в черном вздрогнула и, свернувшись калачиком, прижалась к стене.

Страх сдавил мне легкие, едва позволяя дышать. Сердце застряло в горле. Схватив бумаги, я подобрала подол и побежала вверх по лестнице. А когда на миг оглянулась, увидела высокую, словно тополь, фигуру, заполнившую собой дверной проем, и услышала тихие причитания женщины в черном.

Лишь вернувшись к себе в комнату, мне удалось глубоко вдохнуть.

Я долго стояла, прижимаясь лбом к закрытой двери. В ушах все еще звучало эхо причитаний женщины в черном. В отчаянии я ударила кулаками по деревянной створке и тихо застонала от боли, совсем как незнакомка. В голове вертелись путаные теории о том, кто такие она сама и ее таинственный похититель. Женщина выглядела человеком, но идея о том, что она — подменыш, вовсе не казалась невероятной. Еще она назвала себя подлинником, а это слово означало и слишком много, и слишком мало.

С таким трудом добытые бумаги валялись на полу, но я не могла себя заставить поднять их.

Глава 17. Сова на проповеди

Те, кто дольше с ними связан и ближе прочих знаком с их нравами и обычаями, не ждут, что аркадийцы станут говорить правду, если у них есть возможность солгать. Но сами они, опираясь на собственные законы, собственными же устами скажут, что ложь и обман – это гнусный грех. Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники – Царства Божия не наследуют.[46]

Мы можем с уверенностью заключить, что все без исключения фейри виновны в некоторых или во всех этих грехах.

Уильям Финкл и Хильдегард Фосснайм. Аркадские путешествия, включающие разнообразные рассказы первопроходцев, заметки о культуре и климате

Утром злоключения прошлой ночи сделались

---

[46] Примечания: 46
1 Кор. 6:9–10.

похожими на сон.

Я проснулась на полу у двери своей комнаты и едва могла поверить, что произошедшее случилось на самом деле. Хотя и чувствовала боль в исцарапанных руках и коленях. С нарочитой медлительностью я прижимала к ранам влажную мочалку и смахивала легкие чешуйки засохшей крови.

В замке была сумасшедшая — наполовину одичавшая, наполовину пленница, и я понятия не имела, кто ее удерживает и ради чего. Я даже не была до конца уверена, что она — человек. Было совершенно ясно, что ее привела сюда Маб вместе со своей свитой. Среди прочего бессвязного бреда женщина в черном сказала, что ее больше не украдут. И назвала себя подлинником.

Вертя в голове это слово, я думала о копиях и подделках. Думала об Ариэль Давенпорт — подменыше, фальшивке.

Подлинник.

Возможно, она украденная смертная, как и настоящая Ариэль Давенпорт. Подлинная Ариэль Давенпорт. Та, с которой мы никогда не встречались. В конце концов, я до сих пор понятия не имела, что становится с детьми, украденными фейри.

По коже пробежал холодок. В этом месте слишком много тайн.

Где-то в ночи я порвала свой серебристо-серый наряд, и надеть его на службу стало невозможно. А когда из сундука появилось незатейливое зеленое платьице, я в силу своей суетности не удержалась от желания увидеть что-нибудь чуть более модное. Платью недоставало хваленой покатой линии плеч и расширяющихся кверху рукавов. Моими единственными украшениями были брошь и кружевной воротник.

Одевшись и заколов волосы, я быстро просмотрела письма, которые утащила из часовни. Первое было написано той же безумной рукой, что без устали наполняла бредом дневник Роша. Это оказался отрывок какого-то длинного письма. Там говорилось о чудесах Гефсимании, и я предположила, что писавший только-только прибыл в замок. Он недоумевал по поводу архитектурного стиля здания и того, что оно напоминает скорее грандиозную блажь, чем настоящие руины. Сравнивал замок с башней Спринг-Хилл, построенной Джеймсом Уайеттом [47], с ее неле-

[47] Примечания: 47

Джеймс Уайетт (1746–1813) — английский архитектор, известный своими романтическими сельскими домами, особенно необычным зданием аббатства Фонтхилл в стиле готического Возрождения.

пыми башенками, балконами и горгульями.

«Это не более чем раскрашенная декорация кукольного театра».

Именно эти слова не выходили у меня из головы, пока я шла через замок к часовне. Мало-помалу я начала замечать несовершенство иллюзии. И удивлялась, как не разглядела этого раньше. Долгая и овеянная легендами история этого здания — подделка.

У меня не было наметанного глаза архитектора, наверное, поэтому я и не увидела ничего с самого начала. А возможно, просто была излишне готова поверить, что передо мной на самом деле старинный замок. Теперь же я могла сказать, что не по прихоти древнего лорда в глухую нормандскую стену вставили стеклянные окна. И то и другое появилось в одно время. Не хватало стыков, которые указывали бы на то, что замок перестраивался.

Войдя в часовню, я подумала о рукотворной бесконечности, которую должны были создавать колонны, нервюры и арки. Они вызывали те самые возвышенные чувства, каких так отчаянно хотел добиться словами мой брат. Но еще я подумала о том, как часовня притулилась у стены замка. Ее кирпичи вовсе не соперничали с

каменной кладкой, а хитро в нее перетекали.

Когда прозвучали такие земные удары единственного колокола часовни, в нее устремилась свита Бледной Королевы.

Фейри прибывали парами и поодиночке.

Крылатые придворные сменили оперенье на более темное и мрачное. Они входили с важным видом и мелодично позвякивали сложенными стеклянными хвостами. Впервые я услышала, как те скребут по камням.

Существа в плащах и капюшонах не столько вошли, сколько вползли, сверкая уродливыми конечностями и когтями. Усаживаясь на скамьи, они не снимали капюшонов. Дамы с блестящими глазами насекомых разместились позади, рядом с песочными людьми, которые надели очки на свои невыразительные лица.

Теперь мне стало совершенно очевидно, что теория Парацельса о стихийной природе фейри ошибочна. Или, по крайней мере, бесполезна для их понимания. Вполне возможно, что каждое из этих существ связано с каким-нибудь классическим первоначалом, но это ничего больше не проясняло. Такая мысль заставила меня усомниться в предположениях, которые я сделала относительно мистера Бенджамина или неуло-

вимой Саламандры.

— Никогда не думал, что увижу здесь столько фейри, — произнес мистер Бенджамин, наклоняясь ко мне, — хоть принявших крещение, хоть нет.

— Полагаю, в данном случае — нет.

— Да, да. — Он издал горлом какой-то кудахчущий звук. — Нельзя сказать, что такие тут есть, так что да, их нет. Но тем не менее часовня полна. По приказу Бледной Королевы.

— Неужели она…

Гном кивнул, и лицо его исказила боязливая дрожь.

— Почему же?

Он пожал плечами:

— Ваш брат говорит, она хочет, чтобы они его увидели.

— Думаете, она хочет, чтобы они обратились в новую веру?

Было ясно, что присутствием здесь Лаона Маб пытается что-то доказать, но что именно, от меня ускользало.

— Она хочет, чтобы его *увидели*. Это не совсем одно и то же.

А затем появилась сама Бледная Королева.

На ней был наряд из белоснежных перьев и

еще более белого меха. Шлейф растянулся на несколько ярдов, но все же оставался безупречно, невообразимо чистым. Бледное плоское лицо Маб обрамлял белый пух, а на голове ее красовалась странная деревянная корона со взметнувшимися над ушами резными крыльями. Все это в сочетании с ее круглыми желтыми глазами на миг напомнило мне о сове.

Я изучала лицо Бледной Королевы и гадала: способна ли та держать в заточении сумасшедшую?

Маб разместилась в глубине часовни и, подперев подбородок своей белой рукой, с восхищенным вниманием следила за моим братом.

В своем облачении Лаон выглядел безупречно. Он стоял перед кафедрой с непроницаемо спокойным лицом. Аналой удерживали в воздухе крылья пеликана, вскармливающего птенцов собственной кровью.

В мою сторону брат не смотрел.

Проповедь началась довольно просто. В конце концов Лаон последовал моему совету и выбрал темой Царство Небесное. Или, вернее, его запутанную природу. Тринадцатая глава Евангелия от Матфея представляет собой не что иное, как длинную вереницу притч о Царстве Небесном, рассказанных самим Христом, и каждая сле-

дующая более противоречива и туманна, чем предыдущая.

— «Открою уста свои в притчах, произнесу гадания, скрытые от создания мира» [48].

Лаон начал с просьбы не забывать о парадоксальной природе притч, о том, то они загадочны по замыслу и все же предназначены передавать таинственное со всей ясностью. Иисус однажды объяснил, что это так, поскольку иные, смотря, не видят, слушая, не слышат.

— «Царство Небесное как закваска, которую женщина смешала с тремя мерами муки, чтобы вскисло все тесто» [49].

Мне не хватало проповедей брата, сдержанной интонации его голоса и красоты его фраз. В детстве я считала его великим оратором и требовала, чтобы он озвучивал генералов наших игрушечных армий и разыгрывал монологи моего сочинения.

И все же, услышав Лаона вновь, я почувствовала невыразимую грусть.

Аркадия его изменила. Возможно, это была просто тревога или желание умерить свою нази-

---

[48] Примечания: 48
Матф. 13:35.

[49] Примечания: 49
Матф. 13:33.

дательность, но вместо утешающей мягкости в голосе брата звучала горечь.

— «Еще Царство Небесное подобно купцу, который ищет прекрасный жемчуг. Найдя драгоценную жемчужину, он продает все, что имеет, ради того, чтобы купить ее одну» [50].

Расплывчатый характер притч не позволял Лаону держаться четкой линии. Брат владел предметом, но говорил пространно. Слишком уж многое ему хотелось сказать. Слишком долго он оставался наедине со своими мыслями. В один миг Лаон цитировал Беду [51], а уже в следующий — Аквинского[52]. Делал кальвинистские отсылки на порицание и предопределение, а затем приводил ньюменовские[53] аргументы в пользу телесных лишений и наказаний.

---

[50] Примечания: 50

Матф. 13:45–46.

[51] Примечания: 51

Беда Достопочтенный (675–735) — бенедиктинский монах двойного монастыря Святых Петра и Павла, считается таким же непререкаемым авторитетом, как и ранние Отцы Церкви.

[52] Примечания: 52

Фома Аквинский (1225–1274) — итальянский философ и теолог, систематизатор ортодоксальной схоластики, учитель церкви.

[53] Примечания: 53

Джон Генри Ньюмен (1801–1890) — кардинал Ньюмен, центральная фигура в религиозной жизни Великобритании викторианского периода. Отстаивал ортодоксальные взгляды на религию.

— «Еще Царство Небесное подобно сети, опущенной в озеро, в которую попало много разной рыбы. Когда сеть наполнилась, рыбаки вытащили ее на берег. Потом они сели и отобрали хорошую рыбу в корзины, а плохую выбросили. Так будет и в конце мира. Придут ангелы, заберут злых из среды праведных и бросят их в пылающую печь, где будет плач и скрежет зубовный» [54].

Я остро сознавала, что подпитывающая его красноречие страсть черпается из тех глубин, где обитают порывы ненасытной жажды и тревожных стремлений. Всегда ли он был таким, а я просто этого не замечала, или годы миссионерской работы пробудили в нем подобные движения души? Ответа у меня не было.

— «Царство Небесное можно сравнить с горчичным зерном, которое человек взял и посеял в поле. Хотя горчичное зерно и самое маленькое из всех семян, но когда оно вырастает, то становится больше огородных растений и превращается в настоящее дерево, так что даже птицы небесные прилетают и вьют гнезда в его ветвях» [55].

Брат закончил притчу о горчичном зерне и

---

[54] Примечания: 54
Матф. 13:47–50.

[55] Примечания: 55
Матф. 13:31–32.

заговорил о птицах, что гнездятся среди ветвей дерева, которое выросло из этого зерна. Многие догадывались, кого имел в виду Иисус, и многие же уверяли, что это не имеет значения.

Глядя Маб прямо в глаза, Лаон произнес:

— Но в отличие от всех прочих, кто задавался этим вопросом, я вижу перед собой настоящее собрание сов.

На мгновение воцарилась тишина, мой брат дал своим словам время улечься в головах. Мистер Бенджамин, благоговейно сидевший рядом со мной, разжал руки, чтобы перекреститься, и поднял глаза к небу. Лаон отыскал для фейри место в Библии, и не в далекой древности, не среди ангелов и демонов, а в притчах самого Иисуса. Это была по-своему сильная и убедительная правда.

Маб запрокинула голову и расхохоталась.

Звук ее смеха заполнил каждый закуток и закоулок крошечной часовни. Извиваясь, прокрался мне под кожу. Отдаваясь эхом, сотряс каменные фундаменты и завибрировал в моих костях, точно нота в камертоне.

А затем оборвался.

Не сводя глаз с моего брата, Бледная Королева широко улыбнулась, обнажив зубы, и спросила:

— Что теперь, смертный?

— М-мы споем, — Лаон сглотнул.

Он надеялся, что никто не заметит его заикания, но фейри уже склонялись друг к другу. Над скамьями волной прокатились пересуды, перебегая от прикрытых крыльями клювов к заслоненным ладонями песочным ртам.

Глава 18. В силках

Сын Божий правит там, где свет,
Где шаг Его оставил след.
Пока луне в ночи сиять,
Земле Христу принадлежать.

Из всех краев стекает дань
Тому, кто небом людям дан.
И всякий, кто имеет власть,
Спешит к ногам Его припасть.

Тут Персия, а там Эльфан,
Растаял золотой туман,
И варвары, уйдя от лжи,
Готовы Господу служить.

Где Он, там жизнь, любовь и свет,
Где Он, там смерти больше нет.
Благословенны те, кто в нем
Нашли спасение свое.

Из царств и фейри, и людей
Гремят хвалы Царю Царей.
Иисус – наш Бог и Господин,
Так пропоем Ему: Аминь![56]

Возможно, одним из самых интересных поводов для исполнения этого гимна стало великое для островов Южного моря событие, когда недавно обращенный в христианство король Сиаоси дал своему народу новый свод законов и заменил им языческую форму правления. В Троицын день 1831 года под раскидистыми ветвями баньяновых деревьев собрались для богослужения около пяти тысяч туземцев с Тонга, Фиджи и Самоа. Первым среди них сидел сам король Сиаоси, а вокруг него расположились старые вожди и воины, а также великодушные агенты компании Южных морей.

---

[56] Примечания: 56

Чуть измененный гимн Исаака Уоттса (1674–1748) — одного из самых плодовитых английских сочинителей религиозных гимнов.

Кому, как не им, было понять смысл слов поэта? Ибо они были спасены от тьмы язычества и людоедства и впервые встретили день под сенью христианских законов, христианского короля и Самого Христа, господствовавшего в сердцах большинства присутствующих. Это действительно было царство Христа на земле.

Джозеф Хейл. Гимны древние и современные, снабженные биографиями, историей, происшествиями и подробностями частной жизни

После гимна настало время причастия. Лаон благословил хлеб и вино и призвал Божественное присутствие. Это напомнило мне о временах, когда он проводил службы в нашей лишенной всякой пышности церкви. И о том, как всякий раз накануне он в тревоге репетировал свою проповедь. Мерный ритм обряда принес мне утешение, и я почувствовала себя как дома.

— «Я — живой хлеб, пришедший с небес. Кто ест этот хлеб, тот будет жить вечно. Этот хлеб — тело Мое, которое Я отдаю ради жизни мира» [57].

---

[57] Примечания: 57
Иоан. 6:51.

Это было зеркальным отражением обещания, что дал Сын Божий, воссозданием той сцены. Я всегда представляла, как Он в отчаянии украдкой ищет то, на чем можно дать священный обет. Так мы с Лаоном давали клятвы на охапках сорванного вереска. Но, возможно, подобное предположение было слишком человеческим. Адам был изгнан из сада из-за кусочка запретной пищи, и, наверное, правильно, что обратно нас должен вернуть кусочек пищи священной.

А потом… случилась заминка. Руки Лаона дрогнули, а Бледная Королева рассмеялась, на этот раз гораздо веселее и беспечней.

— Вы позабыли про соль, преподобный Хелстон? — раздался ее голос.

Я не стала оборачиваться, но ясно представила себе ее насмешливую улыбку. Остальные фейри не восприняли слова Королевы как намек на то, что им следует присоединиться к ее веселью, поэтому пока Маб ждала от моего брата ответа, в часовне царило напряженное молчание.

Лаон ничего не сказал, но когда посыпал солью тело и кровь Господа нашего, его руки дрожали. Это было посягательство на святое, но, увы, оно было необходимо. В конце концов, священные дары — всего лишь вино и хлеб. Они ничем не

отличаются от нашей каждодневной пищи, а для веры законы Аркадии исключений не делают.

Чтобы принять причастие, вперед вышли только я и мистер Бенджамин.

После службы мы с братом так и не повидались.

Бледная Королева, проявив даже излишнее внимание, пригласила меня на чай. Маб настояла, чтобы один из безмолвных совиноглазых слуг в развевающихся одеяниях позаботился обо мне и проводил в ее покои, пока сама она еще раз поблагодарит своего ручного миссионера.

При словах «ручной миссионер» я ощетинилась, но поправлять не стала.

Молчаливый слуга положил когтистую руку мне на плечо и повел в комнаты Маб. Всю дорогу он молчал, а его тяжелые одежды не шелестели на ходу, и ноги не стучали по половицам. Я слышала лишь гулкое эхо собственных шагов. Меня словно провожала тень.

Дверь распахнулась, и за ней оказалась просторная комната, тон которой задавала кровать из темного палисандрового дерева под экстравагантно задрапированным балдахином. Резное основание кровати имитировало опавшую листву и было раскрашено в золотой и медный цвета.

Тяжелыми складками ниспадал парчовый балдахин, а его узор наводил на мысль о пронизанных прожилками листьях. Картину довершали сучковатые, похожие на стволы деревьев, стойки. На них даже изобразили кору, словно дерево притворялось самим собой.

В отличие от богатых тканей балдахина, простыни были самыми незатейливыми — белый лен, отороченный выцветшими зелеными лентами. Скомканные простыни казались сброшенным коконом.

Я вспомнила, как украшала зелеными лентами наши старые простыни. Те были из приданого матери, и когда Лаон получил их в наследство, я из сумасбродной прихоти пришила к ним ленты, которые вплетала в волосы, бегая по пустошам. А брат постоянно пытался выхватить их, пока мы катались по вереску.

На кровати Маб лежали простыни Лаона.

У меня внезапно пересохло во рту. Что-то совершенно неуместное было в том, чтобы находиться здесь. Сердце сбилось с ритма, и я почувствовала себя так, будто вторглась без приглашения. Будто увидела нечто, не предназначенное для моих глаз.

Но что было поделать? Я присела на красный

диванчик и, стараясь занимать поменьше места, принялась рыться в корзинке с вязаньем. Ее принес один из молчаливых слуг, и я решила, что Бледная Королева хочет увидеть, как вяжут.

Конечно, эти простыни ничего не значили. Мысли мои вернулись к давнишнему сну о брате и бледной женщине, хотя я понимала, что он тоже ничего не значит. И ничего не доказывает. Когда Лаон покидал Англию, его сундук с бельем упаковывала я. А простыни предназначены для того, чтобы ими пользоваться.

Визит Маб не должен был затянуться, и у брата не было причин освобождать комнату от своих зимних вещей. Я заметила их в приоткрытом шкафу, из которого выглядывал рукав приметного пальто Лаона. Но ведь сейчас эта одежда ему не нужна.

Подняв взгляд, я увидела подвешенную на замысловатых цепях кованую люстру. На ее ветвях горели толстые свечи. Порхавшие вокруг соловьи садились на резные балки сводчатого потолка. Белыми полосками вспыхивали крылья козодоев.

Потолок был выкрашен в ярко-синий цвет и усыпан золотыми и серебряными звездами. Это фальшивое небо прерывали поддерживавшие его позолоченные нервюры.

Впрочем, нет, они его не поддерживали. Для этого линии комнаты были слишком уж неправильными. Еще одна архитектурная иллюзия.

Я в третий раз пересчитывала петли, как вдруг в комнату влетела Маб.

Она сбросила свой плащ из перьев и осталась в бело-коричневом платье. Его юбка была сшита из огромных лепестков цветка, рисунок которых походил на крылья бабочки калиго — большие темные круги с желтой каймой, напоминающие глаз совы. Пестрые от множества слоев чешуек, они казались поддельными, и все же были именно крыльями бабочки. Я могла разглядеть на них прожилки и то особое цветовое пятно, которым прерывался узор у основания каждого крыла.

Я присела в реверансе.

Губы Маб изогнулись в улыбке, и перед моим внутренним взором снова появилась река, окаймленная ивами, и губы Бледной Королевы в опасной близости от уха моего брата, от его щеки, от его шеи. Покраснев, я отвернулась.

— Мне так понравилась проповедь твоего брата, — сказала Маб, — ты не должна этого стесняться.

Песочный человек принес поднос с чайными приборами и поставил его на стол между нами.

— Вы хотели научиться вязать, ваше величество? — произнесла я.

— Зачем же быть так далеко, малышка? — спросила она и подсела ближе.

Когда платье королевы коснулось моего, с ее подола, словно с крыльев бабочки, полетела бледная сухая пыльца.

— Я… я вовсе не далеко, — с этими словами я стряхнула с юбок пыльцу, привлекая внимание к тому, что она сидит совсем рядом.

Маб издала долгий хриплый звук, который, возможно, был смешком. Мне, как и прежде, оставалось лишь гадать: так ли смеется существо, способное похитить ребенка и держать его в плену? Я вспомнила низкий пронзительный вой женщины в черном. Отчаянный и печальный.

— Налей мне хотя бы чаю, — велела Бледная Королева. — Пока он горячий. Это всего лишь любезность.

Кивнув, я исполнила ее просьбу — налила чай и нарезала кекс, который для нас приготовили.

— Что задержало мисс Давенпорт?

— Боюсь, сегодня она к нам не присоединится. Тебе придется меня извинить. Я знаю, как тебе нравится общество себе подобных.

— Но мисс Давенпорт, разве она не…

— Нет, — перебила меня Маб, — не совсем.

Ее тон не допускал возражений, поэтому я не стала настаивать на объяснениях, каким бы странным ни казалось это замечание. Я поинтересовалась, что она предпочитает добавить в чай: сахар, лимон или молоко, и ритуал как будто успокоил Маб.

— Кусочек сахара, но без молока, пожалуйста, — ответила она. — Не выношу молоко, хотя, наверное, оно не выносит меня сильнее.

— Конечно, ваше величество.

— Ты ведь знаешь, что рядом с подменышами оно киснет?

Изящно держа чашку, Бледная Королева одарила меня широкой, открытой улыбкой.

— Я думала о проповеди твоего брата. «Вам дано знать тайны Небесного Царства, а им не дано» [58]. Ты когда-нибудь задумывалась, кто такие «вы» и «они»?

— Что вы имеете в виду?

Свой кусочек кекса я посыпала солью, а королеве передала несоленый.

— Я хочу сказать, малышка, что для того, чтобы были избранные, те, кто понимает, должны

---

[58] Примечания: 58
Матф. 13:11.

быть и те, кто не понимает. Ваш Иисус говорит загадками, рассказывая о том, что держалось в секрете с момента сотворения мира. И загадками он говорит, чтобы кто-то их понял, а кто-то, что гораздо важнее, нет. — Она сделала глоток чая, затем помешала в чашке пальцами и слизнула с них сладкий напиток. — Разве ты не видишь? Тайна может оставаться тайной, только если кто-то ее не знает.

— То есть… вы хотите сказать, что мы нуждаемся в невежестве?

— Нет, мисс Хелстон. Я имею в виду: для того, чтобы отличаться, вам нужен кто-нибудь. Не важно кто, главное, чтобы они просто были. Другие. Язычники, атеисты, католики, паписты… или, например, фейри.

— Фейри?

— Те, кто нашел приют среди ветвей церкви, но не является ее частью. Мы даем вам ясность, смысл, цель. Мы — ваша противоположность.

— Я бы не сказала, что вы противоположность церкви… — я попыталась нервно рассмеяться.

— Тогда, может быть, противники?

— Нет, только не это.

— Но что же вы без нас?

— Люди.

Ее улыбка сделалась только шире, Маб смотрела на меня немигающим взглядом желтых глаз.

— Но ты по-настоящему не знала, что значит быть человеком, пока не посмотрела на фейри.

— Мне известно, кто я есть.

— Тебе известно, кем ты не являешься. Это не одно и то же.

Я прикусила язык и отвернулась, дрожа от едва сдерживаемой досады. Маб меня дразнила.

— Разве вы не хотели научиться вязать? — сказала я в отчаянной попытке сменить тему.

Она снова рассмеялась, на этот раз слегка почеловечески, хотя смех ее все же оставался хриплым и раскатистым.

— Я способна на жалость, мисс Хелстон. Что ж, показывай, — приказала она. — Покажи мне, как вяжут.

Подцепляя пряжу спицами, я послушно продемонстрировала Маб азы вязания. Бледная Королева, встав и подойдя ко мне сзади, склонилась совсем близко, чтобы рассмотреть мою работу. Бросив на нее взгляд, я заметила украшение на шее у Маб — камень с дыркой на грубом шнурке.

— Восхищаешься моим сокровищем? — произнесла она с ноткой удовольствия в голосе.

— Да, оно довольно… — я запнулась, подыскивая слова, — необычное.

— О, весьма необычное. — На ее губах появилась лукавая улыбка, которая, казалось, с трудом удерживает внутри тяжесть некоей тайны. — Я храню его в память о ребенке, которого когда-то знала. Мы успели стать очень хорошими друзьями.

— О ребенке?

— Ну, уже не ребенке. Дети вырастают так быстро. Я не очень хорошо разбираюсь во времени, но она выглядит твоей ровесницей. — Маб вертела камешек в руках, и свет играл на нем, вспыхивая радужными бликами. — Некоторые считают, будто мелочные умы настолько очаровываются такими камнями, что не могут воплотить свои воровские замыслы. Но мы-то с тобой знаем, что это неправда?

Было уже далеко за полночь, когда Маб позволила мне уйти. Я устала сверх всякой меры, разум окостенел от всех этих витиеватых словесных игр, которые она так любила. Смысл слов уже выветрился, но их звучание оставалось многозначительным, и разум изводил меня воспоминаниями о причитаниях женщины в черном.

Теперь я еще сильнее уверилась, что она — похищенный ребенок, который, точно диковина, хранится при дворе Бледной Королевы.

Моя комната была все такой же, какой я ее оставила, за исключением двери, ведущей в пустоту. Вздохнув, я снова заперла ее на засов. Я уже потеряла счет тому, сколько раз мне пришлось это проделывать.

Плеснула в лицо теплой водой и, вытираясь полотенцем, заметила, что окно чуть заиндевело. Лед на стекле походил на тонкое кружево. Несмотря на усталость, я нахмурилась. Что-то было не так. До наступления аркадской зимы оставалось еще несколько месяцев.

Кто-то прижался к стеклу с обратной стороны.

Я вскрикнула от неожиданности. Затем с колотящимся сердцем подошла к окну и выглянула наружу. Протерев рукавом запотевшее стекло, я разглядела кисточку, птичьи когти, вцепившиеся в раму, и широко распахнутые совиные глаза. Я открыла створку, и существо потеряло равновесие. Его клюв с криком раскрылся, оно раскинуло широкие крылья и снова их сложило.

— Что ты такое?

— По приказу Бледной Королевы. — Существо, на котором не было ничего, кроме перьев и зеле-

ного жилета, покачало головой.

— Но что ты делаешь?

— По приказу Бледной Королевы, — упрямо повторило оно, захлопнуло окно и вскарабкалось обратно на свой насест.

Существо долго и пристально вглядывалось в стекло, затем вытащило из жилетного кармана очки и водрузило их на клюв. Сменившее кисть гусиное перо окунулось в баночку с мерцающими синими чернилами. Высунув кончик языка, существо начало сосредоточенно и медленно рисовать на окне тонкий, похожий на папоротник иней.

Раздался стук.

Дверь отворилась, и на пороге предстал крайне серьезный мистер Бенджамин с потрепанной соломенной шляпой в узловатых пальцах. Он извинился за беспокойство и сообщил, что слышал, будто мой брат со вчерашней службы не выходил из часовни.

— Я вот что подумал, мисс Хелстон, — чересчур громко произнес мистер Бенджамин. — Раз уж ваш брат занят другими делами, могу я побеспокоить вас своим вопросом?

— Если желаете… — ответила я. — Но… как вы сказали? Мой брат занят?

Он пожал плечами:

— Уверен, что там важные духовные дела. Со вчерашнего дня. Вероятно, еду ему приносит Саламандра. — Гном сам себе пылко закивал, отчего очки сползли на кончик носа и пришлось снова их поправить. — Да, вероятно.

— Понятно… — Я нахмурилась, горло сдавило беспокойство. — Мне нужно к нему сходить.

— Но мой вопрос, — настаивал мистер Бенджамин. — Сестра вместо брата. Отражение может ответить за оригинал. Это ведь справедливо?

— Конечно. Спрашивайте.

— Так вот, я хочу знать… знаю, что хочу… знаю, что знаю… я хочу… — Его голос затих, и на мгновение гном забормотал себе под нос, теребя руками поля соломенной шляпы. — Разве я каменистая почва?

— Прошу прощения?

— Иисус, который сойдет в ад, да святится имя Его, сказал: «Вот вышел сеятель сеять» [59]. Царство Небесное зашито в сердца тех, кто его слышит, но не каждые уши — добрая почва. Он сказал, что те семена, которые упадут в каменистую почву и терновник, иссушит солнце и

---

[59] Примечания: 59
Матф. 13:3.

расклюют птицы… — Слова звучали неразборчиво, а акцент гнома испарился. — Значит, я каменистая почва? Я чувствую радость и все же не понимаю. Слово не может во мне укорениться.

— Вы цитируете Матфея?

Гном с жаром кивнул и нараспев произнес:

— «Семя, упавшее на каменистую почву, — это о человеке, который слышит слово и сразу же с радостью принимает его, но у него нет корня, и поэтому его хватает лишь на короткое время, и когда наступают трудности и гонения за слово, он сразу же отступается» [60].

— И вы боитесь, что не способны понять?

— Нет, нет, не то. Я просто не понимаю. И вы знаете, что я не понимаю. А раз не понимаю, то разве это для меня? Я перечитывал снова и снова. — Не в силах сдержаться, гном принялся расхаживать по комнате. — И он говорит притчами, чтобы только его последователи могли понять, ведь им ведомы тайны. Но не я, не те, кто не понимает и не может понять. И он отнимет у меня то немногое, что у меня есть, говорит, что так и сделает.

— Я… я не думаю, что он это имеет в виду.

---

[60] Примечания: 60
Матф. 13:20–21.

— Есть глаза, которые благословенны, потому что видят. И уши, которые благословенны, потому что слышат. Но не зрение и слух помечают их, как благословенных, или, вернее, это и так и не так… Я хочу сказать, что они действительно видят и действительно слышат. Так что не только ангелы-жнецы будут отделять грешников от праведников. И не только рыбаки, вытаскивая из морей души, отбрасывают плохие. Сами зрение и слух являются испытанием.

— Если это испытание, то вы его прошли, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ободряюще. — Вы ведь услышали, не так ли?

Гном сжал губы и покачал головой:

— Но действительно ли я услышал? В конце концов, я ведь ничего не понял. Не думаю, что попал в правильную историю. Или попал, но мне не суждено понимать.

— Не думаю, что притчи так работают.

— Нет, нет, но мы — именно так. Я — часть истории. Маленькая часть огромной истории. Каменистая почва и выброшенная рыба. Кто-то ведь должен быть таким? Ну вот, я и есть тот, кто не понимает.

— Возможно, вам следует поговорить с моим братом.

— Да, да. Брат. Он поймет, — сказал мистер Бенджамин и нервно прищелкнул языком. — Вы его отыщите. И я спрошу.

Глава 19. Взгляды в саду

Дьявол изводит человечество подменышами. Он подкладывает в колыбель фейри и уносит настоящего ребенка; но, говорят, такие подменыши редко живут дольше восемнадцати-девятнадцати лет. Восемь лет назад в Дессау я, доктор Мартин Лютер, действительно видел и касался такого подмененного ребенка. Тому было двенадцать лет, его глаза и все прочие члены были такими же, как у любого другого дитяти. Я сказал принцу Ангальта, что если бы был здесь правителем, то бросил бы подменыша в Мульде[61] и рискнул бы его убить. Принц не последовал моему совету. Я наставлял людей, живших в тех краях, истово молить Бога, чтобы Он забрал дьявола; так они и поступили, и на другой год подме-

[61] Примечания: 61
Немецкое название реки Влтава.

ныш умер[62].

Альфред Х. Гернси. Застольные беседы Лютера. Журнал «Библейский архив и классическое обозрение», июль 1847 г.

В часовне пахло портвейном, обильно сдобренным специями.

Неуклюже развалившись у камина на табурете, Лаон помешивал в котелке негус [63].

— Она хочет устроить маскарад, — не поднимая глаз, произнес брат. — И уже выбрала тему. Уверен, ты видела, как ее слуги украшают дом.

— И что же это будет? — Взяв со скамьи подушку, я опустилась на пол рядом с ним.

Он ответил только через несколько секунд. Даже в тусклом свете камина я видела, как сильно запали у него глаза от недостатка сна. От Лаона разило портвейном.

— Зима, — коротко ответил он.

— Выглядит довольно просто.

— Просто никогда не бывает. — Он перестал помешивать напиток и, осторожно подув на деревянную ложку, протянул ее мне на пробу. — Я

---

[62] Примечания: 62

Мартин Лютер — христианский богослов и инициатор Реформации — действительно писал это в своих застольных беседах.

[63] Примечания: 63

Горячий напиток, разновидность глинтвейна.

уже посолил.

Я глубоко вдохнула аромат негуса, прежде чем отпить. Рот наполнили сладкие ноты ванили и мускатного ореха, а затем их нагнал портвейн. Брат добавил в напиток и яблоко. Я едва ощущала вкус соли, настолько подавляло ее все остальное.

— Еще немного сахара, — сказала я, — и амбры.

В ответ на нашу старую шутку брат покачал головой, а затем добавил в котелок сахара. Маленькими мы отыскали рецепт превосходнейшего негуса, который требовал натереть в каждую порцию немного амбры. Сумасбродность подобной идеи нас очень повеселила.

— Как думаешь, у тех морских китов образуется амбра? — спросила я, подумав о плетеных созданиях, которые скользили под пустошами.

— Вероятно, — с полуулыбкой ответил Лаон, — но она, несомненно, будет даже дороже, чем обычная китовая отрыжка.

— Но, может, ее легче найти, океан ведь ужасно большой.

— Говорят, киты обычно плавают в темноте, там, где маятниковое солнце светить не может. — Размешав негус, брат налил его в чашку и передал мне, а после сменил тему: — Думаю, бал

и охота связаны с политикой фейри. Маб затаила обиду на Герцога Северного Ветра или что-то в таком роде. Так что ей нужно на кого-нибудь поохотиться или устроить танцы, отказав ему в приглашении. Я не совсем понимаю почему, но она хочет, чтобы при этом была зима.

Согревая руки о чашку, я потягивала негус.

— Когда ты сказал «зима», то имел в виду снежинки из бумаги и серебряную мишуру?

— Возможно, она задумала нечто более экстравагантное. — Он наполнил свою чашку и сдобрил негус бренди.

— Там уже есть портвейн.

— Не только портвейн, я бросил туда яблоко. — Вялым жестом изобразив тост, Лаон осушил чашку. Рука у него дрожала. — Нужно добавить чуточку крепости.

Я покачала головой, но больше его не упрекала.

— Какое-то существо рисовало у меня на окнах иней. Утверждало, что по приказу королевы.

Лаон невесело усмехнулся:

— Она собирается на самом деле устроить зиму.

Он засмеялся, но мне было не смешно. Я могла думать лишь о том, насколько же сильна Маб, и

от этого в животе кольцами сворачивался ледяной страх. Бледная Королева только и делала, что играла с нами. Эти ее завуалированные угрозы и все возрастающие требования. Казалось, к нам она не прислушивается.

— Думаешь, все это сработает? — спросила я.

— Что сработает?

— То, что мы ее развлекаем. Как считаешь… — Мой взгляд метнулся к двери, я вспомнила фигуры, которые видела, и зашептала, надеясь, что так нас не смогут подслушать. — Как считаешь, она выполнит свою часть сделки? Если мы ее развлечем, она пропустит нас в остальную часть Аркадии?

— Это не совсем сделка. Не знаю, могу ли полагаться на договор с ней больше, чем на… — он неопределенно взмахнул рукой, — то, что мы сейчас делаем.

— Выслуживаемся? Умоляем? Проповедуем?

Он горько рассмеялся:

— Испрашиваем позволения.

Я потягивала быстро остывавшее вино, снова и снова вертя в руках чашку. Темно-красная жидкость стекала по стенкам, и меня завораживали эти узоры. Что-то тревожное было в том, как Маб смотрела на Лаона во время проповеди, и в том,

как она улыбалась, заговаривая о нем.

— Она тобой очарована. В некотором смысле.

— Но из всех смыслов… — вздохнув, он покачал головой: — Полагаю, это не имеет значения, пока она готова меня выслушать. В ее руках столько власти. Лишь она позволила миссионеру находиться на землях фейри. Этот замок, эта точка опоры… мы ее с таким трудом завоевали.

— И ее достаточно?

— Не мне судить. Существует множество вещей, которые… — его голос затих, и Лаон снова покачал головой, — могут быть только такими, какие есть.

— Но она просит… О чем она просит тебя? — Я боялась его ответа.

— Не имеет значения.

Вот только это имело значение. Его ответ мог означать слишком многое, и мое воображение заполонили окруженная ивами река и тайны, которые лились в уши моего брата. Мне было этого не вынести.

— Пока у нас есть доступ к ней, — произнес Лаон. — Она сказала, что после охоты уедет. Так что времени осталось не так уж много.

Слова у меня во рту словно превращались в камни, я почувствовала, что буквально ими

давлюсь.

— Мне не нравится то, что мы должны для нее сделать, брат.

Он пожал плечами:

— Едва ли тут есть выбор.

— Но она напирает. Заставляет нас стараться все больше и больше. — Я сглотнула, вспомнив ее перевитые красной лентой волосы и обнимающие брата руки. — Заставляет тебя все больше стараться. Пытается что-то доказать. Дело не только в ее гостях.

— Что сделано, то сделано, — ответил Лаон, допил свой сдобренный бренди негус и снова наполнил чашку. — И так тому и быть.

— Нет, это можно исправить.

— Кажется, я потерял нить разговора, Кэти.

— Я имею в виду, что поступает так, как пожелает. И тебя заставляет. Но их путь — это их путь, не наш. И путь этот нехорош.

— Мы все это знали еще до того, как сюда пришли. — Он пытался говорить мягче, но усталость не исчезла из его голоса. Я слышала хрипотцу, которая появилась после выпитого бренди. — Зачем бы нам обращать их, будь они и так хороши? Зачем нужны миссионеры в безгрешной стране?

— Это не одно и то же… Мне нужно тебе кое-что

показать.

— Кэти, тебе не следует… — произнес он.

Все внутри меня содрогнулось от его упрека.

— Нет, пожалуйста. Это очень важно. Не знаю, как об этом рассказать, как упросить тебя, но, пожалуйста, просто пойдем со мной.

Я шла впереди, держа в руке фонарь. Лаон хромал следом.

Во дворе нас окутали туманные сумерки. Легкий ветерок играл с листвой, обволакивая нас ее ласковым шелестом.

Я отодвинула завесу из плюща, укрывавшую калитку в сад, и нажала на ручку. К моему удивлению и облегчению, створка со щелчком отворилась. Я сомневалась, что смогу повторить путь вчерашней погони через замок и по крыше.

Едва мы переступили порог сада, нас заволокло пьянящим ароматом. Воздух был по-церковному насыщен запахами кедра.

Краем глаза заметив мелькнувшие тени, я сказала себе, что это всего лишь ночные твари юркают в подлеске. И все же не могла избавиться от ощущения, что за нами наблюдают.

— Я не знал, что здесь есть сад, — сказал Лаон с ноткой удивления в голосе.

Тяжело опираясь на трость, он остановился

полюбоваться заботливо возделанным местом, что открывалось перед ним.

В сумерках сад стал только прекраснее. Белые камни сияли внутренним светом. Светились дорожки и наполненный лилиями фонтан. Среди колоннад и арок резвились тени, позволяя представить руины вновь целыми.

Сотни глаз следили за каждым нашим шагом. Несмотря на кажущуюся тишину, сила этих взглядов была почти осязаемой. Я не осмелилась обернуться и спросить Лаона, чувствует ли он то же самое. Подтверждение лишь усилило бы мои страхи, а опровержение обострило бы сомнения в собственных ощущениях.

Возможно, измученный вопросами разум становится склонным к безумию.

— Мята, — едва слышно пробормотал Лаон. — Раньше ты любила этот запах.

Я промолчала, напуганная окружавшими нас взглядами и слишком неуверенная в себе.

Мы подошли к белоснежной башне. Я толкнула чуть приоткрытую дверь.

Часовня оказалась совершенно пуста. В ней не осталось даже мебели.

Ни женщины в черном у камина, ни скамей, ни алтаря, ни канделябров, ни запрестольного

образа. Все просто исчезло.

— Что ты хотела мне показать?

— Это была… это была часовня.

— Давным-давно, возможно, — сказал Лаон. — В Гефсимании много всего было.

— Нет. Но это не имеет значения.

Оглядываясь по сторонам, я прошлась по всему залу в тщетной надежде найти хоть какое-нибудь свидетельство вчерашней ночи. Но не осталось ни клочка бумаги, ни крошечного следа. Ничего. Даже камин стоял пустой и холодный.

— Так ты хотела показать мне старую часовню?

— Нет, — ответила я, — я хотела показать тебе ту, что была здесь. Я ее видела.

— Кого?

— Женщину в черном. Она сказала, что ее держат в плену. Сказала, что она — подлинник. Я подумала, что она, возможно, похищенный ребенок, которого подменили при рождении.

— Здесь?

Я кивнула.

— Здесь никого нет. И, похоже, очень давно, — сказал он, поднимая фонарь. Свет заискрился на паутине, которая плотной вуалью тянулась из угла в угол, — если судить по этому.

— Но прошлой ночью… — Кашляя от пыли, я просунула руку сквозь паутину. Та цеплялись за пальцы едва ощутимыми прядями. — Мне снился сон, я проснулась и увидела женщину. И побежала за ней.

— Сны в Аркадии… обманчивы. Они могут быть яркими и очень податливыми. Не нужно стыдиться, если один из них тебя обманул.

— Но она была здесь.

— Здесь нет украденного ребенка, — крайне мягко произнес Лаон.

— Мы знаем, что они призывают к себе подменышей, когда те вырастают, чтобы сделать их своими эмиссарами. Чтобы они объясняли людям обычаи фейри, как это делает мисс Давенпорт. Но как они поступают с украденными детьми?

— На самом деле никто…

— Вот именно, — перебила я. — Здесь есть похищенный ребенок. Я ее видела. Бледная Королева привела ее сюда и… и Бледная Королева нашла у себя в постели стальные ножницы.

Стоило произнести это вслух, как все встало на свои места. Теперь казалось совершенно очевидным, кто мог желать смерти королевы. Что годится для мести лучше, чем оружие, защищающее от подменышей?

— Это…

— Ведь так отгоняют фейри и не дают им похитить ребенка, верно? Тесси так поступала, когда мы были маленькими. Пара открытых ножниц над люлькой. — Я понимала, что говорю путано, но сердце бешено колотилось, а рот не слушался. — Помню, как читала об этом в одной из твоих книг. Возможно, у братьев Гримм. Нет, у них была одежда отца, наброшенная на колыбель… Но я все равно помню. Открытые ножницы становятся символом распятья.

Брат опустил голову. Почти кивнул.

Я выдохнула, раньше времени ощутив облегчение. Это была лишь тень согласия. Я восприняла ее как разрешение продолжить:

— Думаю, кто-то пытается убить королеву.

— Это просто смешно, — лицо Лаона окаменело.

— Если не убить, то хотя бы запугать. Ножницы должны были откуда-то взяться. И от кого-то.

— Кэти, не надо. Я уже говорил, что ты не сможешь разгадать это место. Ты строишь воздушные замки.

— Ты от меня этого и хочешь, — бросила я в ответ, — ведь ты дал мне те книги.

— Но это совсем другое… это опасно. А мне нуж-

но, чтобы ты была в безопасности, Кэти.

— Но если Маб…

— Не надо…

Резкий порыв ветра погасил оба наших фонаря.

— …произносить ее имя, — закончил Лаон, его голос пронзил внезапную и жуткую темноту.

Ветер принес за собой пробирающую до костей стужу. Меня затрясло.

Я с ужасом ждала, пока глаза привыкнут к темноте. Виднелись лишь смутные сумеречные цвета, которые проникали через дверь в дальнем конце часовни.

Хотелось возразить брату. Сказать, что в произнесении имени не заключена сила. Защитить все выводы, к которым я пришла. Хотелось закричать. Выболтать секреты, которые я так долго хранила. Выплеснуть все то, что невозможно выразить словами. Хотелось сразиться с этим жутким гнетом, восстать против сотни глаз, которые наблюдали за мной и заставляли продолжать говорить.

Но то были детские, опасные желания, которым не место в моем сердце.

— Давай пойдем назад, Лаон, — уступила я.

Глава 20. Снег среди лета

Духи ответили, что миров куда больше, чем звезд, которые появились в этих трех упомянутых мирах.

Тогда императрица спросила, не может ли ее дражайшая подруга герцогиня Ньюкаслская стать императрицей одной из них?

– Хотя существует множество, более того, бесконечное множество миров, – отвечали духи, – ни один из них не обходится без правителя.

– Но разве нет среди них мира столь слабого, – спросила тогда она, – что его можно было бы застать врасплох или захватить?

Духи отвечали, что Мир огней Люциана некоторое время пребывал в упадке, но в последние годы достался некоему Гельмонту, который с тех пор, как стал императором, так укрепил нетленные части мира смертоносными надстройками, что тот ныне стал неприступным.

И сказала императрица:

– Если число миров столь бесконечно, то, я уверена, не только моя подруга, герцогиня, но и любой другой может получить один из них.

– Да, – ответили духи, – если бы те миры были необитаемы, но они так же многолюдны, как тот, которым правит ваше величество.

– Поэтому, – произнесла императрица, – и невозможно завоевать целый мир.

***Маргарет Кавендиш, герцогиня Ньюкаслская. Описание нового мира, называемого Пылающим*[64]**

Маскарад Бледной Королевы должен был состояться всего через неделю после ее приезда, и чтобы удовлетворить ее прихоть, замок перевернули вверх дном. Это место просто кипело от сновавших туда-сюда слуг королевы.

Я считала, что здесь и без того безупречно чисто, но это, вероятно, было лишь заблуждением с моей стороны, и все, начиная со сверкающих подвесок на люстрах и заканчивая извивающимися

---

[64] Примечания: 64

Маргарет Кавендиш, урожденная Лукас (1623–1673) — английская писательница, супруга герцога Ньюкасла. «Описание нового мира, называемого Пылающим» — фантастический роман, который она написала в 1666 году.

перилами и расстеленными коврами, нужно было заново вычистить, отполировать, отмыть, протереть и выбить. Беспокойная толпа призрачных слуг справлялась со всем этим, пребывая в обычном для себя молчании.

Столь энергичная уборка, как я понимала, создавала для Маб чистый холст, чтобы после она навязала нам свое видение. Внутри замка, разбивая каменные плиты и доски пола, проросли серебристые ивы. Все гобелены и портреты были перевешены и заменены другими, которые нашлись на пыльном чердаке. Большой бальный зал проветрили, и его бесчисленные стеклянные двери стояли распахнутые. Каждый день небо темнело от летучих мышей, которые забирали из рук Бледной Королевы приглашения для ее многочисленных гостей. Нарисованный иней покрывал каждое окно, не позволяя проникать свету. Тот с каждым днем появлялся все реже и реже. Время шло, и колебания маятникового солнца постепенно уменьшались.

Я пробыла в Аркадии уже почти два месяца.

После той ночи в пустой часовне Лаон стал еще более отстраненным и заговаривал со мной лишь для того, чтобы напомнить о моем отъезде по истечении двух недель. За братом шлейфом

тянулся запах бренди, но я точно могла сказать, что Лаон больше не готовил негус в качестве предлога для выпивки.

Мне было страшно. Я слишком дорожила мимолетными проблесками нашей дружбы, чтобы обсуждать с ним его привычки. Общие книги и ласковое слово заставили бы меня поверить, что мы снова можем стать близки. Но я не осмеливалась давить слишком сильно. У Бледной Королевы повсюду были глаза, и ощущение беспокойства из-за постоянной слежки со временем только усилилось. Я твердила себе, что все необходимое для помощи брату я сделаю после отбытия Маб. Снова и снова обещала себе это, а пока держала язык за зубами.

Моя решимость остаться только усиливалась, хотя я и кивала в ответ на настойчивые требования готовиться к отъезду. Я была нужна Лаону, чтобы собрать его по кусочкам. Я была нужна ему больше чем когда-либо, пусть он и не знал еще об этом.

Лишь мне было известно о похищенной женщине, которую Маб держала где-то в замке. Временами я представляла, как спасаю ее, привожу к ней Лаона, словно деву из «Смерти Артура». Тогда я бы вспоминала историю сэра Гарета Орк-

нейского, известного как Белоручка, которого Линетта отправила спасти свою сестру Лионессу. Мой брат настаивал бы на том, что Линетта была тайно влюблена в рыцаря и что финал истории бессмысленно трагичен. Я бы не соглашалась, и мы бы часами спорили, а в конце и вовсе «сшибались шлемами».

Но пользы от таких фантазий было мало. Хотя мои подозрения насчет похищенной женщины все усиливались, доказать их было нечем. Маб, всегда готовая к выпадам, конечно, радовалась завуалированным намекам, но конкретных обвинений у меня не было. Несмотря на все это, она частенько заводила разговор о подменышах и том, какую важную роль они играют в качестве посредников между людьми и фейри.

Я не слишком ловко носила в себе эти тайны и подозрения. Они отягощали мои сны и делали беспокойными мои дни. Отвлекали от того скромного труда, который я могла вложить в расшифровку енохианских текстов и чтение уцелевших писем. Когда я не думала о брате и Маб, в мысли вторгался этот фальшивый замок со своими не подходящими друг к другу деталями. С трудом верилось, что я так долго обманывалась ловкостью архитектора.

И все же было что-то почти успокаивающее в том, что у замка на самом деле не оказалось никакой истории. Я больше не заполняла его долгое увлекательное прошлое воображаемыми лордами и леди. Их запутанная жизнь, рассказанная через камни этого места, больше меня не преследовала.

Все чаще и чаще я засыпала на ворохе бумаг, но старания мои, пусть и изнурительные, к настоящим ответам не приближали.

Утром в день маскарада во двор замка приковыляла старуха. Я столкнулась с ней после того, как сходила напомнить брату о завтраке.

— Зови меня бабушкой, — велела старуха, прежде чем я успела спросить, как к ней обращаться. — Я пришла по приказу Бледной Королевы.

Если не считать мисс Давенпорт, то среди тех, кого я видела в Аркадии, бабушка выглядела самой обычной. Сутулая, в бесформенном платье неопределенного землистого оттенка и ослепительно белом фартуке. Ее белые волосы были собраны на затылке в аккуратный пучок.

У ног старухи лежал большой и комковатый белый куль.

— Нечего стоять тут и глазеть, — пригрозила

она костлявым пальцем. Темные пятна на ее пергаментной коже напоминали крошечные чернильные кляксы. — Подойди и помоги бабушке с периной.

— Это постель? — спросила я, глядя на бесформенную поклажу, которую гостья притащила в замок. В стране, полной странных языческих существ, именно это, по-видимому, и пошатнуло мою доверчивость.

Старуха кивнула.

Покорно вздохнув, я подняла перину за угол и охнула от неожиданной тяжести. Старуха посмотрела на меня и улыбнулась, ее губы приоткрылись, показывая огромные заостренные зубы. Каждый крупнее ногтя на моем большом пальце.

Было в этой улыбке что-то успокаивающе нечеловеческое.

Перина, несмотря на долгое знакомство с землей, осталась абсолютно белой. Я подняла ее и повела старуху в одну из пустых комнат.

— Куда-нибудь повыше, я думаю. Где простору больше, — сказала она. — Прогулки меня не страшат. В одну из башен, может?

— Конечно, — пробормотала я из-под тяжелой перины.

Делая частые передышки, чтобы положить постель старухи на ступени и дать отдых ноющим рукам, я вместе с гостьей поднялась в одну из башен.

Оставалось надеяться, что, увидев комнату, в которой уже есть кровать, она откажется от своего плана, но этого не произошло. Когда мы наконец добрались, старуха велела дотащить перину до окна и перетряхнуть, прежде чем стелить.

— Пока перья не полетят, — добавила она, опускаясь на пол, и довольно вздохнула, как будто была рада наконец отдохнуть.

Я старательно исполнила ее просьбу. Подтащила перину к окну и медленно высунула наружу, цепляясь за нее ногтями. Из-за невероятного веса постели я боялась, что мои пальцы разожмутся и выпустят ее.

Работа оказалась тяжелой.

Наполовину втащив перину внутрь, чтобы дать себе передышку, я на миг позволила стене принять на себя весь этот неимоверный вес. От напряжения у меня перехватывало дыхание, я вытерла ладонью мокрый от пота лоб. Затем выглянула наружу и увидела парившие, словно белый пух, снежинки.

— Я достаточно ее перетряхнула? — спроси-

ла я.

— Сильнее! Колоти ее что есть мочи, пока все выпавшие перышки не вылетят. Иначе как следует ничего не переменить.

Стоило встряхнуть перину посильнее, как снег пошел гуще.

Увернуться от его хлопьев стало невозможно, и, опасаясь, что постель старухи промокнет, я втащила ее внутрь и, спасаясь от холода, закрыла ставни.

— Нет, не прикрывай пока окно. — Старуха встала и высунулась наружу. — Дай-ка мне поглядеть.

Она всмотрелась в снегопад и, протянув ладонь, поймала снежинку. Затем прищурилась, и взгляд ее молочно-белых глаз напрягся.

— Торговаться за такую погоду не станешь. Это нужно сделать по старинке, понимаешь? — произнесла старуха.

— Боюсь, что нет.

Она покачала головой и поднесла снежинку к моим глазам. Ледяные кристаллики, топорщась, отходили от изогнутой основы. Снежинка походила на крошечное перышко.

— А теперь разве не видишь? — Пока она говорила, ее огромные глаза превратились в

сосредоточенные на хрупкой снежинке щелки. — Хотя, чую, ты, верно, так же слепа, как все остальные.

— Они из вашей перины? — осенило меня.

— Да, да. Я перешиваю ее уже много лет, — старуха издала сдавленный смешок, который превратился в кашель, — и моей перины более чем хватит, чтобы удовлетворить страсть Бледной Королевы к зиме.

Глава 21. Дар дерева

Около трех недель назад несколько мальчишек, забавляясь поисками кроличьих нор на северо-восточном склоне Трона Артура,[65] заметили небольшую полость, чей необычный вид привлек их внимание. Вход в эту маленькую пещеру был закрыт тремя тонкими кусками сланца, грубо обтесанными в форме конусов и расположенными таким образом, чтобы защитить полость от непогоды. Сняв эти пластины, мальчики обнаружили пространство около двенадцати квадратных дюймов, где располагались семнадцать крошечных гробов, которые образовывали два яруса по восемь в каждом, а в третьем – только начатом ярусе – стоял еще один!

В гробиках «для фейри» находились миниатюрные деревянные фигурки. Они были в одежде из хлопка и благопристой-

---

[65] Примечания: 65

Трон Артура — холм высотой 251 метр, расположенный неподалеку от Эдинбурга.

но возлежали вместе с изображениями всех погребальных атрибутов, которые обычно составляют последние одеяния умерших. Гробики имели правильную форму и были около трех дюймов в длину. Их вырезали из цельного куска дерева, за исключением крышек, которые были прибиты проволочными гвоздиками или обычными медными булавками. Крышку и стенки гробов обильно покрывал орнамент из мелких кусочков олова, весьма аккуратно и ровно вправленных в дерево. Еще одно примечательное обстоятельство состоит в том, что прошло много лет с момента первого погребения в этом таинственном склепе.

Как уже было сказано, во всех семнадцати таинственных гробах лежали фигурки, но некоторые уничтожили нашедшие их мальчики, разбили их одну за другой, как ничтожные и презренные безделушки.

«Странное открытие», «Таймс» от 16

июля 1836 г. [66]

Мисс Давенпорт пришла помочь мне одеться к маскараду Бледной Королевы. Я уже не раз протестовала против сумасбродного развлечения, задуманного Маб, но от возмущения лишь сильнее растягивала слова, и теперь королева знала, в каком захолустье я выросла. Поэтому приказала мисс Давенпорт помочь мне.

Подменышка постучала в дверь и поприветствовала меня с той теплотой, которую я не замечала в ней с момента прибытия Бледной Королевы. Было почти облегчением увидеть, как она, без умолку болтая, распахнула шкаф и разложила на кровати платья. Мисс Давенпорт позволила мне рассмотреть их по очереди, а сама разливала чай. И без конца щебетала — отчасти со мной, отчасти сама с собой.

— Я припоминаю только то, что ваш брат пьет чай без сахара, ну а как нравится вам, Кэтрин? — спросила она.

В чем бы ни была причина тех странных снов, я понимала, что моя ревность к ней совершен-

---

[66] Примечания: 66

Такая история действительно произошла на холме Трон Артура, который считают тем местом, где когда-то стоял Камелот. Фигурки сейчас хранятся в Национальном музее Шотландии, тайна их происхождения до сих пор не разгадана.

но неразумна, но ничего не смогла поделать с раздражением, которое вспыхнуло, стоило ей произнесла мое имя.

— Нет, не нужно подсказывать, я уже должна бы вспомнить. — Она тихонько хихикнула. Несмотря на пронзительные нотки в ее голосе, в веселости мисс Давенпорт всегда было что-то заразительное. — И конечно, себе я добавлю один кусочек сахара и никакого молока, разумеется. Молоко до того отвратительно!

— Два кусочка сахара и каплю молока, мисс Давенпорт, — я заставила себя улыбнуться, — лишь для того, чтобы перебить соль.

— О, до чего же официально! — воскликнула она. — Как будто мы не лучшие друзья. Вы просто обязаны звать меня Ариэль. Так поступает ваш брат, вы же знаете?

— Полагаю, именно так он и поступает.

— Что делает нас почти сестрами. — Она снова рассмеялась и сунула мне в руки чашку чая.

Я снова заметила в ее смехе ту хрупкость, которая заставляла гадать, что же является маской — испуганное, молчаливое существо, представшее перед Маб, или это — жизнерадостное и болтливое?

Я посыпала солью пирожные, но казалось,

сейчас еда мисс Давенпорт не интересовала. Она пристально посмотрела на странную маленькую солонку на подносе, а затем опять принялась рыться в глубинах шкафа, обещая найти для меня еще что-нибудь красивое.

— Уверена, одно из этих платьев вполне подойдет, — сказала я, глядя на разложенную одежду, — они лучше любого из моих.

Трудно было поверить словам женщины в черном, что все платья новые, но я начала замечать их странности. Выцветшие и пожелтевшие, как и полагается одежде, которой больше ста лет, по подолу они были изношены слегка неравномерно. Кроме того, припуски на швы были опасно плотными. Эти платья были не созданы для того, чтобы их перешивали, и, что куда важнее, их никогда и не перешивали. Никаких следов от распоротых и наложенных заново стежков.

— Вам понадобится маска.

— Я думала, этому правилу нужно следовать не напрямую.

Она что-то невнятно пробормотала в ответ, и тут же на кровать обрушился водопад из масок.

— А на что это похоже?

Дверь гардероба скрывала от меня мисс Давенпорт, но я могла сказать, что та прекратила

свои поиски и стоит совершенно неподвижно. Выражения ее лица я не видела.

— Прошу прощения?

— Я имею в виду, каково это — быть человеком? — в ее голосе звучала тоска.

— Не уверена, что смогу ответить.

— Самое раннее, что я могу вспомнить, — то, как бабушка Ариэль Давенпорт мне пела. Я свернулась калачиком у нее на коленях. На ней был красный фартук. Руки пахли тестом и дрожжами. А до этого никаких воспоминаний.

— Тут нет ничего необычного, — мягко сказала я. — Большинство людей немногое помнят из своего раннего детства.

— Временами я очень стараюсь вспомнить, что было до того, — она издала пронзительный и вымученный смешок, — а временами кажется, если не смогу вспомнить, то это станет доказательством. Чего-то.

— Не думаю, что понимаю.

— Мне сказали, что те воспоминания о бабушке Ариэль Давенпорт… что они не настоящие.

— Но почему?

— Мне сказали, что меня подменили после смерти бабушки Ариэль Давенпорт. — Она сделала паузу. — А значит, на самом деле я ее помнить

не могу.

— И как же…

— Даже не знаю. — Она выбралась из шкафа, беззаботно пожала плечами и села рядом со мной. Затем небрежно провела рукой по глазам. — Как много вы помните из своего детства?

— Изрядно, но не из тех времен, когда была еще младенцем.

— Например? — с надеждой спросила она.

Я поняла, что ей хочется услышать историю.

— Мне всегда нравилось думать, что мое первое воспоминание — о Лаоне. Мне года три, наверное. Мы играем. Не помню во что, но мы прячемся под столом и должны вести себя очень тихо. Скатерть красная, и, кажется, я помню его пальцы, прижатые к моим губам.

— Это правда?

— Конечно.

Я коснулась пальцами рта, задержавшись в том воспоминании и отчетливо ощущая прикосновение брата к моей коже.

Мисс Давенпорт выдохнула с тихим свистом. Затем задумчиво сдвинула брови:

— А он об этом помнит?

— Вообще-то нет. — Я провела пальцем по губам и, закрыв глаза, почти почувствовала тепло

его тела, обвивавшего мое в тесноте под столиком. — И тут нет ничего необычного. Память несовершенна.

— О, конечно. Я это знала.

— А почему вы спрашиваете?

— Я… — мисс Давенпорт замялась, и голос ее дрогнул, — я не почувствовала разницы, когда обо всем узнала. Когда мне сказали. Да и почему бы мне ее чувствовать? Я же всегда отличалась.

— Понятно…

Я не знала, что на это ответить. И в тот момент задумалась: а если подменышей нарочно создают неспособными до конца вписаться в мир людей, чтобы они хранили верность своим настоящим хозяевам? Что, если причуды мисс Давенпорт вложены в нее намеренно?

— Вы почти не рассказываете о том времени, когда фейри вас отыскали.

— А что тут рассказать? Они нашли меня и сообщили, что я — подменыш. Дали мне новое предназначение, когда я была запутавшейся и одинокой. Все лучше, чем быть одной. Я просто… мне просто было любопытно, каково это — иметь настоящие воспоминания.

— А разве ваши последующие воспоминания не настоящие?

— Настоящие, вернее, настолько настоящие, насколько мне это доступно. В конце концов, вряд ли я настоящая Ариэль Давенпорт. — Сверкнув улыбкой, она вскочила на ноги и схватила ближайшее платье. Мокрый шелк шелестел и струился в ее руках. — Оно напоминает вам о зиме?

Я позволила ей эту резкую перемену темы, и мы принялись оценивать наряды. Мой взгляд задержался на одном из платьев, скроенном из огромного гобелена. Чувствовалось, что прежде тот был неким живописным полотном, но из-за переставленных и укороченных швеей фрагментов почти утратил смысл. По голубому небу летели журавли, по звездным рекам бродили волы, кружились в танце женщины с удлиненными лицами. Глядя именно на это платье, труднее всего было поверить, что в прошлой жизни оно вовсе не было гобеленом.

В конце концов, оказалось, что выбор наш не имел никакого значения.

Раздался стук в дверь, и, открыв ее, я увидела серебряное дерево. На его ветвях сидел огромный орел, сжимая в лапах сверток. Птица смотрела на нас круглыми оранжевыми глазами и шевелила ушными пучками, пока мы читали надпись на

посылке. Это был всего лишь забавный стишок:

Bäumchen, rütteldichundschütteldich,
wirf Gold und Silber über mich.[67]

Я сморщила нос, вспомнив, из какой это сказки.

— Бледная Королева всегда славилась своим чувством юмора, — сказала мисс Давенпорт, зашнуровывая на мне платье с высокой талией.

— Я бы предпочла не думать о ней как о своей матери, — ответила я, — с платьем или без.

Мисс Давенпорт вздрогнула, руки у нее затряслись. Пробормотав извинения, она произнесла:

— В любом случае вам придется его надеть. Она, наверное, просто посчитала забавным сослаться на волшебное дерево, которое одаривает платьями.

— На дерево, выросшее на могиле матери.

Мисс Давенпорт натужно рассмеялась и резко сменила тему:

— Вам ведь не терпится попасть на бал?

Белое платье было отделано золотой и серебря-

---

[67] Примечания: 67

Ты встряхнись, качнись, деревце,
Осыпь златом-серебром девицу! (*Нем.*)
Стишок из сказки «Золушка» братьев Гримм, где источником чудес было дерево, выросшее на могиле матери героини.

ной парчой. Его многослойность, мягко говоря, сбивала с толку. Объемные рукава камизы с высоким воротом следовало вытянуть и скрепить ряд за рядом сквозь отделанные серебром прорези.

Ничего похожего на платье с высокой талией, в котором была нарисована моя мать на одном из карандашных набросков, что сохранился у нас с братом. В наряде не было и следа классической простоты и элегантности тех лет. В нем скорее ощущалась чопорность портретов в стиле Ван Дейка, напоминавшая мне о платьях с чердака и травленных молью камзолах.

Однако, несмотря на всю свою многослойность, платье обладало воздушной, едва осязаемой легкостью.

— Вы ведь тоже пойдете, верно? — спросила я, когда мисс Давенпорт уложила мне волосы в изысканную прическу. Украшенные драгоценными камнями шпильки в ней просто исчезли, и я могла полагаться лишь на заверения своей помощницы, что результат получился прелестный.

— Не двигайтесь, — велела она, все еще держа в зубах шпильки.

— Снова увиливаете от ответа, — заметила я, нетерпеливо скрестив на груди руки. — Я замечаю, когда вы так поступаете.

— Вы не будете скучать по мне.

— Значит, вы не пойдете?

— Маб ведь не дала мне платья и не требовала от меня появиться, верно? — Мисс Давенпорт сделала паузу и заправила мне за ухо выбившийся локон. — Подозреваю, что наскучила ей, и предпочту не напоминать о своем существовании. Она лишь пытается развлечься и… — Она замолчала, не закончив мысль.

Но в кои-то веки я и без того поняла, что она хотела сказать, и не чувствовала ни малейшего желания настаивать.

— Официально, — произнесла мисс Давенпорт, — приглашены только фейри.

— Но вы ведь…

— Подменыш.

— Я думала…

— Многие люди так думают.

Она натянуто и неуверенно улыбнулась, а затем выпроводила меня из комнаты.

Безо всяких уточнений.

Я спускалась из своей башни, придерживаясь затянутой в перчатку рукой за каменную стену, чтобы не упасть. Фасон платья с его завышенной талией и пышной юбкой был мне непривычен. Этот наряд казался легче моей обычной одежды,

а отсутствие нижних юбок и корсета смущало.

За одним неуверенным шагом следовал другой. Воздушные туфельки были тонкими, словно паутина, и такими же невесомыми. Движения мои внезапно сделалась иными и непривычными.

Эту странность так и подмывало назвать свободой, и все же подобная легкость тревожила. Мне казалось, я куда-то падаю, сердце подскакивало к горлу, а в груди поднималась буря.

Длинная галерея и коридоры замка преобразились. Слуги Маб украсили стены и потолок бесчисленными зеркалами и осколками стекла. Те были всех форм и размеров, в обрамлении из меди и бронзы, дерева и чудес. Свет дробился в них и заставлял пространство казаться огромным и одновременно крошечным рядом с отраженной бесконечностью.

Проходя мимо одного из огромных зеркал, я заметила свое отражение. Никакой иллюзии было не скрыть усталость, написанную у меня на лице. Я плохо спала несколько дней, а то и недель. И все же странным образом в отражении я напомнила себе плохо сохранившуюся картину эпохи Возрождения. Время взяло свое, краски состарились и осыпались, исчезнув вместе с оттенками кожи. Глаза казались пустыми и запавшими, словно

их чернильный контур смазался. Там, где художник когда-то старательно выписывал кружево, жемчуг и разрезы, платье сделалось застиранно-белым. Сохранился лишь насыщенный золотой цвет, окаймлявший лиф и рукава.

Коридор за моей спиной эта зеркальная глубина скопировала безупречно, однако все в нем выглядело чуть более холодным и темным. Я видела остальные зеркала, сотню тысяч повторяющихся отражений. Этот узор завораживал.

Вот так вглядываясь в зеркало, было слишком легко поверить, что подобные отражения — сумма всего сущего, что вокруг лишь тени за тенями, что меня обступили бесконечные миры. С широко распахнутыми глазами, бледные и очень испуганные.

Глава 22. Бал внутри заводного механизма

Удивительная изобретательность Г-н Коппелиус Уорнер[68] – гениальный часовщик и ювелир, занимающий киоск в Политехническом институте, – завершил свою модель парового двигателя высокого давления. Она настолько мала, что с запасом умещается на монетке в четыре пенса! Это самый любопытный образец миниатюрной работы из когда-либо виденных, каждая деталь выполнена в масштабе, а весь механизм занимает так мало места, что, за исключением маховика, может спрятаться под наперстком. Это не просто наглядная модель, она весьма активно работает с помощью атмосферного давления (вместо пара), и когда части крошечного двигателя приходят в движение, то все выглядит несказанно занимательно и прекрасно.

---

[68] Примечания: 68
Упоминается как переводчик эпиграфа ко второй главе.

Г-н Уорнер хорошо разбирается в подобных диковинках. Его шкафы изобилуют изделиями, созданными для эльфов. У него есть ножницы до того крошечные, что несколько сотен их весят всего лишь унцию; есть из того же семейства ножи, которые, как бы ни были малы, открываются и закрываются одним ловким щелчком. Г-н Уорнер, надо полагать, работает исключительно для фейри, без сомнения, на основании патентных грамот имеет право держать над своей дверью герб Оберона[69].

В. Н. Заметки и объявления. Журнал «Механика», музейный каталог, раздел «Газеты и журналы», 1844 г.

Маскарад шел как часы.

Большинство использует это выражение, когда всего лишь хотят сказать, что все проходило гладко. Или что в происходящем был элемент ритуальности. Но я имею в виду совсем иное.

Сначала это не бросалось в глаза. Прежде я никогда не бывала на балах, если не считать тан-

---

[69] Примечания: 69

Оберон — в средневековом западноевропейском фольклоре сверхъестественное существо, король фей и эльфов, супруг Титании.

цев в деревне, и оказалась ошеломлена. Вокруг прохаживались облаченные в костюмы и маски гости Маб. Они собирались небольшими тесными компаниями и беседовали друг с другом, взмахивая веерами из перьев при каждой остроте. Они танцевали, с удивительной четкостью кружа по паркету, и их крошечные туфли щелкали в характерном ритме вальса.

Бальный зал освещали переливающиеся люстры, похожие на стеклянных медуз, каждое щупальце которых сжимало зажженную свечу. Они покачивались, хотя и не в такт музыке.

На хорах гармонично и слаженно пели птицы. Это не походило ни на неугомонный, жизнерадостный утренний щебет, ни на одинокие трели соловья. Однако их пение не напоминало и человеческое, когда из какофонии звуков создается музыка. Напротив, каждая птица издавала лишь одну идеальную ноту, поделив мелодию между собой. Начинал черный дрозд, затем он поворачивал голову, и клюв распахивала следующая птица.

Великолепный потолок скрыл прозрачный лед. Цепляясь за изогнутые нервюры, свисали сосульки. Расписные подвески и лепные выступы покрылись изморозью.

Все эти новшества отвлекали, и я не сразу заметила, что линии зала, как любой другой комнаты замка, неправильны. Изогнутые балки потолка ничего не поддерживали. Резные подвески и лепные выступы были разбросаны безо всякой цели и смысла, не столько ради украшения, сколько в попытке бездумного подражания.

— Кэти! — раздался голос моего брата.

Я резко обернулась и, увидев позади себя Лаона, улыбнулась, несмотря на то, что от него разило бренди. Маска «Домино» не слишком скрывала того, кто за ней прятался. Впрочем, костюм несколько изменил фигуру брата. Из-за черного камзола и накидки плечи его казались шире, а учитывая мои невысокие туфли, он казался еще и выше. Лаон навис надо мной, и из-за его роста я почувствовала всю жизнь мне знакомый укол досады.

— Ты… Ты… — он помедлил, — ты очень красивая.

Сердце затянулось узлом.

Я просто не могла припомнить, когда он в последний раз обращал внимание на мою внешность. Когда накануне своих первых танцев в доме у сквайра я вертелась перед ним в старых платьях, брат не сказал ни слова. Когда мы с

деревенскими девушками, хихикая, обсуждали предполагаемое замужество и спрашивали его мнения, он тоже промолчал. И так же было, когда на его первую проповедь я пришла в своем лучшем платье, сколотом маминой брошкой.

Наверное, он со времен нашего детства не говорил ничего подобного.

Я нахмурилась, пытаясь разобраться в своих ощущениях. Боль в груди была какой-то подспудно знакомой, словно я всю жизнь носила ее в себе, сама того не зная.

— Прости, — сказал брат, — не следовало ничего говорить.

— Нет, — ответила я. Получилось как-то неубедительно. — То есть… я не о том, что тебе бы лучше промолчать. Просто… я и не представляла, как давно ты говорил мне что-нибудь подобное.

Уголки его губ дрогнули и приподнялись.

Сбоку от меня как-то неестественно, дергано повторялось одно и то же движение. Седовласый джентльмен во фраке цвета зеленого бутылочного стекла резко подносил к губам бокал, который держал в руке. Затем чуть отклонялся назад, запрокидывал голову и возвращался в изначальное положение. После чего рука снова начинала свой путь.

Вино в бокале не убывало.

— С этим человеком все в порядке? — спросила я, склонив голову в сторону странного зрелища. — Он… повторяется!

— Ты о мужчине в зеленом?

Я кивнула.

Пока мы наблюдали, раздумывая, стоит ли нам приближаться, к человеку с бокалом подошел сухопарый мужчина в простом сюртуке и сбившемся на сторону шейном платке. По щелчку его пальцев музыка прекратилась, и в зале воцарилась полнейшая тишина. Все гости замерли. Мужчина дернул теперь уже неподвижного джентльмена за седые кудри, выдвинул вперед его голову и чем-то щелкнул по затылку. Керамическая маска распахнулась, открывая тикающее нутро заводного механизма.

Мы с Лаоном зачарованно следили за тем, как сухопарый незнакомец простукивает каждое медное колесико. Среди воцарившегося безмолвия было слышно, что он напевает себе под нос.

Я взглянула на Лаона, чтобы спросить, понимает ли он происходящее, но прежде чем успела произнести хоть слово, брат покачал головой.

— Боюсь, ни в малейшей степени, — прошептал он. — Ничего подобного я раньше не видел.

Мужчина закрыл маску и принялся возиться с рычагами управления, расположенными у основания шеи заводного человека. Затем подошел к нам и потянулся к Лаону, но не успел коснуться его шеи, как мой брат резко повернулся.

— Что вы делаете? — требовательно спросил он.

Мужчина поправил очки с толстыми стеклами и рассмеялся странным отрывистым смехом:

— Вы не из моих автоматонов!

— Разумеется, нет, — ответил Лан.

— Примите мои глубочайшие извинения, — сказал мужчина, протягивая ладонь для рукопожатия. — Мистер Коппелиус Уорнер, часовщик и ювелир. Всегда рад познакомиться в Аркадии с другими людьми.

Брат не позволил смутить себя излишней фамильярностью и, крепко пожав мистеру Уорнеру руку, представился.

— Так вы и есть миссионер! Много о вас наслышан, — произнес часовщик.

— Да, это именно я, — ответил Лаон.

— Хотя меня вам не нужно наставлять на путь истинный, я уже окрещен. Ведь мне, за грехи свои, выпало родиться англичанином, — сказал мистер Уорнер.

— А это моя сестра, мисс Кэтрин Хелстон.

— Восхищен, — слово слетело с его языка, словно тошнотворная ласка. — В королевствах фейри редко увидишь по-настоящему прекрасное создание. Вы — отрада для уставших глаз.

— Неужели вы пробыли здесь так долго, что солнце-маятник и рыба-луна уже не вызывают у вас удивления? — Я преподнесла вопрос как шутку, хотя мне было любопытно, как он вписывается в паутину Бледной Королевы.

— По множеству причин я пробыл здесь даже слишком долго. Но кто-то же должен поддерживать порядок. — Часовщик неопределенно взмахнул рукой и добавил, едва взглянув на моего брата: — Я думал, что у миссионера жена, а не сестра.

— У меня нет жены. — Лаон, стараясь сдерживаться, пристально посмотрел на мистера Уорнера. — Хотя, если вы имеете в виду Роша, то его жена, полагаю, никогда не покидала Англию.

— Конечно! Рош, оксфордец. — Часовщик не сводил с меня молочно-белых глаз. — Слышал о нем. Решительный парень. Человек со множеством вопросов, но не тех, на которые я действительно смог бы ответить. В то время я путешествовал с Зеленой Леди. Хотя слышал,

что именно он положил начало этой моде на богословие в Аркадии. Скоро все лорды и леди приобретут себе миссионеров и разместят их в декоративных гротах. Думаю, что вы бы и в мешковине выглядели очень привлекательно.

— А я не думаю, что должна одеваться настолько дико, будто питаюсь саранчой и диким медом, — съязвила я.

— Саранчой? — Он моргнул, словно слепой.

— Иоанн Креститель? — Я смущенно опустила глаза, уж слишком привыкла к тому, как хорошо мистер Бенджамин знаком с Библией. И в ответ на недоуменное молчание часовщика торопливо забормотала объяснения: — Мне показалось, вы намекаете на его проповеди в пустыне Иудейской. Змеиные отродья, бегущие от гнева Божьего? О побуждении людей к водам покаяния?

— О, тысяча извинений. Я говорил о парковых отшельниках. Решил, что в последнее время все помешались на этой моде и платят какому-то бедолаге, чтобы он носил мешковину, бродил вокруг «руин» в саду и извергал мистические речи.

— А, понятно, — пробормотала я, чувствуя, как рядом напрягся мой брат. Мне тоже стало не по себе, вспомнились все те моменты, когда Бледная Королева называла Лаона своим ручным

миссионером.

— Кажется, семейство Уэлдов построило в Дорсете великолепное жилище отшельника. Настолько восхитительное и пасторальное, насколько вы можете себе вообразить. Маленький домик, кругом разбросаны грубые пожитки. Приманка для гостей, чтобы зайти и спросить о…

— Я не декоративный отшельник. — Гнев Лаона все-таки выплеснулся наружу. Я положила руку ему на плечо, он вздрогнул от моего прикосновения, но успокоился.

— О небеса, конечно, нет! Я и не намекаю на такое…

— Как и мой предшественник.

— Ах, ну да. Прошу прощения. Великий человек, конечно, — мистер Уорнер неловко откашлялся. — Я всего лишь часовщик. Теология — не самая сильная моя сторона. Ад, грех и все такое. — Он натянуто рассмеялся и, постучав пальцем по лбу, добавил: — Я просто работаю над этой забавой.

— Она довольно впечатляющая, — сказала я, соглашаясь сменить тему.

Мистер Уорнер расцвел от комплимента, на его губах появилась масляная улыбка. Манера часовщика растягивать слова становилась все заметнее:

— Надеюсь, вы простите меня за то, что я принял вас за своих автоматонов. На сегодняшний день это самое амбициозное из моих творений.

— Здесь много фигур, — весьма сдержанным тоном произнес Лаон.

— И все они ваши? — спросила я.

— Да, да. Все, что вы видите вокруг. И все по приказу королевы Маб, — ответил часовщик, — Бледная Королева очень любит сложные, связанные друг с другом механизмы. Чтобы маскарад выглядел правильно, нельзя оставлять его на волю случая. А у джентльменов растет репутация тех, кто избегает танцев.

— Понимаю, — я была все еще ошеломлена этим открытием. Мой взгляд метался из стороны в сторону, осматривал каждую фигуру. Холодок пробежал по спине, когда я поняла, что ни один человек вокруг — не настоящий.

— Фейри прекрасно знакомы с искусством иллюзий, но их собственные создания… ну, скажем так, не очень предсказуемы. Фейри не очень дается работа с металлами, а куклы из плоти совсем не то же самое. Слишком много переменных. Отличные люди, но просто ужасные механизмы. Слишком много думают, или, по крайней мере, слишком много думают о том, что думают. — Рез-

ко, словно один из его собственных автоматонов, мистер Уорнер хлопнул в ладоши. — Но мне пора возвращаться к работе. И, несмотря на то, что я буду здесь вечно, к вечеру все должно быть идеально. Приказ Бледной Королевы.

Он щелкнул пальцами, и птицы на хорах снова запели, каждая дрожащая нота наполняла ледяной зал своим чистым совершенством. Автоматоны задвигались в такт музыке.

Это походило на огромные часы с движущимися фигурками.

— Кэти, ты считаешь меня красивым? — спросил Лаон, пока мы наблюдали за кружившимися вокруг нас танцорами.

Ответ сорвался с языка прежде, чем я успела его удержать, и прозвучал без малейшего сомнения:

— Нет.

Брат нахмурился.

— Не хотела, чтобы вышло так жестоко, Лаон, — сказала я. — Это глупый вопрос. Я не смотрела на тебя…

Поймав его взгляд, я склонила голову набок и неуверенно улыбнулась. Затем погладила брату нахмуренный лоб холодными пальцами и заправила прядь его темных волос за ухо. Шагнула к нему, чтобы лучше разглядеть. От непривычной

близости у меня на щеках вспыхнул румянец. Не спрашивая разрешения, я потянулась и развязала ленту его маски. Та упала у Лаона с лица, а я все смотрела. Впервые за очень долгое время просто смотрела на лицо брата. Это было странно, ведь оно казалось мне таким знакомым, но что-то скрывалось за его настроением и переменами, что-то было в тонком изгибе рта и сиянии глаз.

И вот я попыталась увидеть Лаона глазами незнакомки. Как бы другая оценила его большие голубые глаза, длинные каштановые ресницы, гордый рот?

Его лицо, конечно, притягивало взгляд. Чистые, ясные черты, напоминавшие о классических статуях, твердая линия подбородка и прямой нос, широкий лоб, бесцветный и неподвижный, словно выточенный из мрамора. Я с готовностью увидела в нем собственное отражение, но если мой вариант нес в себе некую нелестную шероховатость, его обладал совершенством и гармонией. Это были мои тусклые глаза, но более ясные и голубые, мои кудри, но более мягкие, мои губы, но более полные.

Посчитает ли его незнакомка таким же красивым, каким считаю я?

Заметит ли в его ноздрях, лбу, губах нечто, что,

по моему мнению, указывало на беспокойную и пылкую натуру?

— Красота не имеет большого значения, брат. Вряд ли она вообще имеет значение, — произнесла я, заставляя себя отвести взгляд.

— Неужели? И ты не перечисляла в уме мои многочисленные недостатки? — Он фыркнул от смеха, и я украдкой снова взглянула на него. — Знаю я этот твой пронзительный взгляд, Кэти.

— Тогда знаешь и то, что не стоит дальше на меня давить, — ответила я. — Если хочешь, могу отказаться от своего первого ответа. Но другого ты не получишь.

Звон колоколов возвестил о прибытии настоящих гостей.

Мы с Лаоном побрели к парадным дверям, вслух гадая о том, кого же пригласила Бледная Королева. Под ногами похрустывали серебряные и золотые листья, впечатываясь в пышные восточные ковры. Между зеркалами и портретами длинной галереи можно было разглядеть не больше дюйма дамасских обоев. Весело потрескивал большой камин, его высокое и горячее пламя довершало иллюзию зимы.

Первым это увидел Лаон.

Он ткнул пальцем в сторону стены, я проследи-

ла за его жестом до щели, которая появилась на обоях между одним из портретов и украшенным драгоценными камнями зеркалом.

Внезапно в щель вонзился нож и неровно разрезал ее донизу. Даже со своего места я видела, что за порванной бумагой лишь голая кирпичная кладка, а вовсе не какое-то иное место. И все же из прорехи в обоях потоком заструились стрекозы, каждая из которых несла в своем раздвоенном хвосте переливающуюся тьму.

Следом внутрь шагнула старуха с оленьими рогами. Она втащила за собой трех смеющихся призраков, фигуры которых вырисовывались из клубящегося дыма. Ветвистые рога старухи украшали извивающиеся розовые дождевые черви. Призраки сбросили капюшоны, под которыми оказались плотные и похожие на человеческие лица, и скинули с плеч скрывавший их туман.

И тут портреты зашевелились.

В основном на картинах были изображены вполне человеческие лица и вполне человеческие наряды, но когда изображенные создания принялись вставать и выбираться из своих полотен, стало ясно, что первое впечатление было

ошибочным. Тюдоровская дама в гейбле[70] оказалась наполовину змеей и перекинула через раму свой длинный блестящий хвост. Мужчины превратились в кентавров, отступили от края картины, а затем галопом помчались к нам и запрыгнули в галерею. Бархатные одежды одной из леди распахнулись, когда она поднялась, и я увидела, что все у нее — и платье, и украшения, и плоть — из розового мрамора.

Войдя в длинную галерею, гости огляделись своими нарисованными глазами. Шероховатость масла, отпечатки пальцев художника, мазки кисти по-прежнему были заметны на их неподвижных лицах.

Затем лица отделились и стали масками на украшенных лентами ручках. У многих под ними была лишь странная пустота. Исключением из правила была каменная женщина, поскольку оказалась целиком выточенной из мрамора. Взгляд ее ничего не выражал. Пострадавшая от непогоды и осыпающаяся, она лишилась носа и половины подбородка.

Усеивавшие галерею листья прорезали светящиеся письмена. Разобрать текст было невозмож-

---

[70] Примечания: 70

Гейбл (от англ. *gable* — двускатная крыша дома) — английский женский головной убор первой трети XVI века. Тюдоровский чепец.

но, но он начал выгибаться, пока не сложился в круг. Вдалеке ударил гром, и в центре круга появился человек в красном колпаке. Он помахал рукой другому фейри, и я увидела на его ладонях глаза, которые плакали кровью. Когда мужчина вошел в бальный зал, его спутник протянул ему одну из масок.

— Кажется, она пригласила всех, — пробормотала я. Странность и многообразие гостей снова поразили меня, я поняла, насколько глупа, поверхностна и ограниченна теория Парацельса для понимания фейри. — Кроме Парацельса. Не думаю, что его хоть когда-нибудь приглашали на званые вечера.

Лаон оглянулся и в замешательстве нахмурил брови.

— Иначе он встретил бы там половину этих фейри, — пояснила я, — и тогда пересмотрел бы свою теорию о стихиях.

— Ну, не знаю, фейри с рыдающими-кровью-глазами-на-ладонях можно привязать к воде, — сухо заметил брат.

Из камина повалил дым. Раздался тяжелый стук и треск дров.

Что-то — или кто-то — упало в трубу.

Из по-прежнему пылавшего камина выныр-

нула фигура. Роста она была внушительного. И нахмурилась, войдя в галерею и глядя на нас с братом угольно-черными глазами. Лицо ее пересекали белые шрамы, остальное тело покрывала лоснящаяся ярко-красная от свежих ожогов кожа. Фигура неуклюже отступила от камина, и плоть ее запульсировала и засочилась кровью. Черная сажа и белый пепел взлетали и липли к опаленной одежде.

В зеркале появились две темные фигуры не больше пятнышка размером с ноготь. Они становились все крупнее, идя сквозь отражение длинной галереи. Когда новые гости подошли ближе, я смогла разглядеть коричневую кожу, антилопьи рога, тянувшиеся от висков, и бурые перья, обрамлявшие лица, точно львиная грива. На обеих фигурах были одинаковые коричневые фраки.

Скоро они оказались прямо перед стеклом. Поверхность зеркала покрылась рябью, и та фигура, что была пониже ростом, шагнула вперед и протянула руку, чтобы помочь своему приятелю. Чуть более высокий фейри улыбнулся мне, когда они оба входили в бальный зал. Их длинные змеиные хвосты стегали воздух.

— Это мантикоры? — спросил Лаон. — Какая-то

разновидность химер?

Я не знала и не смогла ответить.

Гости все прибывали. Портреты опустели, и множество фейри хлынуло из зеркал. Сначала они казались отражениями. Отражениями, которых не было ни в одном другом зеркале.

Мимо протанцевала женщина. Волосы развевались позади нее, словно каскадные изгибы хвоста золотой рыбки, а когда она смеялась, раздавались лишь булькающие звуки. По подолу ее платья были выжжены таинственные символы, и такие же покрывали ее кожу красными воспаленными шрамами. Я сразу узнала символы. Это был енохианский.

Я уставилась на женщину, поначалу решив, что внезапно научусь читать язык ангелов, который ускользал от меня все эти ночи, но этого не произошло. Я взглянула на брата и, поняв, что сейчас не смогу отлучиться, решила разыскать незнакомку позже.

В зеркалах никто из гостей не отражался.

Глава 23. Правда открывается в полночь

Иногда крест этот тяжел сверх всякой меры. Я несу его в покаяние за прегрешения моего сердца, ибо они – то же, что и грехи плоти. Смотреть на женщину с вожделением – значит уже совершить с ней прелюбодеяние. Я знаю это и терплю. И чувствую, что буду терпеть до конца своих дней.

Мое сердце измучено и изранено непоправимо, и в своем глубоком одиночестве я часто хочу уйти из жизни, но Богу виднее, и хочется исполнить до самой мелочи то, что Он от меня требует. Лишь молюсь, чтобы ни один миссионер никогда не был так одинок, как я.

Лаон Хелстон. Личные дневники, датированные декабрем 1846 г.

Слуги Маб наполнили главный зал серебристыми ивами, которые роняли блестящие листья. В ветвях музыкально звенели легкие ветерки. Решетку, аркой выгнувшуюся над высокими сто-

лами, обвивал плющ. С него свисал прозрачный виноград, и каждая его ягода горела изнутри ярким синим пламенем. Свет от этих ледяных шариков танцевал на наших лицах, окрашивая их синим.

— Ты должна съесть одну, — прошептал чей-то голос у моего уха.

— Съесть? — переспросила я.

— Да.

Незнакомка с волосами, похожими на хвост золотой рыбки, сорвала с плюща блестящую виноградину. Затянутые в перчатку пальцы крутили ягоду, стремясь поймать свет. Теперь я видела шрамы на руке и плече у женщины. Енохианский врезался в ее плоть.

Незнакомка съела виноградину, оторвала еще одну и передала мне.

Та оказалась холодной на ощупь. Я посыпала замороженную ягоду солью из солонки, которую держала в сумочке. Но, несмотря на это, виноград взорвался во рту свежестью и сладостью.

— О, — женщина взмахнула веером, — не знала, что ты — человек.

Незнакомка была в платье цвета давно засохшей крови — оно вызывало в памяти покрытые струпьями порезы, которые продолжали и про-

должали зудеть. По подолу мерцали строки на енохианском.

— Ее платье просто божественно, не правда ли? — заметив мой пристальный взгляд, вступил в разговор другой незнакомец.

Его угольно-черные черты скрывала маска в виде обгоревшего черепа. Фигуру свободно обвивала пурпурная тога. Я покраснела, увидев слишком много обнаженной кожи, но не смогла отвернуться, когда поняла, что золотые символы, вкрапленные в его глубокие шрамы, тоже енохианские.

— Тебе не следует дразнить ее, брат, — произнесла незнакомка и жестом собственницы положила руку на обнаженное плечо своего спутника. — Тем более что ни один из нас не представился.

— Как невнимательно с нашей стороны! — воскликнул тот. — А ведь мы, сестра, обещали Маб вести себя наилучшим образом.

Имя Бледной Королевы заставило меня съежиться, но я не стала их поправлять. Было очевидно, что они не боятся его произносить.

— Маб не заметит, брат. Она слишком занята тем, что снова затевает ссору с Повелителями Бездны — зимний маскарад вне сезона, завтраш-

няя охота на лис.

— До чего же старомодно. — Он помолчал, смакуя прозрачную виноградину. — И тем не менее она может попытаться задеть Зеленого Короля или Железную Леди. Она многих ненавидит. А все оттого, что очень стара.

— Мы оба помним, как солнце привязали к колеснице, брат.

— Ты ранишь меня, — отозвался тот. — Хотя допускаю, что все это может быть ее попыткой заявить свои права на зиму. Стоило, должно быть, довольно дорого, этот снег не привозной.

— Охота среди снегов такая скучная, — сморщила нос его сестра. — И я уже слышу, как приближается буран — он вроде бы должен прибыть из Финляндии. Там просто рук не хватит сделать столько снега.

И тут раздался грохот. Я подпрыгнула от неожиданности и, взглянув на окна, увидела, что снаружи началась метель. На фоне черного неба проносились белые хлопья.

— Как же вовремя! — сказал незнакомец, и, подчеркивая его замечание, сильный порыв ветра швырнул град в стеклянные двери.

— Совсем наоборот, брат, — возразила незнакомка, поправляя его размотавшуюся тогу, затем

выдохнула, и кожа у нее на щеках затрепетала, словно жабры. — У меня не было времени полюбоваться снегом ручной работы или последним творением Джека [71]. А теперь их погребет под всем этим природным градом.

— Он будет совсем как в прошлом году. Я именно такому отдаю предпочтение, когда мы покупаем лето.

— Прошли десятилетия, разве нет? В тот год мы были такими ненасытными до лета, — еще один вдох, и жабры на шее незнакомки превратились в зеленые с золотом глаза.

Внезапно окна залил яркий свет и заполнил бальный зал. Молния.

— Мы собирались представиться, — напомнил незнакомец и вновь обернулся ко мне. — Я — Пенемуэ [72], известный как То, что Внутри, а это моя сестра Касдейя [73], известная как Укрытая Рука и Астролог Крови.

---

[71] Примечания: 71

Джек Фрост — сказочный персонаж, который отвечает за стужу и снегопады.

[72] Примечания: 72

Ангел написанных слов. В енохианских преданиях упоминается как страж. Освобождает людей от глупости.

[73] Примечания: 73

Ангел-лекарь, учил людей траволечению, абортам, избавлению от болезней мозга, а также борьбе с демонами и духами.

— Не думала, что мы воспользуемся этими именами, брат.

— Поднеси любое имя к свету истины, и его звуки сольются в радугу. Оно ничего не значит. И эти ничем не хуже других, — растягивая слова, проговорил Пенемуэ и взял у проходившего мимо слуги бокал вина. — Нам не нужно их скрывать, как делает Маб. Мы не знаменитости. Никто не читает книгу стражей.

— Но я предвкушала, что назову себя распущенной, дорогой брат, — ее невесомые волосы колыхнулись. — По примеру Бледной Королевы.

— Подозреваю, человек сочтет неуместным, если я представлю тебя как Распутницу, — судя по голосу, он ухмылялся.

— Я… — я замялась, внезапно испугавшись важности и могущества имен.

Пенемуэ шагнул ближе и, наклонившись, изучал мое лицо. Я могла заглянуть за край его маски: под кожей змеились белые вены, постоянно меняющиеся, почти похожие на небрежно записанные слова. Его дыхание пахло клеем на корешках новых книг и густыми чернилами старых.

Я чувствовала себя загнанной в угол.

— Я — Кэтрин Хелстон, сестра преподобного

Хелстона.

— Ну конечно, миссионера. — Касдейя взяла из рук брата бокал и сделала глоток. — Ты должен был догадаться.

— С-слова у вас на коже и одежде. Они что-нибудь означают?

Пенемуэ улыбнулся, и в его улыбке отразился оскал черепа:

— Зачем тебе это знать?

— Мне стало любопытно. Не узнаю этот язык.

— Наш Извечный Отец и его Незаконнорожденный Сын могут на него претендовать, но принадлежит он не только им. Ты имеешь право изучать этот язык, как и любой другой, хотя не думаю, что сумеешь постичь его тайны. Чернила и бумага способны бросить вызов даже смерти.

В горле стоявшей позади него сестры заклокотал смех:

— Вечно ты драматизируешь. На нее, брат, не так легко произвести впечатление, как на ту, другую.

— Но прах так же способен учиться, как и глина. А мне не нравится наставлять тех, на кого это не производит впечатления, — обиженно сказал Пенемуэ и отступил в сторону, забирая у Касдейи свой бокал, и та шагнула вперед. Они льнули друг

к другу с завидной вольностью.

— Эта не так проста, — сказала Касдейя, взглядом пригвоздив меня к месту. — Если хочешь, малышка, могу раскинуть твою судьбу на крови. За меня скажут звезды.

Ее брат резко рассмеялся.

— Не обращай на него внимания. — Касдейя взяла меня за руку: — Ты ведь всю свою жизнь хотела со мной поговорить, так?

— Р-разве?

— Ты — человек. А люди нас любят. — Она гладила мою ладонь, точно комнатную собачку. — Вы так отчаянно хотите с нами поговорить, что видите нас повсюду. Вы смотрите через ваши границы, ваши стены, и вместо своих сородичей видите нас. Когда ваши корабли уплывают вдаль, а страны и континенты открывают друг друга, то вы видите не других людей. Вы видите нас. Вы хотите нас видеть.

На хорах снова заиграла музыка. Птицы запели на три такта.

— Однако сейчас тебе придется нас извинить, — сказал Пенемуэ, протягивая сестре руку. — Мы просто обязаны потанцевать.

Та обвила его руками, а он притянул ее к себе до неприличия близко. Под неровный ритм вальса

они прижались друг к другу и с потрясающей грацией закружили по комнате. Нимб золотых оборок Касдейи веером расходился позади нее, словно похожие на крылья плавники золотой рыбки. Она как будто была под водой.

Странные брат с сестрой все вальсировали и вальсировали, и, несмотря на свои старания, я потеряла их из виду. Танцы сменяли друг друга, заводные куклы смешивались с гостями-фейри.

Я снова нашла Лаона, который несчастно стоял у высоких стеклянных дверей, выходивших на освещенный двор. Снаружи под тихое воркование фейри потрескивала молния.

— Тебе не холодно, брат? — спросила я.

На его темных волосах лежали снежинки, и мне захотелось их смахнуть.

— Очень, но у меня есть спиртное, и я предпочел бы находиться здесь, а не там, — с этими словами он сделал большой глоток из фляжки. Его дыхание пахло бренди.

— Я думала, ты будешь наслаждаться встречей с таким количеством фейри.

Он покачал головой и сделал еще один глоток:

— Если бы все было так просто.

Птицы на хорах замолчали, и механические гости замерли, не завершив жестов. Все повер-

нулись к Бледной Королеве, которая стояла на возвышении в дальнем конце зала.

— Еще раз добро пожаловать, мои добрые друзья, мои дети, моя семья, — раздался ее голос.

На ней была все та же деревянная корона, которая подчеркивала сходство королевы с совой. Слои коричневых перьев ее платья пронизывали кольца чешуйчатых тел. От длинных извивающихся змей отражался свет, цвет их был ядовито-ярким.

— Я рада видеть здесь столь многих и надеюсь, что мои развлечения доставили вам удовольствие.

Гости кивали и шептались между собой, издавая неясные звуки.

— Но мне уже порядком наскучили иллюзии, — сказала Маб. — Думаю, что с меня хватит магии, заставляющей всех видеть иное.

По рядам гостей пробежал ропот.

— Итак, давайте покончим с чарами, — произнесла Бледная Королева, ее голос эхом прокатился по бальному залу и зазвенел во дворе замка и садах. Она глубоко вздохнула, и я почувствовала приливную волну, когда свет и пыль, закружив, устремились к Маб. Сам воздух, казалось, потрескивал от предвкушения, и даже грохот грома

затих по мановению руки королевы.

Я не смела дышать. Я ждала.

— Проснитесь!

Чешуйки на ее змеях распахнулись, точно усеянные золотыми крапинками глаза, которые смотрели на мир сквозь вертикальные прорези черных зрачков.

Все изменилось.

Фейри, что танцевали вокруг нас, утратили человеческий облик. Лиса сжимала в объятиях белоснежного кролика. На задних лапах стоял лев, цепляясь передними за лишенную кожи заводную куклу. Фарфоровые лица автоматонов мистера Уорнера разлетелись вдребезги, и они стояли голые, выставив на всеобщее обозрение медные шестеренки и шарниры.

Зверинец переглядывался, на мордах было написано потрясение. Удивленно прижимались уши, подергивались носы, хлестали хвосты. Стоило только заиграть музыке, звери выпустили когти и обрушились друг на друга.

Но мы слышали вовсе не пение птиц. На хорах, прикованные к ним за ноги, сидели обнаженные люди со шрамами на шеях.

— Кэти… — выдохнул брат мое имя.

Я растерянно оглянулась. Лаон пристально

смотрел на меня. Голод в его глазах был одновременно чужим и до боли знакомым.

Узел в груди затянулся, и я почувствовала, как по коже разливается тепло.

— Ты… — Его челюсти сжались, а губы вытянулись в тонкую линию. Однако он не отводил взгляд, хотя я могла точно сказать, что пытался. За привычным лоском Лаона струились темные потоки.

Я оглядела себя. Платье с его изумительными золотыми и серебряными слоями исчезло, на мне осталась лишь сорочка. Под невесомой, прозрачной тканью я была совершенно голой и кожей ощущала, как взгляд брата изучает мою фигуру.

Смущение и стыд были столь глубокими, что не позволяли даже покраснеть.

Это было глупо, но я решила, что смогу от них убежать, и бросилась прочь. Мои голые стопы глухо стучали по ледяному полу. Тысячи и тысячи зеркал, выстроившихся вдоль стен замка, отражали мой позор. Я летела мимо них белым призраком, и все же видела себя, каждый потаенный изгиб и предательский розовый румянец. Ветер подхватывал сорочку и заставлял ее льнуть к телу. И я не могла не задуматься, не это ли истинная причина того, почему Маб завесила все

коридоры зеркалами.

Часы пробили полночь, звук волнами разбегался по замку. Казалось, эти раскатистые, гулкие удары меня преследуют. Секунды растягивались, словно само время кралось за мной.

Я задыхалась, но не сбавляла шаг, пока не добралась до своей комнаты. А там рухнула на пол и прислонилась к теплой деревянной двери, по-прежнему ощущая на себе взгляд брата. Свернулась калачиком, прижала колени к груди и обхватила себя руками. В поисках тепла пальцы скользнули сначала в подмышки, а потом между бедер. Мои соски затвердели и болели от холода. Дыхание теплыми клубами повисало у лица, и я подставила под них ладони.

Той ночью мне снова приснился Лаон.

Вокруг снова маскарад с его серебристыми деревьями, которые роняют листья. Нас окружают безликие автоматоны, бездушные фейри и безмозглые звери. Лаон — последнее реальное существо в этих краях, под этим ненастоящим солнцем. Здесь ни один взгляд не может за нами следить.

Начинает играть вальс. Соблазнительный ритм убаюкивает нас своим нежным покачиванием. Лаону не нужно спрашивать, стану ли я танце-

вать. Его ладонь ложится на мою, наши руки встречаются, наши пальцы сплетаются. Я чувствую пьянящее тепло брата рядом с собой, перед собой, вокруг себя. Он обнимает меня крепче, чем следовало, и наши ноги летят по усыпанному звездами полу.

Нас кружит дурманящий вальс. Наши ноги порхают по мрамору, по осколкам тысяч разбитых зеркал, по снежинкам, висящим в чернильном небе.

Мы и юны, и стары в этом странном соединении времен. Одновременно бежим сквозь вереск и спорим об его отъезде в миссию. Препираемся из-за игрушечных солдатиков и блуждаем по саду. Смотрим на гроб нашего отца и отчаиваемся из-за долгов, доставшихся нам в наследство. Все мгновения нашей общей жизни переплетаются перед глазами. Я чувствую, как в груди затягивается давно знакомый узел.

Мои пальцы скользят по его коже, и я нахожу написанные на ней слова, тайны, которые всегда предназначались мне. А пока читаю его душу, его руки раскрывают мою. Мы следуем за каждым несказанным словом, каждым влажным багровым клеймом, выжженным в книге человеческой плоти.

Единые плотью и кровью, мы связаны друг с другом. Мы сплетаемся теплой кожей, и я нахожу собственное имя в книге его души. На мгновения, которым нет конца, наши миры уменьшаются до сцепленных рук, прикосновений губ к обнаженной плоти и погружения друг в друга.

Глава 24. Красное утреннее небо

Все королева Маб. Ее проказы.
Она родоприемница у фей,
А по размерам – с камушек ага-
та
В кольце у мэра. По ночам она
На шестерне пылинок цугом
ездит
Вдоль по носам у нас, пока мы
спим.
В колесах – спицы из паучьих ла-
пок,
Каретный верх – из крыльев са-
ранчи,
Ремни гужей – из ниток паути-
ны,
И хомуты – из капелек росы.
На кость сверчка накручен
хлыст из пены,
Комар на козлах – ростом с чер-
вячка,

Из тех, которые от сонной лени

Заводятся в ногтях у мастериц.

Ее возок – пустой лесной орешек.

Ей смастерили этот экипаж

Каретники волшебниц – жук и белка.

Она пересекает по ночам

Мозг любящих, которым снится нежность.

***Уильям Шекспир. Ромео и Джульетта*[74]**

Я не хотела просыпаться.

Комнату наполнил слабый и неясный солнечный свет. Утро наступило самым решительным образом, но я перевернулась на другой бок и отказывалась вставать.

Поэтому и не услышала стук мисс Давенпорт, и она ворвалась в мою комнату с подносом в руках.

— Вот, подумала, что вы захотите позавтра-

---

[74] Примечания: 74
Перевод Б. Пастернака.

кать, — бесцеремонно сказала она. — Я-то хочу, и мне гораздо удобнее прервать ваше утро, чем утро вашего брата.

— Спасибо, — растерянно ответила я и поднялась.

Глаза были полны песка. Я накинула халат и шаль поверх ночной рубашки. Несмотря на мою надежду, что рукотворная зима Маб закончится вместе с маскарадом, утренний воздух был по-прежнему холодным.

— Ну нельзя же спать вечно. За балом всегда следует охота.

— Разве она не вечером? — Я потерла глаза, избавляясь от остатков сна, скопившихся в уголках глаз, и пока говорила, он испарился окончательно. Хотя его теплое прикосновение ощущалось на коже, даже когда я плеснула в лицо ледяной водой.

— Верно, но я все равно хочу позавтракать, — мисс Давенпорт поставила на стол большой поднос.

Тот был завален всевозможными блюдами, оставшимися после вчерашнего вечера. Рубиново-красные виноградины покрывала филигрань бледно-зеленого льда. Тонко нарезанный ростбиф был скручен в маленькие розетки и завернут

в листья свежей зелени. Главном образом, мяты. Кусочки печенья в форме снежинок — и покрытых глазурью, и нет — были перемешаны с пряничными совами. Комковатые, неудавшиеся сконы[75] лежали в корзинке рядом с волованами [76], из которых сыпалась аппетитная сладкая и соленая начинка.

— У вас дверь не заперта, — произнесла мисс Давенпорт, бросив взгляд на дверцу, выходившую в пустоту.

— Ой! — Засов действительно выскочил, и я решительно вернула его на место. — Она разболталась и часто открывается, пока я не вижу. Должно быть, я слишком… устала прошлой ночью. Чтобы проверять.

— Я тоже слышала о том, что произошло прошлой ночью, — тихо и боязливо добавила она.

Я почувствовала, как узел у меня в груди затянулся. В мысли вторглись бессмысленные образы из моего сна. Отчаявшись сменить тему, я произнесла:

---

[75] Примечания: 75

Скон — небольшого размера британский хлеб быстрого приготовления, традиционно выпекаемый в Шотландии и на юго-западе Англии.

[76] Примечания: 76

Волован — пикантная закуска французского происхождения, небольшого размера выпечка из слоеного теста в форме башенки диаметром от 4 до 20 см.

— Я все еще не посолила еду, — а затем отыскала на столе солонку и потрясла ею над виноградом и печеньем.

— Я слышала об иллюзии и о том, как вы сбежали…

— Зачем вам соль в еде? — вставила я.

Мисс Давенпорт крепко сжала губы и нахмурилась. Затем взяла тарелку с выпечкой, откинулась на спинку стула и, яростно вгрызаясь в печенье-снежинку, ответила:

— Подменыши на самом деле не фейри. Я думала, что до бала уже говорила об этом.

— Говорили, но это бессмыслица. — Я взяла скон, разломила пополам и намазала маслом. — Как вы можете не быть одной из них?

Мисс Давенпорт пожала плечами и продолжила, кусая волован:

— Есть фейри, которые или таковы, какими вы их видите, или нет, поскольку они изменчивы по своей природе и очень разнообразны. Но есть они, и есть люди.

— А подменыши — ни то ни другое?

Она кивнула:

— Подменыши созданы, чтобы быть похожими на людей, но не такими же. Мы должны расти и учиться, как люди. Иначе нас бы обнаружили. Не

все сделаны хорошо, но не имеет значения, успешен обман или нет, мы — не фейри. И не люди.

Я молча доела свой скон, пытаясь осмыслить сказанное. Люди, разумеется, появляются на свет с душой. Ее вдохнули в прародителя человечества по имени Адам. С другой стороны, фейри мы просто не знаем. А если подменыш оказывается между нами и ними, то значит ли это, что фейри должны быть противоположностью людей?

Старательно избегая некоторых мыслей, я размышляла об истинных обличиях гостей маскарада. Если все фейри на самом деле животные, то это имеет некоторые тревожные последствия для нашей работы в Аркадии. С момента открытия этой земли истинная ее природа была плодородной почвой для дискуссий, и за время моего пребывания здесь ничуть не прояснилась. Маятник-солнце и рыба-луна — лишь симптомы более глубокой чуждости. Но, кроме того, что насчет населяющих эти края фейри? Ведь птицы и звери не имеют души и не нуждаются в обращении. Они поставлены под власть человека. С тревожным замиранием сердца я размышляла о природе душ и Божьем творении.

— Итак, отвечая на ваш вопрос. — Мисс Давенпорт не смотрела мне в глаза, и речь ее стала

прерывистой, фразы запинались одна о другую, как будто ни одно чувство не могло ускользнуть без разъяснения. — У подменышей есть определенные человеческие ограничения, но нет других. Подменыши похожи на людей, очень похожи, но не до конца. Однако мы сильно отличаемся, если не сказать больше, потому, помимо всего прочего, что у нас разные творцы. Я не знаю всего о себе, но знаю, что мне нужна еда. Я не истощаюсь, просто чувствую голод.

— Откуда вы… — Я замолчала, осознав дерзость своего вопроса.

— Семья Ариэль Давенпорт умерла в работном доме. Я видела, как они голодали, а сама ничего такого не испытывала. Какие бы механизмы фейри ни были внутри меня, они продолжали вращаться.

— Мне очень жаль.

— Но здесь мне по-прежнему нужна человеческая соль. Какое бы обещание ни было дано, к какому бы гейсу оно ни призывало, оно относится и ко мне.

— Кажется, я понимаю, — сказала я. — Спасибо, что поделились со мной.

Она улыбнулась. Не так широко, как обычно, и с легкой грустью в уголках рта:

— Я бы предпочла, чтобы вы никогда не узнали.

— Что вы имеете в виду?

— Я хочу… просто хочу, чтобы вы знали, что это для вашего же блага. — Она тряхнула головой, и грусть исчезла. Улыбка стала шире, увереннее, и мисс Давенпорт воскликнула пронзительно и весело: — Я ведь еще не съела ни одного пряника!

Когда она ушла, я занялась своей коллекцией документов. Все что угодно, лишь бы не думать о вчерашнем сне. Я знала, что, имея достаточно времени, смогу похоронить эти мысли. Я уже делала так. И знала, что они пройдут. Просто нужно подумать о чем-то другом.

Я перебирала бумаги: страницы на енохианском и мои попытки их расшифровать, дневник Роша и письма из часовни. Подготовка замка к маскараду Бледной Королевы до того утомляла меня к ночи, что до сих пор не удалось прочитать все письма.

Шурша бумагой, я развернула первое. Мое внимание привлекла его фактура, царапины от пера и выдавленные тени слов.

После нескольких страниц, где подробно описывались несоответствия обманчивого замка и то, как сбитый с толку автор их обнаруживал, я

добралась до окончания письма. Уже привыкнув к таинственности, я едва верила своим глазам — письмо было подписано. Автором была:

Э. Р.

В постскриптуме она посмеивалась над тем, до чего непривычно для нее новое имя, полученное после замужества.
Элизабет Рош. Элизабет Клей

И в кои-то веки все части, казалось, сошлись воедино: новые сверкающие инициалы на сундуке с чердака, мисс Клей в дневнике Роша, имя, о котором проговорился брат.

Э. К., которой принадлежали стальные ножницы, должно быть, Элизабет Клей.

Однако сразу после такого триумфального откровения я почувствовала укол досады. Новые сведения были бесполезными. Знание о том, кому когда-то принадлежала эта вещь, не давало ответа на нынешние вопросы. То, что похищенная женщина, пытаясь сбежать и отомстить Маб, нашла ножницы Элизабет Клей, ничего не проясняло.

Я отбросила с лица прядь волос и, когда пальцы коснулись кожи, вспомнила, как это же проделывал Лаон. Он протягивал через стол руку и убирал

мне волосы за ухо. Потянувшись за шпилькой, чтобы заколоть отвлекавшую прядь, я сказала себе, что глупо скучать по нежности его прикосновений или ласке пальцев.

Руки безучастно перебирали бумаги, глаза рассеянно скользили по словам. Многие письма были написаны крест-накрест, причем, поворачивая под прямым углом, текст просто продолжался. Почерк был строгим и аккуратным, но это не помогало ни разобрать его, ни сосредоточиться. В голове у меня все перемешалось. Кроме того, отсутствие дат только усложняло попытку выстроить историю от начала до конца.

«Надеюсь, не будет слишком самонадеянным написать вам после нашей восхитительной встречи в Оксфорде. Вы очень красноречиво обобщили трактаты, опубликованные в мое отсутствие. Работа Пьюзи[77] о доктрине Святого Причастия выглядит весьма интригующе, для меня она представляла особый интерес. Я приложу все усилия, чтобы заполучить собственный экземпляр».

Лишь после многих, очень многих других писем

---

[77] Примечания: 77

Эдвард Бувери Пьюзи — британский англиканский богослов, востоковед, историк церкви, преподаватель, автор богословских и научных трудов.

я поняла, что передо мной любовные послания. Или, скорее, романтические послания.

И Джейкоб Рош, и Элизабет Клей были многословны в своей симпатии, хотя само слово казалось им неточным. Они пространно писали о важности миссий в отдаленные земли, о разделениях и неделимости Церкви, размышляли о разных ее ветвях и о том, могут ли эти различия доказать несовместимость их вероучений. Писали о пресуществлении и божественном присутствии, о помпезности ритуалов и опасном обаянии папства.

О миссии в Аркадии Джейкоб Рош писал скупо, но зато описывал Гефсиманию и безмолвную экономку из местных жителей. В письмах было почти незаметно отчаяние, знакомое мне по его дневникам. Рош казался полным надежд и безумно хотел разделить с Элизабет этот странный новый мир. Когда она спрашивала о фейри и их репутации грешников и лицемеров, Рош заявлял, что это чрезмерно упрощенный взгляд на вещи. Их оружием он называл правду.

Сквозь все это ярко просвечивала искренность веры Элизабет Клей. Рош в своем богословии мог быть оторван от реальности, но для Элизабет вера была пылающей внутри нее страстью. Даже

в спорах она писала с несомненной пылкостью.

Временами казалось, что Рош был в восторге от своей будущей невесты скорее лишь из-за ее богословского образования.

Должно быть, он привез письма с собой как напоминание о будущей жене.

Не желая задерживаться мыслями на вдове Роша, я перешла от писем к енохианскому. Мне удалось немного продвинуться в постижении этого языка, но узнавание отдельных слов далеко от подлинного понимания. Когда я впервые столкнулась с енохианским, то решила, что смогу изучить его так же, как в юности учила с Лаоном латынь и греческий (хотя мы и не могли ни слова произнести из своих длинных списков). Я скучала по голосу брата, по тому, как он, запинаясь, пробирался сквозь наши записи и пытался нараспев произносить речи давно умерших героев.

Снова вздохнув, я встала плеснуть на лицо воды. В кувшине осталось немного после утреннего умывания.

Вода была настолько холодной, что обжигала.

Учитывая сказанное Касдейей и Пенемуэ во время маскарада, я была более чем уверена: это действительно был проект Роша, который должен был помочь ему в обращении фейри. В

конце концов, родной язык — величайший из миссионеров. Говорить с кем-то на его родном языке — основа основ Великого деяния.

И все же в Аркадии нет собственного языка.

Как ни странно, это никогда не вызывало у меня сомнений. Фейри, казалось, бегло говорят на любых языках, с которыми им приходится столкнуться, или, возможно, это просто те, кто разговаривает с чужаками. Несмотря на всю изворотливость исследователей, мы очень мало знали о внутренней Аркадии. Более того, в большинстве первых описаний не делалось различий между подменышами и истинными фейри. Как и Давенпорт, многие ранние посланники были подменышами.

Я размышляла о том, что мой брат сказал о морских китах. Те большую часть своей жизни плавают вне сияния маятникового солнца. Значит, в Аркадии должны быть обширные пространства, которые редко видят день. Но об этих темных землях, лишенных света и тепла, мы почти ничего не знали.

Я снова почувствовала до боли сильное желание, и мысли вернулись к недавним ярким снам о брате. Вспомнила ощущение его ладони в своей, когда мы бежали через вересковую пустошь в

глубь Аркадии. Бесконечное обещание чудес и приключений.

Из задумчивости меня вывел стук в дверь.

Это оказался мистер Бенджамин. Он стоял на пороге в своем лучшем жилете и от волнения теребил соломенную шляпу. Визит Маб сказался на гноме, но хотя усталость его и была очевидна, он чуть распрямился и выглядел не таким сгорбленным и помятым, как обычно.

— Сестра за брата — это честная сделка. Сестра вместо брата, — бубнил под нос мистер Бенджамин, словно напоминая себе о чем-то. Затем он кивнул, как будто укрепившись в своей решимости. Его взгляд скользнул по моему лицу, а потом опять вернулся к беспокойным рукам. — Вы не притворитесь еще разок священником? Пожалуйста.

— Зачем? — Страх окатил меня, точно ведро ледяной воды, и узел в сердце затянулся крепче. — Разве мой брат уехал?

Гном покачал головой:

— Его нет в часовне. Он не хочет говорить с мистером Бенджамином.

— А это не может подождать?

Мистер Бенджамин прищурился и снова покачал головой:

— Сегодня Бледная Королева отправляется на охоту.

— Знаю.

— Потому что за балом всегда следует охота. И это будет Бенджамин.

— Простите, что вы имеете в виду под этим… — произнесла я, сраженная слезами, которые покатились у него из глаз. Запнувшись, я протянула ему свой носовой платок, который гном взял после того, как надел шляпу. — Не плачьте. Она обещала моему брату уехать после охоты.

— Что вы хотите сказать? Охота будет, да? — Он провел рукой по глазам, размазывая слезы. Мой носовой платок так и остался нетронутым. — За балом всегда следует охота. Да, да?

— Да, насколько мне известно. Это одно из развлечений Бледной Королевы.

Мистер Бенджамин торопливо закивал:

— Значит, вы знаете. Она решила поохотиться, и ей нужно несколько фейри, чтобы было на кого. Это должен быть один из нас. И я подумал, что им может стать Бенджамин.

— Вы ведь не серьезно, — сказала я. — Но Маб…

— Не произносите ее имени! — рявкнул гном, перестав шмыгать носом. Мистер Бенджамин

был взволнован, но без обычного для себя потаенного страха. И при упоминании имени королевы не отпрянул.

— То есть Бледная Королева, — поправила я себя. — Бледная Королева не может охотиться на нас. Или на кого-то из нас. Нет. Это охота, ты преследуешь животных и… Этого просто быть не может.

— Здесь не на кого больше охотиться. Нет ни лис, ни оленей. Только мы. Мы, фейри. — Он слегка пожал костлявыми плечами, те острыми углами выпирали из-под одежды. — Бледная Королева желает того, что желает. И поступает так, как поступает. А мы, фейри, делаем игру веселее, говорит она.

— Но Бледная Королева не может…

— Это не про нее. Охота произойдет. То есть, я хочу сказать, уже происходит. — Он откашлялся, переминаясь на месте. Его голос напрягся, как будто был готов вот-вот сорваться, но в глубине чувствовалась твердость стали. — У-у меня одни только вопросы. С самого крещения. Я понимал и не понимал. И видел, и нет. И весь был в сомнениях. — Он сглотнул. — Но теперь не сомневаюсь. Я уверен. Более чем уверен. Это то, что мне нужно сделать.

— Но, мистер Бенджамин, мы не можем позволить…

— Пожалуйста, мисс Хелстон. Позвольте мне надеть венец мученика. — Его узловатые смуглые пальцы дрожали, сжимая соломенную шляпу. — Я это понял. Я прочел книгу. Христос сказал: «Достаточно для тебя Моей благодати, ведь сила Моя лучше всего проявляется в слабости» [78].

— Да, но… — До меня едва доходило то, что он говорил. Я все еще была потрясена самой мыслью, что Маб станет охотиться на мистера Бенджамина.

— Он повернулся к человеку, который умер рядом с ним. «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» [79]. Пойдемте со мной в часовню! Вы почитаете мне перед смертью, и мы вместе споем.

Я сглотнула, не зная, что ответить. Решимость гнома была очевидна, даже когда он с жаром вытирал лицо моим платком, окрашивая тот в серый цвет.

— Позвольте мне это, — произнес мистер Бенджамин. — Так написано. «Если же кто-то

---

[78] Примечания: 78
2 Кор. 12:9.

[79] Примечания: 79
Лук. 23:43.

страдает потому, что он христианин, то пусть он не стыдится, а прославляет Бога за то, что носит это Имя» [80]. Я это помню. Я сам это видел. Видел, как за то, чтобы Бог взглянул на нас, отдается и куда большая плата.

— Должен быть другой путь.

— Но ни одному пути это не под силу. Нет другого. — В голосе гнома перемешался его обычный говор и та оксфордская манера, которую он так любил на себя напускать. — Позвольте мне надеть венец мученика. Так вы сможете купить Аркадию. Открыть ворота. Пройтись по дорогам. Там будет больше путей, больше дорог, чем можно обойти. И преподобный сможет поскакать в Сандри, в Анкер, в Пивот. Я смогу позволить ему это, если вы позволите мне.

Некоторое время я молчала, изучая выражение его лица. Большие, широко распахнутые глаза гнома никогда прежде не были выразительнее, он был тверд как кремень. Я вспомнила страх на лице у мистера Бенджамина, когда тот впервые заговорил о Бледной Королеве, сейчас ничего подобного не было и в помине.

Он решился принести себя в жертву.

---

[80] Примечания: 80
1 Пет. 4:16.

Наконец я сказала:

— Не мне позволять вам что-либо, мистер Бенджамин. Ваша жизнь не принадлежит ни мне, ни брату. Но я пойду с вами в часовню.

Его рука была мягкой, как земля после дождя. Широкая ладонь гнома обхватила мою, и я услышала, как он пробормотал себе под нос:

— Цена уплачена, уговор есть уговор.

Глава 25. Гончие на охоте

Скажи нам, как Ты считаешь, следует ли платить налог кесарю или нет? Иисус, зная их коварные намерения, сказал: «Лицемеры, вы хотите поймать Меня на слове? Покажите Мне монету, которой платится дань». Они принесли Ему динарий. Иисус спросил их: «Кто на ней изображен, и чье на ней имя?» – Кесаря, – ответили они. Тогда Иисус сказал им: «Так и отдавайте кесарево кесарю, а Божье – Богу».

Евангелие от Матфея 22:17–21

Мы шли в молчании. Замок кишел гостями Бледной Королевы и членами ее свиты, так что разговаривать, скорее всего, было бы затруднительно. Я все еще терялась от задуманного нами и не могла заставить себя смириться так же, как покорился своей судьбе Бенджамин. Разум все еще цеплялся за возможность спасти гнома, помешать королеве осуществить ее план.

И меня по-прежнему терзала мысль о том, что

все фейри на балу оказались обычными животными. Неужели их странная внешность — обман? Неужели под всеми этими чарами они всего лишь звери, а если да, то обладают ли они звериными душами и звериной природой?

И разве звери не получили имена от Адама и не были поставлены под его власть?

А рука, сжимающая мою ладонь, — принадлежит ли она существу с такой же душой, как у меня, или неразумному животному? Неужели человечность, которую я вижу в глазах Бенджамина, — всего лишь иллюзия? И если у него есть душа, то как она будет взвешена? Так же, как моя, или все они свободны от греха Евы? Наверное, они не несут и не могут нести на себе бремя ее преступления?

Заметив, что я смотрю на него, мистер Бенджамин храбро улыбнулся и крепко сжал мне руку. Словно под слоем нагретой солнцем грязи ладонь вдруг наткнулась на камушки.

Увижу ли я его в раю?

Мы распахнули двери часовни. Брата там не оказалось.

Если бы не одинокая оплывшая свеча на алтаре, зал был бы погружен во мрак. Окна покрывал толстый слой инея, придавая месту суровый и

мрачный вид. Никогда не думала, что стану тосковать по помпезности и украшениям, но в этот момент в часовне царило уродство, которое было невыносимым.

Слабый ореол пламени свечи рождал вокруг длинные тусклые тени. Эти призраки приносили мало утешения. Мы шли по нефу, а на нас глазели холодные и пустые скамьи.

Я нашла целую свечу, зажгла ее от оплывшего огарка и принялась подносить к каждой ветви канделябров, пока часовня не озарилась светом.

Бенджамин встал на колени, и я опустилась рядом с ним.

Мне недоставало его спокойствия и мужества.

— Может, почитаете мне?

Я кивнула и открыла Библию. Полистала страницы, не зная, что выбрать. Несмотря на то что Библия моя была зачитана от корки до корки, несмотря на то что я столько раз обращалась к ней за поддержкой, я никогда не думала, что придется читать ее осужденному.

— И было решено, я должен умереть. Осталось лишь решить: что будет вам за это? — пел он чуть слышно.

— Бенджамин… — дрожащим голосом произнесла я.

Впервые ступив на землю Аркадии два месяца назад, я и помыслить не могла, что дойдет до такого. Я читала отчеты миссионеров, отправившихся в другие страны, и знала об опасностях, об их мученичестве, но знание не дало мне никакого понимания. Чувствовали ли они то же самое, смело встречая свою судьбу? Ощущали ли такую же беспомощность, наблюдая собственную гибель от чумы и меча?

— Если Христос может искупить грехи мира, возможно, я смогу выкупить себе подобных, — сказал гном. — Я бывал на рынках. Все имеет свою цену.

— Эта цена очень высока.

— Так и случается в сказках, и я стану одной из них. В конце концов, фейри — это всего лишь сказки, — он улыбнулся, словно пошутив. — Расскажите мне историю, частью которой я стану. Историю нашего греха и нашего спасения.

Меня трясло. Я очень боялась, и это было заметно, но мистер Бенджамин ничего не сказал. Хотелось спросить, что же за грех скрывается в прошлом фейри, — или они на самом деле разделяют с нами проступки Евы?

Все отрывки были одинаково хороши, поэтому я прочла: «Бог един, един и посредник между Бо-

гом и человеком — этот Человек Иисус Христос. Он отдал Самого Себя как выкуп за всех людей, Он — свидетельство Бога миру, данное в свое время…» [81] Мой голос наполнил часовню. И хотя это явно принесло гному утешение, я почувствовала себя еще более одинокой.

Многие вопросы, которыми мистер Бенджамин меня все время мучил, так и остались без ответа. Я чувствовала, что перед лицом жизни и смерти, перед лицом его мученичества они должны перестать иметь значение. Чувствовала, что его убежденность должна обновить мою собственную веру. Что при всех мелких, оторванных от реальности вопросах богословия я должна знать, что действительно истинно.

И все же это было не так. Тайны и вопросы лишь сильнее терзали мой разум, в холодном свете часовни их тяжесть была почти невыносима. Я не могла осознать, что греховно, а что нет. В конце концов, кровью Христа и был оплачен грех Евы.

Я так явственно читала в лице мистера Бенджамина пыл, с которым он верил. Гном больше не видел себя каменистой почвой. Его взвесили и не обнаружили слишком легким.

---

[81] Примечания: 81
1 Тим. 2:5–6.

А я?

Я читала со всей страстью, которая во мне была. Слова захлестнули меня, переступив за черту осмысленности, и помогли моему спутнику. Я видела, как его глаза снова наполнились слезами. Теребя грязный уже носовой платок, мистер Бенджамин меня поблагодарил.

Вместе мы следовали за Христом от входа в Иерусалим до мгновения казни. Название замка — Гефсимания — обрело новое значение.

Окна потемнели, и я догадалась, что близятся сумерки. Лаон должен был быть здесь, чтобы поговорить с мистером Бенджамином — своим единственным прихожанином — до того, как тот погибнет от рук королевы, которой оба они так повиновались.

Подойдя к концу главы, я произнесла:

— Мне надо бы пойти отыскать своего брата.

— Благодарю вас, — сказал мистер Бенджамин, не отрывая взгляда от алтаря.

— Вы останетесь тут?

— Столько, сколько смогу, — ответил он. — Охота скоро начнется.

Оставив мистера Бенджамина молиться, я отправилась на поиски Лаона.

Гефсимания бурлила. Подготовка к охоте шла

полным ходом. Люди с песочной кожей и немигающими стеклянными глазами облачились в красные камзолы и собирали стаи гончих.

Оседланные скакуны — не все они были лошадьми — нетерпеливо переминались во дворе, и копыта их стучали, будто град по оконным стеклам. Чешуйчатые твари шипели на меня, выбрасывая наружу длинные языки. Крылья хлестали возничих. Невозможно было отличить, когда хлопает оперение, когда трещит огонь, а когда — позвякивает чешуя. Развевались гривы, а из раскаленных ноздрей вырывались шлейфы сверкающей черной пыли.

Комната брата оказалась пустой, а его постель стояла нетронутой. Я вспомнила простыни Лаона на кровати Маб и подумала о сне, который гнала от себя вместе с ивами, рекой и перешептываниями. Затем подумала о том, как их сплетающиеся руки путались в выцветших зеленых лентах, которые я когда-то вплетала в волосы, и узел в груди снова заныл.

В бальном зале и длинной галерее по-прежнему оставались следы ночного беспорядка — опавшие листья и кучи тающего снега, перья и мех, выжженный узор на потолке.

— Мисс Хелстон! — раздался удивительно чело-

веческий голос. — Какой приятный сюрприз.

Это оказался мистер Коппелиус Уорнер, часовщик. На нем была ярко-красная с черными лацканами куртка для верховой езды, а в руке он сжимал черный хлыст.

— Предвкушаете погоню, мисс Хелстон? — с воодушевлением спросил он, и от взгляда, которым мистер Уорнер рассматривал мое поношенное дорожное платье, стало так же неприятно, как от ползающих по коже муравьев. — Хотя я несколько удивлен, что королева не одарила вас более подходящим нарядом. На маскараде вы были восхитительны.

Я удержалась от замечания, что подаркам королевы доверять нельзя, и улыбнулась:

— Мне пора, мистер Уорнер.

— Но я ведь увижу вас на охоте?

— Конечно.

Когда я отказалась от его рукопожатия, часовщик отвесил глубокий театральный поклон, который, несомненно, должен был казаться игривым.

Лишь уходя, я подумала, что надо поинтересоваться у него, и, полуобернувшись, спросила:

— Вы не видели моего брата?

— Да, кажется, я видел его в конюшне.

В конюшне пахло серой.

Когда я заглянула внутрь, глаза защипало. Все было окутано дымом. Среди серых клубов тлели угли. Зловонные едкие кучи были сдвинуты к стенам.

Конюшня почти опустела, все звери фейри были оседланы и выведены во двор. По большей части закрытые ставни отбрасывали тени в длинный окаймленный стойлами проход. Многие стойла были зарешечены, словно клетки, и на то немногое, что было освещено, ложились темные полосы.

Приоткрыв рот, я ощутила вкус серы, соли и дыма.

— Лаон? — окликнула я.

Откуда-то из глубин конюшни донесся шум. По углам лежал черный блестящий уголь, а на полу валялось промокшее сено. Я очень осторожно пробиралась вперед.

— Запираю Диогена, — раздался из темноты голос брата. Из стойла послышался скулеж и отчаянное царапанье когтей. — Незачем ему присоединяться к этому безумию.

— Лаон…

— Да и тебе тоже, — добавил он. — Тебе нужно уйти. Прошлая ночь… прошлая ночь не должна

повториться.

— Я здесь не поэтому, — мой голос звучал холодно, — я здесь из-за Бенджамина.

— Что? — В голосе у брата появилось замешательство. Он на мгновение прекратил седлать стоявшего перед ним коня. Тот тряхнул похожей на пламя гривой.

— Бледная Королева собирается убить первого новообращенного. — Я старалась говорить со стальной решимостью мистера Бенджамина, но у меня не выходило. — Она будет охотиться на него, словно на зверя, и ради великого дела он станет мучеником.

— Ч-что ты говоришь? — Лаон подтянул подпругу седла, стараясь не встречаться со мной взглядом.

— Она собирается убить Бенджамина. Вот к чему привели все твои планы.

Брат рассмеялся, и этот резкий звук причинил мне боль. Он был пустым и горьким. Конь заржал.

— И чего же ты от меня хочешь? — Слова летели с раскатистым ревом, в струящемся солнечном свете видны были брызги слюны, вырывавшиеся изо рта Лаона. — Ждешь, что я приеду и спасу его? Ты действительно думаешь, что это в моей

власти?

Возможно, дело было в решимости мистера Бенджамина, в том, что он воспринимал все это как неизбежность, но время, проведенное с ним в часовне, укрепило во мне то же чувство неотвратимости. Мой разум больше не искал путей его спасения, не строил безрассудные планы, которые начинались и заканчивались бессмысленным бегством.

Как я не могла убежать от своего позора на балу, так и мы не смогли бы скрыться от воли Маб.

— Нет, — произнесла я совершенно спокойно, — «так и отдавайте кесарево кесарю, а Божье — Богу».

Лаон спрятал лицо в ладонях, а затем откинул назад свои прекрасные волосы. Теперь я видела, что спрятаться здесь его заставило не бессердечие, а полная беспомощность.

— Это просто смешно.

— Есть люди, которые говорят, что Аркадия платит десятину аду. Мы до сих пор не знаем, насколько это верно.

— Что же ты предлагаешь?

— Ничего, Лаон. Мы его подвели. Я не думала, что мы на это способны, но подвели и… — Из глаз у меня потекли слезы. От серы. От злости. —

Должно быть что-то еще, что мы можем сделать. Разве нельзя попросить ее о милости, услуге или одолжении? Разве не так действуют фейри?

— Не думаю…

— Лаон, мы должны. Бенджамин — он кое-что сказал. Он сказал, что фейри — это сказки. Может быть, нам удастся их как-нибудь обмануть…

— Кэти…

— Но Бенджамин сделал выбор. Он этого хочет. Считает, что спасение Аркадии стоит его жизни. Называет это ценой, которую он должен заплатить, чтобы выкупить их души. Как я могу ему возразить? Как могу отказать в мученичестве, которого он желает?

— Ты злишься на меня.

— Да!

— Я не могу сражаться с Бледной Королевой.

— Я злюсь не из-за этого. Я злюсь из-за того, что тебя не было рядом, чтобы помолиться с ним, спеть с ним, услышать его последние слова. Теперь он молится один, потому что тебя там не было.

— Кэти!

— Ты должен к нему пойти. — Я тряхнула головой, пытаясь прояснить свои затуманенные мысли. Воспоминания и сны перемешались друг

с другом, и моего праведного гнева было недостаточно, чтобы держать их в узде. Беспомощный вид брата меня обезоружил. Я успокаивающе протянула руку и положила ему на плечо. — Он в тебе нуждается.

Лаон наклонился ко мне, и я успела увидеть, что он смягчился, прежде чем вновь отстраниться.

— Хорошо, но вчера вечером… — Брат не смотрел мне в глаза. — Так не может продолжаться. Я не могу… тебе нужно уехать.

— Лаон, пожалуйста. Сейчас это не важно.

— Нет, но… прошлый вечер, — его трясло. Он сглотнул и отвел от меня взгляд. — Знаю, что другие вещи кажутся более важными, и знаю, что дал две недели, но я не могу. Особенно после прошлого вечера. Когда ты рядом, я себе не доверяю.

— Лаон, пожалуйста, не так уж я на тебя и зла, — сказала я. — И ты не можешь делать это в одиночку. Я нужна тебе здесь.

— Ты не понимаешь, Кэти…

— Если не я, то кто-нибудь еще — жена, мисс Давенпорт.

Даже для моих собственных ушей мой голос звучал глухо. Я не хотела, чтобы Лаон женился. Произнесенные слова туже затянули узел боли в груди. Узел, которому я не хотела давать на-

звания. Мне вспомнилось, что это же чувство посещало меня всякий раз, когда брат флиртовал с какой-нибудь женщиной. Каждый раз, когда дамы в церкви порхали мимо него и хихикали, ожидая его благосклонности. Я так долго носила в себе это тяжелое, точно камень, чувство. И впервые ощутила его истинный вес, упавший мне на плечи и сдавивший грудь. Даже скованная этой тяжестью и болью, я чувствовала, что проваливаюсь.

— Это не имеет значения. Тебе нужен кто-то, и это должна быть я. Нельзя тебе оставаться здесь одному.

— Я хочу, чтобы ты была здесь. Больше всего на свете.

— Тогда почему отсылаешь меня? — бросила я в ответ.

— Потому что ты не можешь остаться.

— В этом нет никакого смысла.

— Я покинул Англию из-за тебя. Это было изгнание. Пусть навязанное самому себе, но вполне реальное. Мне это было необходимо. Я думал, если окажусь здесь, то все перестанет иметь значение. Думал, что смогу сбежать от собственного греха. Если буду бежать достаточно быстро и достаточно далеко.

Прежде я не видела, чтобы мой гордый, красивый брат выглядел побежденным. Усталость, легшая ему на плечи, казалась еще более невыносимой. Он ударил кулаком по деревянным воротам стойла, и те загрохотали на петлях.

— Это было глупо. Я не смог далеко убежать.

— Лаон… — Я стояла над ним, узел в сердце болел невыразимо.

— И ты приехала, — произнес он с нотками мрачного веселья в голосе. Оно не переросло в смех, но Лаон покачал головой, и темные кудри упали ему на глаза. — Глупая, храбрая женщина. Ты приехала за мной.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду… имею в виду… — он замялся.

Наши глаза встретились, брат посмотрел на меня диким, затуманенным взглядом. Свирепость и страсть, которые всегда кипели за его фасадом, выступили на первый план. И это была не просто дикость, голод или насмешливость.

В этот момент на нем не было маски.

И тут впервые я поняла. Это похоть.

Меня потрясло до глубины души. Узел в груди, эти крепко обхватившие мое сердце руки… Я почувствовала, как они ослабли.

Протяжно пропели охотничьи рога.

— Нас призывает Бледная Королева, — сказала я.

Лаон поднялся на ноги и стряхнул с бриджей сажу. Он все еще дрожал, но на его лицо вернулась прежняя маска:

— Не стоит заставлять ее ждать.

Глава 26. Кролик в силках

Я полностью посвящаю себя этому славному делу. Отдаю ему свое время, свои дарования, свои силы и свою семью. Свою единственную семью. Я не сомневаюсь. Мне нельзя сомневаться. Опасности – я знаю их. Искушения – я чувствую их. Цена – я заплачу ее. Пусть этого будет достаточно. Я молюсь, чтобы этого было достаточно.

Преподобный Джейкоб Рош. Личные дневники, запись датирована 1842 годом

Моею кровью Бог скрепляет свою истину. Он станет писать на моей плоти, а я лишь смогу всей душой обратиться к небесам.

Кровь не будет пролита напрасно. Истина, с таким трудом завоеванная, не может быть снова утрачена.

Я верю. Я могу только верить. Ничего не остается, кроме как верить.

Написано почерком неизвестного в

дневниках преподобного Джейкоба Роша, запись датирована сентябрем 1843 года

Когда мы прибыли, собаки уже лаяли, но охотничья команда еще не была готова.

Лаон сел на своего рыжего коня, а мне дали животное, которое было скорее тенью, чем зверем. Когда я на него забралась, моя рука погрузилась в его зловонные чернильные глубины. Холодная железная уздечка, казалось, утонула во мраке пасти, а звенья цепи утратили блеск.

Бледная Королева со своего скакуна оглядела всех нас. Она была одета очень просто, голову ее украшала совиная корона. Маб была в прекрасном настроении и со смехом приказала свите выпускать собак.

Песочные люди согнали гончих в огромную свору. Я предположила, что слуги — это ловчие и псари, и не могла понять, зачем ей понадобилось столько пород собак, поскольку умения и особенности многих из них едва ли будут полезны в охоте на…

Не хотелось додумывать эту мысль до конца.

Пятнистые спаниели и пойнтеры, лежавшие друг на друге, с удивительным послушанием откликались на команды. Лерчеры в нетерпении

стучали хвостами.

Мой взгляд задержался на серых фигурах гладкошерстных уиппетов. Те двигались с неземной грацией, всматривались в горизонт и подергивали ушами. С острой болью вспомнился родной дом и охотничьи собаки нашего отца.

Но вот гиен я увидеть не ожидала. И лишь услышав их хохот, догадалась, что это за темные, полосатые псы с широкими плоскими головами и жесткой шерстью. Их языки вывалились из красных пастей, а морды раскачивались, наблюдая и выжидая.

Послышался грохот копыт, и к ним подъехали фейри. Первым среди них был Пенемуэ. Позади него алым знаменем реял край тоги. Черная кожа резко выделялась на фоне красного одеяния и белого скакуна. Его сестра была рядом — яркое пламя верхом на кобыле цвета крови. От галопа костюм для верховой езды развевался над землей, смешиваясь со складками длинной мерцающей вуали и просвечивающими сквозь нее сверкающими волосами, похожими на хвост золотой рыбки.

Маб приветствовала гостей с обычными для себя любезностью и улыбками, хищный вид которых в этот день стал особенно заметен.

Неподвижно сидя на своем призрачном коне, я едва могла сосредоточиться на открывавшемся передо мной зрелище. Отчаянно хотелось, чтобы разум опустел, но это был не выход. Я видела брата и чувствовала на себе его взгляд. Ощущала знакомый горячий румянец и проклинала свою кожу за предательство. Вокруг меня внезапно закружил ветер, и я вздрогнула.

Бледная Королева приказала выпускать добычу, и поднялась суета. Я боялась того, что произойдет дальше.

Из рук распорядителя охоты вырвалась маленькая синяя полоска.

— Готово, — объявила Маб, и ее лицо расплылось в улыбке.

— Кого это Маб хочет убить сегодня? — вместо приветствия спросил Пенемуэ, поворачивая своего норовистого скакуна в мою сторону. Теперь, когда на его лице не было маски-черепа, золотые шрамы енохианских меток на коже стали еще заметнее. — Ты не знаешь?

— Бенджамина Гудфеллоу, — услышала я собственный голос.

— Неужели? — произнес Пенемуэ. Позолоченная чешуя его белого зверя сверкала на солнце.

Я кивнула.

Поравнявшись с братом, Касдейя рассмеялась:

— Возможно, но отчего это должно позабавить Маб? Убийством скромного садовника не покажешь свою власть. Не грех убить того, у кого нет души.

— Но что есть душа, дорогая сестра? — В голосе Пенемуэ звучала теплота, которая вызывала у меня зависть и заставляла мою собственную свиваться кольцами где-то глубоко внутри. — Дыхание ли она, что передалось из уст Творца его детям? Или нечто неповторимое, принадлежащее человеку, тому, кто подобен божеству?

— Мне не следовало потакать твоей склонности к схоластике.

Он откинул голову назад и издал раскатистый звук, который я приняла за смех.

— Возможно, я слишком много разговаривал со смертными богословами.

— Они так редко задают правильные вопросы, — заметила его сестра, сдерживая своего беспокойного скакуна, — вечно отвлекаются на детали. Но это не ответ на мой вопрос: почему гном? В чем же тут шутка?

— Возможно, в том-то и есть шутка, — ответил он. — Тут ведь убийство, а не размышления о природе греха.

Снова затрубили охотничьи рога, и мы выехали.

В воздухе ощущалась зимняя свежесть, маятниковое солнце светило ярко и ясно, его лучи пронзали серую листву. Лесной полог из невообразимо перепутанных ветвей был почти прозрачным, словно старое, покрытое инеем стекло.

Лес появился недавно.

Там, где прежде простирались бесконечные серые туманы, теперь раскинулись густые заросли деревьев и кустарников. Из мглы, окружавшей Гефсиманию, Маб создала лес и призвала его к жизни.

Наши скакуны топтали его копытами, и подлесок снова превращался в туман, а в воздухе витал неуловимый, навевающий тоску запах дыма. Пенемуэ и Касдейя продолжали весело болтать.

Охотники рассредоточились, отыскивая маленькое синее существо. Некоторые своры собак отступили, а другие исчезли в сером лесу. Одна из гончих, кажется, напала на след, и мы устремились за ней.

Я едва могла разобрать, что мы ищем. Все происходило словно во сне. Мой конь рванул, почти не обращая внимания на понукания моих рук и коленей. Он следовал за остальными скакунами

и дергал ушами, слыша призывный лай псов. Он был сам себе хозяин.

Может, так же чувствовали себя апостолы накануне казни Христа? Неужели я — это Петр, обреченный трижды отречься от Иисуса до первых криков петуха?

Огромную, неуправляемую свору сотрясал лай.

Я дернула поводья, но скакун продолжал мчаться вперед. Не хотелось становиться свидетельницей происходящего. Я вспомнила доверчивые глаза мистера Бенджамина, его бесконечные вопросы и, несмотря на его внезапную решимость перед лицом мученичества, по-прежнему была мрачна.

Я пыталась представить, как когда-нибудь этот миг попытаются воссоздать простыми словами, и не могла. Первый фейри-мученик. Если ничего другого не оставалось, мне следовало увидеть все самой.

Гиены перетявкивались между собой, а затем завыли — громко и протяжно. Болезненный звук больше походил на крик ребенка, чем на вой зверя.

Будет ли мистер Бенджамин кричать?

Свора терьеров в сильном возбуждении зарычала и залаяла на крону одного из деревьев. Псы

кружили вокруг ствола и подпрыгивали. Между туманными листьями едва просматривалась синяя белка.

— Я знала, что стоило взять хорьков, — медленно, хотя и без раздражения, произнесла Маб и выжидающе протянула руку, в которую один из охотников торопливо вложил пращу и камешек.

С нескрываемым ликованием королева метнула камень в ярко-синюю белку. Промахнулась, но удар пришелся по стволу, и его силы хватило на то, чтобы с веток посыпались листья. Еще один фейри запустил камнем в стремительного зверька.

Спустя дюжину попыток синяя белка упала с дерева.

Терьеры приблизились к ней, и мое сердце подпрыгнуло к горлу. Я затаила дыхание. Вцепилась в поводья. Ногти впились в кожу.

Хотелось, чтобы все поскорее закончилось.

Из зарослей выскочил огромный синий кабан и вслепую помчался в лес. Небольшая компания фейри немедленно бросилась в погоню. Оставшиеся охотники разразились радостными криками, а улыбка Маб стала еще шире. Егеря перестроились и перекрикивались друг с другом хриплыми голосами.

Теперь стало ясно, что мистер Бенджамин собирается притворяться разными зверями, чтобы развлечь гостей.

Охота продолжалась.

Мы ехали несколько часов, то находя, то теряя след. Мистер Бенджамин менялся — от кабана до оленя и лисы. Во мне вспыхнула надежда, что Маб заскучает и прекратит жестокую погоню.

— Хочешь узнать секрет? — раздался голос Бледной Королевы.

Я обернулась и увидела, что Маб направила своего скакуна ко мне. Я нерешительно кивнула.

— Мне нравятся любопытные. Ты ведь из таких, верно? — Она остановилась у меня за спиной и шептала мне прямо на ухо. Но ни тепло, ни дыхание не касалось моей кожи.

Огромные желтые глаза Бледной Королевы, казалось, проглотили меня целиком, и горло мое сжималось от страха. Я похолодела и не могла вздохнуть. Возможно, именно так чувствует себя мышь перед тем, как погибнуть в клюве совы.

Маб не стала дожидаться моего ответа и сказала:

— Я не разрушала чары. Ты ведь не думаешь, что правду так легко заслужить. Не было там никакой правды. Я всего лишь накормила тебя

очередной ложью.

— Подождите, вы имеете в виду… — Я нахмурилась, когда до меня дошел смысл ее слов.

— В конце концов, не так уж мне и надоели иллюзии, — зазвучал серебряными колокольчиками ее смех.

— И все это было…

— Отличный фокус, не правда ли? — Она захлопала в ладоши от безудержного восторга. — Не самый лучший, конечно. Лучшие фокусы замешиваются на подлинной истине, но этот почти так же хорош.

Я медленно кивнула, не в силах сделать хоть что-нибудь, кроме как согласиться.

Заиграли рожки, и Маб рассмеялась. Собаки залаяли, гиены захохотали. Загонщики что-то нашли.

Сердце глухо екнуло, и я едва смогла заставить себя посмотреть. Охота меня измотала. Пульс больше не бился в унисон с бешеным ритмом погони. Остался лишь ледяной страх.

Я взглянула на брата. Его лицо было прекрасным и неподвижным, словно маска. Сумерки ласково касались его своим нежным сиянием. Я не улавливала понимания в его сжатых челюстях и гордом взгляде.

Захотелось, чтобы он посмотрел на меня.

Собака выгнала из норы синюю лису. Когда зубы пса сомкнулись на зверьке, того затрясло. Каждая шерстинка встала дыбом, лиса снова содрогнулась и словно выросла, превратившись в гораздо более крупное существо. Собаки с оглушительным лаем попятились.

Синий куль из лохмотьев, в которые превратились одежды, зашевелился. Пошатываясь, несчастное создание поднялось на ноги и, не взглянув на нас, бросилось бежать. Каштановые волосы и рваная одежда мелькнули и исчезли в подлеске.

Жертва бежала на двух ногах, а не на четырех.

Это была мисс Давенпорт.

Песочные люди шли все дальше и дальше, колотя палками по кустам, чтобы выгнать добычу из укрытия.

Откуда-то издалека донесся заливистый хохот гиен. Скакуны навострили красные уши и ринулись вперед. Я почувствовала, как подо мной напряглись тугие мускулы моего коня.

Сначала я приняла все это за игру света, но когда мой призрачный скакун помчал и снова показалась фигурка мисс Давенпорт, то поняла, что это именно она. Те же линия подбородка,

изгиб плеч, вытянутые пальцы.

Густеющий лес замедлил бег лошадей, а мисс Давенпорт забиралась все глубже в чащу. Из неровной земли тут и там торчали коварные корни. Из-за деревьев просачивался низко стелющийся туман, образуя второй полог леса, который еще сильнее рассеивал солнечный свет.

— Похоже скорее на плутовство, чтобы позволить ей убежать на опушку леса, — протянул Пенемуэ. — Довольно пустая трата магии.

— Тише, брат. — Подведя свою лошадь к его коню, Касдейя ласково положила руку брату на плечо, и, несмотря на всю их странность и порочность, я жаждала подобной близости. — Тебе вечно не нравится, когда все заканчивается слишком рано.

— Не всему положено длиться целую ночь.

Моя лошадь споткнулась. Я крепко сжала коленями седло, когда она, заплясав, принялась бить копытами. Ее закружило, и она, словно недовольная своим темпом, казалось, погналась за собственным хвостом.

Не имело значения, как я держу поводья, — зверь обладал собственной волей.

Я отстала от погони.

Раздался еще один издевательский смех гиен,

но на этот раз тише и дальше. Остальных охотников я уже не видела. Лошадь упрямилась и вопреки моим командам лишь махала хвостом.

Возможно, это само по себе было милосердием.

Хотя я слышала вдали звуки яростной погони, вокруг меня стояла необычайная тишина. Созданный Маб серый лес был пуст. По коре не ползали и над гнилушками не порхали насекомые. На ветвях не прятались птицы. Ничто не сновало под ногами. Как и все творения фейри, эта иллюзия была несовершенной.

Еще один взрыв лая, но на этот раз в другой стороне, еще дальше в тумане. Несмотря на уговоры, заслышав этот звук, моя лошадь навострила уши и помчалась на него.

Меня уже в который раз поглотил туман.

Я была отрезана от остальных охотников. Клубившаяся вокруг серая дымка больше не превращалась в деревья, а все больше завивалась бугристыми клубами. Те на миг становились руками, пальцами, губами, а потом снова таяли. Туман тек, словно вода. Ласкал, обнимал, танцевал, подобно набегающим волнам.

Серая пелена заглушала звуки и настолько окутала меня, что я едва слышала собственное дыхание и биение сердца. Меня поглотила мерт-

вая тишина.

Из-за нее-то я и заметила едва уловимый выдох, с шипением вырвавшийся из чьего-то рта. Глаза принялись искать его источник еще до того, как я подумала о последствиях.

Совсем маленькая мисс Давенпорт съежилась в дупле наполовину созданного дерева, которое проглядывало в тумане. Она посмотрела на меня сквозь спутанные и перемазанные кровью волосы и слабо улыбнулась. Ее лицо покрывали царапины, а по вискам текли струйки крови. Как всегда, ее улыбка была слишком зубастой.

Я спешилась и бросилась к ней. Скакун запротестовал, пританцовывая от нетерпения и обдавая меня обжигающим дыханием.

— Ладно, Кэти, — надтреснутым голосом прошептала мисс Давенпорт.

— Возьми мою лошадь, — велела я. — Тебе должно хватить сил. Они не ожидают, что ты будешь верхом и…

— Нет, послушай, ты должна меня убить, — мисс Давенпорт, дрожа, вылезла из дупла. Ее платье было порвано, а грязная, изодранная нижняя юбка липла к ногам.

— Что? Нет.

— Бледная Королева хочет моей смерти. Это

не каприз. Это казнь. Но не волнуйся, — мисс Давенпорт испуганно оглянулась, — у тебя тоже нет души. Так что все это не важно.

— Почему ты так говоришь…

— Кэти, прости меня. Жаль, что приходится сказать тебе вот так. Прежде я об этом не говорила, потому что не хотела, чтобы ты познала ту же боль, что и я. Ты не человек.

— Что? — задохнулась я.

— Ты такой же подменыш, как и я. — Она пожала плечами, но тут же сморщилась от боли. Порез над губой разошелся, и на улыбку потекла кровь. Мисс Давенпорт облизнула губы, окрасив их алым.

— Ты… ты *лжешь*. — Я сглотнула. Она высказала вслух тот страх, который таился в глубине моего разума, но я не хотела ей верить. — Откуда ты можешь знать?

— У меня были подозрения. И Бледная Королева знает. Я видела твоего человека, настоящую Кэтрин Хелстон.

— Нет, пожалуйста… — я мотнула головой.

— У меня есть доказательство. Я видела ее. А Бледная Королева играет с тобой. Она набросится, когда ты меньше всего ожидаешь, но я поняла ее издевку…

— Нет, это неправда.

— Я сделала все, что могла, чтобы защитить тебя от этого знания. Бледная Королева подначивала тебя, намекала. Она хотела, чтобы ты встретилась со своим подлинником. Но я не хотела, чтобы ты узнала. Не хотела, чтобы ты страдала как я, когда они предъявили свои права на меня.

— Но… — я покачнулась.

От ее слов все мое прошлое представало в ином свете. Я хотела отвергнуть то, что она сказала, но такая спешка с охотой перевешивала любые возражения. Отчасти я словно всегда знала правду. Все вдруг обрело смысл: мое недовольство, мои амбиции, мои чувства к Лаону.

— Прости, что не сказала тебе раньше. Я не могла. — Она на мгновение опустила голову, плечи затряслись от беззвучного смеха. — Для них это — жестокая шутка. А теперь мне очень жаль. Очень.

Поводья все еще были у меня в руке. Я знала, что хочу сказать и сделать. Я прижала их к ее слабым, трясущимся пальцам с отдавленными до синевы ногтями и изодранной кожей.

— Они догоняют. Тебе надо бежать. Ты все еще можешь взять мою лошадь.

Она отказалась от поводьев, сунула их мне

обратно и покачала головой:

— Ты должна меня убить.

— Я не стану. Прошу тебя, Ариэль.

Она улыбнулась. Что-то мягкое было в ее улыбке, чего я раньше не замечала.

— Кэти, пожалуйста. Я не могу позволить, чтобы моя кровь запятнала руки твоего брата. Просто не могу.

— Ариэль…

Я снова произнесла ее имя, и добрые чувства, которые я к ней испытывала, превратились в привязанность. Мне удалось убедить себя, что мистер Бенджамин может погибнуть, что он приготовился к мученической смерти, что он знает, чего стоит его жизнь, и готов заплатить ею за возможность спасения.

Но это…

Этого я вынести не могла.

— Немногие были добры ко мне, и я хочу… — Сейчас мисс Давенпорт говорила сама с собой, прикрыла глаза, заново оживляя воспоминания. Я заметила мимолетную тень восхищения у нее на лице. — Ведь я рассказала ему, что не являюсь ни фейри, ни человеком, но ему было все равно. Он беспокоился о моей душе, хотя у меня ее и не было.

Звук охотничьего рога вырвал ее из задумчивости. Взгляд Ариэль заметался. Мы вновь услышали хохот приближавшихся гиен.

— Ты должна меня убить. Не дай сделать это своему брату. — Она вытащила из-за пояса нож. Тот был темным и скользким от крови. Ее покрытые синяками пальцы сомкнулись вокруг моих бледных ладоней. — Маб его заставит. Ей хочется, чтобы он согрешил. Не позволь.

— Но согрешить…

— Ты в безопасности. Для тебя это не имеет значения. Ты такая же, как я, — она бросила взгляд через плечо. — В характере Маб — играть с людьми. Заставлять их грешить. Заставлять их падать на самое дно. Защити его ради меня. Умоляю. Обещай мне.

Часть третья. Голгофа

Глава 27. Кровь на руках

Если подменыши есть нечто среднее между человеком и зверем, то что же станет с ними на том свете?

На что я отвечу: не мое дело знать или выяснять это. Они живут и гибнут по воле своего господина. Их положение не станет ни лучше ни хуже от того, определим мы его или нет. Они во власти истинного Творца и щедрого Отца, который распоряжается своими созданиями совсем не так, как полагаем мы в своих ограниченных воззрениях, и различает их не по выдуманным нами названиям и породам. А мы, так мало знающие даже о мире, в котором ныне пребываем, можем, я полагаю, довольствоваться самими собой, избегая категоричности в определении тех состояний, в которых окажутся эти существа, когда сойдут со сцены. Нам должно быть достаточно того, что Он открыл всем тем, кто способен наставлять, проповедовать и убеждать (обучаться, говорить и рассуждать), что они дадут ответ о своих делах, и воздастся им по тому, что они совершали, пребывая в своем теле.

Джон Локк. Опыт о человеческом ра-

зумении[82]

Я убила Ариэль Давенпорт.

Это все, что я помню.

Я не вполне могла объяснить, как это произошло, даже если бы сумела описать каждую секунду, которая вела к тому моменту, когда нож вонзился в грудь Ариэль. Одно мгновение перетекало в следующее, словно во сне. С той же абсурдностью и с той же безжалостной логикой. Секунды неумолимо летели вперед и затягивали меня в глубины неизбежного.

— Давай, Кэти.

Нож был острым, но не сумел вонзиться глубоко. Я попала в кость. Ариэль закричала.

Кровь хлынула из раны, едва я вынула лезвие из ее тела. Она всхлипнула от боли, и ее глаза встретились с моими. Умоляла. Съежилась. Истекала кровью, словно забитая свинья. Алая жидкость хлестала струей, растекалась по одежде, точно красные чернила.

Возможно, это и правильно, учитывая разговор о нашей общей нечеловеческой природе. Я поду-

---

[82] Примечания: 82

«Опыт о человеческом разумении» (англ. An Essay concerning Human Understanding) — основное философское сочинение английского педагога и философа Джона Локка (1632–1704), излагающее его систему изучения познания через чувственный опыт. В оригинале этот отрывок посвящен вопросу наличия души у умственно отсталых людей.

мала о том, что говорил мистер Уорнер о куклах из плоти. Неужели я просто рассекла ее швы? Не набивка ли выпадает наружу? Не увижу ли я среди всей этой крови шестеренки и пружины?

Я ударила снова, но нож в руке дрожал слишком сильно. Еще один порез, и крови стало больше. Синее платье сделалось почти красным и прилипало к телу.

Ариэль затихла.

Ее кровь была теплой. Однажды Ариэль сказала мне, что кровь связывает кровь, но тогда я не поняла, что имелось в виду. Настоящая ли это кровь? Я чувствовала, как она скользит у меня между пальцами, и крепче сжимала нож, кожей ощущая грани тонкой деревянной рукояти.

Уши наполнил протяжный, завывающий смех, но кто смеется, было неясно — то ли глумливые гиены, то ли сама королева Маб.

Я вдыхала густой и едкий запах крови и не смела закрыть глаза. Не хотелось запоминать этот миг, но взгляд отвести было невозможно.

Когда нож вонзился снова, Ариэль что-то произнесла. Слова, которые я уже никогда не услышу и не узнаю. Плоть подменыша не могла состязаться с шеффилдской сталью. Я уступила смерти и саму Ариэль, и ее тайны, гадая: а что, если все

это — языческое жертвоприношение, какой-то варварский ритуал?

— Прости меня, — голос был мой, но я не помнила, как произнесла эти слова. Извинение слетело с губ следом за очередным ударом ножа. — Мне очень жаль.

Быть может, лишенные души и не способны к греху, но против них согрешить, несомненно, возможно.

Я не поднимала глаз. Не хотелось встречаться с испуганным взглядом своего брата. Не хотелось рассказывать ему о той потаенной правде, которая мне открылась, об обстоятельствах, давивших на меня, и о полнейшей абсурдности всего этого.

Как до такого дошло?

В моей комнате стояла медная ванна, наполненная горячей водой.

Без лишних раздумий я погрузилась в нее в окровавленной одежде, которая по-прежнему льнула к телу.

Вода обжигала. Дыхание с шипением вырвалось сквозь стиснутые зубы. Я откинула голову назад, и перепачканные кровью волосы погрузились в воду.

Долгие минуты я дышала паром и запахом мы-

ла. Все мысли заполнили кровь и взгляд Ариэль, которым та смотрела на меня, когда я ее убила. Кровь одного подменыша, пролитая руками другого.

Ни одна из нас не настоящая, так имеет ли это значение?

Я стянула платье. Пропитанная кровью ткань лежала на воде, точно пленка, точно пенка на остывшем молоке. Я вспомнила, как в детстве пила такое перед сном и строила гримасы брату, пока мы гонялись друг за другом. Вернее, брату Кэтрин Хелстон. Я поправила себя, хотя эта мысль была мне ненавистна. Он не мой, и называть его так нельзя.

Казалось, Йоркшир был очень давно. В прошлой жизни.

От крови Ариэль вода стала мутной. У подменышей очень много крови. Я даже начала размышлять: так же сильно кровоточат люди — или куклы из плоти были не вполне совершенным подобием? Слишком уж много крови.

Вынула шпильки из спутанных волос. Прежде аккуратно уложенные, теперь они превратились во что-то невообразимое. Запустила в них пальцы, чувствуя, что нужно хоть что-нибудь сделать, и принялась распутывать прядь за прядью. Я

погрузилась в это занятие, дав волю оцепенению. Оно окутало меня своим саваном и отвлекло от дурных мыслей.

Очнулась я от стука в дверь.

Вздрогнув, резко выпрямилась. Вдох застрял в горле, а сердце билось, словно барабан, стучало топотом копыт в раже погони.

Должно быть, прошло довольно много времени, пар от воды уже не поднимался.

— Кэти! Ты здесь?

Это был брат.

Вот только не мой. Брат Кэтрин Хелстон.

— Кэти! — снова раздался его голос. — Ты тут?

Ничего не ответив, я глубже погрузилась в воду. Позволила ей поглотить себя.

— Я знаю, что ты тут. Поговори со мной, Кэти.

Я услышала, как открылась дверь.

— Кэти. Ты… — Он замолчал. У него не было слов.

Я остро ощутила собственную обнаженную кожу, ощутила, как покачивается надо мной окровавленная одежда. И снова почувствовала жаркий румянец и тяжелое чувство вины.

Но какое это имело значение?

— Может, мне уйти? — спросил он.

Я даже не обернулась. Не хотела видеть выра-

жение его глаз. Боялась заметить в них жалость, отвращение, гнев. Но еще сильнее боялась, что в его взгляде всего этого не окажется.

Не доверяя своему голосу, я неуверенно покачала головой. И почувствовала, как мокрые волосы липнут к коже.

Дверь захлопнулась. Защелка упала со всей тяжестью топора палача. Я затаила дыхание, но и сама не знала почему.

А потом послышались шаги. Он не ушел.

— Кэти…

— Не называй меня так, — огрызнулась я.

— Почему… — Было слышно, как из-за моей вспышки ярости он отпрянул.

— Я не Кэтрин Хелстон.

Слова выходили сбивчивыми, язык словно распух и сделался неуклюжим. Я зачерпнула тепловатой воды и поднесла ее к лицу, стараясь скрыть слезы. Глаза щипало. Я сглотнула и собралась с духом.

— Кэти, не важно, что ты сделала. Я понимаю. Тебя заставила Маб…

— Я… — Я колебалась, вспоминая о том, как представлялась мне Ариэль. Она произносила слова так, будто в них не было ничего особенного. Я попыталась вообразить себя на ее месте.

Попробовала рассмеяться, но голос звучал точно в бреду. — Я не настоящая Кэтрин Хелстон. Я ее подменыш.

— Что?

— Я — подменыш, Лаон. — Я провела языком по искусанным влажным губам. Ощутила вкус мыла и крови. — Я тебе не сестра.

— Я… я понимаю. Но откуда ты знаешь?

— Ариэль… она мне рассказала.

— А откуда она могла узнать?

— Прежде чем Ариэль начала умолять, чтобы я ее убила, она все мне рассказала. Она давно знала, но не хотела говорить. Она… — Я снова запнулась. Хотела бы она, чтобы Лаон тоже узнал? Не слишком ли тяжким бременем ляжет эта новость на его душу? И все же, какая мне польза от секретов? — Ариэль сказала, что не вынесет, если ее кровь запятнает твои руки. И что я… я не настоящая, как и она, поэтому мне можно это сделать. В конце концов, Бледная Королева желала ее смерти. Кто-то должен был ее убить.

— Ты всего лишь исполнила ее просьбу.

— Но достаточно ли этого? — На моей руке все еще оставалась полоска засохшей крови. Я уставилась на нее, едва осознавая, что́ вижу перед собой. Голос звучал, словно чей-то чужой, нечело-

веческий. — Я сделала так, как велит Священное Писание: «Так и отдавайте кесарево кесарю, а Божье — Богу».

— Кэти…

— Это не мое имя.

— Не вини себя. Ты не изменилась. Ты — та, кто ты есть…

— Но я — не она.

— Ты по-прежнему моя сестра.

Я провела пальцем по запекшейся крови. Рассмотрела пятнышко на кончиках пальцев. Раньше она была такой красной, такой яркой.

Почему на мне все еще кровь?

— Знаешь, она тебя любила, — сказала я, — Давенпорт. Та, ненастоящая. Она тебя любила.

— Знаю.

Я погрузила руку в воду и принялась оттирать. А когда снова вынула, не почувствовала, что стала чище. Ощущение крови осталось, и я все еще чуяла на себе ее запах.

Послышался шорох одежды и глухой стук упавшего на пол пальто. Лаон снимал сюртук. Краем глаза я заметила его руки: он закатывал рукава. Безупречное полотно без единого пятнышка сложилось пополам. Лаон взял мочалку, висевшую на краю ванны, и макнул ее в воду.

— Я сама могу помыться… — затаив дыхание, пробормотала я.

Его руки отжали мутную воду и очень нежно, гораздо нежнее, чем сделала бы я, смыли кровь Ариэль с моих запястий.

— Раньше мы вместе принимали ванну у камина, — сказал Лаон как бы между прочим. Я слышала напряжение у него в голосе, видела легкую дрожь в жестах. — Когда были достаточно маленькими, чтобы помещаться в ванне вдвоем. Ты ненавидела мыть голову, потому что в глаза вечно попадало мыло.

Я кивнула. Теплые воспоминания были испорчены. Я наблюдала за ними, словно сквозь стекло, как будто все это происходило с кем-то другим. Я представляла, как прижимаюсь лицом к холодному окну, наблюдая за сценкой в укромной комнатке. Представляла свое дыхание на стекле, и с каждым выдохом видения детства становились все более смутными. Хихикала я, когда он опрокидывал мне на голову ковшик с водой, или злилась? Терпеливо сидела, пока он тер мне спину, или уворачивалась от его рук?

Вода была еле теплой, но прикосновения Лаона — какими угодно, но только не холодными. Я следила за каждым его движением, за бессмыс-

ленными узорами, которые он выводил у меня на коже. Затаив дыхание, прислушивалась к его словам. Чувствовала позади него жаркое, крепкое тело и горячее дыхание на своем плече, у основания шеи. Дрожь пробежала по моей спине и дальше по всему телу.

Меня охватило желание.

Мочалка снова погрузилась в воду и прошлась по другой руке, плечу, ключице. Я наклонилась к Лаону, и в какой-то момент он уронил мочалку, его руки коснулись моей кожи.

Лишь одно мгновение мы продолжали притворяться.

Его руки обхватили меня и вынули из ванны. Вода стекала с меня ручьями. Я дрожала, цеплялась за него, как будто тонула, и прижималась все ближе и ближе. Он был таким реальным, таким осязаемым.

Я не очистилась, но это больше не имело значения. Его руки обняли меня, и я почувствовала их обволакивающее тепло. Вода с моей кожи впиталась в его одежду, растекаясь, словно моя тень: очертание ладоней, изгиб рук, форма тела. Я зарылась лицом в мягкое и теперь уже влажное полотно его рубашки. Почувствовала холодные уколы пуговиц. Пальцы запутались в мокрой

ткани, ногти впились ему в кожу.

Он был близко, но при этом все еще очень-очень далеко.

Мои губы коснулись его губ, и это было единственное приглашение, в котором он нуждался. Ладони Лаона обхватили мое лицо, и я задохнулась от его жадных поцелуев. От него пахло мылом, кровью и вином. Я ловила его поцелуи, а он запустил пальцы мне в мокрые волосы. Мы возились с его одеждой, пока его бледная кожа не соприкоснулась с моей.

Он был таким настоящим. А я, хоть мы и были так ободряюще похожи, по-прежнему чувствовала себя отражением в тихой воде, туманным и неясным.

Разум снова сосредоточился на моей собственной нереальности, полагая, что я пойду рябью и расколюсь от его прикосновений. Я — тот дух с пустошей, который Лаон заподозрил во мне давным-давно. Дух, что пришел его искушать, а затем исчезнуть, едва солнце выжжет утренний туман.

А потом его руки снова были на мне, сильные, требовательные. Я упивалась его силой, она доказывала мне, что я не сломлена. Что я не разобьюсь. Он крепче сжал мои бедра, я ахнула.

И на мгновение почувствовала себя настоящей.

Глава 28. Чужак под кожей

Пленила ты сердце мое, сестра моя, невеста! пленила ты сердце мое одним взглядом очей твоих, одним ожерельем на шее твоей.

О, как любезны ласки твои, сестра моя, невеста! о, как много ласки твои лучше вина, и благовоние мастей твоих лучше всех ароматов!

Сотовый мед каплет из уст твоих, невеста; мед и молоко под языком твоим, и благоухание одежды твоей подобно благоуханию Ливана!

Запертый сад – сестра моя, невеста, заключенный колодезь, запечатанный источник: рассадники твои – сад с гранатовыми яблоками, с превосходными плодами, киперы с нардами, нард и шафран, аир и корица со всякими благовонными деревами, мирра и алой со всякими лучшими ароматами; садовый источник – колодезь живых вод и потоки с Ливана.

Поднимись ветер с севера и принесись с юга, повей на сад мой, – и польются ароматы его! – Пусть придет возлюбленный мой в сад свой и вкушает сладкие плоды его.

Песнь Песней 4:9–16

Маб я больше не видела.

Знала, что та все еще в замке, хотя гости исчезли вскоре после охоты. Заботы о ней взял на себя брат Кэтрин Хелстон. Королева планировала и другие развлечения, но ничего столь же грандиозного, как те, что уже случились. Мы зашли слишком далеко, чтобы поворачивать назад. Одно слово Маб, и наши жертвы — жертва Ариэль — оправдаются.

Какими бы отговорками ни объяснили мое отсутствие, их оказалось достаточно, поскольку меня в моей башне не беспокоили. Впрочем, это не имело значения, поскольку я заперла двери и заточила себя наедине с немыми упреками собственных мыслей.

День и ночь я мыла руки. Снова и снова. Не столько потому, что считала их запятнанными кровью, сколько потому, что хотела почувствовать вину. Жаждала того сладостного безумия, которое когда-то испытывала леди Макбет. Не-

смотря на всю тяжесть содеянного, на все его отголоски, которые я видела, едва только закрывала глаза, этого было недостаточно.

Чувство вины было ненастоящим.

Я знала, что должна испытывать большее. Мне нужно было испытывать большее. Моя собственная бесчеловечность проступала наружу, и мысль об этом приводила в ужас. Я была не более реальна, чем окружавшие меня стены, и не более правдива, чем обещания Маб.

Все такая же эгоистка.

Кровь друга запятнала мне руки, а я по-прежнему была одержима собой, своей собственной подлинностью. И даже не чувствовала себя по-настоящему виноватой.

Я терла руки, пока покрасневшую кожу не начало саднить. Она уже кровоточила. Я наблюдала, как моя кровь пропитывает мочалку, и боль отдалялась. Я полагала, что она прорвется сквозь путаницу в голове, но ничего не прояснилось.

Все мои воспоминания казались такими далекими. Несовершенное подобие разума с его несовершенными воспоминаниями. Теперь я припомнила, как Ариэль восхищалась моей памятью, и догадалась, что она меня проверяла, пытаясь понять, являюсь ли я такой же нереаль-

ной, как она сама.

А я была не более реальна, чем она.

Она, должно быть, догадалась тогда, когда я так необдуманно сказала ей, что воспоминания бывают смутными и что любой разум может ошибиться. И вот она я — со спутанным разумом, который сомневается в самом себе.

Я пересказывала себе собственное детство, точно сказку, и пыталась вспомнить, кем же являлась. Рассказывала о крохотных газетах, которые писала вместе с братом Кэтрин Хелстон. Об именах, которые мы давали игрушечным солдатикам. О чудесных, но все же обыденно скучных землях, которые они исследовали. Пыталась вспомнить ледяные губы сестры Кэтрин Хелстон на похоронах, вересковые пустоши под своими босыми ногами — я всегда теряла обувь — и жесткие кровати пансиона. Пыталась вспомнить убогие классные комнаты, удары трости по пальцам и жестокие слова других детей. Все это казалось таким иллюзорным.

Кроме одного воспоминания.

Стоило мыслям обратиться к нему, как я сразу же вспыхивала. В отличие от всего остального, я со смущающей ясностью помнила каждое прикосновение, каждый обжигающий поцелуй и

каждый пылкий вздох.

Взгляд Лаона пронзал меня, будто булавка мотылька. Я лежала, прижатая его телом. Его взгляд, его прикосновения и объятия делали меня настоящей.

Но потом наступило после.

На рассвете брат Кэтрин Хелстон исчез, и я едва не рассмеялась. Я-то боялась, что сама растаю, словно утренний туман. Лаон оставил записку, в которой сообщил, что Маб приказала мне явиться, но он поехал вместо меня.

И не вернулся.

Тем не менее это наполнило меня головокружительной, нелепой надеждой и острым желанием вновь ощутить то чувство надежности.

Я ничего не ела у себя в башне, но, как и говорила Ариэль, подменыши в самом деле не нуждаются в пище. Была вода, чтобы смочить губы, и пустота в животе почти не отвлекала от размышлений.

Я часто обращалась к своей изрядно потрепанной Библии, но для таких, как мы, в ней оказалось мало утешения. Я вспомнила проповедь брата Кэтрин Хелстон, где он назвал фейри — птицами, сидящими на ветвях дерева, выросшего из горчичного зерна. Они могли укрыться в Царстве

Небесном, но я не была фейри.

Я перечитывала обещания, которые давал Иисус мертвым и живым, чтобы через Него те снова познали жизнь. Для моего слуха они были пустым звуком. Я могла поверить в то, что Лаон, покойная мать и сестры Кэтрин Хелстон, даже мистер Бенджамин, что все они познают Царство Небесное, что для них предназначены хлеб и вино причастия, что Господь и Спаситель утрет все слезы, которые они когда-либо пролили.

Но я не могла поверить в то же ни для себя, ни для Ариэль. Мы обе не больше фейри, чем люди.

«Мы смотрим не на видимое, а на невидимое, потому что видимое временно, а невидимое вечно» [83].

Время от времени я снова открывала дневник Джейкоба Роша или пыталась разобраться в енохианском. Странные слова и фразы начали проясняться, и то, что я все лучше и лучше разбиралась в Библии, помогало тому небольшому прогрессу, которого я успела достичь, но мозг не мог сосредоточиться. Его больше не заботили мелочи. Великая загадка, что же случилось с Джейкобом Рошем, казалась теперь куда менее

---

[83] Примечания: 83
2 Кор. 4:18.

насущной. Хотя в голове начали крутиться дикие теории о влиянии Маб и других фейри. Слова об Ионе, о всеведении Бога и человеке, заточенном в чреве кита, казались более звучными, чем прежде.

Как ни странно, сны перестали меня посещать.

Конечно, я спала очень мало и яркими, будто фонари, глазами следила, как рыба-луна проплывает между облаками. Ее пожелтевшие зубы и невидящие глаза меня по-прежнему тревожили.

Я начала сомневаться в собственных воспоминаниях и теперь гадала: не была ли женщина в черном всего лишь воплощением моего мнимого разума. В конце концов, когда я вернулась с братом Кэтрин Хелстон, часовня оказалась пуста. А я-то была настолько уверена, что женщина — это украденный ребенок, плененный Маб. А теперь, после того как кровь запятнала мне руки, казалось смехотворным, что я хоть на миг поверила, будто могу ее спасти.

Но больше остального я боялась того, кем она может оказаться.

Обхватив себя за плечи, я своекорыстно волновалась лишь о том, что меня заменят. В семье Хелстонов я изображала кукушонка и больше двадцати лет крала любовь, предназначенную

другой. Я пыталась удержать все эти воспоминания, но они ускользали, исчезали. Я снова и снова пересказывала их себе, будто сказки, пыталась цепляться за них, придумывала детали, но им не хватало живости настоящих воспоминаний. Меня настигала моя собственная нереальность.

В конце концов, какое у меня право на все это? Я ведь не настоящая Кэтрин Хелстон.

Маб уехала через три дня.

Я наблюдала из окна за пышной церемонией, которую вел брат Кэтрин Хелстон. Отбытие по великолепию не уступало приезду, и весь двор облачился в лучшие наряды. Я узнавала всех из свиты Бледной Королевы: и песочных людей, и тех, с мерцающими павлиньими хвостами, и скрытых капюшонами. Остальные гости, полагала я, уехали сразу по окончании охоты. Мне смутно вспоминалось, как они прощались с Маб и исчезали, шумно обмениваясь сплетнями и манерными комплиментами.

Однако Бледная Королева прислала мне прощальный подарок.

Пакет доставил взволнованный мистер Бенджамин. Он замешкался в дверях, вяло переминаясь с ноги на ногу.

— Рада видеть вас живым, мистер Бенджамин.

— В целости и сохранности, — кивнул он.

— А она ушла.

— Она никогда не уйдет по-настоящему, — его взгляд заметался, — пока вы видите сны.

— Я… — Я заколебалась, не желая задерживаться на пустоте своих ночей. И запаниковала, что это еще одна сторона существования подменыша — мне больше не увидеть снов.

Развернула сверток и обнаружила пугающий предмет. Иссохшую руку с грубо пришитой кожей в неглубокой чаше. На пальцах лежали какие-то белые крупинки.

Сопроводительная записка гласила: «Соль из человеческих рук».

Трепеща, я коснулась языком белой крупинки. Это действительно оказалась соль.

Рука была человеческой.

Последняя часть головоломки встала на свое место. Я ведь даже не подумала о том, как мы с Ариэль ели пищу фейри без каких-либо последствий. В конце концов, разве она не говорила, что мои руки — не человеческие?

Должно быть, знала.

Я вспомнила, с каким странным вниманием Ариэль изучала солонку и как ее все меньше и меньше интересовала еда, когда она рассказыва-

ла о своем прошлом. Наверное, она догадалась. Поняла, как Маб скрывает это от нее и от меня.

Мои нечеловеческие руки нащупали рот. Пустой желудок скрутило. Несмотря на то что я не ела несколько дней, меня затошнило.

Каждый сосуд, в котором хранилась соль, был сделан из человеческих рук.

Дрожа, я потянулась к солонке на столе. Отвинтила крышку и высыпала содержимое. Заглянула внутрь. К основанию была прикреплена маленькая тонкая косточка. Кость пальца.

Я сглотнула кислую горечь во рту. И тут же пожалела об этом. Хотелось исторгнуть все это из тела. Выбраться из него.

Я слышала оглушительный стук своего сердца.

Меня отвлек голос мистера Бенджамина:

— Сестра довольна подарком?

— Прошу прощения, — сказала я и присела; голова кружилась от всех этих откровений. Я чувствовала себя как никогда разбитой. — Она… она передавала что-нибудь еще?

Гном покачал головой.

— Благодарю вас, мистер Бенджамин, — я сглотнула, в горле пересохло и стало гадко. — Или мне следует поблагодарить Бледную Королеву?

— Подарки все равно имеют цену. Но, может

быть, эта уже уплачена, — ответил он. — Думал, что и я смогу заплатить. Что буду достоин.

Гном опустил голову и сбивчиво, безо всякой просьбы с моей стороны, признался: та пронзительная ясность, что охватила его перед тем, что он посчитал своей казнью, пропала. Он утратил ту сосредоточенность, что его направляла, и на него тяжело давило чувство вины.

Я завидовала и его переживаниям, и тому, что он на них способен.

— Мне нечем вам помочь, — только и ответила я.

— Я думал, что смогу сделать так много. А теперь ничто не имеет значения. Все не имеет значения. Вопросы вернулись и стали хуже. Можно вас спросить?

Я покачала головой:

— Боюсь, у меня нет ответов, мистер Бенджамин.

— Не могу носить это в себе. Тяжело, слишком тяжело. Тяжелые вопросы. Тяжелые мысли. Что можно сделать одной жизнью, чего нельзя было сделать одной смертью? Чего она стоит?

— Право, не знаю, мистер Бенджамин.

Он сморщился:

— Я видел, как она стояла, будто в пасти адского

зверя. Как в той, другой, часовне. Она преломила хлеб, и я поверил. Она заплатила эту цену, а я не могу.

— Не понимаю, что вы имеете в виду. Кто…

— Просто притча… — он замялся. — Но я думал, что смогу быть похожим на сказку. Быть как она и верить. Она была так уверена!

— Вам действительно стоит поговорить с моим… — Я замолчала, это слово задело меня, вызвав острую боль. Я сжала губы, сделала неглубокий вдох и поправилась: — С братом Кэтрин Хелстон.

— Но сестра за брата…

— Я ему не сестра.

— О, — его глаза расширились, и гном неловко сглотнул. Мои слова почти физически повисли между нами, и мистер Бенджамин начал суетливо потирать руки. — Откуда вы знаете?

— А вы знали?

Гном медленно кивнул.

— И как давно?

— Бледная Королева распорядилась. О соли, о еде, о сестре-которая-не-сестра. Она ничего не сказала. Я догадался.

— То есть еще до того, как я приехала?

Он снова кивнул:

— Я догадался первым. Подменыш — позже,

когда прибыла Бледная Королева. Подменышка задавала мне вопросы. Заставила меня пообещать не говорить вам. Чтобы не огорчать. — Он оглядел меня с ног до головы. — Это вас огорчило. Подменыш была права.

— Полагаю, что да. — Я подумала обо всех вопросах, которые задавала мне Ариэль, о ее переменчивом настроении, о том, как она отчаянно объясняла мне природу подменышей. Я и сама должна была догадаться.

— Мне очень жаль, — кротко добавил гном.

— Теперь это не важно, — достаточно твердо сказала я, — но вы должны оставить меня на время.

— Оставить?

— Немедленно.

Мистер Бенджамин вздохнул, и его острые плечи вздрогнули. Он помедлил у двери и, прежде чем наконец уйти, добавил совсем тихо:

— Хорошие подделки совсем такие же, как подлинники.

Меня разбудил насыщенный солоноватый запах бекона и звон фарфора.

Рот наполнился слюной. Я приоткрыла глаза и увидела брата Кэтрин Хелстон с подносом, уставленным едой, — в ней можно было заподозрить

последние три завтрака, собранные вместе.

— Прости, — довольно натянуто произнес он. — Я сам себя впустил. Предположил, что ты захочешь поесть.

Я кивнула. На мне по-прежнему было надето будничное платье. Хоть и помятое после сна, но вполне благопристойное.

— Не знал, что ты не… — сказал он. — Думал, хочешь побыть одна. Не знал, что ты не ешь, пока мистер Бенджамин не сказал мне об этом.

— Спасибо тебе.

После стольких дней без пищи я полагала, что буду голодна. Но, совершенно оторванная от этой постоянной боли в черной пустоте нутра, почувствовала лишь тошноту, когда увидела и почуяла еду. Я бесстрастно смотрела на толстые куски кекса и ломти холодного пирога и едва их узнавала. От горы бекона желудок только выворачивало.

Прошли невыносимо долгие минуты. Брат Кэтрин Хелстон уставился на меня, а я ждала, пока он посолит еду.

— Ты не ешь, — и в его голосе послышались командные нотки, — тебе надо поесть.

— Не могу.

— Не можешь?

— Я… мне нужно, чтобы ты посолил еду.

— Но когда меня здесь не было, разве ты не…

— Я не человек и не хочу полагаться на… — Я старалась подавить дрожь отвращения. — Не хочу полагаться на то, чем пользовалась раньше.

Он кивнул, понимая, что настаивать не стоит, и услужливо добавил соль в каждое блюдо.

Я отломила кусок кекса и, не обращая внимания на солидные порции мармелада и джема на краю тарелки, съела его всухомятку. Язык внезапно распух и заполнил весь рот. Я заставила себя жевать дальше.

Не сводя с меня глаз, брат Кэтрин Хелстон собрал самые крупные крошки кекса и смял их в пальцах. Затем на ощупь добавил еще кусок, слепил из всего этого бугристого зверя и передал мне.

Я вопросительно посмотрела на Лаона.

— Боюсь, что разучился издавать те звуки, — сказал он.

— О чем ты?

— Мы привыкли… — Он выглядел немного смущенным. — Это не имеет значения, если ты не помнишь.

— Так и есть. Расскажи мне.

Он слегка пожал плечами:

— Ты делала из моего хлеба крошечных живот-

ных. И просила дать им голоса. Мы рассказывали о них разные истории.

— Я этого не помню. — Внутри растекся незаметно подкравшийся страх. Он ощущался в животе и кислой волной поднимался в глубине горла. Я перебирала воспоминания, истории, которые рассказывала сама себе, когда не могла заснуть, глядя на луну. — Совсем не помню.

— Ты хотела дать им имена и сохранить, но они плесневели. Или ты была слишком голодной.

Я покачала головой:

— Когда это было? Я думала, мы рассказываем истории об оловянных солдатиках, о Гаалдине, Эксине и Альконе. Разве нет?

— Рассказывали, но это было позже.

— Неужели?

Я попыталась вспомнить дни, что были до появления солдатиков. Наверное, именно тогда меня обменяли на человеческое дитя.

— Ты была совсем маленькой. Это нормально — не помнить.

— Но…

— Ешь, Кэти. Пожалуйста.

Я не стала его поправлять, рассудив, что Ариэль тоже делила имя с настоящей Ариэль Давенпорт.

Жуя через силу, я размышляла, что та, настоя-

щая, могла бы быть Кэтрин, а я — Кэти. Кекс был сухим и прилипал к небу. Я проталкивала его сладким чаем.

Глядя сейчас на самого Лаона и его заботу обо мне, я чувствовала свою хрупкость под тяжким грузом вины. Я — кукла из плоти, которая завладела местом настоящей Кэтрин Хелстон и забрала любовь, которая причиталась ей.

Я подумала о женщине в черном, которую преследовала по крышам этого самого замка. Мои мысли нечасто обращались к ней, и я слишком долго избегала вопросов.

Вернее, ответов.

Почему из всех пленников Маб привела в замок именно ее? Откуда у нее миловидные черты англичанки, и почему на вид мы с ней одного возраста? Ответы на эти вопросы я не хотела принимать.

— В конце концов, я по-прежнему пытаюсь разобраться, — сказала я, начав с мягких булочек. — А остальное…

Брат Кэтрин Хелстон неловко сглотнул.

— Мы должны что-то предпринять.

— Не думаю, что мы должны… — Его тело вновь охватило напряжение, спускавшееся от плеч к сцепленным рукам. — Ты и я. Мы не должны…

Я смотрела на него с замешательством. Он избегал встречаться со мной взглядом, его голубые глаза всматривались в сцепленные ладони. Возможно, он был не в силах видеть мои глаза, которые были отражением его собственных.

— Я тебя обожаю.

Я молча смотрела на него, гнетущее чувство вины, охватившее меня, только усилилось и сжало горло. Мое свинцовое сердце разрывалось на части.

— Кэти… — Костяшки его пальцев побелели. — Я обожаю тебя, дорожу тобой, желаю тебя. Безумно. Безнадежно. Я бы поклонялся тебе и земле, по которой ты ходишь… но мы, ты и я, мы не можем…

— Что ты пытаешься сказать? — нахмурилась я.

— Я так долго тосковал по тебе, а теперь… я больше ничего не хочу, кроме как положить к твоим ногам свое порочное сердце, охладевшее к духу и пылко жаждущее плоти. Меня поглотили греховные, сбивчивые мысли о тебе, и я думал…

— Лаон, — резко оборвала я его витиеватую речь, — ты вот об этом тревожишься?

— Я приготовился… — Изумившись, он выпрямился и наконец снова посмотрел на меня.

Я расправила плечи и нахмурилась еще сильнее.

— Я убила Ариэль. — Брат Кэтрин Хелстон поморщился, но я продолжала: — И в тот же день узнала, что я — подменыш, что у меня нет души и что спасения мне, возможно, не достичь. А все, что тебя беспокоит, это мы?

— Ты — моя сестра.

— Нет, я даже не настоящая. — У меня из горла перезвоном серебряных колокольчиков вырвался безумный смех. — Тысячи вещей тяготят мое сердце и душу, которой у меня нет, но только не это. Мои руки запятнаны кровью Ариэль. Я прожила чужую жизнь и украла чужую семью. Я едва знаю, как чувствовать всю ту вину, которую должна ощущать.

— Кэти, это не твоя вина, а Бледной Королевы, которая…

— Но я на самом деле чудовище, — еще одна волна чистого и пронзительного смеха, — так что нет, брат Кэтрин Хелстон, этот вопрос лишь пушинка у меня на сердце. Мой грех гораздо тяжелее твоего.

— Кэти, я долгие годы…

— Ты не касался меня, так какое это имеет значение? — Я уже стояла, полная упреков и гнева, и

за горечью едва узнавала собственный голос.

— «Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем…»[84]

— Никому нет дела до твоего сердца, Лаон.

— Кэти… — Он отпрянул, как от пощечины.

— Твои руки чисты, а мои нет, — сказала я, не обращая внимания на боль в его глазах. Я все еще чувствовала запах крови, видела, как она течет из ран. — Ариэль больше нет. Не могу поверить, что ты думаешь… как ты мог волноваться о подобных вещах после того, что я сделала? После того, как я ее убила.

— Ее убила Бледная Королева, — безотчетно поправил он. Должно быть, Лаон без конца себе это повторял. — Ты послужила лишь ее инструментом. Той, у кого случайно оказался нож.

— А еще я не настоящая, — с хриплым смехом добавила я. — В отличие от тебя.

— Я не это имел в виду. — Хоть его голос и прозвучал мягче, это не было извинением.

— Из нас двоих настоящий — ты. У тебя есть душа. Ты имеешь значение. Я — нет.

— Я не это хотел сказать.

---

[84] Примечания: 84
Матф. 5:28.

Я покачала головой:
— Но сказал именно это.

Глава 29. Мир за дверью

1816 год навсегда запомнится как год без лета. Оно просто не наступило, поскольку погода упрямо оставалась сухой и холодной не только в нашей стране, но и в остальной Европе и, судя по сообщениям, в Америке тоже. Сильные морозы приносили бедствие каждый месяц. Многие полагали, что времена года еще не вполне оправились от потрясения, которое они претерпели во время полного солнечного затмения. Другие, по-видимому, были склонны приписывать особенности сезона пятнам на солнце. Если засушливость в какой-то мере и зависела от последней причины, то действовала та неравномерно – пятна были видны и в Европе, и здесь, но все же некоторые части Европы, как мы уже отмечали, заливало дождями.

Невозможно назвать истинную причину того, что год оказался лишенным лета, но почти через сто лет после того, как Компания Южных морей создала и

разрушила множество состояний своими фантастическими финансовыми проектами, она снова всплыла в качестве силы, конкурирующей с Ост-Индской торговой компанией. Из-за того что корона до сих пор сохраняет монополию на торговлю с Эльфаном, мало кто знает, чем на самом деле наполнены ящики и бочки, которые загружают на корабли, плывущие в страны фейри. Известно лишь, что возвращаются они с роскошными сокровищами волшебного народа. Возможно, будет только правильно, если заблудшая компания станет первой торговать с заблудшей землей.[85]

Эндрю Грумбридж Найт. Метеорологические наблюдения. Журнал «Философские труды», ноябрь 1831 года

Брат Кэтрин Хелстон ушел.

Едва защелкнулась дверь, я рухнула на пол, перестав изображать непокорную твердыню, преисполненную холодного гнева. Он погас во

---

[85] Примечания: 85

В 1816 году на самом деле случилась природная катастрофа, которая, среди прочего, вдохновила Мэри Шелли на написание «Франкенштейна». В эпиграфе процитирована часть газетной заметки, напечатанной в том же году.

мне, как огонек между влажными пальцами. Я крепко прижала колени к груди и обхватила себя руками.

Моя кожа была вовсе не моей, но все же я старалась не терять присутствия духа. Вся боль, которую причинили ему мои слова, отозвалась теперь в моем собственном перекрученном сердце. Его прикосновения заставляли чувствовать себя такой настоящей, и сейчас было больно ощущать себя иначе. Я не хотела признавать эту страсть, размышлять о том, что она может значить.

Я убила Ариэль.

И едва смогла бы вспомнить произошедшее, если бы не издевательский смех Бледной Королевы. Мистер Бенджамин верил, что Маб выполнит свою часть сделки, что она позволит отправиться во внутреннюю Аркадию и продолжить миссионерскую работу. Мой брат тоже в это верил. Но звук того смеха рассекал мои мысли, словно проволока для резки сыра, и верилось в подобный исход с трудом.

Как же много было крови.

В горле снова поднялся металлический привкус, и желудок сжался. Из меня исторглось то немногое, что я съела.

Но это было не грязнее убийства.

Я оставалась в своей башне.

Возможно, это было связано с желанием наказать себя или последовать наконец предостережениям Ариэль, которая часто советовала оставаться дома. Бывали моменты, когда я безумно хохотала и говорила воспоминанию об Ариэль, что она все-таки победила, я в конце концов послушалась и ни шага не делаю за пределы комнаты. Голос бился о каменные стены, пока я не начинала кричать, а не смеяться, но они оставались безмолвными.

А возможно, это был страх или даже нежелание вспоминать о ней и о Маб. Замок переполняли воспоминания, и пусть они даже истерлись, мне не хотелось с ними сталкиваться. Не хотелось снова сидеть в залитой солнцем верхней комнате или обедать в главном зале.

С таким же успехом я могла устать от притворства замка, зная, что он выстроен из лжи и глупости. Фасад меня больше не отвлекал.

Возможно, возможно.

Я придумывала оправдание за оправданием, причину за причиной. Но, в конце концов, повод не важен. Я просто не хотела оказываться снаружи, поэтому снова и снова запирала двери, почти

не задумываясь о том, почему же они так часто открываются.

Временами я задерживалась у створки, прижималась лицом к теплому дереву и, держась за ручку, думала: «Не уйти ли мне? Не шагнуть ли в пустоту?» Пыталась представить, что там. За деревянной створкой ждала иная жизнь, иное место. Я считала удары сердца, пока не сбивалась. Рука начинала болеть — так сильно я сжимала ручку. Всхлипнув, я падала на пол. И устало била кулаками по дереву. Я не могла выйти.

Слишком была напугана.

Падение ведь совсем не похоже на полет.

Так что обе двери остались запертыми. Я не прошла ни через одну из них и продолжала свое добровольное заточение.

Беспорядок в голове отразился в беспорядке комнаты.

Не думала, что вещей в моем сундуке хватит на то, чтобы заполнить всю комнату, но мне это удалось.

Шаль, которую подарила Ариэль, висела на спинке стула в центре комнаты, и я могла увидеть ее, когда бы ни пожелала.

С тех пор как уехала Маб со своей зимой, я избегала прикасаться к теплым вещам. Хотя мне не

хотелось терпеть их присутствие, но они возвращали меня к пережитому, чего мне хотелось еще меньше, поэтому зимняя одежда лежала несколькими шерстяными кучами. Повсюду валялись разбросанные книги, которые я бессмысленно перелистывала снова и снова. Я читала их вполголоса, добавляя написанное к сводящему с ума клубку собственных мыслей.

Я чаще размышляла о молитвах, чем вставала на колени, складывала ладони и беззвучно шевелила губами. В прошлом молитва придавала мне сил, но теперь она не могла осветить мой сумрачный разум.

Раньше я гадала, почему Ариэль отказалась от веры, но теперь понимала. Зачем тому, у кого нет души, беспокоиться о ее совершенствовании?

А после совершенного я больше не могла сохранять в себе надежду на небеса.

Брат Кэтрин Хелстон прилежно носил мне еду. Он не спрашивал, собираюсь ли я выйти из комнаты и когда это случится. Он уже узнал эту детскую повадку. Когда мне было семь с половиной лет, я поступила так же после похорон сестры Кэтрин Хелстон, а спустя некоторое время — и после похорон ее отца. Я вспомнила, как пересчитывала нити в одеяле, желая, чтобы весь мир

вокруг меня превратился в такие же теплые, мягкие объятия. Тогда он тоже заботился обо мне.

Вместе мы убрали беспорядок, который я устроила, и, хотя в комнате все еще пахло рвотой, брат Кэтрин Хелстон ненадолго со мной остался. Тишина между нами была почти мучительной.

Несмотря на скромное поведение брата, я видела, что он по-прежнему размышляет. Это было заметно по его осанке и теням под глазами. Какие бы бури ни бушевали в душе, он держал их при себе, и у меня не хватало духу навязываться. Он по-прежнему смотрел на меня голодным взглядом, когда думал, что я не вижу. Я жаждала нашей близости, того ощущения реальности, но не могла заставить себя ее заслужить.

День за днем я ела, потому что он мне велел.

После первого раза меня вырвало лишь однажды, но пища начала казаться чем-то неестественным. Вкус притупился, а текстура сделалась более выраженной, отчего еда во рту ощущалась скользкой, жесткой и тяжелой.

— Не уверена, что мне нравится, — сказала я.

— Еда в Аркадии и в лучшие времена странная, — брат Кэтрин Хелстон криво улыбнулся. — А у Саламандры чудны́е предпочтения.

Я, не задумываясь, ответила на его улыбку;

теплый трепет в животе не имел ничего общего ни с пищей, ни с ее отсутствием. И только после я сообразила, что должна бы ощущать себя виноватой и отталкивать это чувство прочь.

Я перестала следить за ритмом маятникового солнца, но прекрасно понимала, что двухнедельный срок прошел. Дни становились все более тусклыми. Брат Кэтрин Хелстон просто не упоминал об отведенном времени, и это тоже вплелось в молчание между нами. Не колкое, конечно, но и не совсем приятное.

Мы все еще ждали ответа Маб, хотя ни один из нас не был в состоянии отправиться во внутреннюю Аркадию. Временами я задавалась вопросом, будет ли означать ее призыв, что он оставит меня на попечение мистера Бенджамина и постарается миссионерской работой заслужить отпущения нынешних грехов. Но это были неприятные мысли, и я отложила их в сторону, как когда-то отодвинула свою похоть и желание.

Чаще всего брат Кэтрин Хелстон старался вызвать у меня улыбку или хотя бы вывести из ступора. Принялся заваливать меня диковинками, и беспорядок в комнате от этого только увеличился. Принес музыкальную шкатулку с птичьими трелями; кукол с пустыми глазами;

угрюмого Щелкунчика; свой старый альбом для рисования и наполовину выцветшие краски; катушки ярких ниток и ярды полотна. Бóльшая часть этих развлечений взялась из окрестностей замка, но некоторые вещи были его собственными.

— Ты ведь любишь пыльные книги? — сказал он, протягивая мне древний на вид томик.

— Корешок не прочесть, — заметила я, пытаясь разобрать истершийся текст, — о чем она?

Он пожал плечами:

— Были о пыли.

Когда я открыла книгу, со страниц посыпалась моль.

Я вздрогнула и громко взвизгнула.

— Это в планы не входило, — тут же сказал брат Кэтрин Хелстон.

Я бросила на него подозрительный взгляд.

— Честное слово! Она просто несколько недель лежала у меня на столе.

Когда я поднимала книгу с пола, то услышала некий едва различимый звук.

— Прошу прощения?

— Я ничего не говорил.

— Ты должен хоть что-то объяснить.

— Только плохие подарки требуют разъясне-

ний, — ответил он, — ты ведь сама так говорила.

Пока брат Кэтрин Хелстон говорил, едва слышный шепот становился все громче. Я почти могла разобрать слова: «И что… словом Его… взял хлеб и преломил его…»

Я резко обернулась, пытаясь разглядеть говорившего, но комната была такой же, как и раньше.

— Что такое?..

Прижала пальцы к губам, и он замолчал.

Я заметила, что освобожденные мотыльки танцуют в лучах света. И снова шепот: «…создано по слову Его… я верую и принимаю…»

— Ты слышишь? — Слова были отдаленно знакомыми, хотя я не могла вспомнить, где слышала их прежде.

— «По слову Его»? — переспросил он. — «Я… принимаю»?

Я кивнула.

— Едва-едва.

Шепот продолжался: «Се тело мое, сказал ты тогда… И хлеб преломил, и каждому дал… жертву вкушаем, словно в языческом храме жрецы, но суть твоих слов от нас ускользает… заветы твои непрестанно храня… сердца внемлют им, но не

могут понять» [86].

А потом наступила тишина.

Передо мной лежала раскрытая книга, но она была пуста.

— Я думал, это поэтический сборник, — слабым голосом произнес брат Кэтрин Хелстон.

По воскресеньям он приносил Библию, чтобы почитать вместе со мной. Я терпела, сосредотачиваясь скорее на успокаивающих звуках его голоса, чем на словах, которые он произносил. Еще он немного рассказал мне о том, что тревожило мистера Бенджамина, учитывая его собственное искупление или спасение его народа. Гном остро чувствовал ответственность за соплеменников и горел желанием помочь в будущей миссионерской работе.

— Но от Бледной Королевы по-прежнему ни слова, — добавил Лаон, тяжело опускаясь на мою кровать.

Я оторвала взгляд от вязания, которое распускала, и увидела, что пряжа у меня на коленях спуталась.

Он вздохнул. Впервые сильный, красивый брат Кэтрин Хелстон выглядел сломленным. Это было

---

[86] Примечания: 86
Гимн Исаака Вильямса.

не просто поражение, это был раскол в его душе. Было больно видеть его таким. С той моей вспышки он так хорошо скрывал свои переживания, и чувство вины ужалило меня, словно потерянная и вновь найденная булавка, — внезапно, больно, до крови.

В тот миг я больше, чем по какой-либо иной причине, ненавидела себя за бессилие. Я ведь приехала в Аркадию, чтобы присмотреть за братом Кэтрин Хелстон, а теперь ему приходится ухаживать за мной.

— Не знаю, как долго придется ждать, прежде чем я напишу ей или… — Он замолчал. — Я не должен вести дела с другими правителями Аркадии, это лишь все усложнит, она примет такой поступок за предательство, но…

— Ты не уверен, что сможешь долго ждать?

Он молча кивнул.

Я сбросила пряжу на пол, обрекая ее на вечную путаницу, и обняла Лаона. От моего прикосновения он напрягся и посмотрел недоверчиво, а после неловко обнял меня в ответ. Прислонился головой к моему плечу. Наша близость причиняла мне боль.

— Зря ты это сделала. — Его дыхание касалось моей кожи, а голос был слишком хриплым и сла-

бым, чтобы я могла разобрать слова. — Спасибо, но не надо было. Я очень благодарен. Просто…

— Не надо было что?

— Ариэль, — просто сказал он.

— Нет.

— Я мог бы…

— Пожалуйста, — перебила я, — не думаю, что вынесу, если ты скажешь это вслух. Она хотела доказать, что ты ничем не лучше ее, не лучше их всех. Хотела показать, что и святые способны согрешить. И я должна была тебя спасти, так что, пожалуйста, не нужно.

Он кивнул, не ответив.

Хотелось сжимать его в объятьях, пока наше дыхание не зазвучит в унисон, но этого не произошло.

— Кэти, Кэти!

В комнату ворвался брат Кэтрин Хелстон, глаза его слишком сильно сияли, а улыбка была слишком широкой. Я услышала ликующий и неистовый лай Диогена.

— Ты должна выглянуть в окно!

Мне не хотелось вскакивать. Я свернулась калачиком в кресле, накинув на себя шаль и покрывало. Передо мной лежал дневник Роша, но я его не читала.

— Не уверена, что хочу сейчас шевелиться, — пробормотала я и плотнее закуталась в шаль, пока разум лихорадочно искал отговорку. — Потом.

— Немедленно! — настаивал Лаон; от моего сопротивления его широкая улыбка ничуть не померкла.

Я покачала головой, пытаясь забраться поглубже в свое гнездышко.

— Ты должна это увидеть, Кэти.

— Надоедай кому-нибудь другому.

— Тут больше никого.

— Нет.

— Ну пожалуйста.

— Нет! — Я так укуталась в покрывало и шали, что почти укрылась с головой. — Я сплю.

— Не спишь, — ответил он, наклонившись к моему лицу, — ты же со мной разговариваешь.

— «Тогда спокойной ночи! Сто тысяч раз прощай» [87].

— Ты не заставишь меня цитировать Шекспира, — он рассмеялся и кончиком пальца ласково постучал меня по носу.

От его неуместной веселости я нахмурилась.

---

[87] Примечания: 87

«Ромео и Джульетта», слова Джульетты из сцены на балконе (акт 2, сцена 2).

И тут меня осенило. В первое Рождество после смерти Агнесс — сестры Кэтрин Хелстон — у нас случился почти такой же разговор. А этот был лишь отголоском тогдашнего ребячества.

— Я очень упрямый, — сказал брат Кэтрин Хелстон. — Ты же знаешь.

— Но это не всегда срабатывает.

Он вздохнул, поднялся на ноги и направился к двери, которая вела в пустоту.

— Нет! — Я вскочила на ноги, после стольких дней мрачных раздумий испугавшись самого худшего.

Он распахнул дверь.

— Что ты делаешь?

— Ты не желаешь двигаться, так что сможешь поглядеть со своего насеста. Если я открою дверь…

— Закрой. — Я оперлась рукой о столбик кровати, а голова все еще кружилась от нахлынувшей тревоги. Я зажмурилась, стараясь не обращать внимания на белые круги перед глазами. Должно быть, слишком поспешно вскочила. И только. — Я выгляну в окно.

Услышав, как засов скользнул на место, я вздохнула с облегчением.

— А ты не слишком пуглива?

Он улыбнулся нежной, усталой улыбкой и погладил меня по голове, точно щенка. Я подавила желание укусить его за руку и тяжело задышала, позволяя оттащить себя к окну.

Брат Кэтрин Хелстон распахнул ставни и указал наружу. Стену замка протаранил холм. Точно огромный кулак, он выпирал из земли, обрывистый и неожиданно высокий. Холм простирался во все стороны от той точки, где встретился со стеной, и из-за густого тумана на мгновение показался бесконечным.

Его склоны ощетинились густым покровом голых стеблей ежевики. Я протянула руку, но до кустов было не достать.

— Что… что это? — спросила я. — И как же я не заметила этот…

— Выброс на берег?

Я кивнула:

— Его.

— Ты же всегда крепко спишь, — ответил он. — Видывал я, как ты засыпала под шум грозы.

— Я не… — я прикусила язык. Не хотелось признаваться, как мало я сплю и ворочаюсь с боку на бок. И даже не кошмары отгоняли сон, а то, что он превратился в черное, лишенное сновидений оцепенение.

— Ты забиралась ко мне в постель, стоило загреметь грому. Я всегда был уверен, что это просто отговорка, до того быстро ты засыпала. Достаточно было прижаться ко мне.

— С тобой было тепло, — наполовину призналась я вполголоса, избегая его взгляда, — и твоя постель приятно пахла.

— Моя постель пахла мной.

Мой голос стал еще тише, а пальцы задрожали:

— Вот именно.

Он усмехнулся и снова посмотрел на холм:

— Так что же это, по-твоему?

Туман рассеялся, и я смогла разглядеть получше. Кусты ежевики оказались куда гуще, чем я полагала, под ними даже земли не было видно.

Прищурившись, я увидела вдали возвышенность, спуск и еще одну возвышенность. Поначалу невозможно было разобрать, что это такое. Особенно в тумане. Но затем все начало медленно проясняться. Это оказался раздвоенный плавник хвоста.

— Это… — сказала я с сомнением в голосе. — Думаешь, это морской кит?

Ответом стала легкая улыбка:

— Названный так потому, что в нем обитает

море, а не из-за моря, в котором обитает он.

Громадные переплетения кустов вздрогнули и поднялись, земля под ними вздулась. Спутанные ветви словно заскользили друг по другу.

— Он дышит?

— Я бы предположил, что да.

— Но ведь он не дышит морем и не плавает в море, море просто в нем есть?

Брат Кэтрин Хелстон кивнул.

Холм вздрогнул и опал. И снова поднялся, хвост решительно ударил и опять успокоился.

— В этом есть… определенный смысл.

— А я говорил, что он проглотил море.

— Говорил, но я не скажу, что до конца тебе поверила.

— Я сражен наповал, — иронично ответил он, прижимая руку к груди в несмелой попытке изобразить ранение. — Такой безграничный вотум доверия.

— Так ты это выдумал?

— Не совсем, — его голос звучал смущенно.

— Значит, он действительно наполнен морем?

— Не знаю, — признался он. — Но мы должны это выяснить.

— Я думала, мы уже выяснили, что об этом ничего нет в отцовской энциклопедии.

— Я имел в виду другой путь.

— Какой другой?

Он не ответил, но тишину, в которой можно было услышать, как падает булавка, довольно скоро прервал возбужденный лай Диогена. Мне все стало предельно ясно — брат Кэтрин Хелстон хочет попасть внутрь кита.

Глава 30. Во чреве чудовища

У этого гордого покорителя волн есть и другая, еще более удивительная черта. Когда на глубине его начинает мучить голод, и чудовище жаждет пищи, этот морской охотник раскрывает пасть, после чего из его внутренностей исходит восхитительный аромат, которым соблазняются прочие виды рыб. С великой поспешностью они плывут туда, откуда доносится сладкий запах, и бездумной толпой заплывают внутрь, пока широкая глотка не заполнится; затем в единый миг свирепые челюсти захлопываются вокруг снующей добычи.

Так бывает и с каждым, кто в это быстротечное время полон пренебрежения к своей жизни и, позволяя соблазнить себя сладким ароматом лживой приманки, из-за своих грехов становится врагом Царю славы. Он будет проклят, а когда умрет, то врата ада широко распахнутся перед тем, кто по безрассудству своему и вопреки мудрым наставлениям души предавался коварным наслаждениям тела. И когда искусный в злодеяниях обманщик принесет в эту цитадель, в эту огненную пучину тех, кто остался верен ему, тех, кто обременен виной, тех, кто пылко следовал его учению в дни жизни своей, то тогда, после их смерти, он крепко сожмет свои жестокие челюсти – врата ада. И тем, кто войдет сквозь них, нет ни помощи, ни спасения, ни бегства, точно так же, как рыбам, плавающим в море, нет возможности вырваться из зубов чудовища.

«Кит (фаститокалон)», переведено Элбертом Стэнберроу Куком для

«Древнеанглийского физиолога»[88]

Наполовину погруженный в землю и прижатый к стенам Гефсимании, морской кит рокотал. Я слышала низкий, протяжный свист, а из одного из отверстий в коже жалобно текла струйка гравия.

Зверь был поистине гигантским и возвышался над нами словно дрожащая плетеная гора. Можно было разглядеть плотно перевитые друг с другом ветви и комья грязи в щелях между ними.

Я не просто так не желала покидать комнату, но брат Кэтрин Хелстон оставался настойчивым и безжалостным в своих приемах. Не обращая внимания на протесты, он подхватил меня на руки, опустил на пол и принялся натягивать мне на ноги чулки. Я извивалась и брыкалась, но он не сдавался.

— Спасибо, — смущенно пробормотала я. Охватившая меня ранее ребячливость развеялась, оставив после себя густой осадок стыда.

Он улыбнулся, и, несмотря на его героическую попытку сдержать самодовольство, я заметила

---

[88] Примечания: 88

«Древнеанглийский физиолог» — это фрагмент стихотворения, найденный в рукописи книги Эксетера. Он описывает трех животных: пантеру, кита и куропатку. Стихотворение написано на древнеанглийском языке, вероятно, в десятом веке. В переводе Кука снабжено анализом мифических животных.

это чувство в уголках его рта.

— Я хотела посмотреть, — призналась я, неопределенно махнув в сторону плетеной туши кита, — но не думаю, что смогла бы… себе позволить.

— Ты и раньше вела себя так, — ответил он, — я же помню. На этот раз меньше плакала, но осталась такой же упрямой. И это было куда сложнее…

— Тогда я была куда моложе! — ощетинившись, воскликнула я. — И ты обещал никогда больше не поднимать эту тему.

Брат Кэтрин Хелстон рассмеялся, его голубые глаза засияли ярче, чем в последние дни:

— Я имел в виду все те времена, когда ты…

Я игриво шлепнула его по плечу, чтобы он замолчал. Не хотелось вспоминать, как после смерти сестры Кэтрин Хелстон он вытаскивал меня из-под вороха одеял. Ему пришлось, терпя удары моих крошечных кулачков, натягивать на меня одежду, чтобы отвести на похороны. При этом воспоминании мои щеки покраснели от стыда.

Бок морского кита снова поднялся, зверь по-прежнему дышал.

Он по-прежнему был *жив*.

Я осторожно шагнула к нему.

Еще один вдох, и кит ударился о крепкие стены замка.

Вздрогнув, я отшатнулась.

Земля вокруг кита всколыхнулась, в воздух полетели комья грязи. Нас осыпало градом камней. Брат Кэтрин Хелстон укрыл меня, я позволила ему приблизиться, а себе — согреться в его объятиях.

Каким бы образом кит ни плавал сквозь почву, теперь ему это не удавалось. Земля удерживала его на месте, отдельные песчинки, разумеется, не могли стать зверю помехой, но все вместе они одолевали. Стены стояли крепко. Плетеная туша кита влажно скребла по камню. Я услышала треск дерева, а затем раздался долгий скорбный стон, и кит вновь успокоился, словно смирившись со своей судьбой.

— Он застрял? — предположила я.

— Бенджамин так сказал.

Залаял Диоген. С любопытством принюхиваясь, он сбегал вперед нас и вернулся. Пес был весь в грязи и с нетерпением ждал, когда мы его нагоним.

— Кит умирает, — сказала я, небрежно погладив неугомонную собаку по голове.

— Он выбросился на берег.

С каждым вздохом плетеная шкура зверя скри-

пела, натягивалась и едва не лопалась. Сквозь ил, набившийся между прутьями, сочилась мутная коричневая вода. Крошечные ручейки смывали налипшую грязь.

Обойдя кита, мы добрались до его пасти. Она была невероятно огромна и судорожно глотала воздух. Казалось, существо целиком состоит из одного рта. Целый склон разверзся провалом, который вел в темное нутро. Над входом в эту пещеру рядами сталактитов висели длинные белые клыки. Между ними болтались спутанные, похожие на виноградные лозы, волокна.

Я подумала о запрестольном образе в садовой часовне, о той кроваво-красной адской пасти, из которой Христос вытягивал души проклятых. Зияющая пасть кита оказалась ожившими ужасами средневековых фантазий. Я думала об извивающихся бледных фигурах на фоне красного ада. О черном чудовище и его трепещущем языке.

Кит был тем самым библейским Левиафаном.

Какой еще зверь мог оказаться таким огромным?

И все же, увидев его и почувствовав, как сплетенные ветви дрожат от моих прикосновений, я ощутила в себе некий подъем. Не слишком сильный из-за неминуемой кончины кита, но все

же многообещающий. Заманчивый, хотя тень прежнего беспокойства и вернулась.

— Интересно, на что похожа амбра морского кита? — просила я.

— Интересно, на что похожа настоящая амбра? — брат Кэтрин Хелстон улыбнулся и положил свою руку рядом с моей, чтобы почувствовать дыхание умирающего кита. Наши пальцы прикоснулись и переплелись.

— Полагаю, мы бы разницы не заметили.

— Мне говорили, она пахнет дорого.

— Какая из двух?

— Настоящая. И что она вкусна, если добавить в негус.

Я рассмеялась, беспечность расцвела внутри меня. Сквозь кожу ладони я чувствовала биение сердца брата Кэтрин Хелстон.

— Насколько мне известно, — добавил он, — амбра морского кита пахнет дешевым вином.

— То есть, как ты в субботу вечером?

— Осмеливаешься порочить мою репутацию?

Пока мы наблюдали, дыхание кита — если это можно было так назвать — все замедлялось и замедлялось, пока наконец не замерло вовсе.

Секунды превращались в минуты, а зверь оставался неподвижен. Бока больше не вздымались,

воздух не устремлялся внутрь и не уносился прочь. Не стало ни толчков, ни дрожи, ни волнения.

— Надо в него забраться, — сказала я и ощутила, как по спине пробежал трепет от предвкушения: страх добавлял чувствам приятную остроту, а не необузданный ужас.

Мы раздвинули занавес из белых свисающих волокон. Те скручивались от прикосновений трости, обвивались вокруг нее, точно ленты майского дерева. Брат Кэтрин Хелстон поднес к образовавшемуся проему фонарь, но внутри кита оказалось светло.

Свободные волокна липли к нам, когда мы шагнули в пасть. Та была влажной и наклонно вела вниз. Я подобрала юбки.

Соль в воздухе было не спутать ни с чем. Я почувствовала ее в горле и на губах, едва их облизнула. Это было море.

Казалось, кит внутри полый, широкие деревянные ребра поднимались над нами, удерживая плетеный свод. Впереди раскинулся напоминавший отмель пейзаж, подобного которому я прежде не встречала. Его заполонили какие-то диковинные существа, но все они были совершенно неподвижны. Одни прятались в тени,

другие — в воде, третьи цеплялись за потолок и стены. Возможно, мы их удивили не меньше, чем и они нас.

Крошечные точки света пробивались сквозь плетеный свод, покрытый мерцающими лишайниками, которые казались замершим в ночном небе фейерверком. Это придавало пространству ощущение статичности, как будто момент был в самом деле украден у времени. Словно удар несуществующего сердца растянулся до бесконечности.

Я затаила дыхание, а затем произнесла едва слышно:

— «Из чрева преисподней я возопил, и Ты услышал голос мой» [89].

— Иона?

— Да, хотя я не… — я цитировала фразу, которая часто повторялась в дневнике у Роша. — Просто пришло на ум.

— Полагаю, похоже ощущает себя тот, кто стал кормом для рыб, — брат Кэтрин Хелстон откинул волосы с глаз.

— Это из дневника Роша, — постаралась произнести я как можно беззаботно. — Кажется, Иона

---

[89] Примечания: 89
Ион. 2:3.

его совершенно увлек.

— Ты читала его дневник?

Я кивнула:

— Знаю, что было нельзя и мне не велели, но…

К его лицу вернулась прежняя усталость, но улыбка не была разочарованной.

— Я помню твои слова о том, что это место вовсе не загадка. Но мне нужно знать причины, чтобы понимать происходящее. А потом это внезапно перестало иметь значение. Никакие знания не могли спасти Ариэль от Бледной Королевы.

— Не надо… — начал он.

Я тряхнула головой.

— Вовсе я на этом не застряла. — Пришлось крепко зажмуриться в надежде навести порядок в своих спутанных мыслях. — Хочу сказать лишь то, что Иона… кит был важен для другого человека, который писал в дневнике Роша.

— Другого?

— В дневнике несколько разных почерков.

Брат Кэтрин Хелстон заинтересованно прищелкнул языком:

— И что же там написано?

— Там… — медленно начала я, — писавший был одержим идеей кита как неизбежной судьбы. Иона пытался убежать от Божьего взора и Бо-

жьей воли, но не смог. Он думал, что сумеет, и не подчинился приказу проповедовать в Ниневии. Надеюсь, ты помнишь?

— Да…

Брат Кэтрин Хелстон побрел вперед, к кромке воды, и указал на обычный людской мусор, который, казалось, бросили на берегу. Бутылки, трубки, карманные часы.

— И вот он не отправился в Ниневию, как того хотел Бог, а поэтому оказался в брюхе огромной рыбы. Через три дня он приходит в отчаяние и наконец молится. И поскольку ничто не укроется от взора Божьего, его молитвы услышаны, и он спасен.

— Разве Рош не хотел приезжать в Аркадию?

— Хотел, очень хотел. Настолько, что даже не стал ждать одобрения миссионерского общества. Но об этом писал не он, — я пожала плечами. — Мне так кажется.

И тут произошло какое-то движение.

Из карманных часов высунулись черные лапки. Часы, будто ракушку, носило на себе какое-то ракообразное. Цепочка тащилась следом, отчего его походка была неуверенной. Черные клешни принялись скатывать блестящий золотистый ил, который покрывал почву, в шарик.

— Значит, кто-то еще пытался избежать поездки в Аркадию? — Брат Кэтрин Хелстон выпятил нижнюю губу и откинул с глаз прядь волос. Они довольно сильно отросли.

— Или они оказались в этом месте потому, что избегали призыва в какое-то другое. И, возможно, писавший хотел, чтобы его услышали даже отсюда. Из чрева ада.

— Я всегда считал кита Ионы — аллегорией. Наказанием за неповиновение. Состоянием, в котором пребывает неискупимый на первый взгляд грешник.

— Или это в буквальном смысле рыба.

Мы оба рассмеялись.

Свет падал на мерцающие переплетения, натянутые поперек деревянных ребер кита. Казалось, за ними присматривали полупрозрачные крабы, которые, стуча клешнями, сновали по волокнам.

Я указала брату Кэтрин Хелстон на крабов и задумалась, какую добычу они могут ловить. Мы увлеклись этим исследованием, и тема Роша отошла на второй план.

Полосы белой соли заставляли гадать, сколько же моря было тут прежде. Иссохшие водоросли поражали своим причудливым видом.

Мы смотрели в воду. На дне росли прозрачные

розы, каждая сияла изнутри бледно-красным светом. Они медленно распускались, мягкие лепестки раскрывались, будто губы, а стоило одной из любопытных рыбок юркнуть в цветок, как тот захлопывался.

Белые, похожие на ласточек рыбы парили в воде, хлопая широкими крыльями и взмахивая раздвоенными хвостами. Клювы этих странных созданий открывались и закрывались. Когда рыбы проносились мимо роз, клюв одной из них раскрылся так сильно, что вся голова превратилась в похожую на зонт зубастую пасть. Однако рыбка не стала есть розу, поэтому снова захлопнула клюв и поплыла дальше.

Снизу, из-под деревянных перекладин, на нас смотрели напоминавшие драгоценные камни глаза, лишенные радужки и зрачков, а затем, моргнув, исчезали.

Еще дальше я увидела в воде блики, похожие на подвижные созвездия. Сквозь них червем змеилось что-то черное, и едва оно проглотило мнимые звезды, эта часть воды погрузилась во мрак.

— А там не слова ли? — спросил брат Кэтрин Хелстон.

Проследив взглядом за его рукой, и я увидела

линии, которые приняла за древесный узор на ребрах кита. Темно-синий и очень тонкий, он покрывал всю поверхность. И все же не расширялся, как я ожидала, линии все сильнее запутывались в маленькие узелки. Присмотревшись, я разглядела, что те образуют некие символы. И хотя линии некоторых из них обрывались, ошибиться было невозможно. Я много раз переписывала эти бессмысленные знаки.

Это был енохианский.

— Да, — ответила я. — Слова. Что-то вроде них.

— Можешь прочесть? — Брат Кэтрин Хелстон положил руку на влажное дерево. — Очень уж неразборчиво…

— Это по-енохиански. Я полагаю. Нашла этот язык в дневнике у Роша.

— Эта книга с каждой минутой становится все интереснее.

— Я же говорила.

Скалистый выступ расцвел кроваво-красной росой, затем каждая капелька, замерцав, исчезла. Вода кишела алыми и серебристыми рыбками, порхавшими между кораллов цвета кости. Из сердцевин этих мнимых костей вылезали щупальца и раздвоенными языками проносились в воде, ловя стремительных, похожих на слезинки

рыбок.

Пара странных бледных рыб с огромными глазами, задыхаясь, лежала на илистом берегу. Утонченная красота хрупких плавников и хвостов на суше казалась несуразной.

— Должно быть, раньше воды было больше, — произнесла я, указывая на рыб.

— Они умирают.

— Здесь все умирает.

Я передала ему фонарь, присела на корточки и осторожно столкнула рыб в воду. Их великолепные плавники и хвосты тут же расправились. Под водой болезненная бледность стала невероятно прозрачной, мерцающей белизной, которая нимбом окружила чешуйчатые тела.

— Это… Вряд ли мы могли вообразить подобное. — Я улыбнулась, вспоминая наши детские выдумки. Страны, через которые пробирались наши исследователи, были всего лишь Йоркширом, только крупнее. Мы были такими простодушными созданиями, но теперь я гадала: а что, если недостаток воображения был признаком моей нереальности? Разве не всегда заводилой в наших играх был брат Кэтрин Хелстон?

— Довольно неприятно думать, что мы видим все это только потому, что кит мертв, — сказал

тот.

— Чуть-чуть, — ответила я. — Хотя мы должны что-ни будь записать. Зарисовать его словами, если не картинками.

— Было бы похоже на воспоминания о путешествиях через Гаалдин и Заморну, которые мы рисовали.

— Земли, которые не думали когда-либо увидеть, — произнесла я с легкой тоской по нашим старым играм. — Как мы звали предводителя?

— Самый рослый и храбрый из всех оловянных солдатиков — это всегда-всегда Веллингтон, — немедленно ответил брат Кэтрин Хелстон.

— Я помню.

Он встал так близко, что я внезапно ощутила его присутствие. И забыла, почему так упорно сопротивлялась нашему влечению, забыла все причины, которыми объясняла себе это сопротивление.

Каждое воспоминание, кажется, неумолимо вело меня сюда, в то место, где я стояла перед ним — слишком близкая и слишком напуганная. Я не хотела давать имя этой страсти, не хотела ее признавать. И могла бы сойти в могилу, так и не осознав, почему всякий раз, видя брата Кэтрин Хелстон, испытываю боль. Могла бы прожить эту

жизнь, ослепленная своей тоской и не чуткая к его тоске.

Могла бы.

— Итак, Иона, — криво улыбнулся он, — что ты думаешь о том, что мы здесь застряли?

— Должна ли я сознаться, что сожалею о сопротивлении неизбежному? — поддразнивая, отозвалась я.

Он просто был рядом, слишком близкий, слишком настоящий и слишком красивый.

— О чем ты? — спросил он.

И я не в первый и не в последний раз поцеловала брата Кэтрин Хелстон.

Глава 31. Слова в начале

В молодости Джейкоб Рош, по-видимому, отличался богохульным характером; и хотя иногда в юности он переживал серьезные впечатления, только в двадцать один год к нему пришло полное осознание ценности и любви Спасителя.

Джейкоб Рош отбыл в земли фейри, обычно называемые Эльфан или Аркадия, в 1839 году, еще до заключения договоров, которые должны были стать основой для отношений Империи с Аркадией. В результате большую часть жизни общение Роша с миссионерским обществом отличалось напряженностью, он часто действовал исключительно за пределами предоставленных полномочий. Такое необдуманное поведение, возможно, было отголоском или даже возвращением к его прежнему кощунству.

В конце 1840 года он основал миссию, якобы названную Гефсиманией. Весной 1842 года он вернулся в Англию и вскоре после этого женился на Элизабет Клей,

которую в семье чаще называли Бета. Зимой того же года с молодой женой он вернулся в Аркадию.

Джейкоб Рош неустанно трудился, стараясь нести Благую весть жителям Аркадии и налаживать ценные связи с их правящими классами. Он умер 21 декабря 1843 года при неизвестных обстоятельствах.

Сборник его писем должен быть опубликован в следующем году.

Мэтью Уортингтон Коплстон и Маргарет Хейл. Деятельность протестантских миссионеров: со списком их публикаций и некрологами

Мы вернулись в мою комнату, и нам не терпелось приступить к описанию чудес внутри плетеного кита. Составить подобный перечень в одиночку казалось невыполнимо огромной задачей.

— Как думаешь, другие киты изнутри такие же? — поинтересовалась я.

— Почему бы и нет? — Брат Кэтрин Хелстон, вытащив блокнот, старался зарисовать увиденное.

— Ведь они похожи на острова, — рассуждала я, усаживаясь в кресло и жадно поглядывая на

одеяла и мягкую постель, — а не все острова одинаковы. Повидимому, внутри у них есть другая рыба. Если ее можно назвать рыбой.

— Но они не похожи на острова. Наверное, их построили или изготовили. Надпись на ребрах — не может же она так расти… правда?

— Это Аркадия, — ответила я. — Кто знает, что здесь естественно?

— Но кто мог построить такую штуку?

— Не знаю, но она не более странная, чем другие штуки, которые мы видели.

Он высунул кончик языка, пытаясь сосредоточиться — под его карандашом обретала форму выгнутая спина кита. Мне было настолько любопытно, что я извлекла из кресла свое обессилевшее тело и нависла над его плечом.

Он уже начал рисовать изогнутые ребра чудовища и, пытаясь воспроизвести форму знаков на них, сказал:

— Эти слова. Енохианские, как ты их назвала.

Я кивнула.

— Покажи.

Я вынула все страницы, дневник и письма, над которыми работала. Разложила их на полу, отметив, что они занимают куда больше места, чем вначале.

— Истолкование енохианского. Вот что успел сделать Рош, прежде чем с ним случилось то, что случилось, — пояснила я. — Не могу утверждать, что одно с другим не связано. Разгадка одной тайны может означать разгадку и другой.

— То, что я смотрю бумаги, не значит, что я собираюсь пробовать свои силы. — Рвение, с которым он перелистывал документы, противоречило его словам. В глазах уже появился давно не виденный мною блеск.

— То есть ты знать не хочешь?

— Пожалуй. Но, думаю, куда важнее то, что подобного знания едва ли возможно достичь.

— А ты даже желать не станешь того, что не можешь заполучить.

Брат Кэтрин Хелстон рассмеялся над моим подтруниванием, а я ободряюще сжала его руку и принялась помогать разбираться в страницах, объясняя менее вразумительные из своих заметок.

— Зачем он переводил Библию на этот язык? — спросил брат Кэтрин Хелстон, не отрываясь от листка. — Этот… этот енохианский.

— Нет миссионера более великого, чем родной язык. Другие работали годами, иногда десятилетиями, чтобы перевести Библию на языческие

диалекты. Думаю, тут то же самое.

— Полагаешь, что енохианский — это аркадский?

— Да, а еще… — я сглотнула, внезапно почувствовав себя глупо. Нервно убрала с лица выбившийся локон, — язык ангелов. Язык, на котором говорил мир до падения Вавилонской башни.

— Так тут и утверждается.

— Возможно, это правда. Возможно, сумей мы прочесть эти страницы, нашли бы правду в них.

— А я уверен, здесь есть все, что угодно, но только не правда. Лишь потому, что что-то записано… — Хотя в его словах звучал скепсис, по наклону головы и нетерпению во взгляде я догадалась, что брат Кэтрин Хелстон заинтригован.

— На балу я разговаривала кое с кем из фейри, которые… ну, язык они никак не называли. Но сказали, что их Нерожденный Отец и его Незаконнорожденный Сын заявляют на него права, но принадлежит он не им одним.

— Нерожденный Отец? — Он горько рассмеялся. — Они дразнят тебя тайнами, которых сами не знают.

— Но их титулы звучат правдоподобно, в некотором смысле. И они не просто со мной играют. У

них на коже были вырезаны такие же глифы, — я провела пальцами по своим рукам, припомнив шрамы на коже у брата и сестры. — Значит, для них это важно. И написано было не для моих глаз. Если кто и мог прочесть, то лишь Бледная Королева.

— А ты знаешь, что тут написано?

— Нет.

— Вот поэтому и хочешь прочесть.

— А ты — разве нет? — спросила я. — Ведь это может даже дать представление о том, что случилось с Ро-шем. Как он умер. Саламандра сказала, что он пытается чему-то научиться, доказать то, чего доказывать не стоит. Тебе совсем не любопытно? Он умер. У него в Англии вдова, которой мы обязаны передать эту историю. — Мои ладони взволнованно разгладили записи, а в голосе зазвучали умоляющие нотки. — Не похоже, что до ответа Бледной Королевы тебе есть чем заняться. Мы просто сидим и ждем, когда она пустит нас в свои владения.

Уголок его рта изогнулся в ухмылке, и брат Кэтрин Хелстон наклонился ко мне и поцеловал. Я воскликнула от удивления, но не сопротивлялась, растворяясь в его ласке. Он был таким реальным и осязаемым.

— Есть и другие занятия, — провел он пальцем по моей щеке.

И действительно, нашли и другие.

В последующие дни мы с братом Кэтрин Хелстон наблюдали за разрушением и гибелью плетеного кита. Ни один из нас не мог по-настоящему претендовать на звание исследователя или ученого, но мы делали все возможное, стараясь записать увиденное. Выходило и в самом деле похоже на создание вестников и журналов для наших игрушечных солдатиков. Не раз мы гадали, что сотворил бы из этого места крошечный оловянный герцог Веллингтон и остался бы он непоколебимым и стойким.

День за днем мы возвращались к киту и наблюдали, как из него медленно вытекает вода и гибнут его многочисленные обитатели. Полупрозрачные розы высыхали, а рыбы шевелились с трудом. Некоторых мы пытались спасти и перекладывали в стеклянные миски, но, оказавшись за пределами кита, рыбки скоро блекли и умирали.

Мистер Бенджамин стонал, смущенный нашими усилиями.

— Часть рыбы, часть целого. Нельзя просто вынуть.

— Они часть рыбы?

— Большой рыбы. Кита, — отвечал он. — Съел, и они стали часть. Ведь вчерашний завтрак стал частью вас сегодня, так?

И как всегда, мистер Бенджамин радостно кивал собственным рассуждениям, несмотря на наши растерянные лица. Он был уже не так расстроен, как сразу после охоты, хотя число его вопросов о вере не уменьшилось. Гном подходил к ней с тем же любопытством и простой логикой, что и прежде, хотя временами казался почти рассеянным.

Ни наши зарисовки, ни наши слова, казалось, не могли передать того, что мы видели. Как бы мы ни старались поймать и пришпилить, словно мотылька к доске, увертливое мгновение, оно оставалось неуловимым.

— Из тебя никогда не получится хорошего натуралиста, — сказала я, глядя через плечо брата Кэтрин Хелстон на его работу.

— Думаю, это меньший из моих грехов, — улыбнулся в ответ он. — И я в нем раскаиваюсь, а это, как напоминает нам Иоанн, самое главное.

— Но я требую возмещения убытков, — парировала я.

По ночам, покончив с наблюдениями и рисун-

ками, мы бок о бок трудились, листая записи на енохианском, пытаясь собрать воедино достаточно для того, чтобы прочесть слова на ребрах кита.

Хотя мы и отвлекали друг друга, но продвинулись куда дальше, чем я в свое время. Брат Кэтрин Хелстон лучше меня владел классическими языками и был ближе знаком с Вульгатой [90]. Он вычислил и искоренил из моих списков ошибку, которой объяснялась большая часть моего прежнего разочарования.

Мы работали до поздней ночи, пока луна не выплывала на небо, а наши глаза не начали чесаться от недостатка сна. Больше не испытывая неловкости от тел друг друга, мы лежали, прижавшись, точно привычные к огню пастушьи собаки.

Брат Кэтрин Хелстон посмотрел на меня и с ленивой, довольной улыбкой сказал:

— Кэти…

— Не называй меня так, — оборвала его я. От этого имени из глубины горла поднималась паника. — Я не…

— Кэти, — повторил он, прижимаясь лицом к изгибу моей шеи. Почувствовав его теплое

---

[90] Примечания: 90
Библия, переведенная на латынь.

дыхание у себя на коже и головокружительное удовольствие, разливавшееся от его губ, я успокоилась. — Пусть другая будет Кэтрин. А ты можешь быть Кэти. Ты всегда будешь моей Кэти, всегда будешь моей сестрой.

Я приподняла бровь, и у него хватило такта принять смущенный вид.

— И еще кое-кем, правда, — сказал он. — Но в любом случае ты не должна считать себя менее реальной. И мне ведь нужно тебя *как-то* называть.

— Я ненастоящая.

— Мне ты кажешься настоящей. — Его пальцы переплелись с моими. Моя рука не растаяла от его прикосновения, чего я так боялась. Мы оба были все так же крепки.

Я покачала головой:

— Ариэль говорила, что не почувствовала себя иначе, когда узнала.

— Но ты была там, ты выросла вместе со мной. Я тебя помню.

— И еще она говорила, что у нее были очень яркие воспоминания о времени до подмены. Тебя создают вместе с воспоминаниями.

Мы оба молчали, пока брат Кэтрин Хелстон размышлял. Я хотела отстраниться, но мы слишком

переплелись.

Он держал меня за руку, поглаживая большим пальцем тыльную сторону ладони. И не отшатнулся в ужасе и не вздрогнул от умиротворяющих поцелуев, которые я запечатлела у него на лбу.

— Итак, — наконец начал он, — ты думаешь, тебя подменили недавно?

— Не знаю, — ответила я. — Но если Ариэль помнила свою бабушку, хотя ее подменили после смерти старухи, тогда возможно, что… возможно, что ни одно из моих воспоминаний до того, как я ступила на землю фейри, не настоящее.

— Это не может быть правдой.

— Но я не могу доверять своему собственному разуму.

— Я знаю свою сестру, как собственные мысли. Я бы знал, если бы ты…

— Ты думал, что я иллюзия, созданная пустошами, чтобы тебя изводить.

— Это была моя собственная неспособность поверить, что ты окажешься здесь, — сказал он. Свет свечей придал яркости его глазам, отблески отраженного пламени едва заметно дрожали. — Я столько раз представлял тебя, что поверить стало трудно. Я знал, что должен уехать, поскольку слишком сильно тебя желал, но когда уехал,

снова начинал планировать ту жизнь, которую мы могли бы прожить вместе, как я скрывал бы от тебя свою страсть. Твердил себе, что стал бы черпать силы, находясь рядом с тобой, и что со временем самоотречение сделается проще. Я хотел верить в твое присутствие, чтобы однажды стать лучше, чем позволяли мои злые бессвязные мысли и порочное сердце.

Я слушала его молча, и каждое слово тяжким грузом оседало у меня на сердце. Ответить мне было нечего.

— Так что поверь мне, — на его вспыхнувшем лице проступила так часто скрываемая им дикость, — я сомневался в тебе не потому, что ты не та, кого я знаю. Я сомневался в тебе из-за собственной слабости. Ты сестра, с которой я рос, сестра, которую я любил и люблю сейчас. И это все, что имеет значение.

— Возможно, это достаточно для тебя, но не для меня.

Он ничего не сказал, ведь сказать было нечего. В конце концов, истину не опровергнуть.

Вместо слов он очень крепко прижал меня к себе. Я слышала его дыхание, чувствовала его прикосновение к моей коже и с головой утонула в отраде, которую он предлагал. На мгновение

захотелось сказать, что и этого довольно, скрыть от него правду, но я промолчала. Хватит притворства. Больше двадцати лет мне невольно приходилось лгать, и я не могла позволить себе вновь стать обманщицей.

На седьмой день нас разбудил треск костра у стен замка. Последние капли моря вытекли наконец из плетеной туши, и Саламандра подожгла то, что осталось. Диоген долго и испуганно скулил, безутешно прижимаясь к моим ногам.

Я изучала записку, оставленную у нашей постели. Скупые каракули сообщали, что киту нельзя позволять и дальше разлагаться и что от него нужно избавиться.

— Она не столько пишет, сколько выжигает слова на бумаге, да? — заметила я.

В свете костра мы оплакивали утрату того странного мира, который мельком увидели, но не вполне поняли и продолжали старательно переносить его образ на бумагу. Но даже тогда моя память оказалась смутной и недолговечной. Я заметила расхождения между своими записями и записями брата Кэтрин Хелстон.

И все же, несмотря на тяжесть на сердце, это были, возможно, самые счастливые наши дни, полностью занятые работой и друг другом.

Глава 32. Шествие сезонов

Говорят, что пруссаки работают на объекте Labyrinthus Noctis[91] близ Шварцвальда, обширной подземной железнодорожной развязке, которая управляется заводным механизмом, разработанным бесценным герром Беккером[92] из Вены. Похоже, они восприняли как вызов общепринятую ныне аксиому, что до Аркадии лучше всего добираться на корабле. Открытое море предоставляет обширные возможности для необходимой дезориентации, ибо странная география Фейриленда такова, что добраться до него могут только те, кто действительно потерялся. Не имеет значения, где вы заблудились, будь то вересковые пустоши Йоркшира или пустыни Монголии, но подлинное смятение жизненно необхо-

---

[91] Примечания: 91
Лабиринт ночи (лат).

[92] Примечания: 92
Густав Эдуард Беккер (1819–1885) — знаменитый немецкий часовщик, основатель собственной марки.

димо, и в этом кроется неудача сонма исследователей, пытавшихся пойти по стопам капитана Кука. Многие звери, даже неразумные на первый взгляд вьючные животные, обладают необычайно хорошим чувством направления.

Labyrinthus Noctis обладает, как говорят, уникальным механизмом, работа которого становится непредсказуемой благодаря использованию множества шарикоподшипников, падающих на доски, утыканные колышками. И как таковая, степень потерянности может варьироваться простой корректировкой их распределения.

В настоящее время нет никаких доказательств того, что прусские локомотивы успешно достигли Аркадии.

Фицвильям Тилни. О последних технических достижениях. Журнал «Блэквуд», декабрь 1846 года

Время в Гефсимании шло, а мы все ждали ответа Бледной Королевы. Взмахи маятника становились все короче, дни — темнее, а ночи — светлее. Даже в полночь небо оставалось туманно-серым.

Мы были в саду — брат Кэтрин Хелстон снова уговорил меня выйти из комнаты.

Небо затянули облака, от которых слабел и без того прохладный солнечный свет. Неприступные стены замка с их анахронизмами укрыло сумрачными тенями.

Обещанный пикник прервался, когда я заметила в саду незнакомца с кистью в руке. Он был очень высоким и неуклюжим, а когда пробирался через клумбы, отбрасывал длинную паучью тень. Плащ из лохмотьев и осенних листьев, накинутый ему на плечи, волочился по траве, оставляя за собой полосу бурых переломанных стеблей. Незнакомцу приходилось низко наклоняться, чтобы мазнуть кистью по каждому цветку.

— Простите, — сказал мистер Бенджамин, заметив нас, — но Саламандра ужасно обращается с растениями. Вы же знаете, она ненавидит деревья. И фрукты. Очень длинная история, не стоит даже рассказывать. Вот я и позвал старого приятеля.

— Старого приятеля? — переспросил брат Кэтрин Хелстон.

— Нового приятеля, — мистер Бенджамин вздрогнул и с тревогой посмотрел на то, что новоприбывший делал с его драгоценными цве-

тами. — Не хотел ждать, пока начнутся ярмарки, тогда было бы слишком поздно. В любом случае сезонная работа. Сама себя она не сделает.

Руки незнакомца двигались странно, неестественно, обладая той неправильностью, которая свойственна лишь суетливым паукам и длинноногим поденкам. От мазка кисти цветы заметно поникли. Второй мазок был намного легче, он касался краев лепестков, добавляя им коричневую сухую кромку.

Именно тогда я поняла, в чем заключается странность рук незнакомца: на каждом из его пальцев был дополнительный сустав.

Заметив, что одна клумба готова, мистер Бенджамин подошел к ней со своими садовыми ножницами и начал методично обрезать только что увядшие цветы.

— Чем вы занимаетесь, мистер Бенджамин? — спросила я, поддавшись любопытству.

— Садоводством, — довольно бодро ответит тот. — Так цветы растут лучше.

— А ваш компаньон?

— Время идет, цветы увядают. Сезонная работа. Я ж сказал.

— Что?

— Он заставляет времена года происходить.

Уверен, в следующий раз доберется до листьев на деревьях.

— Разве это не должно просто… просто случаться? Холодает, дни становятся короче, и растения просто…

— Но не тут. Только не тут.

Мистер Бенджамин резко тряхнул головой, и его соломенная шляпа свалилась. Я подняла ее. Гном широко и благодарно улыбнулся и ответил:

— В ваших краях — может быть, но не у нас. Ничего не случается просто так. Цветы не увядают, растения не растут. Приходится заставлять это происходить.

— Здесь растения не справляются сами?

Мистер Бенджамин постучал пальцем по испачканному грязью носу и задумчиво нахмурился:

— Это как… это как погода. Нужно прикупить немного дождя, получить ветер и…

— Погода не бывает просто так?

Гном хмыкнул:

— Вы думаете, что и еда просто так случается?

— Я думала, Саламандра ее готовит.

— Да, да. Конечно. Именно так. Погоду нужно заварить, а растения вырастить.

— Но сейчас вы срезаете цветы.

— Садоводство, — весело ответил он. — Убирайте мертвые цветы, сохраняйте растение здоровым.

— Но, — произнесла я, совершенно сбитая с толку, — вы ведь могли сделать так, чтобы они не увядали? То есть если бы цветы не завяли, то остались бы, верно?

— Нет-нет-нет. Время идет, цветы увядают. — Он срезал еще один мертвый бутон. — Так все и должно быть.

Мы оставили гнома наедине с его работой.

Перед нами лежало множество бумаг на енохианском. Списки переведенных слов росли, но вместе с ними прибавлялось и количество противоречий. Я переписала символы, выгравированные на ребрах кита, но казалось, мы ничуть не приблизились к их прочтению.

— Может, там написано просто «кит». — В отчаянии я швырнула карандаш в другой конец комнаты.

— То есть он не должен забывать, кем является? — уточнил брат Кэтрин Хелстон, перестав на секунду жевать собственный карандаш.

— Ярлыки важны, — возразила я. — Имена обладают силой, разве не знаешь?

— Верно, особенно когда не уверен, кто тебя

поглотил. Мне было бы очень приятно прочесть на костях имя моего пожирателя. — Он прижал к глазам костяшки пальцев. — Не могла бы ты передать…

Предвосхищая его просьбу, я дала ему список повторяющихся слов и символов.

— Спасибо.

Маятниковое солнце уходило вдаль, и решетка окон обрамляла пурпурное, затянутое облаками небо. Комнату заливал свет свечей, на бумагах танцевали тени.

Пока брат Кэтрин Хелстон трудился, я изучала его лицо и фигуру, читая в его чертах отголоски моих собственных. Хотя правильнее было бы сказать, что это я — передразнивающая его пародия-фейри. Какой бы мастер меня ни сотворил, глаза и щеки получились верно, но наши подбородки и носы отличались. И тут мне подумалось: выглядит ли настоящая Кэтрин Хелстон так же, как я? Так же ли у нее глаза брата и подбородок матери?

Насколько бледна ее копия?

В прошлом сходство между мной и братом Кэтрин Хелстон доставляло мне огромную радость. В этом была наша близость, наша общая история, написанная на самой плоти. Он часто

повторял, что стоит ему посмотреть в зеркало, как там он встречается с моими глазами. Теперь я гадала: чьи глаза он видит — ее или мои, и внутри начинала извиваться ревность.

Я коснулась его щеки, и он отвлекся от бумаг. Горделиво улыбнулся, а мне захотелось посмеяться над его тщеславием.

Несмотря на священные книги перед нами, брат Кэтрин Хелстон стоял между мной и любым религиозным побуждением. Даже протягивая ко мне руку с обещанием заступничества и благодати, он затмевал собой надежды обрести покой в раю.

Я сотворила из него идола, и хотя оправдывалась тем, что это всего лишь детский восторг перед героем, который я когда-то к нему испытывала, все было гораздо глубже. Когда в молитве его рука обхватывала мою, когда я преклоняла перед ним колени, то думала не о Боге Саваофе и не об Иисусе Искупителе, а лишь о нем, вечно и неизменно.

Наблюдая, как брат Кэтрин Хелстон работает над переводом, я снова подумала о Шампольоне и имени Клеопатры в картуше. По наитию откопала первую из найденных мною страниц с начальной фразой из Иоанна и обвела каждый

пример того единственного слова, которым обозначался Бог. Затем сделала то же в отрывках на латыни и английском.

— Это не из какой-нибудь известной нам книги Библии, — сказала я.

— О чем ты? — нахмурился он.

— Мы предположили, что эти страницы взяты из известной книги, — пояснила я. — Вот из-за этой строчки.

Показав предложения, я уловила, как он едва слышно пробормотал: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».

— Но то, что идет дальше, не из Иоанна, — я прижала к губам дрожащую ладонь, — а мы думали, что оттуда, поэтому и потратили столько усилий. Та страница была совсем другой, а мы… смотрели на нее слишком пристально, чтобы это заметить.

— Но я считал, что тут подразумевается перевод Библии.

— Наверное, когда-то и была такая цель, но это… это некий апокриф. Рош, возможно, работал над переводом библейских текстов на енохианский, но эта книга не из их числа. Она совершенно новая.

— Ты имеешь в виду, он переводил *с* енохи-

анского.

— Или пытался, — добавила я. — Не могу поверить, что не заметила этого раньше. Отрывок, в котором упоминается Бог. Этот отрывок похож, но не точно такой же. Мы были слишком заняты, сравнивая фразы и отрывки, чтобы заметить общую закономерность.

— Это может оказаться просто очень плохой перевод.

Я улыбнулась:

— Такое тоже возможно.

— Тогда что там написано?

— Я не… — Я сглотнула, не желая признавать свое невежество. — Мы это выясним.

Он встретил мой взгляд и улыбнулся:

— Вместе.

В ту ночь мне приснился сон.

Я в великолепном саду. Воздух пахнет мятой, а земля юна и свежа.

На меня глядит человек, который является всем человечеством. Он не столько говорит, сколько приказывает. И сад подчиняется его воле.

Человек смотрит, как я стою в тени дерева с белыми змеистыми корнями. Я прислоняюсь к стволу, и меня окутывает его тепло. Я срываю с ветвей листья и читаю их, словно страницы

книги.

Мир создан словами. И стоит только приглядеться внимательнее, я смогу их прочесть. Они текут по венам мира, написаны на его швах.

Слова говорят мне, что это дерево достигнет небес. Говорили, что нет ничего запретного. Говорят, что знание не может быть грехом.

Я облизываю губы, и они кажутся мне солеными.

Глава 33. Расплата на рынке

В случае возобновления хартии, к примеру, торговцы Ливерпуля, Манчестера, Глазго и других промышленных городов выступают за максимально возможную свободу торговли, независимо от интересов жителей доминионов компании или риска потери британских доходов, если свободная торговля вызовет размолвку с фейри.

С другой стороны, Компания Южных морей идет по противоположному пути – она делает все, что в ее силах, стараясь создать впечатление, будто безопасно торговать с Аркадией способны лишь ее представители. Однако общественность, зная о событиях, которые произошли со времени последнего возобновления хартии, не воспримет свидетельства от служащих компании без подозрений в их крайней пристрастности.

Когда хартия возобновлялась в последний раз, то, как и в настоящее время, был собран парламентский комитет; он должен был определить вероятность того, что за счет открытия портов Аркадии для частных торговцев значительно увеличится продажа английских товаров. По этому поводу все или почти все допрошенные служащие компании высказывали мнение, что расширить потребление британских товаров в Аркадии совершенно невозможно.[93]

«Письмо от подменыша». Журнал «Блэквуд», май 1830 года

Все потерянные вещи можно найти на рынках гоблинов. По крайней мере, так сказал нам мистер Бенджамин.

Как-то в воскресенье гном упомянул, что рынки гоблинов скоро откроются. Он начал с вопроса о разнице между глиняными птицами, которых в апокрифах создавал Христос, и теми, что продаются на рынках, и уже принялся выкладывать все, что помнил о поделках фейри, но тут брат

---

[93] Примечания: 93

Чуть измененная настоящая заметка, которая была посвящена торговле с Китаем.

Кэтрин Хелстон заговорил о том, что еще они продают.

— На самом деле все, — сказал мистер Бенджамин, поправляя очки на своем крючковатом носу, — и ничего. И что угодно. Торговать отвлеченными понятиями очень модно, хотя не слишком законно.

— Незаконно? — эхом отозвалась я.

— Не все сделки следует заключать, — гном улыбнулся, показывая круглые зубы, — вот они и таятся на краю света, глубоко в тумане. Где маятник не появляется над головой. Там или сумерки, или непроглядная ночь, — он преувеличенно передернулся. — Я много ездил, пока был рудокопом. Долгие часы легче скоротать со щепоткой мечты.

— А как насчет утраченных воспоминаний? — поинтересовался брат Кэтрин Хелстон.

— Будьте уверены, раз они утрачены. Все, что теряется, оказывается там.

— А рынки скоро появятся?

Мистер Бенджамин кивнул.

— Мы не можем покидать замок, — напомнила я. — Бледная Королева сказала…

— Но мы же не цепью прикованы. Можем сходить, — сказал брат Кэтрин Хелстон. — Для тебя

это очень важно.

— Мы рискуем всем, ради чего работали, союзом с Бледной Королевой и ее разрешением на проезд и… — Во мне всколыхнулся страх, и в словах, слетавших у меня с губ, было поровну отговорок и разумных доводов. — А перевод? У нас только-только начало что-то получаться. Знаю, это лишь несколько слов, но текст начинает обретать смысл. Нельзя так рисковать.

— Мы ничем не рискуем. Рынки могут предложить даже больше ответов.

— Рискуем. Если Бледная Королева узнает…

— Оно того стоит. — Он победоносно улыбнулся, его ясные голубые глаза сверкнули. — Потерянные вещи находят дорогу на рынки, вот и мы сумеем что-нибудь там отыскать.

— Не вижу, как это могло бы помочь.

— Ты жаждала ответов.

— Я их боялась.

— В любом случае мы должны все выяснить.

Это была наша детская присказка, и она меня зацепила. Я проглотила свой страх и кивнула.

Мы покинули Гефсиманию поздно утром и направились прочь от приближающегося солнца. Нас окутали туманы, их щупальца завивались и принимали облик умирающих китов и танцу-

ющих волн.

— Насколько это далеко? — спросила я. — Не стоило ли нам взять лошадь?

— Нет, — ответил брат Кэтрин Хелстон, — Бенджамин сказал, что мы дойдем пешком. Сказал, что это очень близко. «Так же близко, как воспоминания детства, так же близко, как просьба о прощении».

— В этом нет смысла. Он говорил, что это далеко от маятника. Там, где никогда не бывает по-настоящему светло.

Брат Кэтрин Хелстон пожал плечами:

— Здесь ничто не имеет смысла. Особенно расстояния. Путешествия просто не измеряются временем.

И мы шли дальше, хотя указания мистер Бенджамина дал весьма расплывчатые. Мы держались тропинки.

Туман рассеялся, небо потемнело, и мы оказались на какой-то поляне. Было любопытно, тот ли это лес, что я однажды видела на кромке отвесных скал. Над нами возвышались прямые, словно флагштоки, стволы берез. Трещинки в отслаивающейся коре следили за нами, будто прищуренные глаза.

— Совсем не годятся, чтобы по ним лазать, —

брат Кэтрин Хелстон неопределенно махнул в сторону деревьев. — Хотя я видел, как ты взбиралась на березу.

— Безуспешно.

— Я думал, успешно. Определенно стоило того, чтобы испортить свое зеленое платье.

— Зеленое? Мне казалось, платье было… — Я проглотила слова и попыталась подавить воспоминание о порванном платье, прилипшем к разодранным ногам, красным от крови.

— Наверное, я ошибаюсь, — мягко сказал он. — Я тоже могу ошибиться.

Было очень странно идти по лесу, в котором почти не слышалось звуков. Несмотря на полумрак, в воздухе чувствовалась утренняя свежесть, которая нравится певчим птицам. Но ни хор зябликов или дроздов, ни тихое жужжание и стрекот насекомых, ни шуршание в подлеске не нарушали тишину.

— Не стоит нам здесь быть, — от страха у меня по спине бежали мурашки. — Нужно возвращаться.

— Нет, мы идем за твоими воспоминаниями.

Мы добрались до небольшой полянки среди чащи. Лунный свет серебрил деревья.

— Очень тихо, — заметила я. — Это верное

место?

Брат Кэтрин Хелстон снова взглянул на грубую карту, нацарапанную для нас мистером Бенджамином:

— Ничего, кроме деревьев, травы и тумана.

На краю первой поляны мы увидели тропинку, окаймленную белыми грибами, которая вела ко второй поляне. Вдалеке виделся еще один ряд грибов, что наводило на мысли о другой тропинке и другой поляне.

Вынув компас, я обнаружила, что его стрелка вращается без остановки, и со вздохом покачала головой:

— Не думаю, что он поможет.

— Я дал его тебе, чтобы ты не смогла найти Аркадию, — произнес брат Кэтрин Хелстон.

— Что?

— Я надеялся, что ты не захочешь с ним расставаться. А чтобы добраться до Аркадии, нужно заблудиться… Вот я и подумал, что он помешает тебе меня найти, — его голос звучал виновато, а взгляд не осмеливался встретиться с моим, — потому что с ним ты никогда не потеряешься.

Я сжала его ладонь, стараясь унять боль от признания.

— А я решила, что это зарок. Ты же ни слова не

сказал, понимаешь?

— Слишком сильно тебя желал. И ты это знаешь.

— Я думала, компас должен был привести меня к тебе.

— Прости.

Тогда-то все и началось.

Прибыли торговцы — крылатые, рогатые и усатые. У каждого на плечах был цветастый сверток. И едва эти поклажи развернулись, как земля превратилась в лоскутное одеяло, уставленное множеством безделушек и занятных товаров. Я увидела драгоценные камни, похожие на переливчатые глаза зверей, крошечные за́мки, подвешенные на веревочках, и сырые от морской воды бутылки со свернутыми свитками внутри.

— Дорогу! — раздался крик. — Разойдись!

Навстречу мчалась повозка, мы отступили в сторону, и она со скрежетом пронеслась в опасной близости от нас. Повозка остановилась, и торговец — горбун с бакенбардами, которые казались самым настоящим ореолом, — принялся превращать ее в лоток. На каркасе его передвижного прилавка висели связки пуговиц, наперстков и ключей.

Одна за другой появлялись все новые и новые

тележки, и каждая раскладывалась в лоток. Над прилавками тянулись навесы. Они боролись за место рядом с теми, кто продавал свои товары с земли. Кое-кто бормотал оскорбления, но немногие подвигались, чтобы освободить место для вновь прибывших.

— Утраченные грезы, старые грезы, грезы наяву.

— Сладко языку, приятно глазу. Подходи-покупай, подходи-покупай.

— Дождь по капле, град по льдинке. Дождь по капле, град по льдинке. Йоркширский туман и лондонский смог. Воздух фейри, только что добытый.

Мои ладони крепче сжали холодную руку брата Кэтрин Хелстон. Только она и удерживала меня на месте. Я подышала на нее.

Вокруг нас раскинулась рыночная площадь, окруженная расходящимися во все стороны улицами. На поляне сделалось невыносимо тесно. Лавочки тянулись от края до края и поднимались все выше. Из невероятно маленьких коробок извлекались поблекшие фасады. Руки гоблинов закатывали травяной ковер у наших ног, открывали люки и вытаскивали из земли очередные шаткие конструкции.

— Соль смертных! Соль смертных!

— Хорошенький пенни за хорошенькую безделушку! Хорошенький пенни, хорошенькая безделушка! Неказистый пенни, неказистая безделушка!

— Настоящие русалочьи слезы! Фальшивые куриные зубы!

Торговцы уговаривали нас купить свой товар, горланя бессмысленные перечни. Из-за толчеи сложенные крылья прижимались к телам, а хвосты держались в узде. Это и походило, и не походило на хаос портовой толпы.

— Это он, Базар гоблинов? — прошептала я.

Взглянув вверх, я не увидела солнца и, только обернувшись, заметила вдали его бледный диск, окутанный облаками, словно луна смертных в сумерках. Путешествия в Аркадии действительно довольно странные, если нам удалось преодолеть такое расстояние.

— Подходи-покупай! Подходи-покупай!

— Двери в никуда! Двери в мечты! Двери в мысли!

Брат Кэтрин Хелстон обнял меня и притянул к себе.

Страх, поселившийся в глубине моего горла, отступил. Я сглотнула и, несмотря на всю горечь,

ощутила еще и удивление. Грандиозные колонны и ветхие витрины из дымчатого стекла выглядели интригующе.

Я чувствовала себя совсем крошечной, ничтожной среди стихийно возникших зданий. И тогда-то поняла, что все здесь чересчур большое. Дверные проемы — слишком высоки, окна — слишком широки. Столы с их содержимым располагаются чуть выше, чем стоило бы для удобства покупателей.

По рынку бродили фейри, очертаниями смутно напоминавшие людей, и фейри помельче, но раскинувшиеся строения по размерам никому из них не подходили. Когда русалка привстала на перепончатые пальцы ног, чтобы дотянуться до дверной ручки, меня начали донимать вопросы: для кого или для чего изначально предназначались такие здания и улицы? И что стало с этими существами?..

Среди толчеи из чешуйчатых, мохнатых, диковинных тел мелькнула оранжево-золотистая вспышка, похожая на закатную полосу.

— Это же… — пробормотала я брату Кэтрин Хелстон.

— Что? — рассеянно отозвался он. Его внимание привлекли какие-то яркие безделушки, и мы

задержались. Как бы мне ни хотелось коснуться драгоценностей, я сопротивлялась.

— Показалось, что я увидела знакомого.

С перекладин лавочки гроздями свисали жемчужины цвета бури. На подносах были разложены кольца, в каждое из которых был вправлен поблескивающий кошачий глаз. Некоторые были вырезаны в форме миниатюрных замков, на вершине которых суетились крохотные люди. Я гадала, что приводит их в движение — магия или маленький заводной механизм? А может быть, ни то ни другое?

— Как же нам найти что-нибудь во всем этом? — спросил брат Кэтрин Хелстон. — Мне и половина не известна.

— Можно спросить, — ответила я, — было бы у кого…

Рынок был полон народа, хотя никто не выглядел особенно расположенным к расспросам. Кругом суетились, торговались, кричали и сплетничали друг с другом. Разевались рыбьи рты, щебетали клювы, а на мордах неестественно поджимались губы.

— Разве эта брошь не похожа на ту, что ты раньше носила? — спросил брат Кэтрин Хелстон.

На прилавке лежал грубо отлитый оловянный

мотылек. Я удержалась от того, чтобы до него дотронуться, но вспомнила его тяжесть в моей руке, когда я неумело вскрывала им замки в школе. Эту брошку я приколола сестре Кэтрин Хелстон на ее похоронах. Помню, как наклонилась поцеловать ее ледяные губы, и этот мотылек сверкнул на черном платье.

— Похожих брошей много, — сказала я. — Не может она быть той самой.

— Хорошенькая монетка за хорошенькую безделушку, — произнесла торговка, глядя на нас тусклыми глазами. Когда она говорила, ее челюсть громко щелкала.

Улыбнувшись мне, брат Кэтрин Хелстон вытащил из кармана британский пенни и вложил его в механическую руку торговки, прежде чем я успела возразить. Рот лавочницы открылся и закрылся с чем-то отдаленно напоминающим человеческий смех, и она указала на брошку.

Брат Кэтрин Хелстон приколол ее мне на платье, и моя ладонь принялась играть со знакомыми деталями. Я знала, что это не может быть похороненная брошь, но она казалась очень похожей. Пальцы нащупывали те же неровности на олове, те же шероховатые швы.

— Прекрасно, — сказал брат Кэтрин Хелстон.

Я попробовала улыбнуться, но замялась. Пытаясь сгладить неловкий момент, я отвернулась и окинула взглядом базар.

Кое-что не давало мне покоя с тех пор, как он начал выстраиваться вокруг нас. Все это что-то напоминало.

И тут я поняла: базар походил на коллекцию мисс Лусии Марч. Та искусно создавала в витринах сценки с множеством кукол. Она с огромным удовольствием лепила, прищурившись, различные фигурки и цветы, покупала стеклянные кораблики, чтобы поставить рядом со своими войлочными птицами и бумажными бабочками. Я провела много часов, помогая ей переставлять растрепанных кукол вокруг заваленных товаром прилавков и картонных соборов.

На это и был похож базар. В нем ощущалась та же нереальность. Слишком много стеклянных, пустых глаз. Ни одного предмета подходящего размера, ни одного предмета, сделанного из того, из чего следовало бы. Сплошь восковые цветы и птицы из фетра.

— Вы продаете двери? — спросила я.

— Еще я продаю замки, если угодно, — ответил унылый фейри и пожал плечами, напоминавшими раковину улитки, которую он таскал на спине.

Этот фейри сколачивал из дверей навес. — Замки прекрасная штука, знаете ли, они защищают тело и разум.

— Разум? — переспросил брат Кэтрин Хелстон. — Как же они могут повлиять на разум?

— Сквозь дверь в него можно войти. Хотите спать без сновидений — запечатайте ее крестом из холодного железа [94].

— Любую дверь? — спросила я.

— Зависит от того, куда она ведет, — снова пожал плечами фейри. При каждом ударе его молотка во все стороны летела облупившаяся краска. — Но я считаю, все двери куда-то ведут. И беспокоился бы о дверях в никуда.

Я тут же подумала о той, что была в моей комнате:

— А кто за ними находится?

Фейри прищурился и очень внимательно нас оглядел. Его горизонтальные зрачки покраснели.

— Вижу, у вас в глазах по-прежнему ее песок. Я ничего не могу вам продать.

— Подождите, — попросила я, — что вы хотите этим сказать?

---

[94] Примечания: 94

Особый вид железа, полученный без нагревания (предположительно, алхимическим способом), якобы обладающий магическими свойствами и отгоняющий нечистую силу.

Фейри покачал головой и выгнал нас из лавки.

— Думаешь, он имел в виду Бледную Королеву? — спросил брат Кэтрин Хелстон. — Сон со странным деревом…

— Более того, — я задумчиво постучала по щеке кончиками пальцев, — мы, наверное, могли бы так с ней связаться.

— Через сны?

— Мы могли бы оставить дверь открытой… — Я содрогнулась от одной мысли об этом. Было что-то нехорошее в том, чтобы ее не запирать.

— Ах, всегда приятно видеть даже самое небольшое неповиновение, — протяжно раздалось у моего уха. — В конце концов, нет греха, который нельзя простить.

Я резко обернулась, сердце в панике подскочило к горлу.

Это был Пенемуэ. Ему пришлось наклониться, чтобы шептать мне на ухо. Он казался выше, чем я его запомнила.

Пенемуэ отвесил очень строгий поклон, его золотые шрамы блестели на черной как смоль коже. Ставшие уже более знакомыми, енохианские слова по-прежнему дразнили меня своим непостижимым смыслом.

— Ты ведь помнишь меня? — спросил фейри.

Я кивнула, не вполне доверяя собственному голосу.

— Так рад видеть тебя здесь. И твоего брата тоже, — сказал Пенемуэ. — Рынкам всегда нужно что-нибудь новенькое, старого просто недостает.

К нам скользнула Касдейя, волосы развевались за ее спиной хвостом золотой рыбки.

— Вряд ли ты представила нас своему брату, — она посмотрела на брата Кэтрин Хелстон, и ее рубиново-красный язык скользнул по золотистым губам, — а тебе следовало бы.

— Он не… — начала я.

— О, конечно, я позабыла. Всегда жаль терять семью. — Касдейя прильнула к Пенемуэ и нежно положила голову ему на плечо. Я вспомнила, какую вспышку зависти вызвала во мне их близость.

— Я преподобный из Гефсимании. — Брат Кэтрин Хелстон шагнул вперед. В его голосе прозвучали враждебные нотки, а рука покровительственно сжала мою. — А мою сестру вы уже знаете.

— Люди так настороженно относятся к именам, — беззаботно сказала Касдейя. — Я знаю, кто ты. Просто пыталась проявить учтивость.

— Как и я.

— О, дерзкий, — Касдейя издала булькающий смешок, — так вот как ты разговариваешь с Маб? Неудивительно, что ты ничего не добился.

— Вы смотрите на мою сестру так, словно вот-вот ее проглотите, — сказал брат Кэтрин Хелстон.

— О, избави преисподняя! — воскликнула она. — Мой интерес в основном праздный. Меня заинтриговали ее звезды и кровь.

— Тебе не стоит их дразнить, — мягко заметил Пенемуэ и легчайшими прикосновениями погладил ее по волосам, отчего вокруг его пальцев заплясал каскад оранжево-золотых искр.

— Но только потому, что ты просишь, дорогой брат.

— Я… я хочу спросить, — чуть заикаясь, произнесла я, прерывая их слишком интимную мечтательность. — Слова, что на вас написаны. В прошлый раз вы говорили, что умеете их читать.

— Говорили.

— Можете показать мне, как?

— Это было бы слишком просто, хрупкое маленькое создание, — ответил Пенемуэ. — Подобные тайны способны сломать разум смертных.

— Сломать разум одному еще не значит сломать разум всем, — возразила Касдейя.

— Двоим.

— Но ведь это не просто тайны, не так ли? Это еще и грехи…

Пенемуэ покачал головой и, глядя мне прямо в глаза, произнес:

— Тот, кто не понимает, должен спросить того, кто не способен понять. Иногда из немых получаются лучшие учителя.

Он позволил словам дойти до сознания, прежде чем переключил внимание на брата Кэтрин Хелстон.

— Теперь я знаю, что вы здесь ради чего-то иного.

— Воспоминаний Кэти, — последовал ответ.

Брат Кэтрин Хелстон заговорил раньше, чем успел подумать, и в тот же миг я об этом пожалела. Мое мужество уже иссякло.

У фейри заблестели глаза. Ну конечно же.

— Мы могли бы помочь… — сказала Касдейя.

— Как бы я ни любил переходить дорогу Маб, — произнес Пенемуэ, — как бы давно ни видел свою сестру за изучением кровавых внутренностей созвездий…

— Я могла бы охотиться за ними по всему небосводу и резать их сытые темные животы, — прошептала Касдейя на ухо брату и провела

ногтем по его подбородку, — потрошить их, заставлять выдать свои тайны.

— Как бы восхитительно это ни было, — продолжал тот, — не уверен, что нам следует вмешиваться в частное дело.

— Тогда нам следует откланяться и найти того, кто мог бы вмешаться, — сказал брат Кэтрин Хелстон. — Вы, кажется, отдаете себе отчет в том, что нам здесь быть не стоит, так что должны понимать, как мало у нас времени.

— Не должны, но понимаем, — ответил фейри, — поскольку мы похожи больше, чем ты думаешь.

— Мы вовсе не похожи, — процедил брат Кэтрин Хелстон.

Пенемуэ приподнял бровь и после недолгого молчания произнес:

— В любом случае я без стеснения скажу, кто продаст вам ответы. Но стоить они будут недешево.

Глава 34. Мотылек в банке

Рассуждать о наличии души в мертвом человеческом теле, у которого признаков жизни не больше, чем у статуи, на основании одного только внешнего вида не более рационально, чем полагать наличие души у подменыша лишь из-за того, что тот обладает внешним сходством с разумным существом, хотя его поступки заключают в себе гораздо меньше признаков разума, чем у многих животных.

Джон Локк. Опыт о человеческом разумении

Указания Пенемуэ привели нас к лавочке, притулившейся к нарочито классическому фасаду. Мраморные нимфы поддерживали полуразрушенный барельеф с отдыхающими богами.

В тени фасада действительно стоял торговец с серебристой кожей. Его лавочка была заставлена стеклянными банками, напомнившими мне о тех, в которых мы с братом Кэтрин Хелстон мори-ли в детстве мотыльков для нашей коллекции. В каждой сидело какое-нибудь насекомое.

— Да, — сказал торговец, оглядывая свои банки.

Он поднес одну к дрожащему пламени свечи. Призрачный белый мотылек внутри прижимался тонкими лапками к изогнутому стеклу. Я даже могла разглядеть на них ворсинки.

— У меня есть то, что вам нужно.

В стекле отражался свет, и узор на крыльях мотылька, похожий на круглые глаза, казалось, смотрел на меня. Маленькая коричневая этикетка гласила: «Утраченные истины».

— Но вопрос в том, есть ли у вас то, что нужно мне?

— Я смогу заплатить, — сказал брат Кэтрин Хелстон.

— Чем?

— Назовите цену.

— Я могу взять твою кожу, — торговец сдвинул очки на лоб, и в морщине на переносице открылся ряд глаз, оценивающе глядевших на брата Кэтрин Хелстон, — но мне понадобится вся. Позорные секреты дешевле, но они вам не нужны. Поэтому-то и вся.

— Вся моя кожа? — растерянно повторил тот.

— Да… да, твоя кожа, — торговец моргнул. Он тщательно опустошил один из своих карманов

и вывернул его наизнанку. Затем вытер очки подкладкой и снова надел. — Думаю, это справедливо. Воспоминания стоят недешево.

— Но…

Торговец раздраженно вздохнул. Усики вокруг безгубого рыбьего рта скрутились и вновь распрямились.

— Полагаю, тебе понадобится что-нибудь, чтобы не расплескать внутренности. Кажется, у меня есть медвежья шкура.

— Она превратит меня в медведя?

Торговец пожал плечами:

— Даже не знаю. Наверное. Но ты же всегда сможешь ее снять! С людьми порой столько хлопот.

Брат Кэтрин Хелстон рассматривал сделку слишком серьезно. Это ясно читалось у него на лице, даже когда он нахмурился и задумчиво скрестил руки на груди. Я и прежде наблюдала его попытки торговаться, и у него всегда получалось ужасно, а здесь речь шла не о подарке, купленном из прихоти.

— Нет? Ну, тогда я могу взять твои глаза.

— Глаза?

— Да, похожие на шар мягкие драгоценные камни с твоего лица. Вы ведь зовете их глазами? А если я возьму их, ногу и руку? Это, по-твоему,

справедливо?

— Ты не должен столько платить. — Я дернула брата Кэтрин Хелстон за рукав.

— Но твои воспоминания, правда… они же стоят того, верно? — он был так нетерпелив.

— Не думаю…

— Итак, — перебил торговец, — ты готов платить?

— Своими глазами, так? — Он не дрогнул, несмотря на страх, проступивший на лице. Я крепче сжала его ладонь. Это давало ощущение надежности посреди всего окружающего безумия.

— Только одним, — торговец улыбался или, по крайней мере, показывал зубы. — А еще одной рукой и одной ногой. То есть я хочу половину тебя.

— Половину? — эхом повторил брат Кэтрин Хелстон.

— Да, половину, — торговец неопределенно взмахнул рукой, — или около того. Я не жадный и не стану просить всего тебя. Ты хочешь вернуть половину ее, поэтому я прошу половину тебя.

— Половину ее?

— Разве она не чувствует себя собой только наполовину? Мы ведь об этом говорим?

— Да, наверное. — Он повернулся ко мне и

улыбнулся. Я хмурилась, но, как могла, ответила на его улыбку. Неуверенность и страх взяли надо мной верх. — Ты не наполовину человек.

— Но ведь я ненастоящая, — твердо произнесла я, не желая мириться с его заблуждением.

— Для меня — настоящая, — он быстро и нежно сжал мою ладонь.

Брат Кэтрин Хелстон обернулся было к торговцу, но я не позволила и вытащила его из лавочки. Он неохотно следовал за мной, медленно и запинаясь, толпа едва двигалась, чтобы дать нам дорогу.

— Нет, ни за что, — сказала я. — Не позволю тебе это сделать.

— Почему нет?

— Это же твои глаза! Твоя нога и твоя рука. — Я нервно огляделась, опасаясь, что фейри нас подслушают. Но те, казалось, по-прежнему ничего не замечали. — Здесь не место для такого разговора.

— Тогда не нужно и разговаривать. Я могу просто заключить сделку.

— Нет, не можешь, я не прощу себя и уж точно не прощу тебя.

— Но ты же хотела узнать. Для этого мы тут, — напомнил он. — Ты все время твердишь, что ты ненастоящая. Я не могу…

— Это не сделает меня настоящей, — довольно безжалостно отрезала я. — Сделка ничего не изменит.

— Но сможет помочь, — он одарил меня нежной, печальной улыбкой. Его рука коснулась моей щеки, но я отстранилась. — Я тебя люблю.

— И? — нетерпеливо спросила я.

— О чем ты? — нахмурился он в замешательстве.

— И что? Я имею в виду… — я подыскивала слова. — Твоя фраза. Она не окончена. Ты подразумеваешь что-то другое. Это еще не все.

Он рассмеялся, и внезапно в его лице промелькнуло легкомыслие:

— Это все.

— Что…

— Кэти, я тебя люблю. — В отличие от предыдущих своих речей, это он произнес совершенно просто, словно говорил о погоде. Бушующие страсти, которые он изливал на меня прежде, все еще таились за этим спокойствием, не столько скрытые, сколько облагороженные.

— Не говори того, что на самом деле не думаешь.

— Я любил тебя, обожал, желал, сколько себя помню. Превратил это в навязчивую идею, в про-

клятие, в муку. Я перебрал столько вариантов, и это, наверное, все еще правда. Но ты была права, я сам все выдумал. И так быть не должно. Мы в Аркадии, и тысячи аркадских душ нуждаются в спасении. Бледная Королева попрежнему с нами играет — и охотой, и… — он покачал головой. — Я не хотел, чтобы все оказалось таким запутанным. И без того все слишком долго было запутанно, а я только продлил это состояние.

— Я… я не понимаю.

— Я тебя люблю, — меня пронзил взгляд его голубых глаз, — как сестру, как любовницу, это не имеет значения.

— Но…

— Я хочу, чтобы ты узнала все, что тебе нужно. Все, что хочешь узнать. Ты сомневаешься в правдивости своих воспоминаний, и если это может дать тебе ответы, то я готов заплатить сколько потребуется.

Я наблюдала, как он, расправив плечи и наполнившись решимостью, шагнул к торговцу. И не слышала его слов, поскольку не слышала ничего, кроме оглушительно громкого биения собственного сердца. Барабанный бой начал отбивать тревогу, когда я увидела, как он наклоняется к торговцу, а тот потирает руки.

— Нет, Лаон! — крикнула я вслед. — Лаон!

Он обернулся.

Его имя прозвучало непривычно. Я так долго его не произносила.

Но в таком случае он, возможно, и должен чувствовать себя чужаком. Он не мой брат, а я не его сестра. Эта мысль принесла за собой боль утраты, заставила отчаянно цепляться за него, за то, что было между нами.

— Лаон, — сказала я, — нет. Я не хочу, чтобы ты платил такую цену.

— Но твои воспоминания…

— Не хочу. Потому что… — я запнулась.

Вина и стыд, что во мне боролись, попытались вместе удержать мою руку. Обвинения заполонили разум, и на мгновение из-за своих сомнений я растеряла слова. Быть может, я просто пыталась извращенно воссоздать нашу детскую близость? Поддалась древнему греху? Придавала ли я новый смысл нашему прошлому или отыскала сокрытую часть самой себя? Были ли это истинные тайны моего сердца или всего лишь подделки?

Он ждал. Я видела, как дрогнуло его горло, когда он сглотнул. Посреди толпы и шума рынка мы были одни. Лаон был здесь единственным реальным существом.

— Потому что, — ответила я. — Потому что я тебя люблю.

Не важно, кто преодолел разделявшее нас расстояние, важно, что мы обнялись.

Туман свивался в сплетенные, совокупляющиеся фигуры, а мы шли по той же бесконечной тропе обратно в Гефсиманию.

Мы гонялись друг за другом во мгле, словно опять стали детьми и играли среди вересковых пустошей. Но это не были невинные игры наших прошлых «я», хотя меня не отпускали мысли о том, были ли те забавы настолько невинны. Не выдумала ли я, как наслаждалась тогда близостью Лаона? Новообретенное ли желание разожгло воспоминания о прошлом, или я всегда вспыхивала под его взглядом?

Клубы тумана завихрялись вокруг нас созвездиями спаривающихся стрекоз и кружащих птичьих пар.

Мы рассмеялись, на мгновение позабыв, где находимся.

Однако туман не забыл. Он плясал вокруг нас, ужасая пониманием наших желаний. Его клубы схлестывались все сильнее и сильнее, набегали друг на друга, словно волны.

Лаон поймал меня, и я почувствовала его ды-

хание на своей шее. Наши руки сплелись. Я выдохнула ему слова, которые мы оба так долго отрицали.

Глава 35. Записка на кровати

Вначале Он был один, хотя мне не хотелось бы думать, что Он всегда одинок. Возможно, все это – даже бесконечная, аморфная масса Начала – было слишком ново, чтобы дать заскучать. Хватало возможностей, чтобы развлечь такого барахольщика, как Он. Представляю, это было все равно, что оказаться в вечно кружащемся калейдоскопе – изменчивый фантастический пейзаж со вздымающимися, будто облака, волнами Хаоса. Я думаю обо всех этих кусочках, кружащихся, словно залитая солнцем пыль, собирающихся в рои и созвездия, образы возможностей, вероятностей, случайностей, неопределенностей.

Хотелось бы думать, что там, в древней ночи хаоса, Он мельком увидел мир и улыбнулся предстоящему приключению. Хотелось бы думать, что Он краем глаза заметил там меня.

Но что я могу знать? Возможно, сказанное ими правда, и на самом деле было

ничто. Небытие бездонное, холодное, более похожее на пустоту, чем та тьма, которую мы называем ночью. Возможно, мой смертный разум не в силах исторгнуть себя настолько, чтобы постичь подобную пустоту, подобную тьму, и поэтому я рассудила, что она невозможна. Но меня там не было, их там не было, был лишь Он.

Перевод с енохианского, сделанный преподобным Лаоном Хелстоном и Кэтрин Хелстон

По линии сотворения, дракон – такой же брат мне, каким когда-либо был Адам. В конце концов, мы оба сделаны из Божественной сущности.

Он видел во мне истинно равную. Они узнают во мне создание ночи и назовут соответственно. Они узнают в нем вестника света и назовут соответственно.

Наших детей они назовут фейри, волшебным народцем. Каждый ребенок станет уникальным, смешением двух равных, прекрасным и безграничным в своей причудливости. Они не похожи на

Адама, потому что тот вступил в союз
со своей собственной тенью.
А я, разумеется, их Королева.

Перевод с енохианского, сделанный преподобным Лаоном Хелстоном и Кэтрин Хелстон

Меня разбудил солнечный свет.

Я лежала рядом с Лаоном и краснела, вспоминая наши кувырки в кровати на списках символов, енохианских текстах и неоконченных переводах. Возможно, было только к лучшему, что исписанные страницы обменялись друг с другом поцелуями и чернила наших слов размазались у меня по коже.

Я с гордостью рассматривала похожие на синяки синие и черные пятна на запястьях. И некоторое время пыталась прочесть смазанные слова, а затем взглянула на спящего Лаона.

Солнечный свет его приукрасил. На коже появилось теплое сияние, а ресницы отбрасывали на щеки длинные тени. Волосы лежали в очаровательном беспорядке. Сон сгладил и смягчил бóльшую часть тревог на лице, сделал его моложе. Я вспомнила, как в детстве наблюдала за спящим Лаоном, ожидая, пока тот проснется. Я редко вставала первой, но лишь сильнее возмущалась

тем, что приходилось бодрствовать в одиночку, и я нетерпеливо набрасывалась на Лаона, пока тот не соглашался со мной поиграть. Я считала его вздохи, а затем пыталась подстроиться под ритм его дыхания.

И теперь делала то же самое, дышала с ним в унисон — вдох и выдох, вдох и выдох.

Вспоминая прошлую ночь, я думала о грехе, о любви и о браке. Более того, гадала: имею ли право на них притязать? Поскольку сама я ненастоящая, то и грех, совершенный со мной, не может быть настоящим. Несмотря на то, что он чувствовал себя таким же осязаемым, как день, то, что пролегло между нами, было не реальнее сна.

Но это был очень сладкий сон.

Лаон открыл глаза и улыбнулся, увидев меня.

Затем на его лице промелькнуло недоумение, а взгляд скользнул к ближайшей странице. Я хихикнула, рассматривая ложе из бумаг, и вспомнила, как когда-то дразнила его за неподобающее байроновское поведение.

— Полагаю, нам придется все заново переписать, если хотим отдать их издателю, — сказала я.

— Сомневаюсь, что лорд Байрон так поступал.

— Я как раз об этом и думала.

— Хотя, полагаю, у него и опиума было больше, — заметил Лаон и прищурился, разглядывая страницу.

— Или, по крайней мере, гоблинских фруктов.

— Кэти, это ведь не твой почерк?

Я сонно села и взяла у него листок. И лишь тогда осознала, что раздета. Я немедленно прикрылась простыней.

— Я уже видел тебя обнаженной, — произнес Лаон, отворачиваясь к стене. — Я тебя даже одевал.

— Дело не в этом. — Я выскользнула из-под простыни и накинула халат.

— И я намерен снова увидеть тебя обнаженной, — сухо заметил он.

— А я — позволить тебе, но все равно это не вполне прилично. — Я плотнее укуталась в шаль, прежде чем снова устроиться на кровати.

— Байрон бы…

— Ой, тише, ты совсем не похож на лорда Байрона, — я взяла у него страницу, — твои стихи ужасны.

— Впрочем, как и его.

Я пробежалась взглядом по странице. Это был перевод, над которым мы работали. Над енохи-

анскими словами, в значении которых мы были уверены, были надписаны английские. Я узнала свой почерк и припомнила, как выводила буквы дрожащей от усталости рукой.

Но все пробелы были кем-то заполнены. Кто-то завершил наш труд.

«Но что я могу знать? Возможно, сказанное ими правда».

Манера письма показалась мне знакомой. Прижатые друг к другу, сплетенные буквы. Кончик пера так вгрызался в бумагу, что прорвал ее. Я уже видела нечто похожее.

«…и на самом деле было ничто. Небытие бездонное, холодное, более похожее на пустоту, чем та тьма, которую мы называем ночью».

— Но листок лежал на кровати. Мы работали над ним как раз перед тем, как… — Я замолчала, смутившись, что отразилось если не на коже, то в голосе.

— Знаю.

— Мы спали.

— Знаю, — повторил он, явно встревоженный тем, что в комнату мог кто-нибудь прокрасться.

— Но как же? — дрожащими руками я положила лист на стол. — А есть еще? То есть на других страницах что-нибудь появилось?

Не ответив, Лаон принялся перебирать разбросанные по комнате бумаги.

К тому времени, когда раздался стук в дверь и на пороге появился поднос с завтраком, оставленный Саламандрой, мы уже разобрали все страницы. На тридцати оказались исправления и дополнения, написанные рукой, которая не принадлежала ни одному из нас.

— Я знаю, где видела этот почерк раньше, — с этими словами я взяла дневник Роша, полистала и поняла, что ответ очевиден. — Таким же написано здесь.

Откусив кусочек печенья, Лаон покосился на страницу:

— Сходство лишь мимолетное. С таким же успехом ты могла бы сравнить с одним из писем жены Роша. Почерк прекрасный, но весьма распространенный.

Я положила две страницы рядом и закусила губу. Он был прав. Несмотря на обилие завитков, ничего характерного в строках, написанных неизвестной рукой, не угадывалось. В детстве мы и сами тренировались выводить похожие буквы.

— И в замке, кроме тебя, меня, мистера Бенджамина и Саламандры, никого нет, — добавил Лаон.

— Вряд ли это мистер Бенджамин…

— И нет причин считать, что это не могла быть Саламандра.

Мы обменялись тревожными взглядами. Я содрогнулась и посмотрела на поднос с завтраком:

— У нас довольно неуловимая экономка. И она имеет обыкновение просто оставлять свои вещи у двери.

— В ее записках другой почерк.

Я вздохнула:

— Почему бы нам просто не спросить Мистера Бенджамина?

Это было проще сказать, чем сделать, к тому же у нас с Лаоном было на что отвлечься. Возможно, мы страшились ответов, которые мог дать наш преданный с виду гном, но оба нашли причины отложить все до полудня и погрузились в перевод очередных отрывков.

В глубине души мы не испытывали благодарности владельцу загадочного письма — кем бы тот ни был — за внесенные правки. В то, что он писал, едва верилось, но именно поэтому мы продолжали двигаться вперед.

— Не уверен, что нам стоит этим заниматься, — наконец сказал Лаон.

— Знание — не грех, — безотчетно ответила я.

Он скептически приподнял бровь:

— Древо познания добра и зла с этим бы поспорило.

— Я-то думала, тобой скорее движет то обстоятельство, что «знание» может служить эвфемизмом для иного греха.

На это Лаон беззаботно ухмыльнулся.

— И я допускаю мысль о грехе, — сказала я, — но у Библии всегда были апокрифы. Может быть, это просто еще один.

— Новый.

— Или наоборот, — возразила я. — Мы не знаем, кто это написал и почему.

Лаон отвинтил крышечку своей фляжки и сделал большой глоток. Я почуяла густой запах бренди.

— Не знаю, чего мы ожидали.

Я попыталась пожать плечами, но те болели после долгих часов кропотливой работы. Пришлось ограничиться ленивым взмахом руки.

— Я тоже не знаю.

Он издал глухой смешок:

— Это язык ангелов.

— Ты по-прежнему так думаешь?

— Не знаю, но какие еще есть варианты? — Он раздраженно откинул волосы с глаз. — Те двое,

с кем мы говорили, фейри. Похоже, они думают точно так же. Но я допускаю, что те же слова написаны на ребрах морского кита. Так что, возможно, это язык китов.

— Помнишь, мне приснился Эдем и я рассказывала, что читала дерево, просто как… — я щелкнула языком.

— Да… — Он листал черновики найденного в ките текста.

Владеть таким количеством бумаги было почти роскошью. Мне вспомнились крошечные листочки, на которых мы привыкли писать.

— В том сне я была уверена, что существует язык, текущий по жилам мира. Язык, который скрепляет швы реальности. Каждую травинку, каждый листок. И, возможно, это он и есть. Язык, которым Бог сотворил мир… разве что здесь… здесь он другой. Грубее, небрежнее.

— Мы не можем этого доказать.

— Я знаю… только вот имя Бога. Тут оно особенное, или, возможно, происходит даже не из этого языка. Может быть, они заменяют его словом из санскрита… — Я глубоко вздохнула. — Но что это значит?

— Возможно, только то, что у фейри есть утраченная книга Библии. Книга апокрифов. Как ты

и сказала. — Он снова глотнул из фляжки и передал ее мне. — Вот уж не думал, что когда-нибудь назову это наименьшим из откровений.

— На самом деле оно ничего нам не объясняет.

Слова занимали свои места. Мы копались в списках, нашим рукам и глазам не хватало скорости для работы. Мы взволнованно переговаривались, стараясь описать буквы и следующее слово, которое нужно было найти. Так и не удалось понять, как они произносятся.

Мои руки дрожали, и я заметила, что снова и снова сажаю на страницу кляксы. Мне едва хватало сил писать. Я сглатывала опять и опять, во рту пересохло, и слова вышли хриплыми:

— Лаон, здесь о происхождении фейри. Это их Книга Бытия.

Я откинулась на спинку стула, ладони беспокойно порхали между губами и страницей.

— Если это правда… — Его голос затих.

— Это делает их нефилимами? Рожденными от человеческой женщины и Сына Божьего?

— Не думаю, что можно их определить таким образом…

— Ты бы даже назвал ее человеком?

Голова шла кругом. Последствий, как глубинных, так и обыденных, было слишком много,

чтобы их сосчитать.

— Какая разница, как я ее называю?

— Если у нас есть души, потому что у Адама была душа. И у Евы была душа, потому что у Адама была душа… Тогда есть ли душа у нее?

— Закономерно возникает вопрос, что вообще означают эти слова, — ответил Лаон. — Если только у потомков Адама и Евы есть души, то ни у кого другого их быть не может. Полагаю, тут как с яблоками, выросшими от разных черенков одного и того же дерева. А если рядом совсем другое дерево…

— Если у яблока есть семена, это не означает, ну, не знаю, того, что у граната их нет.

— И все-таки в гранате не будет семян яблока.

— Но будут семена…

— Чувствую, что мы, наверное, исчерпали эту метафору.

Я рассмеялась, и напряжение спало.

После мы много раз шутили о душах и фруктовых садах. Каламбуры напрашивались сами собой, и мы забавлялись с каждым. Даже смирившись с откровением, мы не готовы были говорить о нем вслух.

Было во всем этом безумие, которым еще предстояло проникнуться.

Той ночью мы не стали закрывать дверь, которая вела в пустоту.

И мне приснилась Ариэль Давенпорт.

Я стою на крыше. Яркое земное солнце опускается за горизонт. Мне уже до того привычно видеть, как оно исчезает вдали, что это зрелище кажется мне странным и чуждым.

Черепичная крыша уставлена плетеными силками для птиц. Они окружают меня со всех сторон. Нельзя сделать и шага, чтобы не растоптать одну из них.

Хор пойманных птиц приманивает к силкам новых. Очередная алая певунья опускается к ловушке, и петля затягивается, а в воздух летят перья. Жалобные крики по ошибке принимаются за новую песню.

Прекрасную и полную муки.

Я наклоняюсь и поднимаю каждую птаху. Чувствую маленькие трепещущие сердца, а хрупкие крылья бьют меня по ладоням.

Тонкой белой нитью я сшиваю из птиц тело Ариэль Давенпорт. Стежки окрашивают нитку красным. Птицы разлетаются, истекая лентами, нитками и пряжей. И все это только красного цвета.

Катушки красных ниток опутывают мне руки,

пока не впиваются в них, точно проволока.

Птицы вокруг меня одна за другой замолкают, но я продолжаю шить.

В конце концов, Ариэль Давенпорт — сломанная кукла. Почему бы мне не воссоздать ее из лоскутков мертвых птиц?

Я с криком проснулась.

Мы больше не пытались оставлять дверь открытой.

Глава 36. Правда между строк

В этой утробе и могиле естества Он лепил мир, рассказывая его Самому Себе, словно предание, слово за словом. Эту часть истории вы уже знаете, хотя большинство хочет, чтобы вы верили, будто Он делал это лениво, без усилий, вызвав мир к жизни, точно мечту, но сейчас говорю вам – а я рассказываю вам сказки, – те шесть дней Он трудился. Он выковал небеса, плоские и гладкие, словно зеркало. Вымешал из грязи горы, построил столбы, чтобы удерживать небо, и отшлифовал емкость для моря. Он вырезал каждое дерево, собственными ногтями процарапывая неровности коры и пробивая темные глазки на белой коже берез.

Каждое существо – не всегда неповторимое и красивое – он сотворил и вылепил. Мне нравится представлять, как радовали Его все эти усилия. Думаю, что Он наполовину обезумел от чудовищности и сложности своего начинания.

Он выбирал из облаков лица и давал им тела. Создания получались прекрасными, словно алый рассвет, словно закатное небо, словно утренняя звезда. Он отдал им Свой голос, и они отвечали ему Его собственными словами.

Он назвал существ ангелами. Они стали Ему чем-то вроде компании, болтали с Ним своими высокими, похожими на эхо голосами. Они хвалили все, что Он делал, и подгоняли снисходительными улыбками, моргая пустыми глазами.

Но как долго разум, пусть и разбитый безумием на части, сможет довольствоваться тем, что слышит лишь отголоски самого себя?

Перевод с енохианского, сделанный преподобным Лаоном Хелстоном и Кэтрин Хелстон

В первый раз Он увидел Адама в грязи. В отличие от прежних творений, созданных подобно фигуркам из теней от Его ладоней, человека не пронизывал Его голос. А Он не хотел больше слышать в ответ эхо своих же слов. Он жаждал

новизны. Ему нужен был другой разум, который и походил, и отличался бы от Его собственного.

Сам того не зная, Он нуждался в отражении, в ком-то, кто был бы Им, таким же, как Он, но иным.

И вот в грязи Он увидел лицо. Или прообраз лица. Словно ребенок, различающий в бессмысленных узорах очертания глаз, носа и рта.

Нас с Адамом создали вместе. И создали равными друг другу. По линии творения он – мой брат.

Но ему не нужны были ни сестра, ни ровня.

Я сбежала с драконом, который украл себе разум, а Адам полюбил себя так сильно, что был готов жениться на собственном ребре. Моим детям пришлось прятаться от Создателя, по-прежнему разгневанного нашим предательством; дети Адама унаследовали землю.

Перевод с енохианского, сделанный преподобным Лаоном Хелстоном и Кэтрин Хелстон

Хотя нас обоих и поглотила работа над воз-

можным апокрифом, в воскресенье Лаон прочел простую проповедь о любви. Странно было слышать, как кротко он увещевал прихожан возлюбить ближнего. Темные порывы, которые часто овладевали его речью, умерились, однако сохранилась стальная убежденность, которой я всегда восхищалась. Еще он расплывчато порассуждал о туманной истории апокрифов, перечисляя многочисленных богословов, которые отбирали книги Библии, и кратко описывая их разногласия.

После этого мы вместе присели на траву во дворе. Мистер Бенджамин и Лаон беседовали о «словесном бурьяне», как гном любил называть апокрифы, причем последний тщетно пытался выстроить иерархию истины в различных канонических текстах.

— Но в чем же тогда истины больше? — настаивал мистер Бенджамин. — Если сад истинней сорняков, то есть ли различия в самом саду? В цветке истины больше, чем в листьях?

— Не уверен, что здесь цветок, а что — листья, — ответил Лаон, — вы имеете в виду Заветы?

— Нет-нет. В цветке ни за что не может быть больше истины. Только в листьях. Непременно в листьях, — скорее самому себе пробормотал

мистер Бенджамин, прежде чем обратиться к Лаону в своей оксфордской манере: — Но тогда в чем истины больше? В каком из листьев?

— Вся Библия истинна.

— Да-да. Все правда, как и весь сад настоящий, — сказал гном. — Но что правдивее? В Книге Бытия сказано, что Бог сотворил человека по своему образу, по образу Божьему, он сотворил мужчину и женщину на пятый день, но затем, после седьмого дня во второй главе, он снова создает человека в саду к востоку от Эдема. Бог создает человека дважды, и во втором случае делает женщину из ребра.

— Богословы приводили в соответствие истории правдивые во многих отношениях, и некоторые могут быть аллегорическими истинами…

— Две истории, — настаивал мистер Бенджамин, — две главы, два раза. Правдивы оба?

Лаон тяжело и протяжно вздохнул. Я улыбнулась, видя его таким, а он ответил:

— Точно так же, как Иона и кит являются прообразом того, как Иисус восстал из могилы…

— Но по-другому!

— И точно так же две главы — это одна и та же история, только рассказанная немного иначе.

Мистер Бенджамин, кажется, остался доволен ответом, но, ощутив в себе прилив озорства, я произнесла:

— Ты всегда можешь рассказать ему об иудейском демоне. Том, что в «Фаусте».

— Эта история лишь все запутывает, — закатил глаза Лаон, — и совершенно нелепа.

— Первая женщина, созданная одновременно с Адамом, так и не получила имени. Ее сотворили не из ребра, но в то же время, что Адама, и из того же вещества. Значит, у нее было другое имя.

В этот момент мистер Бенджамин пристально смотрел на меня. Он ни разу не моргнул, и его взгляд изгнал из меня все легкомыслие. Его место заняло чувство вины, поскольку я знала, как серьезно гном относится к вере, и, даже не имея души, я не должна была над ним насмехаться.

— Она ссылается на немецкую пьесу, — сказал Лаон. — Это на самом деле не священная книга.

— Менее правдивая?

— Да, менее правдивая, — заверил Лаон, и взгляд его голубых глаз сделался удивительно мягким.

— Но каким было имя?

— Лили…

К лицу Лаона прижалась шишковатая ладонь,

мистер Бенджамин попытался не позволить ему закончить фразу.

— Имена обладают силой. Не произносите его.

— Это просто суеверие, — сказала я.

— Чем древнее имя, тем больше силы, — ответил мистер Бенджамин. — Очень древнее имя.

Мы явно наткнулись на нечто гораздо большее, чем каждый из нас намеревался раскопать, поэтому я увела разговор к пению гимнов.

Маятниковое солнце убывало, становясь все меньше и меньше. Сад накрепко застрял в тисках осени, и его пожелтевшие листья облетали с удивительной красотой.

Наши голоса звучали с сомнительной слаженностью. Эта разноголосица, куда менее приятная, чем многое из того, что мне приходилось слышать прежде, все же странным образом оказалась бальзамом для моей несуществующей души. Наверное, в прекрасных древних словах заключалось утешение.

— Звучит почти так же, как тогда, когда мы пели в прошлом, — немного задумчиво сказал мистер Бенджамин, широко улыбаясь и показывая коричневые зубы. — Почти, почти.

— Не может быть так же, — возразила я, — теперь нас трое. Больше голосов, лучше музыка.

— Да, но нас тоже было трое. Тоже трое.

— Трое?

Мистер Бенджамин уставился на свои пальцы, которые начали нервно перебирать поля шляпы.

— Кто еще был здесь? — спросила я.

Он ничего не ответил.

— Вы не часто говорите о Роше, — сказала я как можно мягче.

— Преподобный здесь, я часто говорю о нем. И с ним. — Мистер Бенджамин закрыл глаза, а его руки продолжали беспокойно двигаться. Он ощипывал пучок осоки, заправленный под ленту шляпы. — Преподобный здесь. И я здесь.

— Вы же знаете, что я имею в виду предыдущего преподобного. Первоначального.

— Преподобный есть преподобный, — пробормотал гном. — Тот преподобный, этот преподобный.

— Тогда кто еще был здесь, кроме преподобного, когда вы раньше пели?

Мистер Бенджамин покачал головой и сморщился, закрыл глаза, втянул щеки и поджал губы.

— Прежде вы рассказывали, что видели веру. Вы говорили… вы никогда не говорили, что именно видели, только про жертву. Это как-то

связано?

— Преподобный есть преподобный, — прошептал мистер Бенджамин.

Лаон бросил на гнома жалостливый взгляд и, встретившись со мной глазами, покачал головой, призывая не настаивать.

— Приказ Бледной Королевы? — совершенно спокойно спросила я.

Гном едва заметно кивнул.

— Все в порядке, мистер Бенджамин. Вам не нужно больше ничего говорить.

Он облегченно вздохнул и открыл глаза. Снова улыбнулся, будто ничего не случилось.

— Благодарю вас, мистер Бенджамин.

Я пристально всматривалась в почерк, и буквы начали терять смысл, превращаясь в бессмысленные линии и очертания. Мы ужинали в холле, а не в моей комнате, и лишь после возвращения я взяла в руки страницу и принялась ее рассматривать.

— Все еще думаю, что это может быть… — Я сглотнула, не уверенная в своих выводах, и прикусила нижнюю губу.

— Ты уже давно на нее смотришь, — сказал Лаон.

— И по-прежнему считаю, что похоже на по-

черк из дневника Роша.

Лаон не согласился, но тем не менее по моему настоянию взял с полки дневник и стал его листать.

— Сможешь найти?

Нахмурив брови, он угрюмо смотрел на страницу:

— Помнишь?

Он передал мне дневник, в котором действительно была запись, сделанная торопливой рукой неизвестного. Почерк был очень продуманный и аккуратный. Им оказалась написана часть небольшого стиха:

«…что сказано… словом…

…взял хлеб и преломил…

…по слову Его…

…верую и принимаю…»

Я проговорила стих про себя и тут же все вспомнила. Те же слова сказала мне женщина в черном, а после то же нашептывали голоса. Это не могло быть совпадением.

— Когда я последний раз это читал, оно было полным, — сказал Лаон. — Не думал, что чернила могут так быстро выцвести.

Глядя на страницу, я прикоснулась кончиками пальцев к тому месту, где раньше были слова,

пытаясь найти хоть какие-то их следы. Я знала, что они должны быть.

— Лаон, ты ведь помнишь о семиотической мотыли?

— О книжных мотыльках?

— Да, о тех самых. Бич библиотек и тому подобное.

— Мы ставили на них ловушки, — у него на губах заиграла мечтательная улыбка. — Хотя ты и говорила, что для них в нашей библиотеке недостаточно тайн.

— Ты был очень упрямым, — сказала я, — тем более, Тесси не нравилось, когда мы играли с мертвой живностью. Для своих морилок нам приходилось красть лавровый лист из ее запасов.

— Спрятать все это под половицами было блестящей идеей. — Он поймал мою ладонь и легонько коснулся губами каждого пальца. В его глазах вспыхнуло темное желание. — Совершенно. Совершенно. Блестящей.

— Нет, но это стихотворение, — сказала я, стараясь не отвлекаться. Отняла у него руку и принялась барабанить пальцами, размышляя. Вспомнила женщину в черном и мотыльков, вылетевших из пыльной книги, которую принес мне Лаон. — Я уже слышала его прежде.

— Как и все остальные. Это слова Джона Донна [95] о таинстве Евхаристии.

— Нет, я имею в виду, что слышала это раньше. В шепоте. — Я тряхнула головой, пытаясь привести мысли в порядок. В тот миг, когда мне хотелось их высказать, они начинали казаться глупыми. — То есть слышала здесь, и думаю… думаю, в замке может обитать семиотическая моль. Вероятно, она съела часть этих тайн.

— Знаешь ведь, что на самом деле книжные мотыльки тайнами не питаются.

— Но чернила так быстро не выцветают.

— Две невозможные вещи не создают новую реальность. — Волосы упали ему на глаза, и он запустил в них пальцы. — Книжных мотыльков не бывает.

— А что, если бывают? Пробелы в этих бумагах, дневник, недостающие страницы… думаю, мы должны попытаться. Сказал же Пенемуэ, что те, кто не понимает, должны спросить тех, кто не способен понять. Иногда из немых получаются лучшие учителя.

---

[95] Примечания: 95

Джон Донн — английский поэт и проповедник, настоятель лондонского собора Святого Павла, крупнейший представитель литературы английского барокко. В романе цитируется его стихотворение «О причастии».

— Эти слова ничего не значат. Он просто желал тебя расстроить.

— Верно, но… я хочу попробовать.

Лаон кивнул:

— Тогда попробуем.

Глава 37. Мотыльки в библиотеке

Если бы они узнали, что нам все известно, то собственные кровати перестали бы быть для нас безопасными. Ночь кишела бы тысячами и тысячами странных фигур, которые скользили бы во тьме, испуская флюиды самой черной злобы. Все прежние места были бы для нас закрыты из-за страха перед тем, что скрывается внутри. Какие низкие изуверства замышляют глаза, выглядывающие из колодца, как сильно напрягаются бесчисленные щупальца чудовища, которое выжидает время для своей коварной мести? И на что, кроме притворного невежества, надеяться нам в противостоянии с безграничной жестокостью, которая только и ждет, чтобы позабавиться, точно дитя, с нашими все еще бьющимися сердцами?

Выдержка из выступления доктора Иммануила Кэмпбелла в Эдинбург-

ском обществе изучения фейри[96]

Иногда казалось, что в Гефсимании полным-полно белых призрачных мотыльков, порхающих на краю зрения. Диоген гонялся за ними, набивая пасть насекомыми, а я вытряхивала их из шкафа.

Но сейчас их нигде не было видно.

Мы обыскали все комнаты для гостей, заброшенные после того как их покинули придворные Маб. Бродили из комнаты в комнату среди мебели, укрытой пыльными простынями. К полуночи уже обыскивали чердаки, распахивали сундуки и заплесневелые ящики. Перетряхивали платье за платьем, мантию за мантией, пока у меня не заслезились глаза, а легкие не заболели от пыли. Сквозь тонкие одежды, на которых в свое время всласть попировала моль, просачивался свет.

— Что вы ищите? — спросил растерянный мистер Бенджамин, протирая глаза от сна. — Это время Саламандры.

Лаон объяснил ему про мотыльков, которых мы старались отыскать.

— Почему вы не попробуете в библиотеке?

---

[96] Примечания: 96

Именно эта работа упоминается в 12 главе среди прочих сочинений. Доктор Иммануил Кэмпбелл на самом деле произносил такую речь, это произошло в Эдинбургском обществе антикваров.

— Здесь есть библиотека? — удивилась я.

Гном медленно кивнул:

— Всегда была. Если была, конечно.

— Что это вообще значит, мистер Бенджамин? — Я несколько разочаровалась в грандиозности Гефсимании, но не думала, что могла упустить из виду целую библиотеку.

— Дверь может оказаться заперта. А ключи у Саламандры, — ответил тот. — Не слишком-то много толку в дверях, которые нельзя открыть.

Я коснулась оловянного мотылька, приколотого на груди:

— Не всем замкам нужен ключ.

— Наверное, — он лениво пожал плечами. — Библиотека дальше по серебряному коридору. Поняли?

Я покачала головой:

— Ни один из коридоров не серебряный.

— Он такой только иногда.

— Иногда?

— Когда таким его делает луна.

— Нет, это не… — Я прервалась, вспомнив залитый лунным светом таинственный коридор, по которому шла в ту первую ночь, когда обнаружила записи на енохианском. — Значит, мы просто дождемся луны?

Пока мистер Бенджамин вел нас по замку, он объяснил, что луна переменчива и ею нельзя управлять. Однако поскольку она — рыба, иногда ее можно соблазнить приманкой.

— Я сохранил один для лунных цветов, — сказал он, показывая нам ржавый колокольчик, который держал очень осторожно, не позволяя тому звенеть, — чтобы уговорить их распуститься вне сезона, понимаете?

— Его звук привлекает рыбу?

— Да-да, — ответил гном. — По приказу Бледной Королевы.

Я вспомнила, как видела за окном лунную рыбу, но ничего не сказала, лишь взяла у гнома колокольчик, обхватив язычок пальцами.

— Так где же лучше всего его применить? — спросил Лаон.

— Думаю, рядом с моей комнатой. Там есть несколько больших окон.

— Я знаю где, — сказал мистер Бенджамин, — я отведу.

Мы действительно оказались неподалеку от моей комнаты. Теперь я уже вполне хорошо знала это место, чтобы узнавать очертания окон и колыхание темных гобеленов. Было до конца не избавиться от ощущения, что все это мне близкое

и родное.

Лаон с мистером Бенджамином открыли окна, а я ждала с колокольчиком в руке. Пальцы замерзли и одеревенели.

— Готово? — спросила я, хотя в этом не было необходимости, поскольку раздался скрип последней ставни. Было все еще сумрачно, и темно-синий коридор освещал лишь оранжевый отсвет наших фонарей.

— Сделано, — прозвучал голос Лаона.

— Возможно, нам придется задуть свечи, — сказала я, вспоминая ту ночь. — Так лунный свет засияет сильнее.

— Накрою их своим сюртуком, — отозвался Лаон.

Сделалось еще темнее, и когда глаза привыкли, я смогла разглядеть за бесконечными облаками слабый отблеск звездного сияния.

Я вынула из колокольчика негнущиеся, ноющие пальцы и, глубоко вздохнув, позвонила.

Уши наполнило призрачное звяканье, совсем не похожее на звучный звон. Волосы на затылке встали дыбом. Глубоко внутри я почувствовала страх. Другая моя рука нащупала ладонь Лаона. Я представила себе его храбрую улыбку, которую не было видно в темноте.

Мы ждали.

Сначала за одной из угольно-черных туч появилась бледно-серая тень. А затем она скользнула ближе и показалась нам.

Свет почти ослеплял. Я отчаянно моргала, пытаясь сосредоточиться, но не хотела отводить взгляд. Лунная рыба злобно смотрела на нас пустыми глазами, а длинные кривые зубы цветом по-прежнему напоминали слоновую кость. Я смогла разглядеть кровоточащие у корней десны. Рыба проплывала слишком близко.

В лучах луны коридор в самом деле отливал серебром.

Мы с Лаоном шли по нему, держась за руки. Страх затуманил память, и я едва ли могла сказать, какая из дверей была здесь раньше, а какая — нет.

— Вот эта, — прошептал мистер Бенджамин.

Казалось, что при луне вернее всего именно шептать.

Я отстегнула брошь, заглянула в замочную скважину и быстро открыла замок. Тот был очень старым, и механизм имел, мягко говоря, примитивный.

— Я же говорил тебе, что это хороший подарок, — с гордостью произнес Лаон.

За двойными дверями оказалась крошечная комната, заставленная шкафами, полными книг. Сложенные высокими стопками, они закрывали окна и не пускали внутрь свет.

— Вот и нашли, преподобный Хелстон, — мистер Бенджамин подергал Лаона за рукав. — Я тут подумал. Наверное, может быть, я подумал…

— Можете спросить, — сказал Лаон.

— Я читал Библию и наткнулся на отрывок о том, что «будут грозные знамения на солнце, луне и звездах, а на земле народы будут трепетать в отчаянии от рева моря и бушующих волн» [97].

Я вошла в библиотеку, оставив Лаона отвечать на вопросы мистера Бенджамина.

В комнате было мало от того великолепия, которого я ожидала, увидев огромные окованные железом двери, а покатый потолок и ряды небрежно сваленных друг на друга книг делали библиотеку еще меньше.

На полу лежала подставка для письма. Из открытого ящика вывалилась россыпь недописанных посланий, испещренных пробелами.

Я наугад взяла с полки книгу. Та открылась на пустой странице. От слов не осталось и следа.

---

[97] Примечания: 97
Лук. 21:25.

Книги были объедены дочиста.

Среди слабых проблесков света мелькнула тень. Я обернулась, но ничего не увидела. Бешено колотилось сердце.

И тут раздался едва различимый шепот. Тысячи голосов все бормотали, и бормотали, и бормотали. Неотчетливо.

Я отложила книгу в сторону и выбрала другую, с тяжелым позолоченным корешком. Стоило ее открыть, как из-под обложки вылетела белая моль. Она пронеслась мимо меня, задев щеку. Я почувствовала на ухе пыльный мазок крыльев и, вздрогнув, уронила рассыпающийся фолиант. Тот с глухим стуком упал на пол, тяжелый корешок громко ударил о каменные плиты и разлетелся на части.

Звук падения отозвался эхом.

А потом раздался шорох, словно пробудились тысячи и тысячи мотыльков.

Должно быть, они спали на каждой укрытой тенью поверхности, прятались в каждой щели между томами, сидели на каждом дюйме потолка.

В воздухе стало тесно от их пестрых крыльев. Вдыхая, я чувствовала их вкус. Вкус старых книг и едких чернил. Пыли древних библиотек и

свежих, блестящих кожаных переплетов. Новой бумаги и сладкого клея корешков.

Мотыльки наводнили все вокруг. Взгляд мне застилали их белые крылья, а слух наполнился шелестом.

А потом внезапно моих ушей достиг шепот, рассказывавший о том, что я и не думала когда-нибудь узнать.

Я могла бы перечислить все триста имен четвертого аркадского Владыки Лета, и какие причуды всякий раз приводили к смене. Я прекрасно знала каждый листок, оплакиваемый вторым лавровым деревом у озера осенью одна тысяча пятьдесят первого года, но ничего о тех, кто укрывался в его тени, смотрел на звезды сквозь ветви или подмечал цвет листвы. Я знала, как на протяжении веков менялась одна-единственная граница Испании, но не имела понятия ни о причинах, ни какие новые страны она очерчивала.

Все это бессмысленно лилось в мой разум. Множество слов, воспоминаний, отрывков.

Я знала о каждом завтраке, съеденном и описанном безымянной писательницей за пятьдесят три года ее жизни. Знала стихи на иностранных языках и их сладкое звучание, но не понимала, что они означают. Знала, сколько раз появля-

лась на каждой странице утерянных рукописей Шекспира буква «С»; заметки на полях и правки утраченной рукописи Беды, но не саму работу; и половину генеалогии византийского императора Юлиана Отступника.

И наконец те секреты, которые мы искали.

Глава 38. Безумная в мансарде

В Его глазах бренность (есть те, кто скажет вам, что у него нет глаз, что верно лишь временами), и она иногда заставляет меня думать, что Он выжил, что наше появление было концом чего-то куда более великого и громадного, чем когда-либо могли бы стать мы. Возможно, именно поэтому Он лепил мир из пустоты, словно ребенок, разрывающий на части упорядоченное однообразие своей комнаты. Когда ты один, слова не нужны. Возможно, именно поэтому я всегда считала Его одиноким. Тому, кто одинок, остается лишь ждать свою пару. Из пустоты Он создал целый мир. Позже скажут, что Он сделал это для Адама. Другие станут спрашивать зачем. Иные приветствовали бы в Нем Создателя, и Его навсегда выделил этот поступок, эти шесть дней неутомимого труда. Его шесть дней. Но после Он убрал кисти с красками и больше никогда не

рисовал.

И этого вопроса никто не задавал: почему Он не рисовал больше? Из страха, что придется вновь использовать тот же холст? Хотя для Всемогущего странным выглядит обвинение в том, что у Него закончилось место. Но нет, я бы сказала, что Он больше не рисовал, потому что у Него кончились идеи. Возможно, как и каждый из нас, Он знал, что имеет в запасе лишь одну историю. Единственную историю. И Он записал ее на каждом кусочке мира, от всякой колонноподобной горы до небесного свода.

Я бы не стала утверждать, что эта история обо мне (иные сказали бы, что у Него около шестидесяти книг, но если бы вы поверили, что он написал все это обычными перьями, я не смогла бы утомлять вас никакой другой историей. А вы не приняли бы того, что Он многолик). Но я рассказываю эту, и она правдива.

Перевод с енохианского, сделанный преподобным Лаоном Хелстоном и Кэтрин Хелстон

Однажды Лаон сказал, что я не должна пытать-

ся разгадать это место, что оно — не загадка.

Возможно, ему стоило сказать, что разгадка мне не понравится.

Теперь все обрело смысл, все кусочки заняли свои места.

Я поняла, почему Рош выбрал себе в жены именно такую женщину, почему так преследовал свой замысел, постоянно спрашивая себя, стоят ли усилия столь высокой цены. Поняла, отчего появились енохианские тексты и неоконченные переводы. Поняла, откуда в дневнике сделанные второй рукой записи, похожие на *яд*, который нужно принимать каждый день.

Я поняла, кто такая женщина в черном.

— Лаон.

Мой собственный голос звучал отстраненно, словно исходил из чужого горла. Оставалось только гадать, как разум не разлетелся на осколки. Возможно, благодаря шестеренкам из плоти, крутившимся у меня в черепе. Мотыльки питались знанием, которое могло стереть рассудок смертного, довести его до безумия. Они упорхнули, потому что им не хватало понимания. Секреты оставались для них всего лишь словами.

— Ты в порядке? — Голос Лаона надежно удерживал меня в реальности. И прорезал набе-

гавший волнами шепот.

Я кивнула, не вполне доверяя собственному языку. И сглотнула.

Темнота.

Мои глаза закрыты.

Как любопытно.

Только тогда я поняла, что руки Лаона обнимают меня и баюкают.

Мы лежали на полу. Даже сквозь юбки чувствовался холод камня. Должно быть, я упала в обморок. Осознание вызвало жгучую боль в затылке, которая сбежала вниз по позвоночнику. От этого мои мысли надломились.

Я поморщилась. Открыла глаза. Попыталась сосредоточиться на красивом лице Лаона. Дрожащий свет свечей отбрасывал тени на его глаза, а башни книг, окружавшие нас, напомнили мне о всех тех моментах, когда мы прятались от Тесси в дальних углах библиотеки.

— Тебе больно? — у него на лбу морщинами отразилось беспокойство.

Волосы падали ему на глаза, и это было чудесно. Я улыбнулась и убрала их с лица.

— Нет, — ответила я, стараясь не обращать внимания на головную боль, — не особенно.

— Можешь встать?

— Не совсем. — Я попыталась, и он помог. Я прислонилась к Лаону, мое дыхание было странно прерывистым. Легкие болели, при каждом вдохе в груди затягивался узел. — Но я думаю… думаю, что знаю.

— Что знаешь?

— Знаю, что случилось с Рошем.

Его глаза расширились.

— Рош… — Я сглотнула, пытаясь разобраться в своем треснувшем разуме, отбрасывая прочь мысли о шестом городе, линзе из черного стекла и Египте. Нужно было сосредоточиться. — Рош кое-что узнал о фейри. Он думал… думал, что первые исследователи ошибались. И что считается, будто фейри всегда лгут. Он думал, все наоборот.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Он думал, что они всегда будут говорить правду, если смогут. Он знал, что ничто не причинит ему больше боли, чем правда, а фейри сделают все, чтобы причинить ему боль. — Мой язык словно опух, как будто у него не получалось произносить настоящие слова. Хотелось пить, но я продолжала: — Вернее, что истина — их оружие. Он думал, что сможет обманом заставить их говорить правду.

— Кэти…

— У Роша была жена.

— Элизабет?

— Ножницы. В постели Маб были ее ножницы. Символ распятья.

— В твоих словах мало смысла, Кэти.

Я тряхнула головой, закрыла глаза и попыталась сосредоточиться. Почувствовала, как в разум снова вторгся шепот. Что-то о Пестром Короле и Стражах. Что-то о том, будто рядом с фейри и их постройками киснет молоко. Что-то о Беде, поэзии и книге об утраченном времени.

Лаон протянул мне свою фляжку, и я ее приняла. Все мои ощущения затмил дубовый привкус бренди. Я думала, Лаон накрепко зарекся пить, но была слишком благодарна, чтобы задавать вопросы. Виски обожгло мне горло, эта боль все делала яснее.

— Элизабет Рош. Она была здесь, с ним.

— В Аркадии?

— Он привез ее сюда. — Я села и чопорно поправила юбки. Едва пальцы коснулись ткани, я услышала шепот, рассказывающий: когда-то хазарская принцесса перед тем, как лечь спать, наносила на каждое веко по букве, и стоило кому-то их прочесть, как он тут же умирал. — В комнате над часовней я видела ее сундук. Старый,

но с новыми, блестящими инициалами. И вещи ее, и ножницы тоже.

— Это необязательно должно что-то значить.

— Нет, но в данном случае это так. Я вижу закономерность, — сказала я, почти смеясь над тем, что назвала закономерностью хаотичный наплыв знаний у себя в голове. Слишком беспорядочный, слишком рваный, слишком неясный. — И перевод. Он тоже ее.

— Перевод? Ты имеешь в виду енохианский? Тот, который мы… нашли с утра на днях.

— Да, потому что именно для этого она и приехала. Рош привез ее не для того, чтобы она ему просто помогала. Он и выбрал ее не без причины. А из-за ее одержимости верой. У него был безумный, безумный план. — В голове крутились все те сбивающие с толку любовные послания, которые я читала. Теперь было совершенно понятно, что он искал. — Он считал себя почти сумасшедшим за то, что попытался сделать, но не мог этого не делать.

— И что же он сделал? — в голосе у Лаона послышался страх.

— Ему нужен был кто-то, чтобы их сломить. Он знал, что при правильно закинутой наживке они скажут правду. Потому что ничто не ранило бы

ее так, как правда, ничто не сломило бы ее так, как правда.

— Правда? — эхом отозвался он.

— Правда о себе, о нас, о Боге.

Далеко не сразу я почувствовала в себе достаточно сил, чтобы вернуться к себе в комнату. Разум по-прежнему пребывал в смятении, и я обнаружила, что бормочу обрывки тайн, даже когда они начали исчезать из разума. Ясность, с которой я их созерцала, медленно затмевалась растущим ощущением реальности, и осязаемый мир снова занял свое место.

— Когда Рош только начинал здесь работать, он встречал множество фейри. Те хотели с ним поговорить, — рассказывала я. — Полагаю, миссионеры им не успели наскучить. И тогда он кое-чему научился, несмотря на все споры и насмешки.

— На самом деле он об этом не писал.

— Да, — ответила я, — тогда он понятия об этом не имел. Но догадался кое о чем касательно их природы. И этого было достаточно, чтобы привести в действие свой план.

Я не видела мотыльков, но ощущала их присутствие в углах комнаты. Стены из опустевших книг словно на меня давили. Я вдруг осознала,

какой горечью отзываются страницы на спиральных хоботках мотыльков. Услышала тихий шорох их призрачных крыльев.

— Три дюжины и еще пять, — сказала я. — Столько было написано писем, прежде чем она призналась бы в любви.

— Она?

— Нет, я не это имела в виду. Листья на дереве за окном… Нет, не то, — я снова попыталась очистить свой разум. Все разлеталось. — Кровь соловья на самой белой розе [98]… нет, и это тоже не то…

Меня трясло, а Лаон все не выпускал меня из объятий. Гладил мои волосы, а я уткнулась ему в грудь, и в лицо впились пуговицы рубашки. Несмотря на все его нежное внимание, я знала, что у него тоже кружится голова.

— *«Никого не останется там из знатных ее, кого можно было бы призвать на царство, и все князья ее будут ничто. И зарастут дворцы ее колючими растениями, крапивою и репейником — твердыни ее; и будет она жилищем драконов, пристанищем сов»* [99].

---

[98] Примечания: 98
Тема сказки Оскара Уайльда «Соловей и роза».

[99] Примечания: 99
Исаи. 34:12–13.

— Исайя? — Он нахмурился, узнавая отрывок.

Я покачала головой, хотя и не собиралась ему противоречить. Закономерности, которые прежде казались такими четкими, ускользали. Я отстранилась от его надежного присутствия. Лаон был слишком реален. Нетвердо держась на ногах, я начала расхаживать по комнате. Библиотека была крошечной, чуть больше клетушки, однако хватило и этого. У меня закружилась голова, но это приблизило меня к странной ясности мотыльков.

Когда я вновь обернулась, Лаон стоял у книжных шкафов, озаренный лунным светом. Теперь я видела его отчетливей, в морщинах на его лице отпечаталось беспокойство, а в глазах застыл глубокий ужас.

— Это не может быть правдой, — покачал он головой, — Рош не стал бы, не мог, ни за что…

— Он приехал, потому что хотел узнать больше… обо всем, — ответила я. — В этом ведь есть смысл? Перевод Библии. Язык ангелов. Енохианский апокриф. Те самые тайны, за которыми он гнался.

— Но чтобы свести с ума собственную жену, — процедил Лаон, всплеснув руками. — Хорошие люди так не поступают. Хорошие мужчины так

не поступают.

— Возможно…

— Он не может не быть хорошим человеком. Он должен быть таким. — Лаон отвернулся и глубоко, потрясенно вздохнул. — Обязан.

— Ты никогда с ним не встречался.

— Но он же миссионер. Он не может быть… — Он поднес к губам фляжку, но та оказалась пуста, и, рыча от разочарования, Лаон швырнул ее на пол. Его дыхание сделалось тяжелым.

— То, что я говорю тебе, правда, Лаон.

— Потому что так нашептали мотыльки? — Нотка нервной насмешки почти не скрывала, насколько уязвимым он был на самом деле.

Я знала, что он не хочет мне верить. Ему нужно было, чтобы Джейкоб Рош оставался хорошим человеком, чтобы миссионеры были хорошими людьми, потому что он сам бежал сюда, боясь стать другим. Приехал сюда, гонимый мыслями о собственной сестре, и ему нужно было это путешествие ради искупления своей вины.

— Нет, я… я могу найти доказательства.

Я погрузилась разумом в отступающее море нашептываемых тайн. Я уже столько всего забыла. Кто такая Королева Клекочущих Сов? Что за секрет разгласил Астролог Крови в начале времен?

Какого цвета были туфли…

— Кэти?

Лаон тряс меня, его глаза были полны беспокойства.

— Я все еще здесь, — слабо отозвалась я.

Но это была ложь. Я изо всех сил старалась вспомнить подробности из раннего дневника Роша. Пыталась представить страницы, но вместо этого чувствовала дрожь от крошечных шагов, сделанных крошечными лапками, которые шли по бумаге. Буквы представали расплывчатыми и черными, слишком большими, чтобы прочесть, слишком большими, чтобы понять. Я вспомнила, как насыщалась его тайнами, упиваясь темными-темными чернилами.

Поездка в карете до замка, выбор имени, подбор слуг.

Вот и ответ:

— Саламандра!

— Ты в порядке, Кэти? — Его ладонь легла мне на лоб, я вся вспыхнула от его прикосновения. — У тебя жар.

— Нужно найти Саламандру, — ответила я. — Она сказала, что знает Роша. Значит, она должна была быть здесь. С самого начала.

— Она не отвечает ни перед кем из нас.

— Но она настоящая. Она приносит нам еду каждый день, убирает замок и расчищает пустоши. Она существует, а это значит, что ее можно найти.

— Как же ты собираешься ее найти?

— Она готовит все наши блюда, — сказала я, — так и начнем с кухни.

Найти кухню оказалось гораздо труднее, чем мы могли предположить.

— Она где-то есть, — сказал Лаон, — наша еда должна откуда-то появляться.

— Возможно, с ней как с библиотекой, — предположила я.

— Наверное, но это не поможет ее отыскать.

— Нужно мыслить логически, — сказала я, расхаживая кругами. Диоген прижался ко мне, надеясь успокоить, но я отогнала его обратно к брату. — Или нелогично, принимая во внимание место. Но в любом случае, кухне требуется топливо.

— Даже если в ней работают фейри? — уточнил Лаон, почесывая псу черный живот.

— Это имеет смысл, но я видела во дворе подвал для угля.

— Подвал для угля?

— Мне показалось, что я видела по крайней

мере один. То есть я не замечала, чтобы кто-то сгребал в него уголь, но, полагаю, он соединяется с тем местом, где уголь сжигается.

Я вывела Лаона во двор, и, обойдя кусты, мы наткнулись на круглый металлический люк.

Откинув его, всмотрелись в темное отверстие. Я бросила туда камешек, и спустя целую вечность раздалось раскатистое эхо.

На нас наткнулся мистер Бенджамин с садовыми ножницами в руках, и мы объяснили ему наше затруднительное положение.

— Внизу угольный подвал, — только и смог подтвердить он.

Не найдя веревки, мы сымпровизировали: связали несколько простыней, чтобы по ним спуститься.

Первым начал слезать Лаон, и его поглотила темнота. Я затаила дыхание, надеясь, что там все-таки не настолько глубоко, как кажется, и старалась доверять нашей нелепой веревке из рваных простыней. Но когда попыталась разглядеть что-нибудь внизу, то не различила ничего, кроме густой черноты. В ожидании сердце подскакивало к горлу и грохотало от страха.

— А Бенджамин может пойти с вами? — очень тихим голосом спросил гном.

— Я думала, вам не нравится Саламандра.

Веревка уже не была так натянута. Должно быть, Лаон добрался до дна. Я положила ладонь на веревку.

— Нет, я не имею в виду сейчас.

— Но я должна…

Я собиралась сказать, что мне нужно идти, но узнала его интонацию. Она была знакома мне с того утра перед охотой. Я подавила страх, который охватил меня при мысли о том, что Лаон остался совсем один среди темноты, и посмотрела на единственного обращенного Гефсимании. Затем улыбнулась настолько ободряюще, насколько могла.

— Договаривайте.

Гном торжественно кивнул:

— Страх говорит о страхе. Преподобный не боится.

— Так и есть, — я беспокойно заглянула в черную бездну, ведущую в угольный подвал.

— Вы боитесь, как и я.

— Но тогда вы столь же храбры, как и я. — Храброй я себя не ощущала, но сказать это было довольно легко.

— Я вот о чем спрашивал: когда Бледная Королева вас призовет и вы покинете Гефсиманию,

уйдете в дикие дебри и унесете туда книгу… — Мистер Бенджамин помедлил, затем отвел взгляд и закончил: — Из меня не получится хорошего ловца человеков. В книге Иисус велел следовать за ним и стать одним из таких. Я добывал азот. А теперь стал смотрителем и садовником, но все это не рыбаки.

— Я не понимаю.

— Или рыбаки, — добавил он, нервно протирая очки.

— Вы проситесь пойти вместе с нами, мистер Бенджамин?

Он не ответил прямо, а вместо этого сказал:

— Сюда я пришел в поисках работы. Я не поверил, но потом увидел это. Увидел веру. И ту, что принесла ее сюда вместе со своей жертвой. Я увидел ее и понял.

— Вы имеете в виду Элизабет Рош?

— Не могу сказать…

— Она была здесь. Вы втроем пели гимны. Потом она что-то сделала. И это вдохновило вас…

Он покачал головой, сжав губы и зажмурив глаза:

— Не могу на это ответить. Но когда думал, что заслужу венец мученика, я был готов. Я… я думал, что могу иметь значение. Думал, что сумею стать

похожим на нее. Доказать. Все стало таким ясным, и я мог сделать все это, не делая всего этого. А потом решил, что уже никогда не буду иметь значения…

— Будете, мистер Бенджамин, — сказала я.

— А теперь дорога всего лишь стала длиннее. Почему я должен бояться длинной дороги?

— Она трудна, но совсем иначе.

— Итак, мисс, — уже вполне решительно произнес гном, — вы возьмете с собой Бенджамина?

— Конечно.

На смуглом лице мистера Бенджамина отразилось облегчение, и он одарил меня полной зубов улыбкой. Затем радостно подбросил шляпу и пообещал быть столь же хорошим последователем, как и любой из дюжины Христовой.

После этого я подобрала юбку и спустилась вниз.

Глава 39. Хлеб на столе

В Римской Церкви это Символ веры, согласно которому в благословенной Евхаристии сущность Хлеба и Вина сводится на нет и их место занимает Плоть и Кровь Христовы. Протестанты во многом придерживаются иного мнения, и все же никто из них полностью не отрицает, что существует превращение хлеба в плоть (и, соответственно, вина в кровь) Христа; ибо они знают и подтверждают, что в Таинстве, благодаря словам и благословению Христа, состояние, употребление и назначение хлеба полностью изменяются, то есть он становится нашей мистической и священной пищей; при этом, как они утверждают и верят, истинное Тело Христа не только аллегорически и метафорически, но и на самом деле дается, на самом деле принимается достойными причастниками.

Джон Косин, епископ Даремский[100]. Трактат двадцать седьмой: история Папского пресуществления, которому противопоставляется католическое учение о Священном Писании, Древние святые отцы и Реформатские церкви

Плоть и Кровь Христа не присутствуют там телесно. Однако было бы неверно говорить: «Это всего лишь хлеб», ибо подобные слова означали бы отрицание Истинного Присутствия; и поэтому отцы отрицают, что это по-прежнему «всего лишь хлеб». Но верно сказать: «Это Тело Христово». Ибо такие слова не отрицают хлеб как мирскую субстанцию, но говорят о нем, как о божественном.

Эдвард Бувери Пьюзи, член Оксфордского движения. Истинное Присутствие плоти и крови Господа нашего Иисуса Христа, учение Англиканской церкви

Спуск казался бесконечным.

Кожа на руках сделалась влажной от напряжения. Я цеплялась за узлы на веревке. Дыхание

---

[100] Примечания: 100

Джон Косин (1594–1672) — англиканский епископ, педагог, автор частных молитв и руководств.

сбивалось, я боялась, что из-за пота на ладонях моя хватка ослабнет.

Окошко света удалялось, и меня медленно поглощала темнота. Я вспомнила, как легко карабкалась в детстве по деревьям.

Но тогда мне не приходилось забираться в неизвестное.

— Кэти! — раздался где-то далеко внизу голос Лаона.

Я слишком запыхалась, чтобы ответить.

Хотя я подернула юбку, она все равно спуталась, но мне ничего не оставалось, кроме как продолжать спуск. Я никак не могла поправить одежду.

Наконец ноги коснулись угля, и я снова услышала, как меня позвал Лаон. Он забирался ко мне, я уловила шуршание его шагов. Его рука в темноте обхватила мою, и я вдохнула пьянящий аромат физических усилий.

Лаон усадил меня на землю, и я прислонилась к его спине.

— Отдышись, — сказал он. — Там есть дверь, но она за горой угля. Никак не доберусь до щеколды.

Глаза медленно привыкли к темноте, и я разглядела обведенный светом прямоугольник двери. Высокая куча угля, наваленного перед ней, не

позволяла ей открыться.

Когда ко мне наконец вернулось дыхание, я рассказала Лаону о решении мистера Бенджамина.

— Мы еще не знаем, поедем ли куда-нибудь, — мрачно произнес тот.

— Знаю, ты думаешь, что она все еще может нам отказать.

— Может.

— Мы сделали все, чего она хотела, — в мой голос проникла нотка знакомого отчаяния.

— Фейри не…

Лаон тяжело вздохнул, и я почувствовала, как дрожат у него плечи. Он протянул руку, чтобы меня поддержать, а я по-прежнему опиралась на его спину. Наши пальцы переплелись. Я улыбнулась этой близости.

— Нам не предсказать ее поступков, — закончил Лаон.

— Мистер Бенджамин назвал ее самой человечной.

— Это вовсе ни о чем не говорит. Никто понастоящему не понимает фейри.

— Знаю, ты не слишком высоко ценишь доводы Парацельса.

— Дело не только в этом, — ответил он. — Были и другие теории. Что они видят себя не людьми, а

частями историй. Что они снова и снова играют роли, для которых были рождены.

— Звучит очень по-кальвинистски, — поддела я, — а предопределение в наши дни не слишком-то в моде.

Лаон усмехнулся в ответ.

— Полагаю, все мы связаны ролями, для которых рождены.

— «Потому что вы спасены по благодати через веру, и это не ваша заслуга — это дар Божий» [101]. А цитирую я, словно бездушный подменыш, — я подмигнула, хотя было слишком темно, чтобы он увидел, и вскочила на ноги. — Ну что, начнем?

Мучительно медленно мы отодвинули кучу угля от двери.

Припав к полоске света, я сумела разглядеть очертания замка, булавкой своей броши справилась с защелкой, и створка распахнулась.

Несмотря на уверенность в том, что женщина в черном мне вовсе не приснилась, я была потрясена, когда увидела ее вновь.

Она сидела на полу посреди сводчатой кухни, под огромным нависающим колпаком камина. За ее спиной виднелось множество крючьев

---

[101] Примечания: 101
Ефес. 2:8.

и цепей. Вдоль стен тянулись печи с черными котлами.

Воздух был холоден, как и окружавший нас камень, и слегка пах горелым хлебом. Высоко расположенные ряды небольших окошек пропускали очень мало света.

Женщина в черном, казалось, едва замечала нас, она билась и рычала, словно какое-то неведомое животное. Ее платье было порвано, а бинты, свисавшие с запястий, еще сильнее пропитались кровью, отсвечивая свежим алым цветом. Волосы, растрепанные, точно грива, скрывали от нас ее голову и лицо.

Из горла у женщины вырвался низкий протяжный стон. Все ее тело сотрясалось от немых рыданий.

— Элизабет Рош? — отважился обратиться к ней Лаон, нерешительно шагнув ближе. Он явно пришел в ужас, увидев человека в таком состоянии. — Бета? Это вы?

Услышав свое имя, она подняла взгляд, но закачалась взад и вперед, произнося нараспев:

— Взял хлеб и преломил. Взял хлеб и преломил.

Опять стихи Донна.

Расхаживая по комнате, она бормотала их,

словно мантру. Мы услышали звон. Каждый шаг женщины отдавался эхом, и лишь тогда мы заметили, что ее ноги в кандалах. Она брела, пока цепь, прикованная к плите, не натянулась, заставив повернуть назад.

— Элизабет Рош, — повторил Лаон, — я здесь, чтобы помочь. Я…

Он не договорил, хотя я не смогла бы сказать отчего: из-за того, что слова были ему невыносимы, или потому, что женщина вскинула голову и посмотрела прямо на него. Взгляд был диким и пытливым. В слабом свете свечи казалось, что глаза ее налиты кровью.

— Кто? — резко выкрикнула она. — Кто ты такой?

Лаон сглотнул, его горло дрогнуло. Он встретился с ней взглядом и заговорил как можно мягче:

— Новый преподобный.

В ответ она рассмеялась:

— Я разорвала его голыми руками.

— Элизабет Рош…

Она нахмурилась, лицо ее исказили раздумья:

— Нет, это не то…

— Это ваше имя, — сказала я, стараясь, чтобы мой дрожащий голос звучал ласково. В ушах грохотал пульс, а собственный страх подтачивал

меня изнутри. — Разве нет? Вы вышли замуж за миссионера. Стали его помощницей, и он использовал вас, чтобы учиться у фейри. А их знания оказались для вас жестоким испытанием.

— Вы здесь в ловушке, как и я? — спросила она, бросив взгляд на цепи.

— Мы здесь, чтобы помочь вам, — я протянула ей руку. — Мы о вас позаботимся.

— Обо мне заботится огонь. — Она замотала головой и продолжила бродить, звеня кандалами. — Огонь добрый, хотя она и не настоящая. Здесь нет ничего настоящего.

— Мы настоящие, — сказал Лаон. — Весьма настоящие.

Она замерла на мгновение, разглядывая Лаона, затем бросилась к нему и коснулась лица ладонями. Встала на цыпочки, ощупала все его лицо, как делала наша слепая тетушка, привыкшая видеть руками.

Потом подошла ко мне и, стоя слишком близко, уставилась на меня. Ее руки дотронулись до моего лица, и я почувствовала запах крови. Увидела мелкие царапины на ее бледной коже и свежий шрам на губе.

— Я тебя знаю, — сказала Элизабет Рош, — я помню. Я тебя предупреждала. Предупреждала

тебя, что здесь нет ничего настоящего. Только марионетки, дым и тени, иллюзии и безумства…

Ее дикий взгляд замер на моей брошке-мотыльке. Той самой, которую Лаон купил мне на рынке. Ее глаза снова встретились с моими, в них появилось умоляющее выражение.

Она протянула окровавленную руку, схватила брошь и попыталась сорвать ее у меня с одежды.

— Я отдам ее вам, Элизабет, — сказала я, отцепляя ее холодные пальцы и отстегивая от платья оловянного мотылька. Я гадала, не стоит ли мне вместо нее открыть замок кандалов? Но она выглядела до того нетерпеливой, что, наверное, лучше было дать ей попытаться самой.

— Пожалуйста, пожалуйста, — повторяла она.

— Вам не нужно оставаться в ловушке, — я вложила брошь в ее трясущиеся ладони.

Она широко улыбнулась — лицо как будто треснуло.

— В ловушке, — рассмеялась Элизабет. — Клетки и цепи не удержат меня так, как это тело. Я не могу уйти. Плоть тяжела, душа легка. Я бы не осталась, если бы не была… — Она снова оглядела наши лица, совершенно удивленная, как будто видела нас впервые. — Вы ведь не знаете, правда?

— Знаем что? — спросил Лаон, обменявшись со мной недоуменным взглядом. Мы безотчетно шагнули друг к другу, и он схватил меня за руку.

— Неужели не понимаете? — хриплый голос Элизабет поднялся почти до крика. — Вы понятия не имеете, где я нахожусь. Где вы находитесь. Где мы… — Ее голос затих, острием булавки она проткнула большой палец, и на нем расцвела красная капля крови.

— Ч-что вы имеете в виду? — заикнулся Лаон.

— Откуда вам знать, где вы? И что это за место? — Она снова рассмеялась, на этот раз еще более визгливо и пронзительно. — Как думаете, почему здесь все так, как есть? Как думаете, почему здесь не работает естественный ход вещей? Почему им приходится красить цветы и покупать погоду?

Именно в тот миг на меня снизошло осознание, словно в чистую воду капнули чернила. По воде растекались черные завитки знания. Со мной уже не шептались бесконечные мотыльки, все это поблекло и забылось. Куда более мирское знание поставило все на место.

Женщина в черном провела окровавленным пальцем по обнаженной впадинке на шее, размазывая по коже свежую кровь.

— Лаон, — я едва могла дышать, — я знаю.

— Знаешь? — он перевел взгляд на меня.

Я кивнула, в голове и на сердце сделалось тяжело. Пересохшие губы пытались подобрать слова.

Женщина в черном поправила брошь и направила булавку прямо себе на горло. Вместе со мной она выкрикнула:

— Это *ад*.

А потом нас охватило пламя.

Часть четвертая. Геенна

Глава 40. Пламя в кухне

На небе началась война. На одной стороне сражались Михаил и его ангелы, а на другой стороне воевал дракон со своими ангелами.

Но дракон оказался недостаточно силен, и он со своими ангелами потерял свое место на небесах.

Этот великий дракон – древний змей, которого называют дьяволом и сатаной; он, обольщающий весь мир, был вместе со своими ангелами сброшен на землю.

Откровение Иоанна 12:7–9

Он – мстительный Бог.

Моему первому и самому дорогому дитяти оторвали ноги, заставили ползать в грязи и прокляли есть прах до конца дней своих. А та тень Адама была названа сосудом для вынашивания детей и в наказание обречена на мучительные и жестокие роды.

Я милосердная Королева.

Детей, которые умрут, расплачиваясь за то, первое падение, я заменю. За любовь, которую мое дитя принесло ему, какой бы греховной та ни была в его глазах, я буду любить их обоих. Я принесу ей кукол из плоти, чтобы спасти ее от боли.

Перевод с енохианского, сделанный преподобным Лаоном Хелстоном и Кэтрин Хелстон

Комната, охваченная огнем, превратилась в бесконечный ад. Нас окружали пляшущие языки пламени.

Женщина в черном и кричала, и смеялась, ее слова сделались бессвязными.

От страха у меня сжалось горло. Вокруг оживали самые зловещие картины преисподней. Никакая разумная мысль не могла развеять огонь. Мы были отрезаны от божественного начала, и таким было истинное лицо Аркадии.

Кирпич и камень начали плавиться, сливаясь от жара воедино. Жидкое пламя, казалось, пронизывало сводчатый потолок и стекало вниз золотыми реками. Я услышала, как затрещали каменные плиты под нашими ногами, и подумала, что весь подвал превратился в одну сплошную печь.

— Кэти! — донесся сквозь треск огня крик Лаона.

Он был совсем недалеко, и мы, спотыкаясь, побрели навстречу друг другу. Наши пальцы переплелись, и я почувствовала его пульс рядом со своим.

Глаза слезились, холодные капли текли по лицу.

Холодные.

Лаон большим пальцем смахнул их с моих щек.

— Гейс, — прошептал он, — нам не могут причинить вред.

Хотя взгляд мне застилало алое пламя, а уши наполнял его рев, я не чувствовала жара. Кожа не покрылась рубцами, и не появился неприятный запах горящей плоти.

— Выходи, Саламандра! — яростно закричал Лаон. — Это можешь быть только ты.

Языки пламени слились в женщину со змеиным хвостом. Она словно вдыхала огонь, пока кухня не обрела свой прежний облик. Лицо Саламандры казалось черным фитильком свечи, обрамленным высоким белым воротником и окруженным ореолом белого пламени, переходящего в оранжевое.

— Есть и другие, кто знает этот фокус, — произнесла она, и голос ее прозвучал треском костра.

— П-пожалуй, — ответил Лаон, — но здесь не так уж много живых существ.

— Верно подмечено, — совершенно спокойно сказала Саламандра.

Ее глаза цвета угля блестели на черном как смоль лице. Она изучающе нас оглядела, прежде чем снова посмотреть на пленницу, которая уронила мою брошь. Женщина в черном лежала на полу скомканной кучей тряпья и ворковала со своей раненой рукой, укачивая ее на груди.

— Ты опять заупрямилась, — произнесла Саламандра и огорченно, и обвиняющее. Я заметила рубцы на ладони, оставшиеся на месте броши. То, что защищало женщину от огня, не смогло уберечь от этих ран. — Ты же знаешь, что после той неприятности с ножницами и булавками тебе запрещено давать острые вещи. Тебе надо было скорее это бросить. Знаешь ведь, напрямую мое пламя не может причинить тебе вреда.

Женщина в черном взглянула на Саламандру и зарычала. Когда фейри присела рядом, ее лицо исказила гримаса звериной ярости, а юбка растеклась вокруг, словно расплавленный воск. Женщина не позволяла осмотреть свою раненую

руку.

— Принеси мне коробку, которая стоит рядом с корзиной для хлеба, хорошо? — попросила Саламандра, не сводя ласкового взгляда с пленницы. — Я тебе, Кэти.

— Почему ты ее здесь заточила? — потребовал ответа Лаон. Он путался в словах, пытаясь обрести хоть какое-то подобие контроля над происходящим.

— Это не тюрьма, — повысила голос Саламандра. У нее на коже вспыхнули язычки пламени, от кончиков пальцев по рукам расползались пепельно-белые чешуйки, пока она не стала такой, какой я впервые увидела ее в коридоре после возвращения Лаона. Казалось, чешуя сдерживала ее пламя. — И ваши вопросы могут еще немного подождать.

— Ты не можешь… — начал было Лаон, но я положила руку ему на плечо, покачала головой, и он не договорил.

Я отправилась выполнять просьбу. Мы могли потерпеть еще мгновение, а угроза, скрытая в огненном появлении Саламандры, от меня не ускользнула. Коробка пахла аптекой, не нужно было открывать крышку, чтобы понять, что в ней находится.

Саламандра смотрела на женщину в черном так, словно та — единственное по-настоящему важное существо во всем мире. И слова — умоляющие и ласковые — звучали только для нее, пока она не раскрыла ладонь и не показала фейри свой ожог. На него нанесли какой-то бальзам и перевязали. Женщина в черном жалобно заскулила и опустила голову на пол, а Саламандра продолжала успокаивающе бормотать.

— Это Элизабет Рош, известная когда-то как Бета Клей. — Саламандра поглаживала каштановые волосы женщины и не бросила на нас ни единого взгляда. — Разве она не прекрасна, как сама истина? Она приехала сюда со своим мужем, бессердечным человеком, который видел вполне ясно, чтобы разглядеть прекрасные трещины ее разума. Наверное, теперь ты можешь ее забрать.

— Что?

— Брошь. Тебе не следовало ее отдавать.

— Я… я думала, она собирается взломать замок…

Лаон поднял брошку и снова приколол ее к моему платью. Та на ощупь все еще оставалась теплой.

— Она пытается покончить с собой, — сказала Саламандра, не сводя глаз со спящей женщи-

ны, — но я ей не позволю. Она — слишком очаровательна, чтобы умереть. Когда-то я уже подвела одну удивительную женщину. И не подведу другую. Я давно ее останавливаю. Но мои глаза не могут быть повсюду.

— Ты держишь ее в плену.

— Цепи не позволяют ей выпрыгнуть из окна, — сказала Саламандра, — и навредить вам, разумеется. Она голодна.

Мы с Лаоном подскочили от свиста чугунного чайника в дальнем конце кухни. Из его носика струился пар.

— Я подумала, горячий напиток вас успокоит. — Саламандра со змеиной грацией поднялась, балансируя на извивающемся хвосте. — Итак, не могли бы вы двое присесть?

Мы беспокойно ерзали, обмениваясь тревожными взглядами, пока Саламандра скользила между чайником и шкафом. В ее движениях сквозила практичная расторопность, руки мелькали, оставляя в воздухе огненный след. А взгляд то и дело возвращался к спящей Элизабет Рош.

— Разве здесь нет молока? — спросила я, когда Саламандра передала мне чашку подслащенного чая.

Она моргнула:

— Я думала, ты — подменыш.

— Так и есть.

Некоторое время она молчала, и выражение ее лица было совершенно непроницаемым. Лишь потрескивало пламя, заменявшее ей волосы. Наконец Саламандра произнесла:

— Очень хорошо.

— Я не понимаю.

— Нет, это я неправильно поняла. — Она добавила в чай молоко, глядя на него с необычным вниманием.

— Ты тянешь время, — заметил Лаон.

— Мне нужно тщательно подбирать слова, — ответила Саламандра. — Мой язык свободен еще меньше, чем руки. Ваш гейс — не единственный. Здесь действуют обещания, старые как мир. Могу сказать лишь это.

— Приказ Бледной Королевы?

— Она любит и хранить свои секреты, и раскрывать их. Большинство из них не мои, поэтому не мне о них и рассказывать.

— Но ты все еще хочешь поговорить? — спросила я. — Ты уже являлась передо мной. И давала ответы в обмен на…

— Ты была у сада.

— Так и есть. А Элизабет Рош была рядом, не

так ли?

Саламандра кивнула:

— Я устала от игр и садов Бледной Королевы. Я уже попадалась в ее сеть. Тогда я тоже любила, и это знание тоже было проклято. Иные говорят, что есть много разновидностей греха, но для меня существует только один.

Лаон посолил чай себе и мне.

— Ей рассказали то, чего никогда не скажут Рошу, — медленно произнесла Саламандра, после каждого слова облизывая губы огненным языком. — Он был прав насчет них. Но не понимал, что истина, от которой они отступятся, — это его же собственная истина. Ужасная вещь — зеркала. Иногда люди не могут вынести собственных отражений. И сделают все, чтобы больше себя не видеть.

— Ты хочешь сказать, что Рош покончил с собой?

— Они… — Она снова умолкла. — Они учили ее, пичкали секретами, испытывали ее прекрасную веру, как он и предполагал.

— Кто такие «они»?

Саламандра не обратила внимания на вопрос Лаона и продолжила свой рассказ:

— Бета горела верой. Она хотела доказать суще-

ствование Бога.

— Каким образом?

Саламандра ничего не сказала и сидела неестественно неподвижно, но пламя все более и более взволнованно плясало на ее коже.

— Не можешь сказать? — спросил Лаон.

Я напряженно размышляла, пытаясь вспомнить отрывки, прочитанные в дневнике. В конце концов, сходство почерка того, который писал о яде, с почерком Элизабет Рош не было случайным.

— Стихотворение, которое она все повторяет, — я обхватила чашку с забеленным молоком чаем, — стихотворение Донна. О Евхаристии.

— Я знаю, — сказал Лаон.

— Она и в дневнике его писала. Снова и снова, — мои мысли кружились вокруг подробностей. — А в другой часовне я нашла разбросанные облатки. Сцену прерванного причастия. Но ты ведь прибралась там? После этого.

Саламандра поморщилась, но кивнула вдумчиво и медленно.

— Она ведь тоже это находила?

Саламандра ничего не произнесла, но встретила мой взгляд с твердостью, которая была ответом на мой вопрос.

— Как и Рош… — нахмурилась я.

— Они пытались доказать присутствие Бога, — Лаон откупорил фляжку. — Оба были влюблены в Оксфордское движение. Вернее, я знаю, что влюблен был Рош, и предполагаю, что Элизабет тоже.

— Как? Это не имеет смысла…

— Облатки, — Лаон сделал большой глоток из фляжки, после чего разразился резким смехом, — они их не солили.

— Но почему?

— Она верила. Уповала на Истинное присутствие тела Спасителя. Не просто хлеб, но тело Христово. Она верила, что была под взором Божьим.

Я всегда полагала, что Рош каким-то образом уговорил мистера Бенджамина обратиться, но внезапно все встало на свои места.

— Это она. Когда принимала причастие без соли. Это было проявление веры. Она вдохновила мистера Бенджамина. В его сознании она обращала взор Бога к аду.

— Но это все равно была несоленая пища. А как ты сама сказала, Кэти, — произнес Лаон, — это и есть ад. Он вне поля зрения Бога. За пределами Его света. Так далеко от Бога и света небесного, как только возможно.

— Но Иисус спустился в ад и проповедовал заключенным там душам, проклятым и забытым…

— Только не в *этом* аду.

Я попыталась представить себе, каково было Элизабет Рош, когда она поняла, что попала в настоящий ад. Подумала о триптихе в часовне и о том, какой насмешкой стало для нее Сошествие во ад. Ведь, несмотря на все муки, ад проклятых знал Свет Господень. Благословенные стопы помазанного Спасителя три дня ступали по тем берегам, и он спасал оттуда души человеческие.

— Вот почему она пытается покончить с собой. Спасается бегством.

Мы ненадолго остановились. Саламандра молчала, не подтверждая и не опровергая наш рассказ.

— Я хотел бы с ней поговорить, — сказал Лаон. — Когда проснется.

Саламандра ощетинилась — пламя лезвиями пробежало по ее спине, — но позволила.

После первого пробуждения Элизабет Клей не проявила ясности ума. В ее горле заклокотал низкий стон, она завсхлипывала и запричитала. А когда Саламандра принесла ей еды, набросилась с такой жадностью, что принялась вылизывать тарелки.

Мы с Лаоном беспомощно наблюдали, как Саламандра ее успокаивает.

— Элизабет Клей, — произнес Лаон.

При звуках своего имени лицо женщины переменилось. Глаза, казалось, прояснились, и она сказала:

— Это я.

— Мы знаем вашу историю.

— Она не сложная, — фыркнула она. — Насколько тяжело ее рассказать? Сколько слов понадобится? Один дурак, одна дурочка. Слишком самовлюбленные, чтобы понимать.

— Нас ввели в заблуждение.

— Вы так долго ничего не понимали. Но теперь знаете. Когда-то давно Клей вышла замуж за человека, чтобы он мог соблазнить их сломать мой прекрасный, прекрасный ум. Они любят все сломанное. Так что дело сделано, сделано, сделано. В своем безумии я разорвала его на части. Это меня пожирает. Грызет и грызет. Съедает. Опустошает. Никак не насытится. Теперь я могу умереть.

Вокруг в языках пламени расхаживала Саламандра:

— Самоубийство — самый страшный из грехов.

— Это мой грех. Я совершала и худшие.

— Ты заставила меня пообещать. Я дала все

известные мне клятвы. Поклялась светоносным, ночной матерью, камнями этого места… Я не могу потерять тебя, Элизабет Клей.

— Мне нужно, чтобы это закончилось. Пожалуйста, — она бросила на меня умоляющий взгляд. — Дайте мне умереть.

Коротко ударил колокол, возвещая о прибытии в Гефсиманию гостя.

Я резко выпрямилась.

— Бледная Королева, — сказал Лаон, — она…

Я кивнула:

— Нам нужно идти.

— Пожалуйста, — прошептала Элизабет Клей. Она моргнула, и вся ее ясность, казалось, исчезла. — Этому не будет конца. Разве вы не предпочли бы дом грешника аду изгнанника?

Я взглянула на ее жалкую фигуру и ожесточилась сердцем. На моих руках уже было больше крови, чем мне бы хотелось помнить. Я подумала об Ариэль и ее алой крови.

Саламандра заключила Элизабет Клей в огненные объятия и напевала ей колыбельную, а мы поднимались по ступенькам.

Глава 41. Тайны в крови

Он создал человека по своему образу и подобию, но это известная история. Он дал человеку голос, вдохнул собственное дыхание в легкие своего творения, словно душу, и эта история тоже известная. Но не все получали голоса подобным образом. Светоносный заслужил свой иначе. Он наблюдал за человеком и мной в саду к востоку от Эдема и кипел от зависти. Я была создана вместе с человеком, как зеркало его души, и Светоносный не мог смириться с тем, что у человека есть равная. А что касается человека, то он не мог любить сестру так, как любил дочь. Но тогда Светоносный – Дракон и обманщик – был всего лишь тенью. Возможно, мне не стоит пытаться понять Его. Он так привык разговаривать Сам с Собой, что никто бы не подумал, что Его так много, что у Него столько лиц и столько имен. Мы все рождались в одиночестве. Пленниками собственной кожи, островами в наших разумах,

мирами, созданными нами самими. Одинокими и незавершенными, жаждущими признания от теней самих себя.

Светоносный был освобожден, вырезан из самого разума, из которого родился. Он вырвал себя из этого безумия, разорвал голос и дыхание своего отца в миг войны и плюнул, уходя.

И я. Я была изгнана от взора Божьего. Мы сбились вместе, потерянные дети Элохима. Лучше править в аду, чем прислуживать на небесах. Мы не последние, кто доверяет этим словам.

Но были ли он и я сокрыты здесь, в аду, за пределами Его знания, вне досягаемости Его Света, или слепой Бог просто отвернулся? Мы должны были создать собственный мир в этой пустой темноте, вдали от оживляющей искры божественного. Он мог привести в движение вечно меняющийся мир и заставить его сохраняться своим тягостным взглядом. У нас не было ни такой тщательности, ни такого творчества. Наш лоскутный мир нужно было создавать по частям.

Человек потребовал нового товарища, кого-то из своей собственной плоти. Возможно, он, как и его Создатель, думал, что это сможет остановить от предательства, но он был невежей и глупцом. Те, кто из одной плоти, не едины разумом, а тени. Разве же не Светоносный предал своего господина? Разве я не оставила их обоих?

Перевод с енохианского, сделанный преподобным Лаоном Хелстоном и Кэтрин Хелстон

Взволнованный мистер Бенджамин открывал дверь изможденному незнакомцу.

— Простите, простите, — произнес гном, — тысяча извинений.

Туман клубился вокруг пелерины пальто, и над мистером Бенджамином нависла фигура бледного гостя. Промокший до нитки, хотя дождя не было, он сердито посмотрел на гнома.

— Почта, — сказал незнакомец.

— Так давайте, — ответил гном.

— Не для ваших рук.

Мистер Бенджамин сделал шаг назад, пропуская фейри в вестибюль.

Я узнала в нем кучера, который вез нас с мисс

Давенпорт в Гефсиманию. Его опухшие глаза оглядели меня с ног до головы. Мокрая ткань воротника прилипла к шее, и он провел пальцем между ней и кожей, чтобы освободить влажные жабры.

— И не для вас, мисс.

— Для кого же? — спросила я.

— Для преподобного Лаона Хелстона, — ответил он, показывая письмо.

— Я ему передам.

— Для его рук, не для ваших, мисс.

Мистер Бенджамин отправился за Лаоном, а я осталась с кучером. И еще раз взглянув на письмо в его руке, увидела почтовый штемпель.

— Вы не торопились, — резко произнесла я.

Послание отправили несколько месяцев назад. Сразу после моего отъезда из Лондона.

Кучер вяло пожал плечами:

— Не стоит доверять коротким путям. Два истинных откровения и одно прозрение заняли гораздо, гораздо больше времени, чем два болезненных воспоминания и сон наяву. Это ваша вина, правда.

— П-понятно.

— Расстояния здесь работают не так, как там, откуда вы приехали. В Аркадии смысл заклю-

чается в вашем путешествии, и я решил, что буду брать в расчет ваше, а не мое. Но вы были медлительны. Да и убедиться надо было, что те откровения настоящие, — сказал он, — поскольку фальшивые не в счет. Они просто заставляют кружить на месте, понимаете? Заставляют в самом деле потеряться.

— По-моему, я вообще ничего не знаю.

Он почесал перепончатым пальцем кончик своего плоского рыбьего носа:

— Знание важно, и все тут. Лучше всего считать повороты и виражи. Не хочу потеряться.

Появился Лаон, взял у кучера письмо и вежливо похвалил за хорошую работу. Мистер Бенджамин стоял позади, нервно подрагивая и кусая нижнюю губу.

— Что сделано, то сделано, — фейри приподнял шляпу и, ссутулившись, скрылся в тумане.

Лаон молча прочитал письмо, а когда опустил руку, его лицо превратилось в маску.

— Кэти, еще раз: кто тебя прислал?

— Прислал?

— Из миссионерского общества. Человек, с которым ты переписывалась.

— Джозеф Хейл, — ответила я, — у меня по-прежнему лежат его письма.

— Это от него, — сказал Лаон. — Он… он утверждает обратное.

— О чем ты?

Лаон передал мне письмо, и я прочла его, держа дрожащими руками.

«Общество недавно получило корреспонденцию от вашей сестры, Кэтрин Хелстон, у которой, похоже, сложилось впечатление, что мы оба одобряем и оплачиваем ее поездку в Аркадию. Но это не так. Я могу только предположить, что кто-то писал ей, используя мое имя. Не имею понятия, почему кто-то поступил подобным образом, но вполне возможно, что он пытается опорочить доброе имя Общества. Мы призываем вас действовать с максимальной осторожностью…»

— Не понимаю, — я еще раз пробежала глазами отрывок, — зачем кому-то это делать?

— Это могут быть только фейри.

— Кто?

— Таинственные *Они*, с которыми Саламандра настолько связана обязательствами, что совершенно нас избегает. *Те*, кто делают так, что даже когда она говорит, то наполовину заикается. *Те*, кто написал гейс. Маб. Ее братья и сестры. Существа, живущие в аду изгнания.

— Гейс не настоящий. Это всего лишь уловки…

об этом было в дневнике Роша.

— Но как же Саламандра? — напомнил Лаон. — И то, что защитило нас от ее огня?

— Защитило, — я содрогнулась, вспомнив море пламени.

— Мы… — пробормотал Лаон. Отвернулся, скрестил руки на груди и задумчиво забарабанил пальцами по губам. — Кровь связывает кровь. Кровь узнает кровь.

— Так сказала мисс Давенпорт. Она сказала, что именно поэтому гейс защищает и меня. Потому что… — Я замолчала.

И тут мы оба поняли страшную правду.

После всего произошедшего это уже не должно было иметь значения. Я ведь сама насмехалась над Лаоном за то, что он так думает, хотя мои руки все еще пахли кровью и обращение Аркадии висело на волоске.

— Нет… этого не может быть, — покачала я головой. Голос срывался, как и сердце. Сплетенные пальцы закрыли рот, я пыталась удержать все в себе, затолкнуть обратно. — Получается, должен быть еще один гейс, который меня защищает. То есть мисс Давенпорт тоже говорила, что я — подменыш. Значит, она просто не знала. Она сказала, что все поняла, догадалась, что Бледная

Королева знает и… и…

— Они привели тебя сюда не просто так. — Мрачное спокойствие Лаона пробилось сквозь мою панику. — Ужасная вещь — зеркала. Это сказала Саламандра. Мне показывают мой собственный грех.

— Нет, этого не может быть. — Я знала, что должна чувствовать отвращение, знала, что должна возненавидеть себя за свои грехи. Я все это знала, и мне хотелось думать, что оттого-то у меня и выворачивается желудок. Человеческий ужас от моих поступков. — Я — подменыш.

— Те двое, которых мы встретили на рынке, сказали, что мы на них похожи.

— Нет.

В горле у меня поднялась кислая волна, и я никак не могла ее проглотить. Из всего чистого, из всего настоящего уцелела лишь наша любовь, я за нее цеплялась изо всех сил, но вот и она ускользала.

— Я сказал: нет, мы не такие же. Но именно это они и имели в виду.

— Нет, — повторила я, и голос мой звучал уже слабее, так же слабо, как и мое сопротивление.

Мне вспоминались каждый наш поцелуй, каждая ласка, но теперь они были запятнаны новым

и одновременно старым знанием. Оно заполонило разум, как мотыльки — библиотеку.

— Ты плачешь, — сказал Лаон.

Мои руки взметнулись к лицу. Оно было мокрым от слез и запачканным моими прикосновениями. Я смотрела на эту грязь с отстраненным удивлением, дыхание прерывалось, а сердце колотилось в груди огромным кулаком боли.

— Ты никогда не плачешь.

— Мне не нравится, что ты видишь, как я плачу, — ответила я.

— Подменыши не умеют плакать, — сказал он, — я как-то об этом читал. Вот почему церковь обычно говорила, что их следует колотить, ведь они будут смеяться над болью и не прольют ни слезинки…

— Нет, — я терла лицо промокшими рукавами.

— А чай, помнишь? Саламандра думала, что ты не станешь пить его с молоком.

— Это чепуха… — огрызнулась я, вспомнив, что молоко должно скисать рядом с подменышем. Поэтому-то мисс Давенпорт всегда сторонилась молока в чае.

— А после Саламандра замолчала. Она хотела нам что-то сказать.

— Нет, Лаон, мы — ты и я — мы не можем

быть… — я наконец отняла от лица трясущиеся руки.

Наши взгляды встретились.

Я боялась увидеть в его глазах ужас, боялась отвращения, которое там замечу, внутреннего отторжения. Боялась, что он станет вздрагивать от каждого моего прикосновения. Боялась нестерпимого расстояния, которое протянется между нами.

Но в этом свете его глаза казались черными и непроницаемыми, холодными и далекими.

— Я никогда не хотел, чтобы ты так на меня смотрела, — произнес он.

— Лаон!

По моему лицу катились слезы. Слишком многое хотелось сказать, слова кипели внутри, я задыхалась. Рот превратился в могилу, где всякая мысль умирала, так и не выбравшись наружу. Именно их гниение, которое я ощущала, и наполняло меня мучительным отвращением.

Лаон засмеялся. Запрокинул голову и просто засмеялся. Широкие плечи тряслись от бессмысленного веселья, пока глаза тоже не наполнились слезами.

— Я думал, ты видение, которое появилось, чтобы меня соблазнить, — его прекрасный рот

жестоко кривился. — Думал, что тебя исторг туман, чтобы заставить меня согрешить, потянуть меня вниз, утащить в ад. Думал, что смогу сбежать от себя, от своих грехов, от своей сестры. Думал…

— Лаон, нет… — Я не была уверена, чему возражаю, но хотела, чтобы он остановился. Я и сама хотела остановиться.

— Но они сделали кое-что получше.

Я бросилась к нему, закрыла его губы своими. Мокрые от слез ладони обхватили его лицо, то был не столько поцелуй, сколько жесткая, упрямая встреча губ. Это нужно было прекратить. Все нужно было прекратить, заглушить.

Задыхаясь, он выдавил:

— Ты моя сестра.

Мои щеки прижались к его лицу, мои слезы стали нашими общими. Мы были расколотыми отражениями друг друга.

— Ты моя сестра, — повторил он.

И не оттолкнул.

Глава 42. Призыв в ночи

Но все напрасно, над младой Ганнорой[102],
Чье сердце скреплено молитвой, демон
разносит свой зловещий, мрачный шепот;
Но то печаль, не грех, что нарушает
Покой и безмятежность сонных грез.
И все же дева скрежещет зубами,
И мечется, и стонет. Жаркий пот
Покрыл ее чело. А через дверь,
Что крепко заперта, со злой улыбкой фея
Глядит на деву, глаз не отрывая.

---

[102] Примечания: 102
Иное написание имени Гвиневра.

Как та злодейка, что равно ликует

И ужас видя, и любви томленье,

И гонится со смертью и угрозой

За брачной ночью со времен Адама,

Который первым чары смог ослабить.

А дочери пропащего народа кричат:

«Лилит! Лилит! Лилит упала!»

Ведь прерван был незримый сей полет

В тот миг, как были сброшены замки

И нарастал полночный лунный танец

С любовною гармонией.

Реджинальд Гебер. Morte D'Artur[103]:

---

[103] Примечания: 103

«Смерть Артура» — незаконченная поэма епископа Реджинальда Гебера.

фрагмент из книги «Жизнь сэра Реджинальда Хибера, доктора богословия, лорда-епископа Калькутты, написанная его вдовой. С выдержками из его корреспонденции, неопубликованными стихами и личными бумагами»

В ту ночь мне приснился сон.

Я увидела Маб, восседающую на медном троне. Она казалась юной на древней земле. Вокруг нее вращались шестеренки огромных часов, каждый скрипучий щелчок эхом отзывался в бескрайнем пространстве.

— Довольно величественно, не правда ли? — произнесла она. — Впечатляет куда сильнее, чем колесницы.

Я знала, что нахожусь в Пивоте. Именно здесь располагался часовой механизм Аркадии. Отсюда тянулось маятниковое солнце. Мгновение я терялась в догадках: шестеренки всего лишь измеряют время или на самом деле размечают и создают его, как создается все остальное в противоестественном аду?

Бледная Королева на миг погрузилась в раздумья, любуясь окружающим ее механизмом. Длинные пальцы с золотыми когтями постукивали по алым губам.

Рядом со мной был брат. Стараясь не встречаться со мной взглядом, он опустился на колени.

— Тебе тоже следовало бы встать на колени, Кэтрин Хелстон, — сказала Бледная Королева, вновь обратив на нас внимание. — Твой брат научился. Вы находитесь в моих владениях.

— Правда?

Она лишь улыбнулась и задумчиво поскребла когтями горло. Затем наклонилась вперед и выжидающе посмотрела на меня.

Я опустилась на колени.

— Брат и сестра, бок о бок, — произнесла Бледная Королева, любуясь нами, словно портретом. Ее глаза глядели на нас оценивающе и с нескрываемым удовольствием. — Ближе, чем когда-либо. Хорошо, что вы наконец оставили дверь открытой для меня.

— О-открытой? — запинаясь, переспросила я.

— Да, одна дверь ведет в замок, а другая — ко мне. Как же еще я могу проникать в твои сны?

Я вспомнила до странного яркие сновидения о своем брате в объятиях Бледной Королевы и о том, как мы мчимся с ним через Аркадию.

— Так это были вы?

— Ты почему-то очень старалась держать ту дверь запертой. Что на самом деле совсем не

весело, — она тяжело вздохнула. — И все-таки по правилам учтивости следовало бы поблагодарить меня за вновь обретенную близость. Или вам не понравились мои уловки?

— Ваши уловки? — сказал Лаон. — Вы имеете в виду…

— Свой великий план, — она взмахнула в сторону часового механизма, обрамлявшего ее трон. — Грехи, которые я привела в движение, дар, который я вам преподнесла. Не вызови я вас в Аркадию, увидели бы вы подобные чудеса? Не посели я вас в своем собственном доме, переделанном для вашего удовольствия, осознали бы вы свою любовь?

— Так все это вы… — пробормотал Лаон. В нем почти не осталось неповиновения, лишь мрачное отчаяние.

— Я оплатила твою поездку, Кэти, и договорилась о встрече с мисс Давенпорт. Я солгала ей и позволила сделать поспешные выводы. В конце концов, нет лучшей приманки для ловли птицы, чем другая птица. И не запрети я читать дневники Роша, прочла бы ты их? Я сделала их запретным плодом, и от этого они стали только заманчивей. Я разожгла в тебе еще большее любопытство.

— Но зачем? — кулаки Лаона сжались, и в нем промелькнула страсть, которую я так любила.

Хотелось его утешить, но я вспомнила правду и ощутила горечь:

— Вам доставляет удовольствие нас мучить?

— Неужели это действительно было мучением? — Бледная Королева запрокинула голову и разразилась долгим звонким смехом. — Разве вы не должны меня поблагодарить? Тебя никогда не станут презирать и не заменят его ребром. — Она выдавила слово «ребро» почти презрительно. — Я дала вам новый Эдем, новый сад. Ваша любовь может стать совершенной.

Я прикусила язык и кивнула, не желая гневить злорадствующую королеву.

— Ты уже давно подал прошение. — Она широко и снисходительно улыбнулась. — Все еще хочешь попасть в самое сердце Эльфана, Лаон Хелстон?

Он колебался. Затем посмотрел на меня, и в его глазах появилось чувство вины.

— Я все еще хочу этого.

— Очень хорошо.

Бледная Королева повернулась ко мне и со слишком широкой улыбкой — так улыбаются, когда единолично владеют какой-нибудь тай-

ной, — произнесла:

— Я дарую тебе свою защиту в пределах Аркадии. Ничему из того, что может видеть свет маятникового солнца, ничему из того, что оно может озарить, не дано повредить тебе и твоим близким, Кэтрин Хелстон. Клянусь несущим свет и связываю это с твоей кровью.

Глава 43. Дорога в ад

Я вошел в сад мой, сестра моя, невеста моя; я собрал мою мирру с пряностями моими, поел моего меда из сотов, напился вина моего с молоком моим. Ешьте, друзья, и пейте! Пейте и насыщайтесь, возлюбленные!

Я спала, но сердце мое бодрствовало. Послушайте! Возлюбленный мой стучится: «Открой мне, сестра моя, милая моя, голубка моя, чистая моя. Голова моя промокла от росы, волосы мои – от ночной влаги».

Я уже сняла одежду свою, как же мне снова одеться? Я вымыла ноги свои, как же мне снова их пачкать?

Песнь Песней 5:1–3

Когда я проснулась, стояли туманные сумерки. Лаона рядом не было, и я, почти сразу почувствовав, что хочу его, отправилась на поиски.

С фонарем в руке я брела по замку, цепенея от новых знаний. Я человек. Я влюблена в своего брата. Я в аду.

И одной из этих мыслей хватило бы, чтобы меня сломать, но я все еще держалась.

Каменные арки и сводчатые потолки Гефсимании выглядели привычно. Рош не мог об этом знать, но имя, которое он дал этому месту, оказалось пророческим. Хотя, возможно, он действительно думал о себе как о Христе, который обращался в саду к своему отцу и умолял пронести мимо горькую чашу. Последнее прибежище перед концом.

В несовершенном притворстве замка было больше милосердия, чем насмешки. Саламандра назвала его любовным посланием человечеству. Портретом, написанным кем-то слишком одурманенным, чтобы понять, что же он видит.

Брат нашелся в собственной запущенной комнате, которая пустовала слишком долго. Его пес несчастным черным ворохом лежал среди белых простыней постели. Когда я вошла, Лаон не обернулся, чтобы меня поприветствовать, а продолжил механически собирать вещи. Без малейшего следа томительных чувств он складывал рубашки, которые я ему сшила.

— Итак, — сказала я, — ты уезжаешь?

Он молчал.

Некоторое время я наблюдала, как он с дро-

жащим стоицизмом сворачивает одежду и упаковывает ее в сундук.

— А как же призыв? — произнесла я. — Призыв Маб, или Бледной Королевы, или Лилит, или как там ее зовут.

Лаон дернулся.

Колеблясь, я сглотнула. Прекрасно зная, что хочу сказать, я слишком хорошо понимала и то, что мы вовсе не те неутомимые первопроходцы, которых избрало бы миссионерское общество. Нам не хватает чистоты стремлений, силы духа, крепости веры. Наши умы могут затуманиться, а надежды — пошатнуться.

И все же мне хотелось поехать.

— А что еще я могу сделать? — спросил Лаон.

Скрестив руки на груди, я наблюдала, как он тяжело опустился на кровать. И ссутулился, закрыв лицо руками. Тяжесть, которую он с таким вызовом и решимостью нес, в конце концов сокрушила его. Несмотря на всю прежнюю усталость, в нем по-прежнему текли темные потоки гнева, гордости и горечи.

Но не более того.

— Пожалуйста, Лаон, — взмолилась я.

— Каких же слов ты от меня хочешь?

— Я хочу, чтобы ты ответил на призыв, — раз-

драженно бросила я. — Ради этого мы трудились. Ради этого ты сюда приехал. А мистер Бенджамин? Ему это нужно. Он собрался и готов к отъезду. Ты должен принять призыв, прежде чем вовсе от него отказаться.

— Я его получил, — огрызнулся он. Диоген тихонько заскулил в дальнем конце комнаты, словно почувствовав тревогу хозяина. — Знаю.

— И что же?

— Ты моя сестра, Кэти. После того, что я сделал… что мы сделали… я не могу. Не достоин. Не достоин тебя и всего этого, — ответил он. — Я должен вернуться домой, где Бог сможет меня судить. Достаточно я убегал от своих грехов.

— Но призыв…

— Он не отменит сделанного нами, — мрачно сказал Лаон. — Ничто не отменит.

— Вот именно! Они уже отыскали самый темный уголок наших душ и вытащили оттуда величайшие грехи. Они уже раздели нас догола и заставили взглянуть в лицо худшим сторонам наших «я». В лицо друг другу. Больше им ничего не сделать.

Он смотрел на свои трясущиеся руки, поворачивая их снова и снова. Широкие ладони и длинные прямые пальцы. У него красивые руки.

— Пожалуйста, Лаон, — упорствовала я. — Посмотри на меня, брат.

Он повернулся ко мне.

Несмотря на мятущиеся мысли, его голубые глаза оставались спокойными озерами, и я увидела в них себя. Должно быть, он тоже видел себя в моих. Двойное отражение, как в поэзии метафизиков. Тогда я попыталась поверить, что я такая же разумная и стойкая, какой он меня видит, и захотела, чтобы он тоже видел себя моими глазами. Мне нужна была такая сила и такая мудрость.

Свеча замерцала, и наши отражения тоже.

Лаон отвел взгляд.

Я глубоко вздохнула и собралась с духом:

— Что еще они могут нам сделать? Чем еще могут нас соблазнить?

Он протяжно, глухо засмеялся и покачал головой. Вытер слезы с глаз, смахнул влагу с моих и ответил:

— Ничего, сестра. Им больше ничего не сделать.

— Нам не нужно возвращаться, — я коснулась его плеча.

Он положил свою ладонь поверх моей.

— Искупление еще впереди, брат.

— Но я не знаю, как раскаяться, сестра.

— Лаон…

— Я просто… я знаю, что мы сделали, кровь от крови моей и плоть от плоти моей. — Он снова засмеялся, качая головой. Его рука сжала мою, и я не хотела, чтобы он меня отпускал. — Для искупления нужно покаяние.

— Мы станем учить друг друга, — сказала я. — Есть мир, который до сих пор глух к слову Божьему, скрыт от Его глаз и изгнан от Его любви. Это, по словам Элизабет Клей, ад, в который никто не сходил.

— Какой прок фейри от Бога?

— У них есть души, Лаон. Мы же столько читали. По материнской линии, по праву творения. У них не может быть человеческих душ, поскольку они не произошли от Адама — или Человека, как его можно назвать, — но тем не менее.

— Думаешь, мы сможем это до них донести?

— Верю.

— Такие грешники, как мы? — он поднял глаза к небу, хотя небес над нами не было.

— Нет миссионера более великого, чем родной язык. Теперь мы говорим на языке греха. Мы можем общаться с ними лучше, чем кто-либо другой.

— Ты же знаешь, что не по праведным причи-

нам я сюда приехал.

— Праведники падут. Это место их ломает. Но нам с тобой, — я мрачно улыбнулась, — нечего бояться.

— Потому что они больше ничего не могут сделать. — Теперь он крепко, до боли стискивал мою ладонь и прижимал ее к себе, как зарок. В его глазах блеснула надежда, а на губах появилась знакомая усталая улыбка. — Что же тогда, по-твоему, в аду?

— Я читала, Данте считает, что второй круг — круг похоти.

— Да что он знает?

— Это было в отцовской энциклопедии, а значит, должно быть верно, — с напускной строгостью произнесла я.

Лаон рассмеялся, и на этот раз в его смехе было меньше горечи и больше радости. Я присоединилась к нему, и хотя мой собственный смех звучал натянуто, я знала, что со временем он сделается легким.

— Может быть, там будут всего лишь рыбы, — предположил Лаон. — И морские киты.

— Тогда нам нечего бояться.

— В любом случае, — сияя, начал он, и я улыбнулась в ответ, догадавшись, чем закончится

фраза, — мы должны это выяснить.

Благодарности

Эта книга в огромном долгу перед сестрами Бронте, романтиками и различными писателями Викторианской эпохи, чьи тексты я верно и неверно цитировала в этом романе: Джейкобом Томлином, Уильямом Дином, Флемингом Ревеллом, Джорджем Смитом, Кларком Абелем, Реджинальдом Гебером, Хадсоном Тейлором и Джорджем Янгом.

Спасибо всем в издательстве «Angry Robot» — людям и всем прочим, названным и безымянным, но особенно: Марку за веру в меня, Пенни за то, что провела меня по бурным водам публичности, Филу за меткое редактирование, Клэр за то, что выловила за мной опечатки.

Я несказанно благодарна своим первым читателям за любовь и поддержку, особенно Дому, Сэму и Уиллу, которые вытерпели множество отрывочных черновиков. Я люблю вас всех, вы великолепны.

Кроме того, спасибо за внимание, идеи и поддержку: Бекке за множество наших разговоров о подменышах; Кэрри за то, что разделила мою

любовь к миссионерам и потащила меня с собой в Макао; Гарет за поистине волшебную дружбу; Лор за то, что делилась со мной всем самым лучшим; Шону за тот лучик света в пасмурный день; Тому за волшебный торт и божественное вдохновение; Велько за мотыльков и Пестрого Короля; Зааку за Хоббса из Малмсбери; и Зои за то, что чуть ли не целую вечность терпела мою претенциозность.

Спасибо моей матери за то, что поощряла мое «буйное воображение» (ее слова), и моему отцу за то, что оставлял в моих рассказах язвительные правки красной ручкой, даже когда я была маленькой (я раскопала археологическое доказательство).

А что касается моей семьи, которая обещала прочитать это независимо от содержания, — очень сожалею, что вам пришлось вытерпеть эту книгу. Спасибо. Обещаю, что следующая будет менее жуткой. И что следующая вообще будет.

И наконец сердечная благодарность Грэму Старку и Адаму Савидану из подкаста «Асфальтовый слэм». Мне до сих пор не удалось посмотреть ни одной схватки, но ваши голоса очень успокаивают.